

Бэзил Лиддел Гарт

Основной закон успеха
во всех областях жизни

Стратегия непрямых действий

Ключ к практическому
решению любой проблемы

Гарт сэр Лиддел

Стратегия не прямых действий

Лиддел Гарт сэр Бэзил Генри

Стратегия не прямых действий

Лиддел Гарт сэр Бэзил Генри
Стратегия не прямых действий

¹Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Аннотация издательства: В книге разбираются вопросы так называемой стратегии не прямых действий. На примере важнейших войн с древних времён по XX в. включительно автор доказывает, что не прямые действия являются наиболее эффективным способом ведения войны. в особом разделе автор излагает теорию и сущность стратегии. Выпускаемая книга рассчитана на широкий круг читателей, главным образом на офицеров и генералов советских вооружённых сил.

С о д е р ж а н и е

От издателя (АСТ)

Предисловие автора к изданию 1954 г.

Краткие сведения об авторе

Часть 1. Стратегия периода: V в. до нашей эры - XX в. нашей эры

Глава I. История как практический опыт

Глава II. Греческие войны - Эпаминонд, Филипп и Александр Македонский

Глава III. Римские войны - Ганнибал, Сципион и Юлии Цезарь

Глава IV. Византийские войны - Велизарий и Нарсес

Глава V. Войны средневековья

Глава VI. XVII в. - Густав II Адольф, Кромвель, Тюренн

Глава VII. XVIII в. - Мальборо и Фридрих II

Глава VIII. Французская революция и Наполеон Бонапарт

Глава IX. 1854-1914 гг.

Глава X. Выводы из опыта прошлых двадцати пяти столетий

Часть 2. Стратегия Первой Мировой войны

Глава XI. Планы и их реализация на Западном театре военных действий в 1914 г.

Глава XII. Северо-Восточный театр военных действий

Глава XIII. Юго-Восточный или Средиземноморский театр военных действий

Глава XIV. Стратегия 1918 г.

Часть 3. Стратегия Второй Мировой войны

Глава XV. Стратегия Гитлера

Глава XVI. Успехи Гитлера в начале Второй Мировой войны

Глава XVII. Начало падения Гитлера

Глава XVIII. Падение Гитлера

Часть 4. Основы военной стратегии и большой стратегии

Глава XIX. Теория стратегии

Глава XX. Сущность стратегии и тактики

Глава XXI. Государственная цель и цель военных действий

Глава XXII. Большая стратегия

Примечания

От издателя

Книга Б. Лиддел-Гарта, третья в серии "Биографии знаменитых сражений", выделяется в море военно-теоретических трактатов и мемуаров своей энциклопедичностью.

"Стратегия не прямых действий" - это последняя глава ненаписанного учебника

европейской военной науки, итог четырех тысячелетий развития искусства войны. Это краткое введение в метастратегию, дисциплину, изучающую "операторы над стратегиями" - те общеполитические принципы, которые порождают законы динамики антагонистических конфликтов.

Уже первое, в 1946 г., издание своего труда Б. Лиддел-Гарт снабдил приложением, в котором было опубликовано письмо генерал-майора Э. Дорман-Смита автору, посвященное некоторым аспектам североафриканской кампании 1940-1942 гг. Позднее английский историк добавил к своему тексту статью начальника израильского Генерального штаба Я.Ядина, касающуюся войны 1948 г. в Палестине.

Оба эти документа, воспроизведенные в советской публикации "Стратегии не прямых действий", вошли и в настоящее издание. Если работа Я. Ядина и по прошествии пятидесяти лет с момента ее написания не вызывает никаких нареканий, то труд Э. Дорман-Смита потребовал обстоятельного критического анализа.

Как и всегда, редакционная группа стремится к комментированию и расширению авторского замысла.

Приложение 1, помимо письма Э. Дорман-Смита, выполнявшего роль предисловия к первому изданию "Стратегии не прямых действий", включает три статьи, совершенно различные по форме, но объединенные общей тематикой: "Решающие войны прошлого". Это, во-первых, очерк "Структура и хронология военных конфликтов минувших эпох", адресованный тем, кто, читая Б. Лиддел-Гарта, не может вслед за автором быстро воспроизвести в памяти все необходимые детали сотен упомянутых английским историком сражений, перемещений войск или политических маневров. В этот очерк включены и критические замечания к тем положениям доктрины Б. Лиддел-Гарта, которые ныне, в 90-е гг., представляются если не ошибочными, то во всяком случае неочевидными.

Далее следует аналитический обзор "Мировая война и кризис европейского военного искусства", примыкающий к циклу статей под общим названием "Падение Гинериона". Данный обзор, как и весь цикл, открываемый очерком "Мировой кризис 1914 г." (в книге Б. Такман "Августовские пушки"), посвящен периодизации истории первой половины XX столетия и тем парадоксам в развитии нашей цивилизации, которые привели к структурному кризису Европы и вызвали постепенное смещение приоритетов от искусства ведения войн к науке уничтожения людей.

Наконец, комментарий "Структура вооруженных сил и ее динамика" содержит фактическую информацию для читателей-исследователей. Здесь вы найдете краткий справочный материал, посвященный эволюции структуры европейских армий.

Приложение 2 посвящено теме "Непрямые действия в региональных конфликтах второй половины XX столетия". Оно содержит кроме уже упомянутой работы Я. Ядина аналитическую статью-классификацию "Арабо-израильские войны".

Приложение 3 под названием "Учение Б. Лиддел-Гарта" состоит из четырех коротких статей. Три из них - "Непрямые действия в классической китайской стратегии", "Этика войны и не прямые действия", "Технический прогресс как форма не прямых действий" - прямо связаны с основными осями включения военной теории в обыденную жизнь: историей - этикой - технологией. Четвертый комментарий посвящается флоту - знаку экспансии, символу прогресса и, до недавнего времени, знаку связности экономики. Это экспериментальная статья-рассуждение о применимости метода Лиддел-Гарта к глобальным мировым экономическим процессам.

Несмотря на значительный объем приложений, многие важные вопросы пришлось оставить без внимания. Так, мы не затрагиваем тему третьей мировой войны (информационной или холодной), которой будет посвящена одна из следующих книг серии.

Мы не стали загромождать книгу дополнительными картами бесчисленных сражений. Собственно, редакционная группа не видит необходимости и в тех картах, которые пришлось воспроизвести из предыдущего издания, дабы не нарушить закон об авторском праве.

Карты необходимы при изучении стратегии, ибо стратегия вообще опирается на географию, как на свою основу. Но метастратегия, наука о рождении и уничтожении частных стратегий, абстрактна и опирается на философию и математику. Так что лучшей иллюстрацией к Б. Лиддел-Гарту, пожалуй, был бы белый лист, куда исследователь нанесет тот уровень понимания теории, на котором в данную минуту находится.

Редакционная группа желает вам получить удовольствие от прочтения уникального учебника стратегии и, может быть, расширить свои знания по данной теме, ознакомившись с предложенной Библиографией, обстоятельным Биографическим указателем и Приложениями к тексту.

Предисловие автора к изданию 1954 г.

Водородная бомба не обеспечивает западным народам осуществление мечты о полной и окончательной гарантии их безопасности. Водородная бомба не является панацеей от опасностей, нависших над ними. Она увеличила их ударную мощь, но в то же время усилила беспокойство и углубила чувство неуверенности.

Ответственным государственным деятелям Запада атомная бомба в 1945 г. казалась легким и простым средством достижения быстрой и окончательной победы и обеспечения мира во всем мире. Они думали, говорит Уинстон Черчилль, что "доведение войны до конца, достижение мира во всем мире, наложение исцеляющей десницы на пострадавшие народы мира посредством демонстрации подавляющей мощи с помощью нескольких атомных взрывов было после всех наших бед и злоключений чудом избавления". Однако тревожное состояние народов свободного мира в настоящее время является показателем того, что ответственные руководители не смогли до конца осмыслить проблему обеспечения мира посредством такой победы.

Они не стремились идти дальше своей непосредственной стратегической цели "выиграть войну" и удовлетворялись вопреки историческому опыту предположением, что военная победа приведет к миру. Результат оказался последним из многих уроков, показывающих, что чисто военная стратегия должна руководствоваться более дальновидной и имеющей более широкую перспективу "большой стратегией".

В условиях Второй Мировой войны погоня за триумфом неизбежно должна была привести к трагедии и осознанию бесплодности усилий. Полный военный разгром Германии неизбежно должен был расчистить путь к господству Советской России на евразийском континенте и привести к громадному распространению коммунистического влияния во всех странах. В равной мере естественно и то, что замечательная демонстрация атомного оружия, вскоре после применения которого закончилась война, должна была вызвать в России развитие подобного же рода оружия.

Еще ни один мир не приносил так мало безопасности народам. И после восьми весьма беспокойных лет создание термоядерного оружия еще более усилило чувство неуверенности у народов-"победителей". Но не только это явилось следствием войны.

Водородная бомба, даже в стадии пока еще экспериментальных взрывов, более чем какое бы то ни было другое оружие ясно показала, что "тотальная война" как метод и "победа" как цель войны являются устаревшими концепциями.

Это стали понимать также и главные сторонники стратегических бомбардировок. Маршал английских военно-воздушных сил Джон Слессор недавно высказал мнение, что "тотальная война, какой мы ее знали за последние сорок лет, стала понятием прошлого... Мировая война в наши дни и в наш век будет, насколько мы это себе представляем, всеобщим самоубийством и концом цивилизации". Еще ранее маршал английских военно-воздушных сил Теддер характеризовал такую точку зрения как "точную и хладнокровную оценку действительных возможностей", добавив, что "война с применением атомного оружия была бы не дуэлью, а скорее всего взаимным самоубийством". И менее логично он добавил: "Это вряд ли будет стимулировать агрессию". Менее логично потому, что хладнокровный агрессор может рассчитывать на естественное нежелание своих противников покончить жизнь самоубийством в результате их немедленной реакции на угрозу, не

являющуюся явно фатальной.

Решится ли какое-либо ответственное правительство применить водородную бомбу в ответ на непрямую агрессию или любую другую агрессию ограниченного характера? Какое ответственное правительство пошло бы первым на такой шаг, который сами руководители военно-воздушных сил называют "самоубийством"? Таким образом, можно предположить, что водородная бомба не будет применена в случае любой угрозы, которая не повлечет за собой более гибельные последствия, чем сама бомба.

Вера государственных деятелей в атомное оружие как в сдерживающий агрессию фактор, по-видимому, основывается на иллюзии. Вполне вероятно, что угроза применить это оружие может быть воспринята в Кремле менее серьезно, чем в странах, расположенных по эту сторону железного занавеса, народы которых находятся на опасно малом удалении от России и ее стратегической бомбардировочной авиации. Угроза применить атомное оружие для защиты этих народов может привести только к ослаблению их решимости оказать сопротивление. Отрицательное действие такой угрозы уже причинило большой вред.

Водородная бомба скорее является препятствием, чем помощью при проведении политики "сдерживания". Она уменьшает вероятность всеобщей войны, но в то же время увеличивает возможность возникновения "ограниченной войны" в процессе не прямой и широко распространенной местной агрессии. Агрессор может использовать различные методы, но с таким расчетом, чтобы добиться своей цели и в то же время вызвать колебания у противника в отношении применения водородных или атомных бомб в качестве ответной меры.

В настоящее время для "сдерживания" угрозы мы становимся все более и более зависимыми от "обычных видов оружия". Однако такой вывод не означает, что мы должны использовать только старые виды оружия. Наоборот, он должен дать толчок для развития новых видов.

Мы вступили в новую эру стратегии, сильно отличающейся от стратегии, которой придерживаются сторонники атомной авиации, являвшиеся "революционерами" минувшей эры. Стратегия, которую в настоящее время разрабатывают наши противники, преследует две цели: сначала уклониться от ударов превосходящих воздушных сил, а затем ответными ударами парализовать их. Как ни странно, чем больше мы признаем необходимость нанесения массированных ударов бомбардировочной авиацией, тем больше помогаем совершенствованию этой новой стратегии партизанского типа.

Наша собственная стратегия должна основываться на ясном понимании этой концепции, а наша военная политика нуждается в соответствующей перестройке. Исходя из стратегии противника мы можем эффективно разработать соответствующую контрстратегию. Здесь можно попутно отметить, что уничтожение городов водородными бомбами привело бы к уничтожению нашего потенциального союзника - "пятой колонны".

Широко распространенное мнение, что атомное оружие упразднило стратегию, является необоснованным и дезориентирующим. Доведя разрушительность до крайности "самоубийства", атомное оружие стимулирует и ускоряет возвращение к использованию не прямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведется разумно в отличие от грубого применения силы. Признаки такого возвращения к применению не прямых действий уже выявились в ходе Второй Мировой войны, в которой стратегия играла более значительную роль, чем в Первой Мировой войне, хотя большая стратегия отсутствовала. В настоящее время атомное оружие, не позволяющее применять прямые действия, имеет тенденцию стимулировать разработку агрессорами более гибкой стратегии. Таким образом становится все более очевидным, что этому мы должны противопоставить соответствующее развитие своего стратегического искусства. История стратегии по существу является летописью применения и развития метода не прямых действий.

Мой первый труд о "стратегии не прямых действий" был опубликован в 1929 г. под названием "Решающие войны прошлого". Настоящая книга является результатом

дальнейших, продолжавшихся в течение двадцати пяти лет исследований и обобщений с учетом опыта Второй Мировой войны в области стратегии и большой стратегии.

Когда я изучал очень многие военные кампании и впервые осознал превосходство не прямых действий над прямыми, мне просто хотелось более полно раскрыть сущность стратегии. Однако при более глубоком изучении я начал понимать, что метод не прямых действий имел значительно большее применение, что он является законом жизни во всех областях, философской истиной. Оказалось, что его применение служит ключом к практическому решению любой проблемы, решающим фактором в которой является человек, когда противоречивые интересы могут привести к конфликту. Во всех таких случаях прямой натиск новых идей вызывает упорное сопротивление, увеличивая, таким образом, трудность изменения взглядов. Изменение взглядов достигается более легко и быстро незаметным проникновением новой идеи или же посредством спора, в котором инстинктивное сопротивление оппонента преодолевается обходным путем. Метод не прямых действий является таким же основным принципом в области политики, как и во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Успех в торговле будет больше, если имеется возможность поторговаться, чем тогда, когда этой возможности нет. И в любой другой области общеизвестно, что самый верный способ добиться одобрения новой идеи начальником - это суметь внушить ему, что творцом этой идеи является он сам. Как и в войне, цель состоит в том, чтобы ослабить сопротивление прежде, чем пытаться преодолеть его, и это лучше всего достигается выманиванием противной стороны из занимаемых ею оборонительных позиций.

Идея не прямых действий тесно связана со всеми проблемами влияния одного разума на другой - это важнейший фактор человеческой истории. Однако эту идею трудно примирить с другим принципом, заключающимся в том, что к истинным выводам можно прийти или приблизиться, лишь следуя по пути истины, не считаясь с тем, куда он может привести и какое действие истина может оказать на различные заинтересованные стороны.

История является свидетельницей того, какую важную роль "пророки" играли в прогрессе человечества, что доказывает, насколько практически полезно с полной откровенностью говорить правду так, как ты ее себе представляешь. Однако ясно также, что дальнейшая судьба их откровений всегда зависела от другой категории людей - от "вождей", которым приходилось быть стратегами в области философии, добивающимися компромисса между истиной и способностью людей воспринимать ее. Их успех часто зависел от того, насколько они сами постигли истину, а также от практической мудрости, проявлявшейся ими при ее провозглашении.

Пророков неизбежно забрасывают камнями, такова их участь, и это критерий того, в какой мере выполнили они свое предназначение. Но вождь, которого забрасывают камнями, доказывает тем самым, что он не справился со своей задачей по недостатку мудрости или же потому, что спутал свои функции с функциями пророка. Только время может показать, оправдают ли результаты этой жертвы явный провал вождя, провал, делающий ему честь как человеку. По крайней мере он избегает более распространенного греха вождей - принесения истины в жертву целесообразности без какой бы то ни было выгоды для дела. Ибо всякий, кто привык подавлять истину в угоду такту, производит урод из недр своего разума.

Существует ли практический способ сочетать процесс постижения истины с процессом ее приятия? Возможное разрешение этой проблемы подсказывается некоторыми стратегическими принципами, указывающими на то, как важно постоянно иметь в виду определенную цель и применять для ее достижения средства, судя по обстоятельствам. Противодействие истине неизбежно, особенно если истина облекается в форму какой-либо новой идеи, однако сила сопротивления может быть уменьшена, если уделить внимание не только цели, но и методу подхода. Избегай фронтального наступления на давно укрепленную позицию; старайся обойти ее с фланга, с тем чтобы натиску истины подверглась более уязвимая сторона. Однако всякий раз, избирая подобный окольный путь, нужно следить за тем, чтобы не уклониться от истины, ибо ничто не может быть более

губительным для ее утверждения, как скатиться ко лжи. Смысл всех этих рассуждений может стать более ясным, если посмотреть на собственный опыт. Присматриваясь к тому, через какие этапы прошли различные новые идеи, пока они не получили признания, мы убеждаемся, что этот процесс был облегчен в тех случаях, когда идеи удавалось представить не как нечто совершенно новое, а как возрождение в модернизированном виде освященных временем, но позабытых принципов или практики. Для этого не надо было прибегать к обману, надо было лишь взять на себя труд обнаружить такую связь, ибо "нет ничего нового под солнцем". Например, возражения против механизации стало легче преодолевать, когда было доказано, что подвижная бронированная машина, т.е. быстроходный танк, по существу является наследником рыцарской конницы и, следовательно, естественным средством восстановления той решающей роли, которую играла кавалерия в прошлые века.

Б. Х. Лиддел-Гарт

Краткие сведения об авторе

Лиддел-Гарт (Liddell Hart), сэр Басил (Генри) [31 октября 1895, Париж - 29 января 1970, Марлоу, Букингемшир] - английский военный теоретик и военный историк.

С началом Первой Мировой войны 19-летний Лиддел-Гарт оставил обучение в Кембридже и вступил в армию. Уже в 1920 г. он опубликовал учебник "Подготовка пехоты", включавший несколько собственных разработок. В межвоенный период Лиддел-Гарт активно выдвигал идеи реструктуризации британской армии за счет преимущественного развития авиации и танковых сил, так как именно эти виды войск наиболее точно отвечали его представлениям о "непрямых действиях".

В 1924 г. Лиддел-Гарт заболевает, в связи с чем становится негодным к военной службе, и в 1927 г. увольняется в чине капитана. В 1925-1935 гг. он военный корреспондент "Дейли Телеграф", а в 1935-1939 гг. - "Тайме". В 1937-1938 гг. Лиддел-Гарт становится советником при военном министре и пытается провести некоторые из задуманных им ранее реформ. Однако его усилия механизировать армию и насытить ее средствами ПВО встретили сопротивление у большинства старших офицеров.

В 1941-1945 годах Лиддел-Гарт опять становится военным корреспондентом, на этот раз - "Дейли Мэйл". После войны выступал с критикой идеи использования стратегического ядерного оружия, считая, что в ядерном конфликте выигравшей стороны быть не может.

В 1966 г. посвящен в рыцари королевой Великобритании Елизаветой II.

Сочинения Б.Лиддел-Гарта, переведенные на русский язык:

1. Основы тактики пехоты. - М., 1923.
2. Новые пути современных армий. - М., Л., 1930.
3. Правда о войне 1914-1918 гг. - М., 1935.
4. Полковник Лоуренс. - М., 1939.
5. Революция в войне. - М., 1947..
6. Стратегия непрямых действий. - М., 1957.
7. Устрашение или оборона. - М., 1962.
8. Вторая Мировая война. - М., 1976.

Кроме того:

9. Greater Than Napoleon: Scipio Africanus. - London, 1926; 1971.
10. Foch: The Man of Orleans. - London, 1931; 1980.
11. Reputations, Ten Years After. - London, 1928; 1968.

Война - это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него всего полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его, если дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает. Никогда еще не бывало, чтобы война

продолжалась долго и это было бы выгодно государству... Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны. Лучшее из лучшего - покорить нужную армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война разбить замыслы противника; на следующем месте - разбить его союзы; на следующем месте - разбить его войска. Самое худшее - осаждать крепости. Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром... Выступив туда, куда он непременно направится, самому направиться туда, где он не ожидает. Когда идут вперед и противник не в силах воспрепятствовать - это значит, что ударяют в его пустоту; когда отступают и противник не в силах преследовать - это значит, что быстрота такова, что он не может настигнуть. Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но не знают той формы, посредством которой я организовал победу. Форма у войска подобна воде; форма у воды - избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска - избегать полноты и ударять по пустоте... Вода устанавливает свое течение в зависимости от места; войско устанавливает свою победу в зависимости от противника. Трудное в борьбе на войне - это превратить путь обходный в прямой, превратить бедствие в выгоду. Поэтому тот, кто, предпринимая движение по такому обходному пути, отвлекает противника выгодой и, выступив позже него, приходит раньше него, - тот понимает тактику обходного движения... Кто заранее знает тактику прямого и обходного пути, тот побеждает. Это и есть закон борьбы на войне. Не идти против знамен противника, когда они в полном порядке; не нападать на стан противника, когда он неприступен, - это и есть управление изменениями. Если окружаешь войско противника, оставь открытой одну сторону; если он находится в безвыходном положении, не нажимай на него. В войне самое главное - быстрота: надо овладевать тем, до чего он не успел дойти; идти по тому пути, о котором он и не помышляет; нападать там, где он не остерегается.

Сунь-Цзы, Трактат о военном искусстве

Наиболее полная и удачная победа заключается в том, чтобы заставить противника отказаться от своей цели без ущерба для себя.

Велизарий

...кривым путем находим путь верный.

Шекспир. Гамлет, акт II, сцена 1.

...искусство войны состоит в проведении хорошо обоснованной и продуманной обороны с последующим переходом в быстрое и решительное наступление.

Наполеон

В основе военных действий лежит разум.

Клаузевиц

Умный военачальник во многих случаях сумеет занять такие оборонительные позиции, которые противник вынужден будет обязательно атаковать.

Мольтке

Отважные парни эти солдаты: всегда лезут там, где стена всего толще.

Адмирал де Робекк

(Заявление при высадке десанта в Галлиполи 25 апреля 1915 г.)

Часть первая.

Стратегия периода: V в. до нашей эры - XX в. нашей эры

Глава I.

История как практический опыт

"Дураки говорят, что они учатся на собственном опыте. Я предпочитаю учиться на опыте других". Этот афоризм, приписываемый Бисмарку, но отнюдь не принадлежащий ему, имеет особое значение для военных проблем. В отличие от людей других профессий кадровый солдат не может непрерывно нести свою службу. В самом деле, можно даже утверждать, что в буквальном смысле военная профессия вовсе не профессия, а всего лишь случайная работа, причем парадоксально, что она перестала быть профессией с тех пор, как наемные войска, использовавшиеся и оплачиваемые только во время войны, были заменены

регулярными армиями, которым продолжали выплачивать денежное содержание и тогда, когда войны не было.

Если утверждение, что, строго говоря, "военной профессии" нет, не является справедливым в отношении большинства современных армий с точки зрения их постоянной занятости, все же оно не лишено основания, учитывая, что войны теперь по сравнению с прошлыми временами ведутся реже, хотя масштаб их стал больше. Даже самая усиленная подготовка в мирное время носит больше теоретический, чем практический характер.

Однако афоризм Бисмарка помогает нам более правильно подойти к решению практических задач. Он дает нам возможность уяснить, что имеются два вида практического опыта - прямой и непрямой - и что непрямой опыт может быть значительно ценнее потому, что он бесконечно шире. Даже в наиболее выгодных областях работы, особенно на военной службе, масштабы и возможности для приобретения прямого опыта чрезвычайно ограничены. В отличие от военной медицинская профессия имеет большую практику. Однако величайшие достижения в медицине и хирургии были результатом работы главным образом исследователей, а не практиков.

Прямой опыт по природе своей слишком ограничен, чтобы служить достаточной базой как для теории, так и для практики. В лучшем случае он создает атмосферу, которая является ценной для научных обобщений. Более значительная ценность непрямого опыта заключается в его большом разнообразии и широте. "История - это всеобщий опыт", опыт не одного человека, а многих людей, действующих в разнообразных условиях.

Целесообразность использования военной истории в качестве основы для военного образования объясняется ее выдающейся практической ценностью в подготовке и развитии солдата. Однако ценность этого опыта, как и всякого другого, зависит от того, насколько близко он приближается к приведенному выше определению, а также от метода изучения его.

Полководцы обычно признают справедливость часто цитируемого афоризма Наполеона, что на войне "моральный фактор относится к физическому как три к одному". Верно ли это арифметическое соотношение, трудно сказать, ибо моральный дух будет падать, если вооружение не удовлетворяет требованиям, и от наибольшей силы воли будет мало пользы, если обладатель ее превратится в труп. Но, несмотря на то что моральный и физический факторы представляют единство и их нельзя отделить друг от друга, это положение является чрезвычайно ценным, так как оно выражает идею преобладающего влияния морального фактора во всех военных действиях. От него зависит исход войны и боя. В военной истории он представляет наиболее постоянный фактор, изменяющийся лишь в незначительной степени, в то время как физический фактор изменяется почти в каждой войне и в каждой военной обстановке.

Понимание этого обстоятельства поможет изучению военной истории с точки зрения ее практического использования. В прошлом военная подготовка и военная теория строились на основе тщательного изучения всего лишь одной или двух кампаний. При такой ограниченной основе постоянные изменения в военных средствах, которые имели место в каждой войне, создавали опасность, что наши взгляды будут слишком ограниченными, а выводы - ошибочными. В физической области единственным неизменным фактором является то, что средства и условия непрерывно меняются.

В противоположность этому люди реагируют на опасность примерно одинаково. Некоторые люди благодаря природным данным, закалке и специальной подготовке менее чувствительны, чем другие, но разница между ними не слишком велика. Чем более специфична обстановка и ограничен наш анализ, тем труднее определить моральный фактор. В этом случае могут возникнуть затруднения в точном определении сопротивления, которое войска окажут в той или иной конкретной обстановке, но тем не менее это не мешает сделать вывод, что они окажут менее упорное сопротивление, если будут застигнуты врасплох или если будут утомлены и голодны. Чем полнее психологический анализ, тем лучшую основу он дает для выводов.

Превосходство психологического фактора над физическим и его большее постоянство приводят к заключению, что база любой военной теории должна быть как можно шире. Тщательное изучение одной кампании, если оно не основано на хорошем знании всей военной истории, может привести к неправильным выводам. Но если будет подмечена определенная закономерность, характерная для различных эпох и в различных условиях, есть полное основание включить эту закономерность в военную теорию.

Тезис, выдвигаемый в этой книге, явился продуктом именно такого глубокого исследования. Фактически он может быть определен как суммарное следствие определенного опыта, приобретенного автором этой книги за время работы в качестве военного редактора Британской энциклопедии. В то время как раньше автор изучал различные периоды военной истории по произвольному выбору, задача, поставленная перед ним в энциклопедии, вынудила его заняться общим обзором всех периодов. Топограф, даже турист, если хотите, имеет перед своим взором более широкую перспективу и может составить общее представление о местности, в то время как шахтер видит только забой, в котором он работает.

При таком исследовании складывается впечатление, что на протяжении всей истории человечества результаты войны редко были эффективными, если действия не были настолько непрямыми, чтобы захватить противника врасплох. Непрямыми были как физические, так и психологические действия; первые обычно, а вторые - всегда. В стратегии самый длинный обходный путь часто является кратчайшим путем к цели.

Все больше убеждаешься в том, что прямой подход к цели психологической или физической - с направления, откуда противник ожидает нанесения удара, чаще всего приводит к отрицательным результатам. Причина этого ярко выражена в приводившемся выше афоризме Наполеона: "Моральный фактор относится к физическому как три к одному". Это означает, что, хотя формально сила противостоящей армии или страны определяется количеством войск и материальными ресурсами, последние в значительной степени зависят от стабильности управления, морального состояния, обеспечения бесперебойного снабжения.

Наступление в направлении, не являющемся для противника неожиданным, улучшает его положение и, таким образом, увеличивает силу его сопротивления. В войне, как и в спортивной борьбе, попытка бросить противника наземь, не лишив его предварительно устойчивости и равновесия, приводит к излишней и непроизводительной трате сил по сравнению с тем напряжением, которое испытывает противник. Успех при таком способе борьбы возможен только при огромном превосходстве в силах, и даже при этом условии он не будет решающим. В большинстве кампаний нарушение психологического и физического равновесия противника являлось важной предпосылкой для его окончательного разгрома.

Такое нарушение равновесия достигалось преднамеренными или случайными стратегическими непрямыми действиями. Как показывает анализ, такая стратегия может иметь различные формы, она шире, чем *"manoeuvrer sur les derrieres"*¹, которые, как показали исследования генерала Камона, являлись постоянной целью и основным методом Наполеона при ведении боевых действий. Камон в основном изучал факторы времени, пространства и коммуникаций, но анализ психологических факторов ясно показал, что имеется внутренняя взаимосвязь между многими стратегическими мероприятиями, которые внешне не были похожи на маневры с выходом в тыл противнику и тем не менее определенно являются яркими примерами "стратегии не прямых действий".

Чтобы выявить эту взаимосвязь и определить характер различных действий, нет необходимости сопоставлять количество участвовавших в них войск, порядок снабжения и работу транспорта. В многочисленных исторических случаях нас интересуют аналогичные явления, а также работа тыла и мероприятия психологического характера, которые привели к ним.

Если в условиях, резко различающихся по характеру, масштабу и времени, при проведении аналогичных мероприятий получаются похожие результаты, то совершенно

очевидно, что здесь имеется какая-то взаимосвязь, изучив которую, мы можем логически выявить общую закономерность. Чем более будут разниться условия, тем определенной будет выявлена эта закономерность.

Ценность всестороннего исследования войны заключается не только в том, что оно помогает найти новую и правильную доктрину. Если такое исследование является необходимой основой для любой военной теории, то оно в одинаковой степени необходимо и для обычного военного, изучающего историю войн и стремящегося развить собственный взгляд на вещи и составить собственные суждения. В противном случае его знания военного искусства будут неустойчивы, подобно перевернутой пирамиде, которую пытаются поставить на острие вершины.

Глава II.

Греческие войны - Эпаминонд, Филипп и Александр Македонский

Наиболее естественной отправной точкой для нашего исследования является первая большая война в европейской истории - Великая персидская война. Мы не можем рассчитывать на то, чтобы извлечь много поучительного из того периода, когда стратегия находилась в своем зачаточном состоянии. Однако слово "Марафон" слишком глубоко врезалось в память и слишком сильно действует на воображение всех изучающих историю, чтобы с ним не считаться. Еще большее впечатление это слово производило на греков. Поэтому в течение всех последующих веков сначала они, а затем европейцы преувеличивали значение Марафонского сражения. Однако если оценить его важность без преувеличений, то от этого лишь виднее становится его стратегическое значение².

Персидское вторжение в 490 г. до н.э. было сравнительно небольшой экспедицией, имевшей целью заставить Эретрию и Афины (см. рис. 1), являвшиеся, по мнению Дария, мелкими государствами, не вмешиваться в чужие дела и воздержаться от инспирирования восстания среди греческого населения Малой Азии, находившегося в персидском подданстве. Эретрия была разгромлена, и ее население вывезено для поселения на побережье Персидского залива. Затем наступила очередь Афин, где, как было известно, ультрадемократическая партия намеревалась поддержать персидскую интервенцию, надеясь с ее помощью победить консервативную партию. Учитывая это, персы вместо наступления прямо на Афины высадились в Марафоне, в 24 милях северо-восточнее Афин. Этим маневром они рассчитывали выманить афинскую армию из города, чтобы тем самым облегчить захват власти в Афинах своим сторонникам, тогда как прямое наступление на город помешало бы восстанию и, возможно, даже заставило бы их выступить против персов. Во всяком случае прямое наступление поставило бы перед персами дополнительную трудную задачу осады города.

Если замысел персов был именно таким, то уловка удалась. Афинская армия выступила в направлении Марафона навстречу персам, которые тем временем приступили к выполнению следующего этапа своего стратегического плана. Под охраной войск прикрытия они снова погрузили свои главные силы на суда с целью выйти кружным путем к Фалерону, высадиться там и сделать бросок к незащищенным Афинам. Замечательно тонкое хитроумие этого стратегического замысла, хотя по целому ряду обстоятельств он и не увенчался успехом.

Благодаря энергии Мильтиада афиняне использовали свою единственную возможность и немедленно нанесли удар по силам прикрытия персов. В Марафонском сражении греки добились победы также благодаря лучшему вооружению. Более длинные копья и лучшие доспехи всегда давали грекам преимущество над персами. Сражение протекало гораздо напряженнее, чем рисует патриотическая легенда, причем значительной части сил прикрытия персов удалось без потерь погрузиться на корабли. С еще большей энергией, делающей им честь, афиняне совершили форсированный обратный марш к своему городу, и эта быстрота в сочетании с медлительностью действий оппозиционной партии спасла их. Ибо, когда афинская армия была уже в Афинах и персы увидели, что осада неизбежна, они отплыли обратно в Азию, поскольку перспектива выполнения чисто карательной задачи

ценою больших потерь им не улыбалась.

Прошло десять лет, прежде чем персы предприняли еще одну попытку и напали на греков более крупными силами. Греки медленно усваивали уроки прошлого, и только в 487 г. до н. э. Афины приступили к увеличению своего флота, который должен был стать решающим фактором для нейтрализации превосходства персов в сухопутных силах. Таким образом, с полным основанием можно сказать, что Греция и Европа были спасены благодаря восстанию в Египте, которое приковывало к себе внимание Персии с 486 по 484 г. до н. э., а также благодаря смерти Дария, наиболее способного из персидских правителей той эпохи.

В 481 г. до н. э. снова возникла угроза нашествия персов, на этот раз в большем масштабе. Сам размах нашествия не только сплотил греческие общины и государства, но и заставил Ксеркса прямо двинуться к своей цели. Армия Ксеркса была слишком велика для переброски по морю, поэтому он был вынужден направить ее по суше. По этой же причине персидская армия была не в состоянии обеспечить себя запасами продовольствия, вследствие чего к решению этой задачи пришлось привлечь флот. Таким образом, армия оказалась привязанной к побережью, а флот - к армии, в результате действия обоих были скованы, и греки знали, с какого направления следует ожидать наступления противника, а персы уклониться в сторону не могли.

Характер местности позволял грекам создать несколько последовательных позиций. Опираясь на эти позиции, они имели возможность надежно блокировать наступающего противника, и, как отмечает Гранди, если бы не разногласия среди самих греков, "захватчики, вероятно, никогда не продвинулись бы южнее Фермопил". Этого не случилось, зато история получила бессмертную эпопею, а греческому флоту выпала честь полностью сорвать вторжение, разгромив персидский флот у о-ва Саламин. Ксеркс и персидская армия беспомощно наблюдали за уничтожением своего флота, который был для армии не только средством передвижения, но, что более важно, и средством снабжения.

Следует отметить, что благоприятная возможность для проведения этого решающего морского сражения была достигнута хитростью, которую можно расценить как одну из форм не прямых действий. Фемистокл написал Ксерксу о том, что греческий флот готов к предательской капитуляции. С помощью этой хитрости удалось завлечь персидский флот в узкий пролив, где его количественное превосходство было сведено на нет. Уловка оказалась тем более успешной, что прошлый опыт делал письмо весьма правдоподобным. Действительно, подоплекой письма была боязнь Фемистокла, что союзные пелопоннесские полководцы отступят от Саламина, как они предлагали на военном совете, и тем самым вынудят афинский флот принять бой в одиночку или дадут персам возможность использовать свое количественное превосходство в открытом море.

В персидском лагере только один человек выступил против решения Ксеркса немедленно начать сражение. Это была царица Галикарнаса Артемисия, настаивавшая на принятии другого плана. Она предлагала воздержаться от сражения, а вместо этого во взаимодействии с персидскими сухопутными силами выступить против п-ва Пелопоннес. Она утверждала, что пелопоннесские корабли в ответ на такую угрозу уйдут в свои порты и тем самым вызовут развал греческого флота. По-видимому, ее предположение было хорошо обоснованным, так же как и тревога Фемистокла, и корабли ушли бы на следующее же утро, если бы персидские галеры не блокировали выходы, намереваясь произвести атаку.

Однако атака начала принимать очень невыгодный оборот для персов из-за отхода греческих кораблей, которые действовали в качестве приманки, вынуждая основные силы противника произвести удар по пустому месту. Когда атаковавшие суда персов двинулись в узкие проливы, греческие галеры отошли назад. Чтобы догнать их, персидские галеры были вынуждены увеличить скорость движения и в результате сгруппировались, дав возможность греческим галерам нанести контрудар во фланг.

По-видимому, в течение последующих семидесяти лет боязнь удара Афин по коммуникациям удерживала персов от повторения вторжения в Грецию. Это подтверждается тем, что вскоре после разгрома афинского флота в Сиракузах снова возникла такая угроза.

Интересно отметить, судя по историческому опыту, что стратегическую подвижность для непрямых действий начали использовать в морской войне значительно раньше, чем в войне на суше. Это объясняется тем, что только на более позднем этапе развития снабжение армий стало зависеть от "линии коммуникаций". Флоты, однако, использовались против морских коммуникаций и средств снабжения стран противника.

С устранением персидской угрозы после боя у о-ва Саламин Афины заняли господствующее положение в Греции. Конец этого господства наступил в результате Пелопоннесской войны (431-404 гг. до н.э.). Чрезмерная продолжительность этой двадцатисемилетней войны и огромное истощение не только основных противников, но и незадачливых, формально нейтральных государств могут быть объяснены непоследовательной и часто бесплодной стратегией, которой нередко придерживались обе стороны.

На первом этапе Спарта и ее союзники попытались осуществить прямое вторжение в Аттику (см. рис. 1). Планы их были расстроены военной политикой Перикла, состоявшей в уклонении от боя на суше при одновременном использовании более сильного афинского военно-морского флота с целью сломить волю противника опустошительными рейдами. Хотя выражение "стратегия Перикла" является почти так же хорошо известным, как и появившееся позднее выражение "стратегия Фобия", однако оно ограничивает и затрудняет понимание хода войны. Поэтому во избежание кривотолков необходимо руководствоваться строго определенной терминологией.

Так, например, термин "стратегия" лучше всего понимать в буквальном значении - как "полководческое искусство", т.е. фактическое руководство вооруженными силами, в отличие от политики, определяющей не только их использование, но и сочетание с другими средствами: экономическими, политическими, психологическими. Такая политика осуществляется посредством применения стратегии высшего типа, так называемой большой стратегии.

В отличие от стратегии непрямых действий, которая для достижения победы ставила своей задачей нарушить устойчивость противника, план Перикла по существу являлся большой стратегией, ставившей своей целью постепенно измотать противника, чтобы убедить его в том, что он не сможет добиться победы. К несчастью для Афин, вспышка чумы решила не в их пользу исход этой кампании, рассчитанной на моральное и экономическое истощение. Поэтому в 426 г. до н. э. стратегия Перикла была вынуждена уступить место стратегии прямого наступления Клеона и Демосфена. Эта стратегия обошлась дороже и оказалась ничуть не лучше, несмотря на блестящие тактические успехи. Позднее, в начале зимы 424 г. до н.э., Брасиад, наиболее способный полководец Спарты, ликвидировал все преимущества, с таким трудом завоеванные Афинами. Он добился этого в результате стратегического маневра, направленного на подрыв корней, а не на сокрушение ствола мощи противника. Обойдя Афины, он совершил форсированный марш на север через всю Грецию и нанес удар по афинскому доминиону в Халкидике (см. рис. 2), который удачно назвали "ахиллесовой пятой Афинской империи". Военной силой, а также обещанием свободы и защиты всем городам, восставшим против Афин, он настолько подорвал господство Афин в Халкидике, что вынудил Афины послать туда свои главные силы. В сражении под Амфиполем афинская армия потерпела тяжелое поражение. Несмотря на то что в бою погиб сам Брасиад, Афины были рады заключить со Спартой невыгодный для себя мир.

В последующие годы неустойчивого мира Афины, несмотря на повторные экспедиции, не смогли вернуть потерянный плацдарм в Халкидике. Тогда в качестве последнего активного средства Афины предприняли экспедицию против Сиракуз, являвшихся ключом к Сицилии, откуда осуществлялось снабжение продовольствием Спарты и вообще всего п-ва Пелопоннес. Являясь примером непрямого действия в области большой стратегии, посылка этой экспедиции имела тот недостаток, что удар наносился не по действительным военным союзникам противника, а по странам, сотрудничавшим с ним на деловой почве. Таким образом, вместо ослабления сил противника эта экспедиция привлекла на его сторону новые

силы.

Тем не менее моральные и экономические последствия успеха экспедиции могли значительно изменить весь ход войны, если бы в ходе ее не было допущено большого количества грубых ошибок. Алкивиад, автор этого плана, был отозван с поста командующего объединенными силами в результате интриг его политических противников. Вместо того чтобы возвратиться в Афины и предстать перед судом по обвинению в святотатстве и, несомненно, получить смертный приговор, он бежал в Спарту, чтобы помочь противнику сорвать осуществление его же собственного плана. Вместо него командующим был назначен Никий, ярый противник плана Алкивиада. Будучи, кроме того, крайне невежественным, Никий, естественно, этот план провалил.

Потеряв свою армию в Сиракузах, Афины избежали поражения только благодаря действиям своего флота. В ходе морской войны, которая продолжалась в течение девяти лет, Афины добились не только заключения выгодного мира, но и восстановления своей империи. Однако дальнейшие мероприятия Афин были совершенно сорваны в 405 г. до н. э. командующим спартанским флотом Лисандром. В книге Кембриджского университета "Древняя история" о Лисандре говорится следующее:

"Его план состоял в том, чтобы избегать боя, довести афинян до истощения, нападая на наиболее уязвимые места их империи..." Первая часть этого тезиса вряд ли правильна, так как план Лисандра был рассчитан не столько на уклонение от боя, сколько на не прямые действия, на удары по противнику тогда и там, где шансы были целиком на его стороне. Путем искусных и вводящих в заблуждение изменений направления движения своего флота он подошел к входу в пролив Дарданеллы и стал поджидать там возвращения понтийских кораблей, груженных зерном для Афин. Поскольку снабжение Афин хлебом было жизненно важным, афинское командование спешно направило весь свой флот в составе 180 кораблей для охраны судов с зерном. В течение четырех дней подряд эти корабли безуспешно пытались втянуть Лисандра в морской бой, в то время как последний всячески старался создать впечатление, что его положение безнадежно. Таким образом, вместо того чтобы отойти для пополнения запасов в безопасную бухту Сеет, афинские корабли продолжали оставаться в открытом проливе перед Лисандром, вблизи Этоспотамы. На пятый день, когда большинство команд сошло с афинских кораблей на берег за продовольствием, Лисандр внезапно напал, без боя захватил почти весь афинский флот и таким образом в течение одного часа закончил одну из самых продолжительных войн.

В ходе этой двадцатисемилетней борьбы, в которой большое количество прямых действий оканчивалось безрезультатно, обычно с большими потерями для нападавших, чаша весов определенно склонилась не в пользу Афин, когда Брасиад двинулся на Халкидику - "корень" Афин. Наиболее определенные надежды на восстановление военной мощи Афин появились в результате не прямых действий Алкивиада (в плане большой стратегии) против экономической базы Спарты в Сицилии. Однако это не спасло Афины, и последний решающий удар был нанесен Афинам Спартой через десять лет благодаря тактическим не прямым действиям ее флота на море, которые сами по себе были следствием новых не прямых действий в плане большой стратегии. Следует отметить, что благоприятные возможности для нанесения этого удара были созданы Спартой путем угрозы жизненно важным морским коммуникациям Афин. Овладев афинским флотом, Лисандр мог надеяться по крайней мере на ослабление экономической мощи Афин, обусловленное захватом их экономической базы. Вызвав недовольство и страх, Лисандр создал благоприятные условия для нанесения других ударов и достижения быстрой военной победы.

С падением Афинской империи господствующее положение в Греции заняла Спарта. Поэтому нашим следующим вопросом будет выяснить, что явилось решающим фактором, положившим конец власти Спарты? Ответ может быть только один: человек и его вклад в науку и искусство войны. В годы, непосредственно предшествовавшие возвышению Эпаминонда, Фивы освободились от владычества Спарты благодаря применению метода уклонения от боя, впоследствии названного стратегией Фабия. Последняя, хотя и относится к

области большой стратегии не прямых действий, но существу является стратегией уклонения от боя. Придерживаясь этого метода, войска Фив избегали открытой борьбы, в то время как спартанские войска бесцельно блуждали в Беотии, не встречая никакого сопротивления. Этот метод позволил Фивам выиграть время для создания отборных профессиональных войск, известных под названием "Священного отряда", которые в дальнейшем явились ударной частью фиванской армии. Кроме того, этот метод создал необходимые условия Фивам для распространения недовольства Спартой, а Афинам, освобожденным вследствие этого от угрозы с суши, дал возможность использовать свою энергию и людские ресурсы для восстановления флота.

Таким образом, в 374 г. до н. э. Афинская конфедерация, в которую входили и Фивы, заключила выгодный мир со Спартой. Хотя этот мир был вскоре нарушен в результате афинской авантюры на море, через три года снова начались переговоры о мире, так как афиняне устали от войны. Здесь, за столом переговоров, Спарта вновь приобрела многое из того, что она потеряла в ходе войны, и ей удалось изолировать Фивы от их союзников. Вслед за этим Спарта напала на Фивы с целью разгромить их. Однако, вступив в Беотию в 371 г. до н.э., ее армия, всегда обладавшая качественным, а в данном случае и численным превосходством (10 тыс. человек против 6000), была полностью разгромлена в сражении при Левктрах (см. рис. 1) новой, хорошо оснащенной армией Фив под командованием Эпаминонда.

Эпаминонд не только отказался от старых тактических приемов, разработанных на основе многовекового опыта, но и заложил основы тактики, стратегии и большой стратегии, на которых воспитывались последующие поколения полководцев. Применявшиеся им методы построения войск не потеряли своего значения и в наши дни. Так, например, "косой боевой порядок", введенный Фридрихом³, являлся лишь дальнейшим развитием метода Эпаминонда. При Левктрах вопреки установившейся традиции Эпаминонд сосредоточил на левом фланге не только своих лучших воинов, но и главные силы, отведя слабые центр и правый фланг назад, создав таким образом значительное превосходство в силах на правом фланге противника, на котором находился их командующий - мозг армии.

Через год после сражения при Левктрах Эпаминонд двинул войска вновь созданной Аркадийской лиги в глубь Спарты. Этот поход в центр Пелопоннесского п-ва, столь длительное время находившегося под безраздельным господством Спарты, отличался разносторонним и умелым использованием метода не прямых действий. Он был совершен в середине зимы тремя отдельными колоннами, двигавшимися по сходящимся направлениям, что заставляло противника рассредоточить силы и ослабить сопротивление. Только один этот марш являлся непревзойденным образцом военного искусства в древних, или, точнее, донаполеоновских, войнах. Однако, имея еще более глубокий стратегический замысел, Эпаминонд, после того как его войска соединились под Карие, в 32 км от Спарты, обошел столицу и двинулся к ней с тыла. Маневр был рассчитан еще и на то, что вторгнувшимся войскам удастся привлечь на свою сторону значительное количество илотов и других недовольных элементов. Однако спартанцам удалось предотвратить это опасное внутреннее движение срочным обещанием освободить илотов от рабства. Кроме того, своевременное прибытие в Спарту сильных подкреплений от ее пелопоннесских союзников предотвратило возможность падения, города без длительной осады.

Эпаминонд вскоре понял, что спартанцев не удастся выманить из города и что продолжительная осада привела бы к ослаблению его разнородной армии. Поэтому он отказался от шаблонной стратегии в пользу более гибкого оружия большой стратегии не прямых действий. На горе Итом, являющейся естественной цитаделью Мессении, он построил город Мессена, сделал его столицей нового государства Мессения, поселил в нем все недовольные элементы, присоединившиеся к нему, и отдал им всю награбленную в ходе войны добычу. Это государство было помехой действиям Спарты в Южной Греции. В результате Спарта потеряла половину своей территории и более половины рабов. Благодаря основанию Эпаминондом нового города-государства Мегалополис в Аркадии как

дополнительного барьера против Спарты последняя оказалась окруженной как в политическом, так и в военном отношении системой крепостей, в результате чего экономические корни ее военного могущества были подорваны. Когда Эпаминонд ушел с Пелопоннеса после кампании, длившейся всего несколько месяцев, он не одержал ни одной победы на поле боя, и все-таки благодаря использованию большой стратегии он серьезно подорвал основы спартанского могущества.

Однако политические деятели в Фивах стремились к крупному военному успеху и были разочарованы тем, что этот успех не был достигнут. В результате хотя и временной отставки Эпаминонда демократическая партия Фив из-за ее близорукой политики и ошибочной дипломатии потеряла завоеванные для нее преимущества. Это дало возможность аркадийским союзникам, в которых чувство благодарности заслонялось растущим тщеславием и честолюбием, воспротивиться руководству Фив. В 362 г. до н.э. Фивы были поставлены перед выбором: подтвердить свою власть силой или пожертвовать престижем. Их наступление на Аркадию явилось причиной нового раздела греческих государств на две враждебные коалиции. К счастью для Фив, к их услугам был как сам Эпаминонд, так и плоды его большой стратегии, так как созданные им государства Мессения и Мегалополис являлись теперь не только факторами, сдерживающими экспансию Спарты, но и увеличивали силу самих Фив.

Вступив на Пелопоннесский п-ов, Эпаминонд соединился под Тегеей (см. рис. 1) со своими пелопоннесскими союзниками, оказавшись, таким образом, между Спартой и войсками остальных государств антифиванской коалиции, сосредоточившимися в районе Мантинеи. Когда спартанские войска выступили из города для соединения со своими союзниками, Эпаминонд ночью сделал внезапный бросок на Спарту, используя для этой цели свои подвижные войска. Он не добился успеха только потому, что некий дезертир своевременно предупредил спартанцев и они, совершив форсированный марш, возвратились в город. Тогда он принял решение добиться победы боем и двинулся от Тегееи через долину, имевшую форму песочных часов, к Мантинее, находившейся на расстоянии около 19 км. Противник занял сильную позицию шириной 1,6 км в наиболее узком месте долины.

Наступление Эпаминонда по своему масштабу находилось на границе между стратегией и тактикой. Однако произвольное отнесение этого маневра Эпаминонда к тому или другому виду могло бы привести к ошибочным выводам, тем более что победа при Мантинее была предопределена благодаря использованию метода не прямых действий. Сначала Эпаминонд двинулся прямо к лагерю противника, заставив его построить свои войска в боевой порядок, фронтом в направлении ожидаемого наступления Эпаминонда. Однако, не доходя нескольких километров до лагеря спартанцев, он неожиданно повернул влево, укрывшись от наблюдения противника за высотами. Этот внезапный маневр создал угрозу их правому флангу. Чтобы еще больше расстроить боевые порядки спартанцев, Эпаминонд остановился, приказал своим войскам сложить оружие якобы для того, чтобы расположиться лагерем. Эта хитрость увенчалась успехом. Обманутый противник расстроил свои боевые порядки, позволив воинам выйти из строя и разнуздать лошадей. Тем временем Эпаминонд под прикрытием легких частей фактически заканчивал построение войск в боевые порядки, аналогичные тем, которые были применены при Левктрах, но более совершенные. Затем по сигналу фиванская армия быстро разобрала оружие и бросилась вперед, к победе, которая была уже почти предreshена расстройством в рядах противника. Однако Эпаминонд пал в бою, и фиванская армия, растерявшись, отступила, убедительно показав последующим поколениям, что армия и государство быстрее всего могут погибнуть, если парализован их мозг.

Следующей решающей войной, происходившей более 20 лет спустя, была война 338 г. до н.э., обеспечившая Македонии господствующее положение в Греции. Эта война является ярким примером того, как политика и стратегия могут содействовать друг другу и как естественные препятствия могут быть использованы в интересах стратегии. Македонцы, хотя и были греками, по существу являлись "чужеземцами". К этому времени Фивы и Афины

объединились, создав панэллинский союз в противовес растущему могуществу Македонии. Кроме того, они нашли иностранного союзника в лице персидского царя (парадокс истории и человеческой природы), и снова нападающий понял значение не прямых действий. Даже предлог для попытки Филиппа Македонского добиться господствующего положения носил замаскированный характер, ибо совет дельфийской амфикифии просто пригласил его оказать помощь в наказании Амфиссы, расположенной в Западной Беотии, за кощунственные действия. Вполне вероятно, что сам Филипп подсказал сделать ему это приглашение, которое хотя и послужило поводом для объединения против пего Фив и Афин, но по крайней мере обеспечило благожелательный нейтралитет других греческих государств.

Совершив марш в южном направлении, Филипп внезапно свернул вблизи Цитиниума с дороги на Амфиссу, являвшуюся наиболее вероятным направлением его движения, и вместо этого захватил и укрепил Элатею. Это изменение первоначального направления движения свидетельствовало, что у него были широкие политические цели; в то же время оно показало и стратегический замысел, который выявился в ходе военных действий. Союзные войска Фив и Беотии прикрыли горные проходы на дорогах, ведущих в Беотию, как с запада от Цитипиума к Амфиссе, так и с востока - через горный перевал Парапетами, от Элатеи к Херонес.

Прежде чем продолжать военные действия, Филипп принял меры по ослаблению своих противников: политические - путем восстановления фосианских сообществ, ранее распущенных фиванцами; религиозные - путем провозглашения себя последователем дельфийского оракула.

Затем весной 338 г. до н. э. Филипп нанес внезапный удар по панэллинскому союзу, расчистив себе путь хитростью. Захватом Элатеи Филипп стратегически приковал внимание противника к восточной дороге, вдоль которой тот стал ожидать наступления, а затем усыпил тактическую бдительность войск противника, оборонявших западную дорогу, подстроив дело так, что в их руки попало письмо, в котором говорилось о его мнимом возвращении во Фракию. После этого он форсированным маршем двинулся от Цитиниума, ночью перешел через перевал и вышел на открытую местность в Западной Беотии, в районе Амфиссы. Выйдя к Навпакту, он обеспечил себе связь с морем.

Теперь он оказался в тылу противника, хотя и на некотором удалении от его войск, оборонявших восточный перевал. Учитывая это, войска союзников отступили от Парапетами. Если бы они не сделали этого, их путь отхода мог оказаться перехваченным, да и не было никакого смысла оставаться на месте. Однако Филипп свернул с того направления, где его ждали, и снова совершил не прямой ход. Вместо наступления в восточном направлении от Амфиссы по холмистой местности, которая была благоприятна для действия противника, он повел свою армию обратно через Цитиниум и Элатею, затем повернул на юг через незащищенный теперь перевал Парапетами и обрушился на армию противника в Херонесе. Этот маневр в большой мере обеспечил ему победу в последовавшем бою. Эффект его был дополнен искусной тактикой. Филипп хитростью выманил афинские войска с занимаемых ими позиций, делая вид, что отступает, а когда они вышли на равнину, нанес контрудар и прорвал их фронт. В результате боя при Херонес Македония установила свое господство над Грецией.

Смерть помешала Филиппу расширить свои завоевания в Азии, и эта задача выпала на долю его сына. Александр получил в наследство не только план и образцовую армию, созданную Филиппом⁴, но и концепции большой стратегии. Другим наследством, - имевшим важное значение, были плацдармы в Дарданеллах, захваченные Филиппом в 336 г. до н.э.

Если проанализировать маршруты походов Александра (см. рис. 2), то мы увидим, что они представляют собой зигзагообразную линию с резкими поворотами. Изучение истории этих походов приводит к заключению, что причины такой изломанности маршрутов были скорее политические, чем стратегические, но политические в смысле большой стратегии.

Ранние военные действия Александра были прямыми, лишенными гибкости. Это объяснялось, по-видимому, тем, что, во-первых, в юном Александре, воспитанном в духе

вознесения почестей и воспевания величественных побед, было больше черт гомеровского героя, чем в других великих полководцах прошлого⁵, и, во-вторых, вероятно, тем, что он был настолько уверен в превосходстве своей армии и в собственных качествах полководца, что считал излишним предварительно нарушать стратегическое равновесие своих противников. Он оставил потомству свой опыт, приобретенный в области большой стратегии и тактики.

Двинувшись весной 334 г. до н. э. с восточного побережья Дарданелл, он сначала направился на юг и разгромил войска прикрытия персов на р. Граник. В этом бою персы были приведены в замешательство силой и стремительностью вооруженной пиками кавалерии Александра, однако у них хватило сообразительности решить, что если они смогут сосредоточить свои силы и убить беспримерно храброго Александра, то его вторжение будет парализовано в самом начале. Им чуть было не удалось достичь этой цели.

Затем Александр двинулся на юг, к городу Сарды, являвшемуся политическим и экономическим ключом к Лидии, а оттуда - на запад, к Эфесу, восстановив в этих греческих городах прежнюю демократическую форму правления и права, с тем чтобы наиболее экономичным образом обеспечить безопасность своего тыла.

Теперь он возвратился к побережью Эгейского моря и двинулся сначала в южном, а затем в восточном направлении через Карию, Ликию и Памфилию. Этим маневром Александр преследовал цель подорвать персидское господство на Эгейском море, лишив персидский флот свободы маневра путем захвата его баз. Захватив морские порты, Александр лишил флот противника основного источника получения живой силы.

К востоку от Памфилии на побережье Малой Азии фактически не было портов. Поэтому отсюда Александр снова повернул на север, к Фригии, и на восток, к Анкире (современная Анкара), укрепив свою власть и обезопасив тыл в центральных районах Малой Азии. Затем в 333 г. до н.э. он повернул на юг и вышел через Киликийские ворота непосредственно к Сирии, где Дарий III сосредоточивал силы для оказания сопротивления. Здесь из-за неудовлетворительной работы разведки и вследствие ошибочного предположения, что персы будут ожидать его на равнине, Александр в стратегическом отношении оказался в невыгодном положении благодаря более искусному маневру противника. В то время как Александр двигался прямо, Дарий, поднявшись к верховьям Евфрата, вышел через Аманийские ворота в тыл Александру. Александр, который всегда придавал большое значение базам, оказался отрезанным от них. Однако, отойдя назад, он вышел из затруднительного положения в сражении при Иссе благодаря более совершенной тактике и более совершенному оружию. Ни один великий полководец не использовал с таким успехом внезапность не прямых действий, как Александр в этом бою.

После этого он снова пошел окольным путем, продвигаясь вдоль морского побережья Сирии, вместо того чтобы наступать на сердце персидской державы Вавилон. Требования большой стратегии явно диктовали ему необходимость следовать этому курсу. Хотя Александр лишил персов господства на море, он еще не уничтожил Персидской империи. Поскольку эта империя продолжала существовать, она могла создавать угрозу его тылу, а также Греции и особенно Афинам. Его наступление в Финикии привело к полному поражению персидского флота; остались главным образом финикийские корабли, большая часть которых перешла на его сторону, а остальные суда, находившиеся в Тире, были захвачены после его падения. И даже после этого Александр продолжал двигаться в южном направлении - на Египет. Эти действия труднообъяснимы с точки зрения морской стратегии. Можно лишь предполагать, что они были предприняты из предосторожности. Однако этот шаг Александра следует считать обоснованным, если иметь в виду его политическую цель захватить Персидскую империю и вместе с тем укрепить свою собственную. Именно для решения этой задачи он предполагал использовать Египет, имевший огромное экономическое значение.

Наконец, в 331 г. до н.э. Александр снова двинулся на север, в направлении Алеппо, затем повернул на восток, переправился через Евфрат и вышел к верховьям Тигра. Здесь,

около Ниневии (современный Мосул), Дарий сосредоточил большую новую армию. Александр рвался в бой, но все же не пошел прямо на врага. Переправившись через Тигр в верхнем течении, он двинулся по восточному берегу, вынудив Дария сменить позицию. И снова в сражении при Гавгамелах (обычно называемым сражением при Арбелах, ближайшем, хотя и находившемся на расстоянии 100 км городе) Александр и его армия показали абсолютное превосходство над армией противника, которая оказалась наименее серьезным из всех препятствий на пути Александра к достижению цели большой стратегии. После этого сражения последовал захват Вавилона.

Последующие действия Александра, пока он не вышел к границам Индии, в военном отношении являлись "очищением Персидской империи от остатков противника", в политическом же отношении - укреплением его собственной империи. В своем обходном движении Александр прошел Юкское ущелье и Персидские ворота, встретившись с индийским царем Пором на р. Гидасп, показал образцы в применении не прямых действий, свидетельствовавшие о зрелости его стратегического искусства. Например, укрыв воинов в кукурузе и широко развернув армию вдоль западного берега, Александр ввел противника в заблуждение относительно своих намерений. Демонстративные шумные передвижения кавалерии Александра сначала вводили Пору в заблуждение, а затем ввиду их многократного повторения притупили его бдительность. Таким образом, приковав Пору к определенной позиции, Александр оставил основные силы перед фронтом Пора, а сам лично с отборными войсками, пройдя 30 км вверх по реке, переправился через нее. Путем такого неожиданного обхода Александр поколебал дух самого Пора и боеспособность его армии. В последовавшем сражении Александр незначительной частью сил своей армии сумел разгромить почти всю армию противника. Если бы этого предварительного ослабления противника не произошло, то не было бы ни теоретического, ни практического оправдания тому, что Александр подвергал изолированную группу своих войск опасности разгрома.

В длительных войнах преемников Александра, после его смерти приведших к распаду империи, имеются многочисленные примеры использования не прямых действий и их решающего значения. Военачальники Александра были способнее, чем маршалы Наполеона, и боевой опыт привел их к более глубокому пониманию значения экономии сил. Хотя многие проведенные ими сражения заслуживают внимания, однако данная книга содержит анализ только основных войн древней истории, а из войн диадохов лишь последняя война, в 301 г. до н.э., определенно может быть отнесена к их числу. Этот вывод вряд ли можно оспаривать, так как в книге "Древняя история" Кембриджского университета говорится: "В результате этой войны борьба между центральной властью и представителями династий закончилась и распад греко-македонского мира стал неизбежным".

К 302 г. до н.э. Антигон, претендовавший на место Александра, наконец подошел вплотную к достижению своей цели, Опираясь на свою фригийскую сатрапию, он постепенно завоевал всю Малую Азию, от Эгейского моря до Евфрата. Выступавший против него Селевк с трудом удерживал Вавилон; у Птолемея остался только Египет, Лисимах укрылся во Фракии, а Кассандр, наиболее грозный из соперничающих полководцев и являвшийся главной помехой на пути осуществления мечты Антигона, был изгнан из Греции сыном Антигона Деметрием, который по многим своим качествам напоминал Александра. На предложение о безоговорочной капитуляции Кассандр ответил гениальным стратегическим ударом. План действий был разработан на совещании Кассандра с Лисимахом, которые хотели привлечь и Птолемея. Последний в свою очередь установил контакт с Селевком через посольных, пересекших Аравийскую пустыню на верблюдах.

Чтобы не допустить вторжения Деметрия в Фессалию, Кассандр оставил в своем распоряжении всего 31 тыс. солдат из имевшихся у него 57 тыс., передав остальных Лисимаху. Последний переправился через Дарданеллы и устремился на восток, в то время как Селевк двинулся на запад, в сторону Малой Азии, причем в его армии было 500 боевых слонов, полученных из Индии. Птолемей двинулся на север, в Сирию, но, получив ложное донесение о смерти Лисимаха, возвратился в Египет. Однако наступление противника сразу

с двух сторон к центру империи вынудило Антигона срочно отозвать Деметрия из Фессалии, где Кассандру удалось остановить Деметрия, пока угроза стратегическому тылу Кассандра в Малой Азии не заставила его отойти, точно так же как позднее такой же маневр Сципиона вынудил Ганнибала возвратиться в Африку.

В сражении при Ипсе во Фригии стратегия Кассандра завершилась решительной тактической победой его союзника - Лисимаха, причем Антигон был убит, а Деметрий спасся бегством. Следует отметить, что в этом сражении боевые слоны оказались решающим оружием, а тактика победителей была основана на не прямых действиях. После того как кавалерия отступила, усиленно преследуемая Деметрием, слоны отрезали Деметрию путь для отхода назад. Затем, вместо того чтобы атаковать пехоту Антигона, Лисимах деморализовал ее угрозой атаки и обстрелом из луков, и она начала рассеиваться. Лишь после этого Селевк перешел в атаку, нанося удар как раз туда, где находился сам Антигон.

В начале войны обстановка складывалась в пользу Антигона. Однако редко фортуна когда-либо так резко менялась. Боеспособность армии Антигона была подорвана Кассандром путем применения не прямых действий. Такие действия Кассандра поколебали уверенность Антигона, подорвали моральное состояние его войск и гражданского населения и тем самым ослабили силу их сопротивления.

Глава III.

Римские войны - Ганнибал, Сципион и Юлий Цезарь

Следующим конфликтом, оказавшим решающее влияние на европейскую историю, была борьба между Римом и Карфагеном. Основным периодом в этом конфликте были войны Ганнибала, или так называемая вторая Пуническая война. Эта война распадается на несколько этапов, или кампаний, причем каждый этап имел решающее влияние на ход войны в целом.

Первый этап начался походом Ганнибала в 218 г. до н.э. из Испании через Альпы в Италию. Завершающим моментом этого этапа, по-видимому, является сокрушительная победа у Тразименского озера весной следующего года, в результате которой Рим, если бы Ганнибал принял решение ударить по нему, мог бы рассчитывать только на мощь крепостных стен и силу сопротивления гарнизона.

Первоначальный выбор Ганнибалом длинного и трудного сухопутного пути вместо короткого морского обычно объяснялся кажущимся "господством Рима на море". Однако нелогично распространять этот термин в современном понимании на эпоху, когда корабли были примитивны, а их способность перехватывать противника в море незначительна. Вообще же римское превосходство на море в те времена ставилось под сомнение в одном из сочинений Полибия, который, рассматривая непосредственно Тразименское сражение, указывает на беспокойство римского сената о том, как [45-46] бы карфагеняне не захватили "господство на море". Даже в заключительный период войны, после того как римляне одержали ряд побед на море и лишили карфагенский флот всех его баз в Испании и закрепились в Африке, они оказались бессильными предотвратить высадку экспедиционной армии Магона в Генуэзской Ривьере или же помешать возвращению Ганнибала в Африку. Кажется более вероятным, что не прямое наступление Ганнибала по суше было предпринято с целью поднять кельтов Северной Италии против Рима.

Далее мы должны отметить, что и сам этот сухопутный марш не был прямым, благодаря чему были достигнуты значительные результаты. Римляне направили консула Публия Сципиона (отец Сципиона Африканского) в Марсель с задачей преградить путь Ганнибалу на р. Рона (см. рис. 6). Однако Ганнибал не только внезапно переправился через эту труднопреодолимую реку в верхнем ее течении, но и прошел еще дальше на север, выбрав более далекий и трудный путь через Изерскую долину, вместо того чтобы двигаться по более прямому, но зато легко блокируемому противником дорогам, проходящим вблизи Ривьеры. Полибий пишет, что, когда тремя днями позже Сципион Старший прибыл в район переправы, он "удивился, что противника нет, так как был убежден, что Ганнибал никогда не рискнет пойти этой (северной) дорогой в Италию". Быстро приняв решение и оставив часть

армии на месте, он поспешно переправился морем обратно в Италию, как раз вовремя, чтобы встретить Ганнибала на равнинах Ломбардии. Однако Ганнибал воспользовался здесь преимуществом местности, удобной для действий его более сильной кавалерии. В результате он добился победы в сражениях на реках Тицина и Требия. Эти победы обеспечили Ганнибалу приток рекрутов и поступление провианта в "большом изобилии".

Став хозяином северной части Италии, Ганнибал остался здесь на зиму. Весной следующего года, предвидя дальнейшее наступление Ганнибала, новые консулы Рима повели свои армии в направлениях: один - к Римини, расположенному на побережье Адриатического моря, другой - к Аррецию, в Этрурии. Эти пункты контролировали восточную и западную дороги, по которым Ганнибал мог продвигаться к Риму. Ганнибал принял решение идти по этрурийскому маршруту, но, вместо того чтобы двигаться по одной из обычных дорог, сначала провел тщательную разведку, в результате которой "выяснил, что все дороги, ведущие в Этрурию, длинны и хорошо известны противнику, кроме одной, кратчайшей, которая проходила через болота и позволяла внезапно напасть на Фламиния. Такие действия были в духе Ганнибала, и он выбрал этот путь. Однако, когда в войсках распространилась весть о том, что командующий собирается вести их через болота, солдаты забеспокоились..." (Полибий)6.

Обычный полководец всегда предпочитает известное неизвестному. Ганнибал был не обычным полководцем и поэтому, подобно другим великим полководцам, предпочитал действовать в самых опасных условиях, но только не вести бой с противником на им самим выбранной позиции.

В течение четырех дней и трех ночей армия Ганнибала "шла по дороге, покрытой водой", сильно страдая от усталости и бессонницы, теряя большое количество людей и еще больше лошадей. Но, выйдя из болот, Ганнибал обнаружил, что армия римлян все еще пассивно стоит лагерем под Аррецием. Ганнибал не пытался прямо нанести удар. Вместо этого, пишет Полибий, "он рассчитывал, что если обойдет лагерь и выйдет римлянам в тыл, то Фламиний, частично из боязни недовольства населения, частично из простого раздражения, не сможет пассивно наблюдать за тем, как Ганнибал будет опустошать страну, немедленно бросится вслед за ним и обеспечит ему благоприятные условия для атаки".

Этот маневр в тыл противника был рассчитан на психологическое воздействие, основанное на тщательном изучении характера Фламиния. За этим последовало практическое осуществление плана. Двигаясь по дороге на Рим, Ганнибал организовал величайшую в истории засаду, увенчавшуюся успехом. В туманное утро следующего дня армия римлян, стремительно преследуя Ганнибала вдоль окаймленного высотами берега Тразименского озера, неожиданно подверглась нападению с фронта и с тыла и была уничтожена. Те, кто изучает историю и помнит эту победу, обычно не замечают психологического момента, сделавшего ее возможной. Однако Полибий в своих комментариях по поводу этого сражения пришел к следующему выводу: "Как корабль без рулевого со всем своим экипажем становится добычей противника, так и с армией на войне: если вы перехитрите ее командующего, то зачастую вся армия может оказаться в ваших руках".

Вопрос о том, почему после победы у Тразименского озера Ганнибал не пошел на Рим, является тайной истории, и всевозможные объяснения являются лишь предположениями. Наиболее очевидным, но не исчерпывающим объяснением служит отсутствие тяжелой осадной техники. Несомненно лишь то, что Ганнибал пытался все последующие годы подорвать влияние Рима на его итальянских союзников и сплотить их в антиримскую коалицию. Победы являлись лишь моральным стимулом для достижения этой цели. Тактическое преимущество всегда оказывалось обеспеченным, если Ганнибалу удавалось вести бой в условиях, благоприятных для его превосходной кавалерии.

Второй этап войны римляне начали непрямыми действиями, которые по своей форме больше отвечали характеру греков, чем римлян. Эта форма действий и подражание ей, зачастую плохое, вошли в историю под общим названием "стратегия Фабия". Стратегия

Фабия не только заключалась в уклонении от боя с целью выиграть время, но и ставила своей задачей подорвать моральное состояние противника и еще больше - моральное состояние его потенциальных союзников. Следовательно, стратегия Фабия - это главным образом вопросы военной политики или большой стратегии. Фабий слишком хорошо понимал военное превосходство Ганнибала, чтобы отважиться на завоевание победы в бою. Стремясь уклониться от боя, он поставил себе целью мелкими стычками измотать нервы захватчика и одновременно не допустить пополнения армии Ганнибала рекрутами из итальянских городов и ее базы Карфагена. Основное условие для успеха этой стратегии, с помощью которой осуществлялась большая стратегия, заключалось в том, что римская армия должна была постоянно держаться на высотах, с тем чтобы свести к нулю решающее превосходство Ганнибала в коннице. Таким образом, этот этап превратился в дуэль между формами не прямых действий Ганнибала и Фабия.

Постоянно нависая над противником, перехватывая отставших солдат и отряды фуражиров, лишая армию противника возможности пользоваться какой-либо постоянной базой снабжения, Фабий оставался неуловимой тенью на горизонте, заставляя тускнеть блеск триумфального шествия Ганнибала. Таким образом, Фабий, предохранив себя от поражения, свел на нет влияние предыдущих побед Ганнибала на итальянских союзников Рима и удержал их от перехода на сторону противника. Кроме того, эта война партизанского типа подняла моральный дух римских войск и в то же время ослабила моральный дух карфагенян, которые, оказавшись так далеко от родины, еще более остро осознавали необходимость быстрого окончания войны.

Однако война на истощение является обоюдоострым оружием, даже если им искусно пользоваться, так как она тяжело отражается и на тех, кто к ней прибегает. Такая война особенно изнурительна для народных масс, нетерпеливо ожидающих быстрого ее окончания и всегда склонных предполагать, что только боем можно добиться победы над противником. Чем больше римляне приходили в себя от потрясения в результате победы Ганнибала, тем сильнее они стали сомневаться в мудрости действий Фабия, который дал им возможность опомниться. Их затаенные сомнения разжигались честолюбивыми горячими головами в армии, которые критиковали Фабия за его "трусость и безынициативность". Это привело к беспрецедентному решению назначить в качестве второго диктатора Минуция, являвшегося, с одной стороны, первым помощником Фабия, а с другой - его главным критиком. Вскоре Ганнибал использовал возможность завлечь Минуция в ловушку, из которой тот с трудом выбрался благодаря вмешательству Фабия.

После этого критика действий Фабия на некоторое время затихла. Однако, когда шестимесячный срок пребывания Фабия в должности истек, ни он, ни его политика не оказались достаточно популярными, чтобы обеспечить продление его полномочий. На консульских выборах одним из двух консулов был избран взбалмошный и невежественный Теренций Варрон, который способствовал назначению Минуция. Кроме того, сенат принял резолюцию с требованием, чтобы консулы дали Ганнибалу бой. Такое решение оправдывалось разорением, которому подверглась Италия, причем сенат подкрепил его практическими мероприятиями по сформированию для кампании 216 г. до н.э. самой большой армии в составе восьми легионов, какой никогда еще Рим не имел. Однако римлянам пришлось дорого заплатить за избрание полководца, наступательный дух которого не был уравновешен здравым смыслом.

Второй консул, Эмилий Павел, хотел выждать и маневром добиться более благоприятных условий, однако такая осторожность не удовлетворяла Варрона. Замысел Варрона и его публичное обещание сводились к нападению на противника там, где он будет обнаружен. В результате Варрон использовал первую благоприятную возможность, чтобы дать Ганнибалу бой на равнине вблизи Канн. Павел доказывал, что нужно попытаться завлечь Ганнибала на местность, более удобную для действий пехоты, но Варрон не посчитался с этим и использовал свой день командования войсками, для того чтобы войти в тесное соприкосновение с противником. На следующий день Павел задержал войска в

укрепленном лагере, рассчитывая на то, что недостаток запасов скоро заставит Ганнибала отступить. Варрон же, указывает Полибий, "больше чем когда-либо загорелся стремлением дать бой". И это чувство разделялось большинством воинов, которых раздражала дальнейшая отсрочка. "Ибо для людей нет ничего более невыносимого, чем неопределенность; когда решение принято, людям ничего иного не остается, как терпеливо переносить все те тяготы, которые, к несчастью, выпадут на их долю".

На следующее утро Варрон вывел римскую армию из лагеря, чтобы дать бой, причем именно такой бой, какого хотел Ганнибал. По традиции пехота обеих сторон была расположена в центре, а кавалерия - на флангах, но Ганнибал построил свои войска по-новому. Он выдвинул вперед менее стойких галлов и испанцев, которые составили центр боевого порядка пехоты, а африканскую пехоту отвел назад и расположил на флангах. Таким образом, галлы и испанцы явились естественным магнитом для римской пехоты, которая не преминула их атаковать. После атаки римлян галлы и испанцы, в соответствии с замыслом, отошли назад. В результате первоначальный боевой порядок пехоты Ганибала - полумесяц, обращенный к противнику выпуклой стороной, - изменился, стал превращаться в вогнутый. Римские легионеры, окрыленные очевидным успехом, постепенно так тесно сгруппировались в образовавшемся проходе, что с трудом могли использовать оружие. Им казалось, что они прорвали фронт карфагенян, тогда как на самом деле они все больше охватывались противником. В благоприятный момент африканские ветераны Ганнибала устремились с обеих сторон навстречу друг другу, сжимая скучившихся римлян с флангов.

Этот маневр был повторением, но только с более точно рассчитанным замыслом, маневра во время морского сражения у о-ва Саламин. Он по своей форме напоминает японскую борьбу "джиу-джитсу", основанную на применении неожиданных приемов⁷.

Тем временем находившаяся на левом фланге тяжелая кавалерия Ганнибала прорвалась через боевой порядок вражеской кавалерии и, обойдя римлян с тыла, рассеяла скованную нумидийской конницей кавалерию противника, находившуюся на правом фланге. Предоставив преследование римской кавалерии нумидийцам, тяжелая кавалерия карфагенян, прорвавшись в тыл, нанесла окончательный удар римской пехоте, которая уже была окружена с трех сторон; большая скученность римлян не позволяла им оказать эффективное сопротивление. С этого момента сражение превратилось в резню. Согласно Полибию, в армии римлян из 76 тыс. человек в сражении пало 70 тыс. Среди них был Павел, в то время как Варрону, по иронии судьбы, удалось спастись от им же вызванной катастрофы.

Сокрушительный разгром римлян при Каннах вызвал временный распад итальянской конфедерации, но не смог сломить самого Рима, где Фабий сплавивал народ для оказания длительного сопротивления. Риму удалось устоять главным образом благодаря твердой решимости и настойчивости, нашедшим свое выражение в применении стратегии уклонения от боя любой ценой. Этому способствовали также отсутствие у Ганнибала осадной техники и подкреплений, а также неустойчивость его положения в качестве интервента в примитивно организованной стране. (Когда позднее Сципион вторгся в Африку, он заявил, что более развитая экономика Карфагена облегчила ему возможность реализовать свои планы.)

Второй этап войны окончился в 207 г. до н. э. применением еще одной формы стратегии не прямых действий, когда консул Нерон тайно снял свои войска с позиции перед фронтом Ганнибала и после форсированного марша сосредоточил их против брата Ганнибала, который только что прибыл с армией в Северную Италию. Уничтожив эту армию в сражении на р. Метавр, а вместе с ней и надежду Ганнибала на получение подкреплений, с помощью которых он рассчитывал добиться победы, Нерон вернулся в свой лагерь раньше, чем Ганнибал понял, что лагерь покинут войсками.

После этого война в Италии зашла в тупик. Наступил третий этап войны. В течение пяти лет Ганнибал упорно оборонялся в Южной Италии, и ряд римских полководцев отступил для того, чтобы залечить раны, полученные в результате слишком прямых ударов по логову льва.

В 210 г. до н. э. в Испанию был направлен Дублин Сципион Младший. Перед ним была

поставлена трудная задача, учитывая значительно превосходящие силы карфагенян, - спасти от поражения армии, которыми командовали его отец и дядя, отомстить за их смерть и удержать, если удастся, небольшой плацдарм Римской империи, сохранившийся в северо-восточной части Испании. Используя высокие темпы продвижения, превосходство в тактике и искусную дипломатию, он перешел от оборонительных действий к наступательным. По существу это явилось косвенным ударом и против Карфагена, и против Ганнибала, ибо Испания была для Ганнибала важной стратегической базой, где он обучал свои войска и откуда получал пополнения. Искусно сочетая внезапность с точным расчетом времени, Сципион, перед тем как разгромить карфагенские войска и переманить на свою сторону их союзников, лишил их главной базы в Испании - Картахены (Новый Карфаген).

По возвращении в Италию в 205 г. до н. э. Сципион был избран консулом и теперь был готов приступить к осуществлению давно задуманного им второго и решительного этапа не прямых действий - наступлению на стратегический тыл Ганнибала - Карфаген. Фабий, уже старый человек с установившимися взглядами, высказался в защиту общепринятых приемов, настаивая на том, чтобы Сципион нанес сначала удар по Ганнибалу в Италии. "Почему ты не хочешь нанести удар прямо по Ганнибалу, а намерен идти этим длинным окольным путем? Почему ты думаешь, что когда ты переправишься в Африку, то Ганнибал обязательно последует за тобой?" - спрашивал Фабий Сципиона.

Сципион получил от сената разрешение переправиться в Африку, но ему было отказано произвести дополнительный набор войск. В результате весной 204 г. до н.э. он отправился в экспедицию, имея всего лишь 7000 добровольцев и два впавших в немилость легиона, которые были направлены для несения гарнизонной службы в Сицилии в наказание за поражение при Каннах. Высадившись в Африке, Сципион встретил противодействие только со стороны кавалерийского отряда, который Карфаген имел в своем распоряжении. Искусно проведенным отходом он завлек этот отряд в западню и уничтожил его. Этим Сципион не только выиграл время для упрочения своего положения в Африке, но и произвел сильное впечатление, которое побудило римские власти оказать ему более активную поддержку и ослабило влияние Карфагена на его африканских союзников, за исключением наиболее мощного из них - Сифакса.

Затем Сципион попытался захватить порт Утику, чтобы использовать его в качестве своей базы. Однако это ему не удалось, так как он пытался овладеть им без длительной осады, по примеру ранее захваченной им Картахены. Через шесть недель он был вынужден снять осаду Утики, так как Сифакс выставил против него армию численностью 60 тыс. человек, составляющих только часть вновь формируемых Гасдрубалом Гисгоном карфагенских войск. При подходе объединенных армий противника, значительно превосходивших его силы в количественном отношении, Сципион отошел на небольшой полуостров, где создал укрепленную оборонительную линию по типу укреплений Веллингтона⁸ в Торриж-Ведраш (см. рис. 4). Здесь он сумел сначала усыпить бдительность обложивших его войск, а затем отвлечь их внимание ложной подготовкой удара по Утике с моря. После таких отвлекающих действий он ночью нанес внезапный удар по обоим лагерям противника.

Дезорганизующее и деморализующее действие этого неожиданного удара было усилено еще тем, что Сципион сначала атаковал менее организованный лагерь Сифакса, в котором большое количество шалашей, сделанных из легко воспламеняющегося камыша и циновок, было расположено за пределами укреплений лагеря. Во время паники, вызванной поджогом этих шалашей, римлянам удалось ворваться внутрь лагеря. Войска Гасдрубала, считавшие, что пожар возник случайно, так как с наступлением ночи в римском лагере, находившемся на удалении свыше 10 км, все было спокойно, открыли ворота своего лагеря и бросились на помощь Сифаксу. Воспользовавшись этим, Сципион проник через открытые ворота в лагерь войск Гасдрубала, избежав необходимости штурмовать укрепления. В результате обе армии карфагенян были разгромлены и потеряли половину своего состава.

Если при анализе этой операции мы формально перешли из области стратегии в

область тактики, то фактически мы имеем дело со случаем, когда стратегия не только проложила путь к победе, но и привела к ней. Победа явилась лишь последним актом стратегического маневра, ибо резня без особого сопротивления не может считаться сражением.

После почти бескровной победы Сципион все же не сразу повел наступление на Карфаген. Почему? Хотя история не дает определенного ответа, тем не менее она предоставляет большие возможности для объяснения действий Сципиона, чем это было в случае с Ганнибалом, воздержавшимся от удара по Риму после побед при Тразименском озере и Каннах. История учит, что до тех пор, пока есть возможность или благоприятная перспектива для быстрой внезапной атаки и штурма, осада является наиболее невыгодным из всех видов военных действий. К тому же, если противник имеет в своем распоряжении войска, способные к активным действиям, осада может привести к поражению осаждающих войск, так как последние при осаде несут большие потери, чем обороняющиеся войска.

Сципиону пришлось считаться не только с обороноспособностью Карфагена, но и с возможностью возвращения Ганнибала, что, собственно, и было его целью. Если бы он смог заставить Карфаген капитулировать до возвращения Ганнибала, это дало бы ему огромное преимущество. Сципион предполагал сломить сопротивление города, ослабив моральный дух его защитников, а не ценой больших потерь, связанных со штурмом города. В случае штурма ему пришлось бы топтаться на месте под стенами Карфагена до того момента, пока Ганнибал сумеет нанести ему удар с тыла.

Вместо штурма Карфагена Сципион организовал его блокаду, не допуская снабжения города продовольствием и оказания ему помощи со стороны союзников. Кроме того, упорным преследованием он добился разгрома Сифакса, чем значительно ослабил общие силы противника. Восстановив на нумидийском троне своего союзника Масиниссу, он обеспечил себя конницей, необходимой для борьбы с самым сильным оружием Ганнибала.

Для усиления мер морального воздействия Сципион двинулся к Тунису, расположенному недалеко от Карфагена, считая, что это явится "наиболее эффективным способом вселить в карфагенян отчаяние и страх". Вместе с другими непрямыми формами воздействия этого оказалось достаточным, чтобы сломить волю карфагенян к сопротивлению и заставить их принять мир. Однако, пока ожидалось утверждение условий мира в Риме, перемирие было нарушено, как только Карфагену стало известно о возвращении Ганнибала и его высадке в Лептисе (202 г. до н.э.).

Таким образом, Сципион оказался в трудном и опасном положении. Хотя, воздержавшись от штурма Карфагена, Сципион сохранил свои силы, он все же лишил себя поддержки со стороны Масиниссы, разрешив ему с началом перемирия возвратиться в Нумидию с целью упрочить свое новое королевство. В такой обстановке полководец с ортодоксальными, взглядами либо перешел бы в наступление, чтобы не допустить подхода Ганнибала к Карфагену, либо занял бы оборону в ожидании прибытия подкреплений. Вместо этого Сципион совершил неожиданный маневр, который, будучи нанесенным на карту, выглядел бы фантастически. Так, если маршрут Ганнибала от Лептиса до Карфагена представить в виде прямой линии, то Сципион, оставив отряд для обороны своего лагеря под Карфагеном, пошел от этой линии под прямым углом вниз, т.е. в сторону от Ганнибала. Ярчайший пример не прямых действий! Этот путь через долину р. Баград вывел Сципиона в самый центр основного источника снабжения Карфагена из внутренних областей. Кроме того, Сципион приблизился к нумидийским подкреплениям, которые выслал ему Масинисса.

Маневр Сципиона достиг своей стратегической цели. Сенат Карфагена, ошеломленный вестью о том, что жизненно важная область все более опустошается, направил к Ганнибалу курьеров, убеждая его принять необходимые меры и навязать Сципиону бой. Хотя Ганнибал ответил сенату, чтобы тот "не вмешивался в его дела", все же он был вынужден форсированным маршем двинуться на запад, навстречу Сципиону, вместо того чтобы идти на север, к Карфагену. Таким образом, Сципион заманил Ганнибала в район, где последний не мог получить подкреплений и обеспечить себя надежной опорой, а также иметь убежище

в случае поражения. Ганнибал не попал бы в такое неприятное положение, если бы сражение произошло вблизи Карфагена.

Сципион уже навязал Ганнибалу необходимость искать боя вдали от Карфагена. Теперь Сципион мог использовать свое моральное превосходство до предела. Когда Масинисса наконец соединился со Сципионом, что произошло почти одновременно с прибытием в этот район Ганнибала, Сципион, вместо того чтобы сблизиться с Ганнибалом, отошел назад и тем самым завлек его еще глубже в район, где карфагеняне стали испытывать острый недостаток воды. Теперь, когда Ганнибал вышел на равнину, Сципион решил навязать ему сражение, намереваясь полностью использовать свое недавно приобретенное превосходство в кавалерии. В сражении при Заме (правильнее при Нараггаре) ему удалось разгромить конницу Ганнибала, до этого считавшуюся непобедимой. И когда Ганнибал впервые потерпел тактическое поражение, на него тотчас же обрушились последствия стратегического поражения, так как вблизи не было убежища в виде населенного пункта или крепости, в которой разбитая армия могла бы спастись от окончательного разгрома. В итоге Карфаген капитулировал без боя.

Победа при Заме сделала Рим господствующей державой в бассейне Средиземного моря. Дальнейшее расширение этого господства и превращение его в сюзеренитет продолжалось без каких-либо серьезных помех, не считая периодически повторявшихся угроз со стороны варваров. Таким образом, 202 г. до н.э. является естественным рубежом истории древнего мира, на котором может быть закончено исследование поворотных пунктов в древней истории и военных причин, их вызвавших. В конечном счете подъем Римской империи должен был смениться упадком, затем эта огромная империя должна была рассыпаться на куски, частично под натиском варваров, но главным образом вследствие внутреннего разложения⁹.

Из анализа полководческого искусства в течение многовекового периода "разложения и упадка", когда Европа меняла свою старую одноцветную оболочку на новую многоцветную, можно извлечь поучительные выводы, иногда весьма значительные, как, например, из опыта Велизария и других последующих полководцев Византийской империи. Однако в целом конечные результаты очень часто бывает трудно определить, поворотные моменты почти неуловимы, направленность стратегии слишком неопределенна, а исторические документы весьма ненадежны, чтобы служить, достаточной базой для научных выводов.

Однако, прежде чем могущество Рима достигло зенита, имела место одна мсждуусобная война, которая требует своего изучения, во-первых, потому, что она явилась ареной действий еще одного великого полководца, во-вторых, потому, что она оказала существенное влияние на ход истории. Если вторая Пуническая война отдала мир Риму, то гражданская война 50-45 гг. до н. э. отдала римский мир Цезарю, появился цезаризм.

Когда в декабре 50 г. до н. э. Цезарь перешел р. Рубикон (см. рис. 2), его власть распространялась только на Галлию и Иллирию, контроль же над Италией и другими провинциями Рима осуществлял Помпей. У Цезаря было девять легионов, но только один из них был при нем в Равенне, а остальные находились далеко в Галлии. Помпей имел десять легионов в Италии, семь - в Испании и, кроме того, много небольших отрядов, разбросанных по всей империи. Однако легионы Помпея, сосредоточенные в Италии, имели в строю только кадровый состав, и поэтому один полностью укомплектованный легион Цезаря был боеспособнее, чем два неотмобилизованных легиона Помпея.

Цезаря осуждали за то, что он предпринял рискованный поход на юг с такими незначительными силами. Однако на войне время и внезапность являются наиболее важными факторами. Вполне понимая значение этих факторов, Цезарь при осуществлении своих стратегических замыслов учитывал также личные качества Помпея.

От Равенны к Риму имелось два пути. Цезарь избрал наиболее длинный и извилистый путь, вдоль побережья Адриатического моря, и двинулся по нему форсированным маршем. По мере продвижения Цезаря через эту густонаселенную область многие из рекрутов, набранных для Помпея, присоединились к нему (то же самое произошло с войском

Наполеона в 1815 г.). Морально подавленные войска Помпея оставили Рим и отошли к Капуе, в то время как Цезарь, вклинившись между авангардом противника в Корфинии и его главными силами под командованием самого Помпея, расположенными в районе Луцерии, снова добился пополнения своих сил за счет рекрутов противника. Затем он продолжил наступление на юг в направлении Луцерии. При этом наращивание его сил, подобно снежному кому, продолжалось. Однако наступление к тому времени стало прямым и вынудило противника отступить к укрепленному порту Брундизий (теперь Брипдизи), расположенному на каблуке Апеннинского сапога. Помпеи, стремительно преследуемый Цезарем, вынужден был принять решение об эвакуации своих войск через Адриатическое море в Грецию. Таким образом, чрезмерная прямолинейность действий на втором этапе и недостаточное знание Цезарем военного искусства лишили его возможности закончить войну за одну кампанию и вынудили вести военные действия еще в течение четырех лет в различных районах Средиземноморского бассейна.

Теперь началась вторая кампания. Цезарь, вместо того чтобы преследовать Помпея в Греции, перебросил свои войска в Испанию в целях разгрома войск младшего партнера Помпея - Испании. За такую переброску Цезарь подвергся резкой критике. Однако его расчет на пассивность Помпея оправдался ходом событий. На этот раз Цезарь начал кампанию слишком безыскусно, и его прямое наступление на основные силы противника в Илерде (современная Лерида), расположенной непосредственно за Пиренеями (см. рис. 4), дало им возможность уклониться от боя. Штурм города не увенчался успехом, и Цезарь предотвратил поражение своих войск только личным вмешательством. Моральный дух войск Цезаря продолжал падать до тех пор, пока он не изменил метод своих действий.

Отказавшись от осады, Цезарь приступил к созданию искусственного брода, чтобы закрепить за собой господство на обоих берегах р. Сикорис (Сегре), на которой расположен г. Илерда (см. рис. 4). Эта угроза перехвата источников снабжения вынудила помощников Помпея отступить, пока еще было не поздно. Цезарь, давая возможность противнику беспрепятственно отойти, одновременно выслал свою галльскую конницу для действий по его тылам с целью помешать дальнейшему отходу. Затем вместо штурма моста, прикрывавшегося арьергардом противника, он пошел на риск и, переправив свои легионы через глубокий брод, считавшийся доступным только для конницы, в течение ночи совершил широкий обходной маневр и перерезал пути отхода противника. Но здесь Цезарь не пытался сразу дать бой, а ограничился тем, что срывал попытки противника найти новые пути отхода, используя кавалерию для задержки и изматывания неприятельских войск, а легионы - для обхода их флангов. Решительно сдерживая стремление своих солдат вступить в бой, он одновременно поощрял их братание с воинами противника. Последние были утомлены и голодны, их моральный дух падал с каждым днем. В конце концов Цезарь вынудил их вернуться обратно и занять оборону на местности, где не было воды. Вскоре войска противника капитулировали.

Это была стратегическая победа, одинаково бескровная как для побежденных, так и для победителей. Чем меньше солдат было убито с обеих сторон, тем больше стало потенциальных сторонников и рекрутов у Цезаря. Несмотря на то что вместо прямых атак применялось маневрирование, кампания продолжалась всего лишь шесть недель.

Однако в следующей кампании 48 г. до н. э. Цезарь изменил свою стратегию, и в результате кампания продолжалась уже восемь месяцев, а победа Цезаря оказалась неполной. Вместо наступления на Грецию обходным путем по суше через Иллирию Цезарь избрал кратчайший морской путь. Вначале он этим выиграл некоторое время, но в конечном счете потерял его. Первоначально Помпеи имел большой флот, у Цезаря же такового не было, и хотя Цезарь еще раньше приказал срочно строить и собирать корабли в большом количестве, только незначительная часть их поступила в его распоряжение. Не желая ждать, Цезарь отплыл из Боундизия примерно с половиной собранной им армии. Высадившись в Палесте, он двинулся на север вдоль побережья к важному морскому порту Диррахий, но Помпеи прибыл туда первым. К счастью для Цезаря, Помпеи, как всегда, медлил и упустил

возможность использовать свое превосходство в силах до того, как Антоний с другой половиной армии Цезаря, ускользнув от вражеского флота, соединился с Цезарем. И даже тогда, когда Антоний высадился севернее Диррахия, Помпеи, находившийся между войсками Антония и Цезаря, не смог помешать им соединиться в районе Тираны-Песете. Помпеи отступил, преследуемый противником, стремившимся навязать ему бой. Наконец обе армии расположились друг против друга на южном берегу р. Генуза, протекавшей южнее Диррахия.

Наступившее затишье было прервано Цезарем, применившим не прямые действия. Совершив обходный семидесятикилометровый марш по холмистой местности, Цезарь вышел в район между Диррахием и армией Помпея. Почувствовав опасность, Помпеи отступил, чтобы спасти свою базу, находившуюся в 40 км. Но Цезарь не использовал своего преимущества, а Помпеи с его характером, да еще имея возможность снабжаться по морю, вовсе не собирался нападать первым. Тогда Цезарь принял оригинальное, но исключительно невыгодное решение окружить и блокировать армию, которая не только была сильнее его собственной армии, но и легко могла обеспечить себя снабжением по морю или в любое время беспрепятственно погрузиться на суда и уйти.

Даже пассивный Помпеи не мог отказаться от соблазна ударить по слабым участкам такой блокады. Его успех заставил Цезаря собрать силы, нанести контрудар и попытаться восстановить положение. Однако этот контрудар закончился катастрофическим поражением Цезаря. Только инертность Помпея спасла деморализованные войска Цезаря от окончательного разгрома.

Солдаты Цезаря настойчиво требовали, чтобы он снова повел их на врага. Однако Цезарь учел печальный урок прошлого и, выправив положение после отступления, вернулся к стратегии не прямых действий. В таких условиях Помпеи имел еще большую возможность применить стратегию не прямых действий. Ему следовало переправиться через Адриатическое море и восстановить свое влияние в Италии, где после поражения Цезаря для этого создалась благоприятная обстановка. Однако Цезарь хорошо представлял себе возможность такого опасного для него маневра со стороны Помпея в западном направлении. Поэтому он быстро организовал поход на восток против сподвижника Помпея Сципиона Назика, остававшегося в Македонии. Помпеи был вынужден последовать за Цезарем. Выбрав другой маршрут, Помпеи поспешил на помощь Сципиону. Цезарь подошел первым, но вместо того чтобы немедленно бросить свои войска на штурм укреплений, дал возможность подойти Помпею. Эта кажущаяся потеря Цезарем благоприятной возможности штурма объясняется, вероятно, тем, что Цезарь, учитывая события у Диррахия, не верил в возможность навязать бой Помпею на открытой местности. Если соображения Цезаря были именно таковы, то они вполне оправдались, так как, несмотря на то что Помпеи имел двойное превосходство в силах, он согласился дать бой только под давлением своих помощников. Едва Цезарь завершил подготовку к ряду маневров, чтобы создать необходимые условия для победы, Помпеи выступил и дал Цезарю такую возможность при Фарсале. С точки зрения интересов Цезаря, это сражение, без сомнения, было преждевременным, о чем свидетельствовало то обстоятельство, что исход борьбы висел на волоске. Цезарь перешел к не прямым действиям для восстановления своего собственного стратегического равновесия и нарушения устойчивости позиций Помпея.

После победы при Фарсале Цезарь преследовал Помпея, пройдя через Дарданеллы, Малую Азию и Средиземное море до Александрии, где Птолемей убил Помпея, избавив Цезаря от значительных затруднений. Однако Цезарь лишился достигнутого преимущества, вмешавшись в борьбу между Птолемеем и его сестрой Клеопатрой за египетский престол и бесцельно потеряв за это восемь месяцев. Периодически повторявшиеся и глубоко укоренившиеся ошибки Цезаря, очевидно, состояли в том, что он стремился к достижению более заметной, но второстепенной по значению цели в ущерб менее заметной, по главной цели. В своих действиях Цезарь попеременно придерживался то стратегии Джекиля, то стратегии Хайда¹⁰.

Потерянное Цезарем время позволило сторонникам Помпея собраться с силами и вновь закрепиться в Африке и Испании.

Затруднения Цезаря в Африке были увеличены прямыми действиями его помощника Куриона. Одержав вскоре после высадки своих войск победу, Курион, однако, попал в ловушку царя Юба, который являлся союзником группировки Помпея, и был уничтожен. Цезарь также начал африканскую кампанию (в 46 г. до н. э.) прямолинейно, стремительно и с таким же недостатком сил, как и в греческой кампании. Вскоре он попал в ловушку и избежал поражения лишь благодаря сопутствующей ему удаче и тактическому мастерству. После этого он обосновался в укрепленном лагере вблизи Руспена в ожидании прибытия остальных легионов, уклоняясь от всяких соблазнов ввязаться в бой.

Затем Цезарь склонился к стратегии Джекиля, заключающейся в достижении победы малой кровью. В течение нескольких месяцев, даже после прибытия подкреплений, он придерживался стратегии чрезвычайно не прямых, хотя и ограниченных действий. Маневрируя, он беспрерывно наносил булавочные уколы, удручающее действие которых сказалось на моральном состоянии противника, что было видно из увеличивавшегося потока дезертиров. Наконец в результате более широкого непрямого подхода к важной базе противника в Тапсе Цезарь создал выгодную обстановку для благоприятного исхода сражения, и его войска, стремительно бросившись в атаку, выиграли сражение даже без какого-либо руководства сверху.

В испанской кампании 45 г. до н. э., которая последовала за африканской кампанией и которой закончилась данная война, Цезарь стремился избегать больших потерь в живой силе, беспрерывно маневрируя перед носом противника, чтобы вынудить его занять невыгодную позицию. Благодаря такой тактике Цезарь добился победы в сражении при Мунде (см. рис. 4). Однако упорный характер этого сражения и большие потери показали различие между принципом экономии сил и обычной их бережливостью.

Непрямыми действиями Цезаря не хватало размаха и внезапности. В каждой из кампаний он ослаблял моральный дух противника, но не подрывал его окончательно. Это, по-видимому, объяснялось тем, что Цезарь больше заботился о воздействии на психологию солдат, чем на психологию их начальников. Если его кампании помогают определить качественное различие между двумя видами не прямых действий, применяемых, с одной стороны, против войск противника, а с другой - против его командования, то они, кроме того, очень убедительно показывают различие между прямыми и непрямыми действиями, ибо Цезарь терпел поражение всякий раз, когда он применял прямые действия, и, напротив, добивался всегда успеха, когда прибегал к непрямым действиям.

Глава IV.

Византийские войны. Велизарий и Нарсес

После завершающей победы Цезаря в сражении при Мунде он стал бессменным диктатором Рима и Римской республики. Этим фактом конституция была сведена на нет и был проложен путь к преобразованию республики в империю, уже имевшую зачатки собственного распада. Однако процесс разложения шел медленно. От триумфа Цезаря до окончательного падения Рима прошло 500 лет. Но и после этого Римская империя еще продолжала существовать в течение тысячи лет, хотя ее границы менялись. Это было вызвано, во-первых, переносом в 330 г. н.э. Константином Великим столицы из Рима в Византию (Константинополь), во-вторых, окончательным разделением в 364 г. Римской империи на Восточную и Западную Римские империи. Восточная Римская империя существовала вплоть до конца V в. н.э., т.е. дольше, чем Западная, которая все больше и больше распадалась под ударами варваров, пока из ее остатков не образовалось независимое Итальянское королевство (вслед за образованием королевств в Галлии, Испании и Африке), что привело к свержению с престола номинального императора Западной Римской империи.

Однако в середине VI в. был период, когда римское господство на Западе было восстановлено с помощью Востока. Во время господства в Константинополе Юстиниана его полководцы вновь завоевали Африку, Италию и Южную Испанию.

Эти победы, связанные главным образом с именем Велизария, особенно примечательны двумя обстоятельствами: во-первых, исключительно малыми средствами, которыми Велизарий осуществлял кампании, преследовавшие далеко идущие цели; во-вторых, систематическим применением им оборонительной тактики. В истории нет подобного примера, когда бы целый ряд завоеваний был достигнут путем воздержания от наступательных действий. Еще более удивительным является то, что оборонительные действия были осуществлены армией, основу которой составлял подвижный род войск, а именно конница. Велизарий не был лишен смелости, но его тактика состояла в том, чтобы не только не создавать помех противнику, но и побуждать его предпринять наступление первым. Эта приверженность к обороне частично объяснялась недостатком сил у Велизария; в то же время она являлась результатом тонкого расчета как в тактическом, так и в психологическом отношении.

Армия Велизария мало чем напоминала классическую армию, состоявшую из легионов. Она больше походила на средневековую армию, однако была значительно совершеннее. Солдат времен Цезаря не узнал бы в ней римскую армию, хотя солдат, находившийся в Африке под командованием Сципиона, возможно, нашел бы тенденцию ее развития менее удивительной. В период от Сципиона до Цезаря, когда сам Рим превращался из города-государства в империю, армия превратилась из милиции с коротким сроком службы в профессиональную армию с длительным сроком службы. Однако конница не заняла главного места в структуре армии, чего можно было ожидать после сражения при Заме. Пехота продолжала оставаться основным родом войск в армии Римской империи, а конница (хотя лошади стали намного лучше) - вспомогательным родом войск, каким она была на первых этапах войны с Ганнибалом. По мере того как оборона границ империи требовала увеличения подвижности войск, количество конных воинов постепенно увеличивалось. Однако только в 378 г. н.э., когда легионы были разгромлены конницей в сражении под Адрианополем, римские армии подверглись реорганизации в соответствии с полученным уроком. Последующие поколения ударились в другую крайность. При Феодосии конница была увеличена за счет усиленного рекрутирования всадников из среды варварских племен. Позднее соотношение между пехотой и конницей при их рекрутировании было несколько выравнено. Ко времени Юстиниана и Велизария основной род войск составляла тяжелая конница, воины которой были вооружены луком и пикой и закованы в латы. Толчком к этому, очевидно, послужило стремление сочетать в одном вымуштрованном воине подвижную огневую и ударную мощь. Эти качества соответственно были присущи в отдельности конным лучникам в войсках гуннов и персов и готским кавалеристам, вооруженным пикой. Эта тяжелая конница дополнялась легкой, укомплектованной лучниками. В таком сочетании они по структуре и тактическому применению являлись прообразом современных легких и тяжелых (или средних) танков. Пехота также делилась на два типа: легкую и тяжелую, но последняя с ее тяжелыми копьями и плотными боевыми порядками использовалась только в качестве надежной опоры, вокруг которой конница могла маневрировать в бою.

В начале VI в. Восточная Римская империя оказалась в опасном положении. Ее войска потерпели несколько крупных поражений на персидской границе, и поэтому ее общее положение в Малой Азии оказалось неустойчивым. На некоторое время давление персов уменьшилось вследствие вторжения в Персию гуннов с севера, но приблизительно в 525 г. война на границе возобновилась, хотя боевые действия носили довольно несистематический характер. Именно здесь Велизарий впервые отличился. Он провел несколько удачных кавалерийских рейдов в Персидскую Армению, а позднее нанес смелый контрудар персам, захватившим пограничный замок. Контраст между его действиями и неудачными действиями других полководцев побудил Юстиниана назначить Велизария главнокомандующим всех сил на Востоке, когда ему еще не было и 30 лет.

В 530 г. персидская армия численностью 40 тыс. человек подошла к крепости Дара в Месопотамии. Против нее Велизарий выставил армию, которая численностью едва достигала

половины сил противника и состояла в основном из необученных, недавно прибывших новобранцев. Не желая подвергнуться осаде, он решил пойти на риск и дать сражение, хотя, находясь на выгодных позициях, хорошо подготовленных как к оборонительным, так и к наступательным действиям, мог рассчитывать, что противник, питавший ненависть к византийцам и имевший численное превосходство, ударит по нему первым. Перед крепостью на небольшом удалении от стен был вырыт широкий и глубокий ров с расчетом, чтобы оборонявшие ров войска могли быть поддержаны огнем через амбразуры стен. Во рву Велизарий разместил свою менее надежную пехоту. От обоих концов рва под прямым углом вперед были вырыты поперечные траншеи, а от них в направлении высот, расположенных по обеим сторонам долины, было отрыто еще по одной траншее. Вдоль этих фланкирующих сооружений, между которыми имелись широкие проходы, были размещены отряды тяжелой конницы, предназначенные для проведения контратак. Легкая гуннская конница была расположена в двух внутренних углах, образованных поперечными траншеями и рвом, с задачей, если тяжелая конница на флангах будет отброшена назад, уменьшить давление на нее ударами в тыл атакующему противнику.

Персы при подходе к крепости были сбиты с толку этой диспозицией войск Велизария и потратили весь первый день на проведение разведки боем. На следующее утро Велизарий направил персидскому командующему письмо, в котором предлагал решить спорные вопросы путем переговоров, а не боем. Согласно исследованиям Прокопия Кессарийского, в этом письме Велизария говорилось: "Первым благословением является мир, с чем согласны все, кто имеет хоть небольшую долю разума... Поэтому лучшим полководцем будет тот, кто в состоянии закончить войну миром". Это были замечательные слова, сказанные столь молодым полководцем в канун его первой большой победы. Но персидский командующий ответил, что обещаниям римлян никогда нельзя доверять. По его мнению, послание Велизария и его оборонительная тактика были просто продиктованы страхом. Итак, наступление началось. Персы были достаточно осторожны, чтобы не наносить удар в центре, где была очевидная ловушка, однако их осторожность оказалась на руку Велизария: их удар был ослаблен, и боевые действия персов были направлены только против кавалерии на флангах, т. е. по роду войск, в котором Велизарий мало уступал противнику в численном отношении и на который он мог больше всего положиться. В то же время его пехота могла вести обстрел из луков. Византийский лук по дальности стрельбы превосходил персидский, причем персидский панцирь не предохранял от византийской стрелы, в то время как византийский панцирь хорошо защищал от персидской.

Сначала персидская конница несколько продвинулась на левом фланге Велизария, по затем небольшой кавалерийский отряд, спрятанный за одной из высот, внезапно атаковал ее с тыла. Этот внезапный удар, нанесенный во взаимодействии с ударом гуннской конницы по флангу персов, заставил последних отойти. На правом фланге персидская конница прорвалась еще дальше, к самым стенам крепости, создав разрыв между своим наступающим крылом и неподвижным центром, разрыв, в который Велизарий ввел всю свою конницу. Этот контрудар по ослабленному боевому порядку персов вынудил персидскую конницу на правом фланге обратиться в беспорядочное бегство, что дало возможность Велизария нанести следующий удар по обнажившемуся флангу персидской пехоты, расположенной в центре. Сражение при Даре закончилось решительным поражением персов - первое поражение, которое они потерпели от византийцев за ряд поколений.

Потерпев еще несколько поражений, персидский царь начал мирные переговоры с послом Юстиниана. Переговоры еще велись, когда царь сарацин, союзник персов, предложил новый план кампании - план нанесения непрямого удара по византийскому могуществу. Он доказывал, что вместо наступления на надежно прикрытом и укрепленном участке византийской границы выгоднее нанести удар в направлении, неожиданном для противника. Армия, сформированная из наиболее подвижных войск, имевшихся в распоряжении персов, должна была двинуться на запад от Евфрата через пустыню, считавшуюся непроходимой, и нанести удар по Антиохии, самому богатому городу

Восточной Римской империи (см. рис. 2).

Этот план был принят и осуществлен, причем была доказана возможность перехода через пустыню армии, соответствующим образом организованной и подготовленной. Однако Велизарий настолько увеличил подвижность своих войск и организовал вдоль границы столь эффективную систему коммуникации, что смог форсированными маршами с севера предупредить противника. Он заставил интервентов повернуть обратно и этим ограничился. Такая сдержанность в действиях не понравилась его войскам. Узнав о недовольстве среди воинов, Велизарий пытался доказать им, что истинная победа заключается в том, чтобы заставить противную сторону отказаться от намеченной цели, по возможности при минимальных потерях со своей стороны. Если такой результат уже достигнут, то нет никакой необходимости добиваться победы боем, "ибо зачем гоняться за призраком", когда это сопряжено с ненужным риском поражения, в результате которого империя могла остаться без защиты в случае вторжения в дальнейшем более опасного противника. Лишить отступающую армию противника возможности спастись наверняка означает вдохнуть в нее смелость, вызванную отчаянностью ее положения.

Такие аргументы были слишком благоразумны, чтобы разубедить солдат, жаждавших крови. Чтобы сохранить свое влияние над ними, Велизарий согласился с их желанием продолжать наступление и в результате потерпел единственное поражение, которое доказало справедливость его воззрений. Однако победа персов над преследователями была куплена столь дорогой ценой, что они были вынуждены продолжать отступление.

После успешной обороны Востока Велизарий вскоре был послан на Запад для выполнения задач наступательного порядка. Столетием раньше вандалы (древнегерманское племя) закончили свое переселение на юг, захватив Римскую Африку и основав свою столицу в Карфагене. Они занимались пиратством в большом масштабе, а также совершали набеги в целях ограбления городов на побережье Средиземного моря. В 455 г. они ограбили Рим, а позже нанесли тяжелое поражение крупной карательной экспедиции, высланной из Констаигинополя. Однако через несколько столетий роскошь и африканское солнце не только смягчили нравы вандалов, но и начали ослаблять их энергию. В 531 г. король вандалов Гильдерик, который в юности дружески относился к Юстиниану, был свергнут и заключен в тюрьму своим воинственным племянником Гелимером. Юстиниан направил Гелимеру письмо с просьбой освободить Гильдерика, а когда его просьба была отвергнута, он решил в 533 г. направить в Африку экспедиционные войска под командованием Велизария, однако выделил в его распоряжение всего 5000 человек конницы и 10 тыс. человек пехоты. Хотя это были отборные войска, однако шансы на успех были весьма сомнительны, поскольку вандалы, по слухам, имели около 100 тыс. человек.

По прибытии в Сицилию Велизарий получил ободрившее его известие, что часть отборных войск вандалов направлена для подавления восстания в Сардинию, являвшуюся в то время владением вандалов, и что самого Гелимера в это время в Карфагене не было. Не теряя времени, Велизарий отплыл в Африку и успешно высадился в пункте, находящемся от Карфагена на удалении девятидневного перехода, с целью избежать опасности перехвата более мощным флотом вандалов. Узнав об этом, Гелимер срочно приказал своим войскам сосредоточиться в дефиле вблизи Дециума, расположенного на главной дороге в 16 км от Карфагена, где он надеялся окружить врага. Однако этот план был сорван быстрым наступлением Велизария по суше в сочетании с угрозой Карфагену с моря. Велизарий застал войска вандалов врасплох в процессе их сосредоточения. Последовавший затем ряд боев вызвал такой беспорядок в войсках вандалов, что они не только упустили возможность разбить Велизария, но и сами оказались рассеянными во всех направлениях, открыв ему путь к Карфагену. К тому времени, когда Гелимер снова сосредоточил войска и, отозвав экспедиционную армию из Сардинии, был готов к переходу в наступление, Велизарий восстановил оборонительные сооружения Карфагена, которые в период владычества вандалов пришли в негодность.

Вандалы в течение нескольких месяцев неоднократно пытались выбить римлян из

города, но успеха не имели. Тогда Велизарий отважился перейти в наступление, учитывая, что моральный дух вандалов упал и что в случае неудачи его войска смогут укрыться за стенами города. Выдвинув вперед конницу, он сблизился с вандалами, стоявшими лагерем при Трикамере, расположенном за рекой, и начал бой, не ожидая подхода пехоты. Его замысел, по-видимому, заключался в том, чтобы демонстрацией слабости своих сил вынудить вандалов перейти в наступление и затем контратаковать их при переправе через реку. Однако его демонстративная атака и последующий ложный отход не смогли завлечь вандалов дальше реки. Тогда Велизарий воспользовался их излишней осторожностью и беспрепятственно переправил через реку значительные силы, а затем, усилив давление на центр армии вандалов, которое приковало к себе внимание противника, перешел в наступление по всему фронту.

Соппротивление вандалов было быстро сломлено, и они укрылись в лагере, обнесённом частоколом. Ночью Гелимер сбежал из лагеря. Войска, узнав об этом, тоже стали разбегаться. Последующее преследование и пленение Гелимера решили исход войны в пользу Велизария. Первоначально отвоевание Римской Африки выглядело отчаянной авантюрой, на практике же оно оказалось удивительно легким и простым.

Эта легкая победа вдохновила Юстиниана предпринять в 535 г. попытку отвоевать у остготов Италию и Сицилию, причем по возможности дешевой ценой. Юстиниан направил небольшую армию на север вдоль побережья Далмации. Вместе с тем он уговорил франков, пообещав им субсидии, напасть на остготов с севера. Под прикрытием этих диверсий Юстиниан направил в Сицилию Велизария с экспедиционными войсками численностью 12 тыс. человек, приказав ему по прибытии в Сицилию распространить слух, что эти войска находятся на пути к Карфагену. Велизарий, если ему не будет оказано сопротивление, должен был оккупировать остров; в противном случае, не ввязываясь в бой, отплыть из Сицилии. В действительности при завоевании Сицилии не встретилось никаких трудностей. Несмотря на то что прежние завоеватели хорошо относились к жителям сицилийских городов, те охотно приветствовали Велизария как своего освободителя и защитника. Небольшие остготские гарнизоны не оказали ему серьезного сопротивления, за исключением гарнизона в Патеомо, которым Велизарий овладел благодаря хитрости. Однако, если Велизарий добился успеха в Сицилии, попытка Юстиниана вторгнуться в Далмацию окончилась катастрофой. Но как только это отвлекающее наступление в Далмацию было возобновлено, Велизарий, переправившись через Мессинский пролив, вторгся в Италию.

Междоусобная борьба среди остготов и беззаботность их короля расчистили путь для успешного наступления Велизария в Южной Италии вплоть до Неаполя, который был сильно укреплен и оборонялся гарнизоном, по численности равным войскам Велизария. Задержавшись на некоторое время, Велизарий в конце концов случайно нашел путь для проникновения в город через заброшенный акведук. Проведя через узкий туннель акведука отборный отряд бойцов, он ночью нанес одновременный удар с тыла и с фронта и захватил город.

Весть о падении Неаполя вызвала среди остготов сильную панику, которая привела к взрыву протеста против царя и замене его энергичным полководцем Витигисом. Однако Витигис, придерживаясь чисто военной точки зрения, считал, что, прежде чем сосредоточивать силы против нового захватчика, необходимо окончить войну с франками. Исходя из этого Витигис, оставив небольшие силы в Риме, которые он считал достаточными для обороны города, пошел на север, чтобы разбить франков. Однако жители Рима не разделяли его мнения, а так как гарнизон считал, что он не в силах оборонять город, Велизарий захватил Рим без боя.

Раскаившись, хотя и поздно, в своем решении и откупившись от франков золотом и территориальными уступками, Витигис собрал для освобождения Рима армию численностью 150 тыс. человек. Для обороны города Велизарий едва набрал 10 тыс. человек. Однако, использовав предоставленную ему до начала осады трехмесячную передышку, он усилил оборонительные сооружения города и накопил большие запасы продовольствия. Кроме того,

он применял активную оборону, совершал систематические, хорошо организованные вылазки. При проведении вылазок Велизарий использовал конницу, вооруженную луками, которая наносила удары по коннице противника, оставаясь вне досягаемости готских всадников, вооруженных пиками и иногда бросавшихся в безрассудные атаки. Хотя немногочисленные защитники города испытывали огромное напряжение, однако силы осаждавших войск таяли еще быстрее, особенно из-за болезней. Чтобы ослабить осаду, Велизарий пошел на риск. Он выделил из своих незначительных сил два отряда, поставив перед ними задачу внезапным ударом захватить города Тиволи (см. рис. 2) и Террачина, контролировавшие дороги, по которым осаждавшие войска получали продовольствие, а когда из Византии прибыли для Велизария подкрепления, он стал проводить подвижными отрядами более глубокие рейды вплоть до адриатического побережья и вдоль него в сторону основной базы остготов - Равенны. Наконец, через год после начала осады, остготы отказались от попытки захватить город и отступили на север, причем их отступление было ускорено вестью о том, что византийский отряд, совершив рейд, захватил Ариминн, расположенный вблизи Равенны. Когда арьергард остготской армии сгрудился на Мальвианском мосту, Велизарий нанес удар, причинив отряду большие потери.

В то время как Витигис отступал на северо-восток, в направлении Равенны, Велизарий направил по морю на север часть сил, которые двигались вдоль западного побережья с задачей захватить Павию и Милан (см. рис. 6). Сам же Велизарий с отрядом всего лишь в 3000 человек направился к восточному побережью, где соединился с только что высадившимся подкреплением численностью 7000 человек, находившимся под командованием Нарсеса. Отсюда он пошел форсированным маршем на помощь своему отряду в Аримини, окруженному войсками Витигиса. Замаскировав себя от наблюдения со стороны крепости Осимо, где остготы оставили отряд численностью 25 тыс. человек, Велизарий незаметно обошел ее и двинулся к Аримини двумя колоннами; кроме того, один отряд перебрасывался морем. Это наступление с трех направлений преследовало цель создать у остготов преувеличенное представление о его силах. Для усиления этого впечатления по ночам в лагере зажигалась длинная цепь огней. Эта хитрость увенчалась успехом, и одно только имя Велизария вызывало страх у остготов. В итоге остготская армия, имевшая значительное численное превосходство, бежала в панике при приближении Велизария.

После этого Велизарий, не прекращая наблюдения за действиями Витигиса в Равенне, решил обезопасить свои коммуникации с Римом путем захвата крепостей, которые он обошел при быстром продвижении вперед. При малой численности войск эта задача была не из легких, однако его метод состоял в том, чтобы наиболее важные крепости сперва изолировать, а затем осадить. Одновременно в качестве заслона выбрасывались на значительное удаление подвижные отряды, которым ставилась задача не допустить подхода к осаждаемой крепости свежих сил противника. Решение этой задачи потребовало значительного времени. Оно затянулось из-за того, что некоторые полководцы Велизария, имевшие защитников при дворе, прикрывавших их неповиновение Велизария, были склонны искать и захватывать более богатые объекты противника. Тем временем Витигис направил своих послов к франкам и персам с соблазнительным предложением объединиться для согласованного нападения на Византийскую империю с двух сторон, пока ее войска рассредоточены на таком большом пространстве, с тем чтобы положить конец дальнейшей византийской экспансии. Король франков ответил согласием и перешел Альпы с большой армией.

Первыми пострадали потенциальные союзники остготов. После того как остготы, перед которыми стояла византийская армия, открыли переправу для франков через р. По в районе Павий, франки хладнокровно атаковали и остготов и византийцев, обратив их в бегство. Затем они приступили к ограблению окрестностей. Поскольку армия франков почти целиком состояла из пехоты, ее район заготовки и получения продовольствия был небольшим, и вскоре солдаты стали умирать тысячами от голода. Обессиленные в результате своих

безрассудных действий, франки не осмелились двинуться дальше, имея перед собой такого подвижного противника, как войска Велизария, и последний без особого труда побудил их вернуться домой. После этого Велизарий усилил давление на Равенну и добился капитуляции Витигиса.

В 540 г. Велизарий был отозван Юстинианом под предлогом необходимости отразить угрозу со стороны персов. Однако основным мотивом для отзыва Велизария явилась зависть и боязнь Юстиниана, до которого дошли слухи, что остготы обратились к Велизарии с предложением заключить мир и решили признать его императором Запада.

В то время как Велизарий возвращался домой, Хосров, новый царь Персии, повторно совершил марш через пустыню и захватил Антиохию. Опустошив Антиохию и другие сирийские города, он, приняв предложенную Юстинианом большую ежегодную дань, согласился на заключение нового мирного договора. Однако, как только Хосров возвратился в Персию, а Велизарий вернулся в Константинополь, Юстиниан разорвал этот договор.

В ходе следующей кампании Хосров вторгся в Колхиду, расположенную на побережье Черного моря, и захватил византийскую крепость Петра. К этому моменту Велизарий прибыл на восточную границу империи. Узнав, что Хосров находится в какой-то далекой экспедиции, но неизвестно, где именно, Велизарий воспользовался этим и неожиданно вторгся в персидские владения. В целях расширения военных действий он направил своих арабских союзников в рейд по р. Тигр в Ассирию. Этот удачно выбранный момент для удара подтвердил ценность непрямых действий, ибо они поставили под угрозу снабжение персидской армии, вторгшейся и Колхиду, и вынудили Хосрова поспешно возвратиться обратно.

Вскоре после этого Велизарий был отозван в Константинополь. На этот раз его отозвали в связи с затруднениями во внутренних делах империи. За время отсутствия Велизария на Востоке персидский царь вторгся в Палестину, желая захватить Иерусалим, который в то время был самым богатым городом Востока. Получив такие данные, Юстиниан направил на помощь Палестине Велизария. На этот раз Хосров имел армию в 200 тыс. человек и поэтому не мог направить ее через пустыню. Хосрову пришлось совершить марш вдоль берегов Евфрата в Сирию, прежде чем повернуть на юг, к Палестине. Зная о том, каким маршрутом будет следовать Хосров, Велизарий сосредоточил все свои наличные силы, правда не столь многочисленные, но зато более подвижные, в Каршемише, расположенном в верхнем течении Евфрата. Отсюда войска Велизария могли наилучшим образом угрожать флангу наступающих войск противника, используя излучину реки к югу. Когда разведка донесла Хосрову о сосредоточении войск Велизария, он направил к Велизарии посла как бы с целью обсудить возможные условия мира. Однако истинной целью Хосрова было разведать численность и состояние войск Велизария, которые в действительности по численности были в десять, возможно даже в двадцать, раз меньше персидской армии.

Догадываясь о цели этой миссии, Велизарий инсценировал военный "спектакль". Он отобрал лучших солдат, включая остготов, вандалов и мавров, поступивших к нему на службу после пленения, и выслал их вперед по маршруту, по которому должен был следовать персидский посол, чтобы последний мог подумать, что он встречен одним из отрядов охранения большой армии. Солдатам было приказано рассредоточиться по равнине и находиться в постоянном движении, с тем чтобы создать видимость многочисленной армии. Этот обман подкреплялся еще тем, что Велизарий держался очень самоуверенно, а его войска вели себя беспечно, как будто им нечего было бояться в случае любого нападения. Донесение посла убедило Хосрова в том, что было бы слишком рискованно продолжать вторжение, имея столь значительные силы Велизария на фланге своих коммуникаций. В дальнейшем ложными маневрами конницы вдоль Евфрата Велизарий вынудил персов отойти за реку и наконец убраться восвояси. В истории еще не было такого примера, чтобы потенциально непреодолимое вторжение было отражено так умно и экономно. И этот удивительный результат был достигнут благодаря непрямым действиям,

которые имели главным образом психологический эффект.

Велизарий снова был отозван в Константинополь, так как Юстиниан завидовал его непрерывно растущей славе. Вскоре неправильная политика в Италии настолько подорвала византийское господство в этой стране, что Юстиниан был вынужден снова послать туда Велизария для восстановления положения. Однако император из-за скупости и зависти предоставил своему полководцу очень скудные силы и средства для выполнения этой задачи, масштабы которой ко времени прибытия Велизария в Равенну еще больше возросли. Остготы под руководством нового короля Тотилы, постепенно восстановив свои силы, снова захватили северо-запад, а затем и юг Италии. Неаполь пал, Рим также находился в опасности. Велизарий предпринял смелую, но безуспешную попытку спасти Рим, перебросив войска по морю и переправившись через р. Тибр в ее верхнем течении. Однако Тотила, разрушив городские укрепления и оставив около 15 тыс. человек, чтобы сковать отряд Велизария на побережье численностью 7000 человек, направился на север с целью захватить Равенну, пользуясь отсутствием там Велизария. Но Велизарий искусным маневром перехитрил своих противников и пробрался в Рим. Велизарий хотел использовать Рим в качестве приманки, надеясь, что от нее не откажется ни один остгот. В течение трех недель, прежде чем Тотила вернулся со своей армией, Велизарий сумел восстановить городские укрепления, за исключением ворот, и отразить два сильных штурма. В результате остготы понесли столь тяжелые потери, что их уверенность уменьшилась, и, когда они предприняли третью попытку, Велизарий нанес контрудар, отбросив остготов назад. На следующий день остготы сняли осаду Рима и отошли к Тиволи.

Несмотря на многократные просьбы Велизария о помощи, Юстиниан прислал ему лишь незначительные подкрепления, и, таким образом, вместо того чтобы попытаться снова захватить всю страну, Велизарий оказался вынужденным потратить несколько лет на штурм крепостей и портов противника, нанося им булавочные уколы. Наконец, видя, что бесполезно надеяться на то, что Юстиниан впредь доверит ему достаточно сильную армию, он в 548 г., получив разрешение, вернулся в Константинополь.

Четырьмя годами позже, сожалея о своем отказе от Италии, Юстиниан решил предпринять новую экспедицию. Не желая назначения Велизария командующим, чтобы не иметь сильного для себя соперника, он назначил командующим Нарсеса, который был известен как способный военный теоретик и который на заключительном победоносном этапе первой итальянской кампании Велизария получил возможность проявить свое полководческое искусство на практике

Нарсес полностью использовал предоставленную ему благоприятную возможность. Прежде всего он выдвинул условие, что согласится занять пост командующего, если ему дадут действительно сильную и хорошо оснащенную армию. Получив такую армию, он повел ее на север вдоль адриатического побережья. Марш армии Нарсеса облегчался уверенностью остготов в том, что Нарсес вторгнется в Италию с моря, поскольку они считали маршрут по побережью, изрезанному многочисленными устьями рек, слишком трудным. Однако, собрав большое количество судов, которые следовали вдоль побережья и использовались для наведения переправ, Нарсес добился высоких темпов передвижения своих войск и вышел к Равенне, не встретив никакого сопротивления. Не теряя времени, он двинулся на юг, обходя многочисленные крепости, которые преграждали ему путь, с целью навязать Тотиле бой раньше, чем тот успеет сосредоточить все свои силы. Тотила занял главный проход через Апеннины, однако Нарсес обошел его с фланга и появился у Тагинэ.

Нарсес имел численное превосходство над остготами, тогда как Велизарий в предыдущих кампаниях испытывал постоянный недостаток в войсках. Тем не менее, стремясь извлечь максимальную выгоду из своего стратегического наступления, Нарсес в борьбе с Тотилой предпочел перейти к оборонительной тактике. Учитывая природный наступательный дух остготов и желая заставить их первыми начать бой, он применил тактический маневр, который явился прообразом тактики английских войск в сражении при Креси¹¹ с французскими рыцарями восемьсот лет спустя (см. рис. 6). Нарсес решил сыграть

на уверенности остготов в неустойчивости византийской пехоты перед атакой конницы. Поэтому в центре своего боевого порядка он расположил большой отряд спешенной конницы, вооруженной пиками. Этот отряд должен был создать впечатление у остготов, что перед ними находится значительная масса вооруженной копьями пехоты. На флангах отряда Нарсес разместил лучников, выдвинув их вперед в форме полумесяца, которые могли бы засыпать стрелами противника, прорвавшегося в центр. В тылу лучников располагалась основная масса конницы. На некотором удалении от левого фланга, за обратным скатом высоты, он сосредоточил отряд из отборных всадников с задачей нанести внезапный удар по остготам с тыла, как только они введут в бой свои главные силы. Умный расчет Нарсеса достиг своей цели.

Остготская конница была брошена против центра, где якобы находилась ненадежная пехота. С началом атаки конница остготов понесла тяжелые потери от града стрел, сыпавшихся с флангов, а затем была остановлена перед прочно стоявшими рядами спешенной конницы византийцев. В это время лучники еще более усилили обстрел и начали обходить остготскую конницу с флангов. Что касается пехоты остготов, то она не решалась подойти на помощь своей коннице из-за боязни удара с тыла силами конных лучников, поставленных Нарсесом у фланкирующей высоты. Повторив неудачную попытку прорвать центр византийцев, остготская конница была вынуждена начать отход. Этим не замедлил воспользоваться Нарсес. Последовал решительный контрудар, основной силой которого являлась византийская конница. Разгром остготов был настолько сокрушительным, что Нарсес почти не встретил серьезного сопротивления при своем вторичном завоевании Италии.

Покорение готов было завершено как нельзя кстати, так как развязало руки Нарсесу при отражении нового нашествия франков, предпринятого в ответ на отчаянный призыв готов. На этот раз франки углубились значительно дальше, чем прежде. Они дошли вплоть до Кампании. Нарсес, по-видимому, учтя опыт их первого вторжения и желая дать им "веревку, чтобы они сами себя повесили", уклонялся от боя до тех пор, пока огромная армия франков не растаяла от изнурительного похода и дизентерии. Однако в ее рядах все еще оставалось 80 тыс. человек, когда Нарсес навязал франкам сражение под Касилли вблизи Неаполя в 553 г. Здесь, учитывая особенности тактики франков, Нарсес заманил их в ловушку. Армия франков состояла преимущественно из пехоты, наступала глубоко эшелонированной колонной и обладала значительной мощностью и ударной силой. На вооружении пехоты имелось только оружие ближнего боя: копья, боевые топоры и мечи.

В сражении под Касилли Нарсес в центре боевого порядка расположил спешенных копейщиков и лучников. Удар франков по центру заставил их отойти, но затем Нарсес развернул конницу, стоявшую на флангах, и бросил ее на фланги франков. Это заставило франков остановиться и развернуться для отражения атаки. Однако Нарсес не пошел на сближение с ними, зная, что их боевой порядок слишком прочен, чтобы его можно было взломать прямым ударом. Вместо этого он остановил свою конницу на таком удалении, чтобы ее не могли поражать франки топорами, и открыл сосредоточенную стрельбу из луков, на которую франки не могли ответить, не нарушив сомкнутого боевого порядка. Наконец, когда франки, спасаясь от стрел, нарушили боевой порядок и стали осторожно отходить в тыл, Нарсес использовал эту благоприятную возможность для нанесения решительного удара. Этот удар окончательно расстроил ряды франков, и в результате мало кому из них удалось спастись.

На первый взгляд, кампании Велизария и Нарсеса скорее относятся к области тактики, чем стратегии, поскольку многие передвижения приводили непосредственно к бою и было очень мало по сравнению с кампаниями других великих полководцев примеров хорошо продуманного маневра в целях нарушения коммуникаций противника. Однако более внимательное изучение приводит к другому выводу. Велизарий создал тактику нового типа. Применяя эту тактику, он мог рассчитывать на разгром превосходящих сил противника, заставив его наступать в выгодной для него обстановке. В этих условиях даже недостаток

сил, конечно небольшой, был для него плюсом, особенно тогда, когда проводилось смелое прямое наступление стратегического масштаба. Следовательно, стратегия Велизария была построена с расчетом скорее на психологию, чем на широкие маневры. Он умел использовать инстинктивное стремление варварских армий Запада к прямой атаке. В борьбе с более коварными и искусными персами он сумел сначала сыграть на их уверенности в превосходстве над византийцами, а позднее, когда заставил восточных варваров уважать себя, учитывал их осторожность и брал верх над ними в психологическом отношении.

Велизарий мастерски владел искусством превращения своей слабости в силу, а силы противника - в слабость. Его тактика также характеризовалась применением непрямых действий; он сперва расстраивал боевой порядок противника, отыскивая стык его частей, как наиболее слабое место, а затем громил его.

Когда в ходе первой итальянской кампании друзья Велизария спросили его, на чем основана его уверенность в победе над войсками противника, имевшими такое огромное превосходство в силах, он ответил, что в первом бою с готами внимательно изучал, в чем состоит их слабость, и установил, что готы не могут согласованно использовать в бою все свои силы. Причиной этого, кроме затруднений, вызываемых чрезмерным количеством войск, являлось то, что, в то время как его конница состояла из отличных всадников, готы не имели опыта в этом деле; их кавалеристы были обучены владеть лишь пиками и мечами, а пешие лучники привыкли двигаться только под прикрытием конницы. Таким образом, готские конники могли успешно действовать только в ближнем бою, но не имели никаких средств защиты от конницы противника, державшейся на безопасном для себя удалении и засыпавшей их стрелами. Что же касается пеших лучников, то они никогда не шли на риск оказаться лицом к лицу с вражеской кавалерией на открытой местности. В результате готская кавалерия всегда стремилась сблизиться с противником на дистанцию ближнего боя и легко могла быть втянута в бой в невыгодных для себя условиях, тогда как пехота стремилась отойти назад, когда прикрывавшая ее кавалерия отрывалась. Поэтому взаимодействие между ними нарушалось, и в образовавшийся разрыв между пехотой и кавалерией можно было наносить ответные удары с флангов.

Тактика и оборонительно-наступательная стратегия, разработанные Велизарием, обеспечили сохранение позиций Византийской империи и римской традиции в течение следующих веков, т.е. тогда, когда Западная Европа переживала мрачные времена средневековья. Дальнейшее развитие его методов и последовательную реорганизацию армии можно проследить по двум византийским военным учебникам - "Strategikon" императора Маврикия и "Tactica" императора Льва. Византийская империя оказалась достаточно сильной, чтобы выдержать неоднократные набеги варваров и даже нашествие магометан, поглотивших Персидскую империю. Несмотря на потерю отдаленных территорий, главные бастионы Византийской империи остались непоколебимыми, а начиная с правления Василия I в IX в. потерянные территории были постепенно отвоеваны. При Василии II, в начале XI в., Византийская империя достигла наивысшего могущества со времен Юстиниана (т. е. спустя 500 лет) и находилась в большей безопасности, чем в его время.

Однако через 50 лет после смерти Василия II безопасность империи и перспективы ее укрепления были утрачены в течение нескольких часов. Длительное отсутствие внешней угрозы привело к систематическому сокращению военного бюджета, к разложению армии и уменьшению ее численности. Впоследствии рост могущества турок-сельджуков в царствование Альп-Арслана, вступившего на престол в 1063 г., привел к пониманию необходимости перевооружения. В 1068 г. для предотвращения надвигающейся опасности полководец Роман Диоген был провозглашен императором. Однако вместо того, чтобы уделить некоторое время обучению армии и восстановлению ее боеспособности, Роман Диоген преждевременно перешел к наступательным действиям. Ободренный первоначальным успехом на р. Евфрат, он повел свои войска вглубь Армении и вблизи Манцикерта встретился с главными силами турецкой армии. Пораженный огромной численностью византийской армии, Альп-Арслан предложил начать переговоры о мирном

урегулировании спорных вопросов, однако Роман Диоген настаивал, чтобы турецкий султан еще до начала переговоров эвакуировал свой лагерь и отступил. Это означало потерю "престижа", на что вряд ли Альп-Арслан согласился бы. Получив отказ Альп-Арслана, Роман Диоген перешел в наступление и, вопреки византийской военной традиции, позволил завлекать себя все дальше и дальше. Попытки сблизиться с неуловимым и ловким противником оказались безуспешными, в то время как конные лучники турецкой армии непрерывно мешали продвижению византийских войск. С наступлением сумерек, когда Роман наконец приказал своим войскам отойти, они были сильно измотаны и боевой порядок был нарушен. Тогда турки ударили с обоих флангов, и византийская армия рассыпалась.

Разгром был настолько катастрофическим, что турки вскоре смогли захватить большую часть Малой Азии. Таким образом, из-за опрометчивости полководца, наступательный дух которого не уравнивался здравым смыслом, Византийской империи был нанесен удар, от которого она так и не оправилась, хотя и смогла продержаться, в сокращенных размерах, в течение еще четырехсот лет.

Глава V.

Войны средневековья

Эта глава является связующим звеном между древней и современной историей, и хотя некоторые средневековые кампании поучительны, о них меньше написано, чем о кампаниях древних или более поздних времен. В интересах научной истины в основу нашего анализа причин возникновения и результатов тех или иных событий необходимо положить точно установленные исторические факты, пропуская определенные периоды и некоторые, даже интересные примеры, чтобы отобрать наиболее существенное из всей массы материала. Верно, полемика разгорелась вокруг тактических, а не стратегических особенностей военной истории средневековья. Но поскольку возникли споры, они могут коснуться обоих вопросов, и человек, неискушенный в военной истории, может отнестись чересчур подозрительно к выводам, сделанным при изучении этого периода. Мы не включили описание средневековых войн в книгу, однако некоторые эпизоды этих войн заслуживают внимания.

На Западе в средние века дух феодального рыцарства тормозил развитие военного искусства. Однако на тусклом фоне того периода были отдельные яркие моменты, и моментов этих было, пожалуй, не меньше, если брать в пропорции, чем в любой другой период истории.

Первые проблески внесли норманны, а их потомки продолжали обогащать историю войн [79-80] средневековья интересными примерами. Их полководцы дорого ценили кровь норманнов и поэтому старались побеждать умом, что и делали весьма успешно.

В 1066 г. - дата, которую знает каждый школьник, - были применены такие искусные стратегия и тактика, которые оказали решающее влияние не только на исход одного плана, но и на весь ход дальнейшей истории. Вторжение Вильгельма Нормандского в Англию имело успех благодаря стратегическим отвлекающим действиям; ему с самого начала были присущи преимущества не прямых действий. Отвлекающей была высадка на йоркширском побережье (см. рис. 3) Тостига, мятежного брата короля Гарольда, и его союзника, норвежского короля Гарольда Гардраада. Угроза этой высадки казалась менее непосредственной, чем вторжение Вильгельма. Однако она началась раньше и тем самым увеличила эффективность планов Вильгельма, несмотря на то что высадившийся десант был быстро разгромлен. Через два дня после разгрома норвежских интервентов под Стамфордом Вильгельм высадился на побережье Суссекса.

Вместо того чтобы двинуться в северном направлении, Вильгельм опустошением графств Кент и Суссекс побудил короля Гарольда очертя голову ринуться на юг с незначительной частью своих сил. Чем глубже на юг продвигался Гарольд навстречу своему противнику, тем дальше он оказывался от своих подкреплений. Если именно таков был замысел Вильгельма, то он оправдался последующим ходом событий. Вильгельм вступил в бой с Гарольдом при Гастингсе, близ побережья Ла-Манша, и решил его исход в свою пользу

путем тактических не прямых действий. Он приказал части своих сил симулировать бегство; противник начал преследовать их и тем самым нарушил свои боевые порядки. Примененная Вильгельмом на последнем этапе навесная стрельба из луков, в результате которой был убит Гарольд, также может быть отнесена к не прямым действиям.

Стратегия Вильгельма после этой победы тоже заслуживает внимания. Так, вместо того чтобы двинуться прямо на Лондон, он сначала захватил Дувр и обеспечил безопасность морских коммуникаций. Подойдя к предместьям Лондона, он отказался от прямого штурма города и начал опустошать окрестности. Под угрозой голода и после того как Вильгельм подошел к Беркемпстиду, столица капитулировала.

Следующее столетие было свидетелем еще одного доказательства нормандского военного гения, проявившегося в одном из наиболее выдающихся кампаний в истории. В этой кампании была завоевана большая часть Ирландии, а также отражено вторжение крупных норвежских сил под командованием графа Стронгбоу и нескольких сотен рыцарей из пограничных графств Уэльса. Этот успех замечателен тем, что он был достигнут незначительными силами в условиях неблагоприятной лесисто-болотистой местности. Здесь же завоеватели продемонстрировали умение изменять и переделывать традиционные методы ведения войны в условиях феодализма. Завоеватели неоднократно искусно выманивали противника сражаться на открытой местности, где можно было эффективно использовать атаки конницы; они применяли ложные отходы, совершали диверсии, наносили удары с тыла с целью нарушить боевой порядок противника; с помощью неожиданных стратегических действий, ночных атак и навесной стрельбы из луков они преодолевали сопротивление противника в тех случаях, когда его не удавалось выманить из защищенных мест.

Однако XIII в. был еще более насыщен примерами высокого стратегического искусства. Первый пример относится к 1216 г., когда король Джон¹² в результате кампании, в которой была применена стратегия в ее чистом виде, без каких-либо сражений спас свое королевство, после того как чуть было не потерял его. Его средствами были: 1) подвижность; 2) большая обороноспособность, которой в то время обладали крепости; 3) психологический фактор - неприязнь горожан к баронам и к их иностранному союзнику Людовику Французскому. Когда Людовик, высадившись в восточной части Кента, оккупировал Лондон и Винчестер, Иоанн имел слишком мало войск, чтобы оказать ему сопротивление в бою, а на большей части остальной территории страны господствовали бароны. Однако Иоанн все же сохранил за собой крепости Виндзор, Рединг, Уоллингфорд и Оксфорд, которые контролировали путь по Темзе и разделяли силы баронов к северу и югу от реки. Важнейшая крепость Дувр, находившаяся в тылу Людовика, также оставалась в руках Иоанна. Иоанн отошел на территорию графства Дорсетшир, а когда обстановка прояснилась, в июле совершил марш на север к Бустеру, выйдя на рубеж р. Северн, и таким образом создал барьер, чтобы не допустить дальнейшего распространения повстанцев на запад и юго-запад. Отсюда он двинулся в восточном направлении, вдоль р. Темзы, как бы для оказания помощи Виндзору, осажденному войсками противника.

Чтобы обмануть войска противника, осуществлявшие осаду Виндзора, Иоанн направил отряд уэльских лучников с задачей обстрелять их лагерь ночью, а сам повернул на северо-восток и раньше французов достиг Кембриджа. Теперь он мог перерезать еще большее количество дорог, ведущих на север, в то время как главные силы французов были скованы осадой Дувра. Успех Иоанна в изоляции района повстанцев привел к поражению мятежников и их французского союзника, сам же Иоанн в октябре умер. Но если Иоанн умер от неумеренного потребления персиков и свежего эля, то надежды его противника разбились от чрезмерного стремления овладеть во что бы то ни стало стратегически важными укрепленными пунктами.

Следующее восстание баронов было подавлено в 1265 г. с помощью искусной стратегии принца Эдуарда (впоследствии Эдуард I). В результате поражения короля Генриха III под Льюисом в Англии, за исключением пограничных графств Уэльса, установилось господство баронов. Именно туда и совершил свой триумфальный марш Симон де Монфор,

переправившись по пути через р. Северн и дойдя до самого Ньюпорта. Принц Эдуард, которому удалось убежать из армии баронов и соединиться со своими сторонниками в пограничных графствах, расстроил планы де Монфора, захватив мосты через р. Северн и выйдя ему в тыл. Эдуард не только отбросил де Монфора за р. Аск, но и сорвал внезапным налетом трех своих галер на корабли в Ньюпорте план де Монфора, намеревавшегося перебросить свою армию обратно в Англию. Таким образом де Монфор был вынужден совершить длинный и утомительный марш на север через бесплодные районы Уэльса, в то время как Эдуард отошел к Вустеру и укрепился на р. Северн в ожидании подхода войск де Монфора. Когда сын де Монфора выступил со своей армией из Восточной Англии на помощь отцу, Эдуард использовал свое центральное положение, чтобы разгромить обоих де Монфоров поодиночке, пока они не соединились. С этой целью Эдуард совершил форсированный марш, затем контрмарш и дважды добился успеха в результате ошеломляющей внезапности под Кенилуэртом и при Ившеме.

Эдуарду, после того как он стал королем, было суждено теми войнами, которые он вел в Уэльсе, внести еще больший вклад в военную науку. Он не только усовершенствовал методы применения лука и использовал взаимодействие кавалерийских атак со стрельбой из луков, но и разработал новый стратегический метод завоеваний. Задача заключалась в том, чтобы покорить отважные и дикие горные племена, которые могли уклониться от боя, отходя в горы, и затем вновь возвратиться в долины, когда покорители прекратят боевые действия на зимний период. Если силы и средства, имевшиеся в распоряжении Эдуарда, были сравнительно ограниченными, то он обладал тем преимуществом, что район, в котором он действовал, также имел ограниченные размеры. Эдуард сочетал подвижность с опорой на стратегически важные пункты. Строя в этих пунктах замки, соединяя их между собой дорогами, постоянно заставляя противника находиться в движении, так чтобы он не имел возможности в течение зимы восстановить свои физические и моральные силы и вернуть потерянные территории, Эдуард постепенно измотал противника и подавил его волю к сопротивлению.

Однако стратегические таланты Эдуарда не перешли по наследству к его потомкам, ибо из стратегии его внука и правнука во время Столетней войны нельзя было почерпнуть что-либо поучительное. Их бесцельные походы во Францию были совершенно безрезультатны, а те немногие походы, которые имели хоть какие-нибудь результаты, нельзя поставить им в заслугу, ибо во Франции в сражениях при Креси и Пуатье (см. рис. 6) Эдуард III и Черный принц (Эдуард) поставили себя в очень опасное положение. Однако весьма тяжелая обстановка, в которой оказались англичане, побудила их нехитрых противников опрометчиво броситься в бой в самых невыгодных условиях. Тем самым они дали англичанам возможность избежать разгрома. Это произошло потому, что в оборонительном бою на местности, выбранной англичанами, применение длинного лука обеспечило англичанам явное тактическое превосходство над французским рыцарством.

Хотя французы потерпели серьезное поражение, оно в конечном счете сыграло для них положительную роль. Так, на следующем этапе войны они твердо придерживались фабианской стратегии Коннетабля дю Гесклена, которая состояла в уклонении от боя с главными силами английской армии, в создании всевозможных помех для передвижения противника и постепенном изгнании его с захваченной территории. Дю Гесклен достиг такого искусства в использовании подвижности и внезапности, какого редко кто из генералов добивался в прошлом. Он захватывал обозы, громил отдельные отряды, окружал и захватывал в плен изолированные гарнизоны. Удары он, как правило, наносил с наименее ожидаемых направлений, часто ночью, внезапно. Кроме того, дю Гесклен повсюду раздувал пламя местных волнений, с тем чтобы отвлечь внимание противника и в конечном счете подчинить себе территории, охваченные беспорядками.

Менее чем за пять лет дю Гесклен уменьшил огромные английские владения во Франции до небольшой полоски земли между Бордо и Байоной (южная часть побережья Бискайского залива), причем добился он этого без боя. Он никогда не начинал наступления

даже на незначительные силы англичан, если они имели время для занятия оборонительных позиций. Другие военачальники, подобно ростовщикам, придерживались принципа: "Никакого наступления без гарантии его успеха"; принципом же дю Гесклена было: "Никакого наступления без обеспечения внезапности".

Дальнейшая практика англичан в деле завоевания чужих земель характеризовалась более внимательным изучением намеченной цели и средств к ее достижению до начала военных действий. Первая и наиболее известная кампания Генриха V одновременно являлась и наиболее безрассудной. В ходе "эдуардовского" похода 1415 г., кульминационным пунктом которого явилось сражение при Азенкуре¹³, французам достаточно было только заблокировать дороги, по которым продвигался Генрих, чтобы голодом вынудить англичан прекратить сопротивление. Однако командование французских войск забыло опыт сражения у Креси и советы дю Гесклепа. Оно считало, что при четырехкратном превосходстве в силах следует наносить только прямые удары. В результате французы в еще более худшем варианте повторили постыдное поражение, которое они потерпели при Креси и Пуатье. После этой удачи Генрих V применил, если можно так выразиться, стратегию блокирования, преследовавшую достижение победы путем методического расширения территории, привлекая на свою сторону местное население. Последующие кампании Генриха V представляют интерес скорее с точки зрения большой стратегии, чем военной стратегии.

Наш обзор средних веков в области стратегии вполне может быть закончен изучением походов Эдуарда IV, который в 1461 г. вступил на престол, затем был изгнан, но в 1471 г. снова захватил трон.

Успех первой кампании Эдуарда IV был обеспечен главным образом быстрой оценкой обстановки и быстротой передвижения. Ведя бои в Уэльсе с местными сторонниками Ланкастерской династии, Эдуард получил донесение о том, что главные силы противника подходят к Лондону с севера. Повернув назад, он 20 февраля 1461 г. подошел к Глостеру, где узнал о победе ланкастерских войск при Сент-Олбансе 17 февраля над сторонниками Йоркской династии, находившимися под командованием Варвика. Если учесть, что расстояние от Сент-Олбанса до Лондона 32 км, а от Глостера до Лондона - более 160 км, то выходит, что ланкастерские войска имели в своем распоряжении лишних трое суток. Однако 22 февраля в Берфорде к Эдуарду присоединился Варвик, причем до Эдуарда дошли слухи, что Лондонская корпорация все еще ведет переговоры об условиях капитуляции ланкастерских войск, держа ворота города закрытыми. На другой день Эдуард вышел из Берфорда, 26 февраля вступил в Лондон и был провозглашен королем, а потерпевшие неудачу сторонники Ланкастерской династии отступили к северу. Эдуард подвергал себя большому риску, приняв решение преследовать численно превосходящую армию, занявшую заранее подготовленные позиции под Тоутоном. Однако он добился преимущества благодаря неожиданно начавшейся снежной метели, ослеплявшей противника. Войска Эдуарда под командованием Фауконберга удачно обстреливали преследуемые войска противника стрелами до тех пор, пока последние не предприняли контратаку, окончившуюся для них поражением.

В 1471 г. стратегия Эдуарда IV отличалась еще большим совершенством и мобильностью. К тому времени он потерял трон, но, получив от своего зятя 50 тыс. крон и собрав 1200 своих сторонников, а также заручившись обещанием о помощи со стороны бывших приверженцев в Англии, предпринял попытку вернуть его. Когда он отплыл из Флашинга, его противники организовали тщательную оборону всего английского побережья с целью не допустить высадки войск. Эдуард IV решил внезапно высадиться в устье р. Хамбер, рассчитывая на то, что, поскольку население этого района относилось к Ланкастерской династии лояльно, район не будет охраняться. Быстро продвигаясь, Эдуард IV подошел к Йорку. Отсюда он двинулся по лондонской дороге и, обойдя отряд противника, блокировавший дорогу, вышел в районе Тадкастера. Стараясь оторваться от отряда, начавшего его преследовать, Эдуард IV натолкнулся на другой отряд противника, поджидавший его в Ньюарке, и отбросил этот отряд в восточном направлении. После этого

Эдуард повернул на юго-запад, к Лестеру, где к нему присоединилось еще больше сторонников. Далее он двинулся к Ковентри, где Варвик, бывший союзник, ставший одним из главных его противников, сосредоточивал свои силы. Заманив преследователей в этот район и увеличив свои силы за счет противника, Эдуард IV повернул на юго-восток и пошел прямо на Лондон, гарнизон которого открыл ему ворота. Став достаточно сильным, чтобы принять вызов на бой, он выступил из Лондона навстречу ранее преследовавшим его и сбитым с толку войскам, подходившим к Барнету, и в беспорядочном сражении в условиях тумана добился победы.

В тот же день королева Маргарита Анжуйская высадилась с отрядом французских наемников в Уэймуте. Собрав своих сторонников в западной части страны, она пошла на соединение с армией, которую набрал в Уэльсе граф Пемброк. И снова благодаря скорости своих действий Эдуард IV первым подошел к перевалу Котсуолд-Хилс, в то время как армия Маргариты маршировала на север по дороге Бристоль-Глостер, проходившей внизу вдоль долины. Затем после утомительного дневного перехода, совершенного одной армией по долине, другой - по холмам, Эдуард перехватил армию королевы в Тьтоксбери, не дав ей переправиться через р. Северн в районе Глостера. Чтобы добиться этого, он приказал констеблю города закрыть ворота. В течение дня войсками Эдуарда IV было пройдено почти 65 км. На ночь он разбил лагерь в непосредственной близости от армии противника, держа ее под наблюдением, чтобы она не могла ускользнуть. Противник занимал сильную оборонительную позицию, но Эдуард IV, используя свои бомбарды и лучников, постарался вынудить его перейти в наступление и добился, таким образом, решающего преимущества в сражении на рассвете следующего дня.

Стратегия Эдуарда IV была единственной в своем роде по использованию подвижности, но страдала отсутствием глубоких замыслов, что вообще являлось характерным для стратегии тех времен. Это объяснялось тем, что стратегия средних веков обычно ставила перед собой простую и прямую цель - всеми способами искать боя. Если бой и приводил к определенному результату, то обычно не в пользу тех, кто стремился к нему, если только не удавалось предварительно вынудить обороняющегося противника первым перейти в тактическое наступление.

Наилучший пример стратегии в период средних веков показал не Запад, а Восток, ибо XII в., будучи плодотворным для развития стратегии на Западе, стал выдающимся благодаря поразительному уроку в области стратегии, преподанному монголами европейскому рыцарству. По масштабам и искусству проведения, по внезапности и подвижности, по стратегическому и тактическому использованию не прямых действий военные кампании монголов не уступают любым кампаниям, имевшим место в прошлом, и даже превосходят их. При завоевании Китая Чингисхан использовал Датун для того, чтобы осуществить ряд обманных действий, точно так же как Бонапарт использовал крепость Мантуя (см. рис. 6). Глубокими обходными движениями трех армий Чингисхан в конце концов сломил моральное и военное единство империи Си-Ся. Когда в 1220 г. Чингисхан вторгся в Хорезмскую империю, центр могущества которой находился в современном Туркестане, одна из его группировок, двигаясь на Кашгар с юга, отвлекла на себя внимание противника; воспользовавшись этим, главные силы Чингисхана вторглись в империю с севера; под прикрытием главных сил резервная армия под непосредственным командованием Чингисхана осуществила еще более глубокий обход и после исчезновения в пустыне Кызылкум внезапно появилась под Бухарой, выйдя в тыл оборонительных позиций и войск противника.

В 1241 г. один из военачальников Чингисхана, Субутай, выступил в поход и преподавал Европе двойной урок¹⁴. В то время как одна из армий, действуя в качестве стратегического прикрытия фланга главных сил, прошла через Галицию, привлекая к себе внимание польских, германских и богемских войск и попутно нанеся им ряд последовательных ударов, основные силы Субутая тремя колоннами, находившимися на значительном удалении друг от друга, устремились через Венгрию к Дунаю. В этом марше обе фланговые колонны

прикрывали и маскировали центральную колонну, имевшую самостоятельную задачу. Монголы, двигавшиеся к Дунаю по сходящимся направлениям, были остановлены в районе Грана сосредоточенными силами венгерской армии, находившимися на противоположном берегу реки. Однако искусно проведенным отходом монголы обманули противника и оттянули его как от реки, за которой он укрывался, так и от резервов, которые могли бы ему помочь. Затем быстрым ночным маневром и внезапным ударом на рубеже р. Савы Субутай сперва расчленил, а затем уничтожил венгерскую армию, став неограниченным хозяином Центрально-Европейской равнины, пока через год сам не отказался от своих завоеваний, к великому удивлению Европы, не имевшей сил, чтобы изгнать его.

Глава VI.

XVII в. - Густав II Адольф, Кромвель, Тюренн

Рассмотрим теперь первую "Великую войну" современной истории Тридцатилетнюю войну (1618-1648). Интересно, что ни одна кампания этой длительной войны не привела к решающим результатам.

Наиболее значительным событием в этой войне был заключительный этап борьбы между шведским королем Густавом II Адольфом и Валленштейном, когда в результате смерти Густава-Адольфа в решающем сражении при Лютцене (см. рис. 6) была окончательно устранена возможность создания великой протестантской конфедерации во главе со Швецией. Если бы не французское вмешательство и убийство Валленштейна, сражение при Лютцене, возможно, привело бы к созданию объединенной Германии на триста лет раньше, чем это фактически произошло.

Подобные результаты и возможности были достигнуты непрямым путем. Единственное значительное сражение окончилось поражением немцев, в чью пользу оно склоняло чашу весов войны. Поражение было вызвано слабостью военной машины Валленштейна по сравнению со шведской, а также неумением Валленштейна извлечь тактические выгоды из благоприятной стратегической обстановки. Перед этим сражением он добился весьма существенного преимущества, причем следует, однако, отметить, что это явилось результатом трех последовательных, но различных по способу применения не прямых действий, которые изменили весь ход войны.

В 1632 г., будучи вновь поставленным во главе несуществующей армии, Валленштейн, пользуясь своей популярностью, в течение трех месяцев набрал около 40 тыс. наемников. Несмотря на просьбу Баварии, на территории которой бесчинствовала шведская армия короля Густава II Адольфа, оказать ей немедленную помощь (см. рис. 6), Валленштейн не пошел туда, а повернул на север, против более слабого союзника Густава - саксонцев, и, изгнав их из Богемии, двинулся к Саксонии. Он даже заставил курфюрста Баварии присоединить его армию к своей, тем самым еще более ослабив Баварию. Однако расчеты Валленштейна оправдались, так как опасение потерять Саксонию, своего младшего партнера, вынудило Густава уйти из Баварии и поспешить на помощь саксонцам.

Войска Валленштейна и курфюрста Баварии соединились прежде, чем подошла армия Густава. Оказавшись перед объединенными силами противника, Густав отступил к Нюрнбергу. Туда же двинулся и Валленштейн, но, обнаружив, что позиции шведов хорошо укреплены, заявил: "Было проведено достаточно сражений, пришло время испытать другой способ". Вместо того чтобы бросить свои не имевшие опыта войска на закаленных в боях шведов, Валленштейн окопался на позиции, опираясь на которую его войска могли отдыхать в безопасности и с которой, кроме того, он мог при помощи легкой кавалерии контролировать пути снабжения Густава. Валленштейн неуклонно придерживался этой тактики, не принимая вызова до тех пор, пока шведский король, преследуемый мрачным призраком голода, не предпринял бесплодную попытку атаковать его позиции. Данный Густаву отпор в военном отношении был всего лишь неприятным инцидентом; в политическом же отношении его результаты сказались на положении всей Европы. Несмотря на то, что эта победа не привела к разгрому Густава, она развеяла миф о его непобедимости, который был создан многочисленными победами Густава, и тем самым ослабила его власть

над немецкими государствами. Валленштейн сумел правильно использовать свои ограниченные средства для достижения важной стратегической цели.

От Нюрнберга Густав двинулся на юг, в Баварию. Вместо того чтобы преследовать его, Валленштейн повернул на север, против Саксонии, повторив свой блестящий марш. Этим маневром Валленштейн заставил Густава так же быстро последовать за собой, как и в первый раз. Однако, идя форсированным маршем, Густав успел вступить в Саксонию до того, как Валленштейну удалось заставить саксонцев заключить сепаратный мир. В ожесточенном сражении при Лютцене шведская армия искупила свою вину за стратегическое поражение тактическим успехом, но ценою жизни своего полководца. Это повлекло за собой потерю возможности осуществить проект Густава о создании великой протестантской конфедерации во главе со Швецией.

Изнурительная и расточительная война, продолжавшаяся еще шестнадцать лет, опустошила Германию и обеспечила Франции господствующее положение в Европе.

Яркий контраст между гражданскими войнами 1642-1652 гг. в Англии и войнами этого же столетия на европейском континенте заключался в том, что для первых было характерно стремление к решительной победе. Вот что пишет Дефо в своей книге "Мемуары роялиста": "Мы никогда не сооружали укрепленных лагерей и не окапывались... не занимали позиций под прикрытием рек или дефиле. Основным девизом войны было: Где противник? Вперед, в бой!".

Несмотря на наступательный дух, первая гражданская война в Англии продолжалась четыре года, причем ни одно сражение не дало решающих результатов. Успехи были только тактические. Когда в 1646 г. пожар войны в конце концов прекратился, по-прежнему оставалось много роялистских красных угольков, которые продолжали так сильно тлеть, что через два года в результате разногласий среди победителей пламя войны снова разгорелось, и с еще большей силой, чем прежде.

При изучении причин неопределенного исхода этой войны, в которой дух решительности был выражен так ярко, мы можем отметить, что военные кампании принимали форму прямых наступлений то одной, то другой стороны, перемежавшихся с действиями, которые на современном языке называются "действиями по очистке территории от противника", имевшими лишь местное и преходящее значение, так как они истощали силы противника.

Вначале королевские войска опирались на западные и центральные графства Англии, а сторонники парламента - на Лондон (см. рис. 3). Первое роялистское наступление на Лондон закончилось позорным крахом при Тернел-Грине, который часто называют английским Вальми времен гражданской войны. Это было бескровное поражение, явившееся моральным следствием кровавого, но окончившегося безрезультатно сражения главных сил обеих армий у Эджхилла, имевшего место в начале наступления.

С этого времени Оксфорд и окружающие его города стали укрепленной опорной базой роялистов. Главные силы воюющих [Рис. 3. Англия и Южная часть Шотландии.] сторон долгое время бездействовали на границе этого района, в то время как в западных и северных графствах шли стычки между разрозненными отрядами. Наконец в сентябре 1643 г. в связи с тяжелым положением осажденного Глостера главные силы парламентской армии под командованием лорда Эссекса выступили ему на помощь, совершив марш в обход Оксфордского района. Это дало возможность роялистам отрезать лорду Эссексу пути отхода назад, однако прямое столкновение при Нюрбери (25 км западнее Рединга) не дало решающих результатов.

Истощение ресурсов в ходе войны должно было привести к мирным переговорам, если бы не грубая политическая ошибка английского короля Карла, заключившего перемирие с ирландскими повстанцами. Это перемирие, преследовавшее цель подчинить католическую Ирландию протестантской Англии, привело к усилению влияния пресвитерианской Шотландии, вступившей в борьбу против короля. Ободренные тем, что шотландская армия выступила против роялистов на севере, сторонники парламента снова сосредоточили свои

силы для прямого наступления на район Оксфорда. Это наступление не дало ощутимых результатов и закончилось захватом нескольких удаленных от Оксфорда крепостей. Фактически королю даже удалось срочно направить Руперта на помощь северным роялистам против действий шотландских войск. К несчастью для Карла, тактическое поражение его войск при Марстон-Муре более чем нейтрализовало благоприятно сложившуюся стратегическую обстановку. Однако и победители мало что выиграли. Снова безрезультатность прямых действий против Оксфорда привела к растерянности и дезертирству среди сторонников парламента. Если бы не настойчивое стремление таких людей, как Кромвель, к цели, то эти прямые действия могли бы привести к заключению мира в результате взаимного истощения враждующих сторон. К счастью для сторонников парламента, роялистское движение разлагалось больше изнутри, чем от ударов извне. Таким образом, в моральном и численном отношении это был слабый противник, остававшийся так долго неразгромленным только благодаря ошибочной стратегии сторонников парламента. В 1645 г. вновь созданная армия под командованием Ферфакса и Кромвеля нанесла роялистам решительное поражение при Нейзби. И все же даже эта решительная в тактическом отношении победа не помешала войне затянуться еще на один год.

Совершенно иная картина получилась в период второй гражданской войны, когда правителем Англии стал Кромвель, а его блестящим помощником 28-летний Джон Ламберт. Когда в конце апреля 1648 г. стало известно, что шотландцы формируют армию вторжения в Англию для оказания помощи роялистам, Ферфакс подготовился к походу на север, чтобы встретить их, а Кромвель был направлен на запад для подавления роялистских восстаний в Южном Уэльсе. Однако восстания роялистов в Кенте и в Восточной Англии вынудили Ферфакса задержаться в этих районах, в то время как наступление шотландцев на севере продолжало развиваться. В распоряжении Ламберта были лишь незначительные силы, но задачу задержать наступление шотландских войск он весьма успешно выполнил, постоянно угрожая флангу шотландцев по мере их продвижения на юг вдоль западного побережья и одновременно срывая все их попытки пересечь Пеннинские горы и соединиться со своими сторонниками в Йоркшире.

Наконец, после разгрома Пемброка (11 июля 1648 г.), Кромвель смог выступить на север. Вместо того чтобы двинуться прямо на шотландцев, он осуществил глубокий обход через Ноттингем и Донкастер, пополняя по пути свои запасы. Затем он пошел в северо-западном направлении на соединение с Ламбертом в Отли. Шотландская армия располагалась на линии от Уигана до Престона, прикрыв свой левый фланг корпусом в 3500 человек под командованием Лангдейля. Кромвель имел всего лишь 8600 человек, включая кавалерию Ламберта и йоркширскую милицию, против почти 20 тыс. человек у противника. Однако, зайдя в хвост шотландской колонне в районе Престона, он нарушил ее походный порядок, заставив развернуться и обратную сторону, чтобы отразить наносимые ей удары. Корпус Лангдейля был разгромлен в районе Престона. Затем, ведя неотступное преследование, Кромвель снял шотландскую колонну и заставил ее отходить через Уиган на Юттокситер, где, скованная с фронта милицией центральных графств и атакуемая с тыла кавалерией Кромвеля, она 25 августа 1648 г. капитулировала. Эта победа имела решающее значение. Благодаря ей были не только сокрушены враги парламента; армия получила возможность "провести чистку" парламента, отдать под суд и казнить короля Карла I.

Последующее вторжение Кромвеля в Шотландию фактически явилось самостоятельной войной. Она велась новым режимом Кромвеля с целью сорвать план сына короля, будущего Карла II, пытавшегося вернуть потерянный престол с помощью шотландцев. Эту войну вряд ли можно отнести к числу тех кампаний, которые оказали решающее влияние на ход истории. В то же время она является замечательным доказательством того, насколько умело Кромвель владел стратегией не прямых действий. Обнаружив, что шотландская армия под командованием Лесли занимает выгодные позиции, преграждавшие ему путь к Эдинбургу, Кромвель ограничился одним прощупыванием сил противника. Находясь почти у цели и испытывая недостаток в снабжении, он все же обладал настолько сильной выдержкой, что

удержался от искушения нанести лобовой удар в неблагоприятной для него местности. Подавляя внутреннее стремление к бою, Кромвель воздерживался от активных действий до тех пор, пока не выманил противника на открытую местность, благодаря чему появилась возможность нанести удар по открытому флангу. С этой целью он отошел сначала к Масселборо, а затем к Данбару, где к тому же пополнил свои запасы. Через неделю он двинулся в обратном направлении. В Масселборо он раздал войскам трехдневный запас продовольствия и начал глубокий обход через Эдинбургские высоты, выйдя в тыл противника. Когда Лесли удалось перехватить Кромвеля в районе Корстофин-Хилл (21 августа 1650 г.), Кромвель, несмотря на большое удаление от своей базы, предпринял еще одну косвенную попытку обойти противника. Однако Лесли снова преградил ему путь в районе Гогара. Многие в такой обстановке пошли бы на риск и приняли бой, но только не Кромвель. Оставив больных на месте, он отступил к Масселборо, а оттуда к Данбару, увлекая за собой Лесли. Кромвель, однако, не погрузил свои войска на суда, как этого хотели некоторые из его офицеров, а оставался в Данбаре, надеясь, что противник сделает неправильный шаг, чем он не преминет воспользоваться.

Однако Лесли был умным противником. Своими дальнейшими действиями он создал еще большую опасность для Кромвеля. Сойдя с главной дороги, Лесли в течение ночи с 1 на 2 сентября 1650 г. обошел Данбар и занял высоту Дун и ряд других высот, с которых просматривалась дорога, идущая к Берик. Кроме того, он направил отряд для захвата прохода в Кокбернспат, в 11 км южнее высоты Дун. На следующее утро Кромвель обнаружил, что он отрезан от Англии. Его положение усугубилось нехваткой продовольствия и увеличением количества заболеваний.

Замысел Лесли заключался в том, чтобы выждать на занимаемых высотах того момента, когда англичане сделают попытку прорваться по дороге к Берик, и тогда внезапно атаковать их. Но священники пресвитерианской церкви страстно желали видеть, как клешни ниспосланной богом ловушки сомкнутся вокруг моабитов. Их требования стали еще более настойчивыми, когда они обнаружили признаки того, что английские интервенты, возможно, попытаются эвакуироваться морем. К тому же 2 сентября разыгралась сильная буря и шотландские войска еле держались на голом гребне высоты Дун. Приблизительно в 4 часа пополудни войска спустились с высоты и заняли позицию вблизи дороги на Берик, где они могли укрыться от дождя, причем с фронта их прикрывал ручей Брок, протекавший через ущелье к морю.

Кромвель и Ламберт наблюдали за передвижением шотландцев, и их одновременно осенила мысль, что сложившаяся обстановка давала благоприятную возможность и преимущества для внезапного нападения на противника. Левый фланг шотландцев был зажат между высотой и отвесным берегом ручья, и войска на этом фланге не могли оказать помощь своим войскам на правом фланге, если бы по ним был нанесен удар. Вечером на военном совете Ламберт предложил немедленно нанести удар по правому флангу шотландских войск, смять его и одновременно сосредоточить огонь артиллерии по левому флангу. Аргументы Ламберта убедили военный совет. Кромвель в знак признательности Ламберту за его инициативу поручил ему начать атаку первым. В течение ночи под проливным дождем и при сильном ветре английские войска заняли позиции вдоль северного берега ручья. После установки орудий против левого фланга шотландцев Ламберт возвратился на свой левый фланг, чтобы возглавить кавалерийскую атаку в районе побережья. Благодаря внезапности действий кавалерия и пехота, располагавшиеся в центре, смогли без труда форсировать ручей. Хотя дальнейшее продвижение англичан было временно приостановлено, однако введенный в бой английский резерв на упиравшемся в море фланге дал возможность Кромвелю отеснить шотландцев влево и зажать в угол между высотой и ручьем, из которого шотландские войска могли вырваться только бегством. Таким образом, благодаря тактическим непрямым действиям, последовавшим немедленно за ошибкой, допущенной слишком самоуверенным противником, Кромвель разгромил врага, имевшего двойное численное превосходство. Таким триумфом завершилась кампания, в ходе которой Кромвель

ни при каких обстоятельствах, даже при наличии явной опасности, не отходил от стратегии не прямых действий.

Победа при Данбаре обеспечила Кромвелю господство в Южной Шотландии. Благодаря ей была уничтожена пресвитерианская армия. На севере и северо-западе Шотландии остались только роялистские элементы, которые противостояли Кромвелю. Окончательное подавление роялистов задержалось из-за тяжелой болезни Кромвеля. Тем временем Лесли получил передышку и использовал ее для формирования и подготовки новой армии к северу от р. Форт. Когда в конце июня 1651 г. армия Кромвеля была достаточно подготовлена, чтобы возобновить боевые действия, задачи ее усложнились. Замысел Кромвеля по глубине и точности расчета превосходит любой другой стратегический план в истории войн. Хотя на этот раз численное превосходство впервые было на его стороне, перед ним был хитрый противник в лесисто-болотистой местности, которая обеспечивала слабой стороне возможность блокирования подступов к Стерлингу. Если бы Кромвель не смог сломить сопротивление противника в короткое время, ему пришлось бы провести в Шотландии еще одну суровую зиму. А это неизбежно привело бы к потерям в войсках и к дополнительным затруднениям в Англии. Выбить противника с занимаемых позиций было недостаточно, так как частичный успех привел бы только к рассредоточению войск противника в горной местности, где они продолжали бы оставаться как бельмо на глазу.

Кромвель мастерски решил стоявшую перед ним задачу. Во-первых, он создал угрозу Лесли с фронта, предприняв штурм Калландер-Хауса вблизи Фолкерка. Во-вторых, он постепенно переправил всю армию через залив Ферт-оф-Форт и двинулся к Перту, обойдя тем самым с фланга оборонительный рубеж Лесли на подступах к Стерлингу и захватив ключ к его базам снабжения. Однако этим маневром он одновременно открыл им путь в Англию. Но именно в этом и заключалась вся суть и высшее искусство замысла Кромвеля. Он вышел в тыл противника, которому теперь угрожали голод и дезертирство, и оставил ему узкую горловину для выхода. Один из его врагов заявил: "Мы вынуждены либо умереть от голода, либо разбежаться, либо двинуться с оставшейся горсткой людей в Англию. Последнее средство, по-видимому, является наименьшим злом, хотя и весьма крайней мерой". Естественно, шотландцы остановились именно на этом варианте и в конце июля двинулись на юг, в Англию.

Предвидя это, Кромвель подготовил им прием с помощью властей в Вестминстере. Была срочно призвана милиция, все подозреваемые роялисты взяты под наблюдение, тайные склады оружия захвачены. Шотландцы шли на юг вдоль западного побережья. Для преследования их Кромвель направил кавалерию Ламберта, в то время как Гаррисон пошел окольным путем от Ньюкасла к Уоррингтону, а Флитвуд с милицией, набранной в центральных графствах Англии, двинулся на север, Ламберт обошел противника с фланга и 13 августа соединился с Гаррисоном. После этого оба они начали с боями отходить, сдерживая противника. Тем временем Кромвель в условиях августовской жары совершал ежедневные 32-километровые марши. Двигаясь сначала на юг вдоль восточного побережья, Кромвель затем повернул на юго-запад. Таким образом, на попавшего в ловушку противника одновременно наступали с четырех сторон войска Кромвеля. Изменив направление своего движения (вместо Лондона к р. Северн), Карл только отсрочил на несколько дней, но не предотвратил своего поражения. 3 сентября, в годовщину боев при Данбаре, сражение при Вустерс увенчалось блестящей победой Кромвеля.

Бесчисленные войны в период между окончанием Тридцатилетней войны и началом войны за Испанское наследство, в которых армии Людовика XIV воевали совместно или поочередно с большинством армий других государств Европы, не приводили к решающим результатам. Конечные цели, а следовательно, и частные задачи, как правило, были ограниченными. Основных причин, обусловивших нерешительный характер этих войн, было две. Первой причиной являлось то, что развитие фортификаций опережало развитие вооружения, а это давало обороне преимущества перед наступлением. Примерно то же

наблюдалось в начале XX в. в связи с появлением пулемета. Вторая причина заключалась в том, что армии еще не были организованы в постоянные соединения и части, способные действовать самостоятельно, а обычно передвигались и вели боевые действия как одно целое, и это, естественно, ограничивало их ударную силу и не давало возможности вводить противника в заблуждение и лишать его свободы передвижения.

В ходе всех последующих войн, известных как войны фронды, войны за наследство, Голландские войны и войны Священного союза, только одна кампания выделяется своим решающим характером. Это зимняя кампания французского полководца Тюренна в 1674-1675 гг., венцом которой явилась победа при Тюркеме (см. рис. 6). Положение Франции тогда было критическим. Союзники Людовика XIV один за другим покидали его, в то время как испанцы, голландцы, датчане, австрийцы и большинство немецких князей примкнули к вражеской коалиции. Тюренн был вынужден отступить за Рейн, предварительно опустошив пфальцграфство, а курфюрст Бранденбургский продвигался с целью соединиться с императорской армией под командованием Бурнонвиля. Однако Тюренн в октябре 1674 г. остановил Бурнонвиля под Энцхеймом (см. рис. 6), прежде чем подошел курфюрст Бранденбургский. Все же Тюренн был вынужден отойти к Дудвейлеру, немцы же вступили в Эльзас и обосновались на зимних квартирах в населенных пунктах, расположенных между Страсбургом и Бельфором.

Сцена для проявления полководческого искусства Тюренна была подготовлена. Первоначальная внезапность была достигнута им благодаря тому, что он решил начать кампанию в середине зимы. Для того чтобы ввести противника в заблуждение, Тюренн подготовил крепости центральной части Эльзаса к обороне. Затем он тайно отвел целую полевую армию в Лотарингию.

После этого под прикрытием Вогезских гор он совершил форсированный марш на юг, набирая по пути столько рекрутов из местного населения, сколько было возможно. На заключительном этапе марша он, чтобы сбить с толку шпионов противника, разбил свои силы на мелкие отряды. После ускоренного марша по холмистой местности в условиях метели Тюренн вновь собрал свои войска вблизи Бельфора и, не задерживаясь, вторгся в Эльзас с юга, а не с севера, как это можно было предполагать в начале кампании.

Бурнонвиль с имевшимися у него под рукой войсками пытался задержать Тюренна под Мюлузом (29 декабря 1674 г.), но был отброшен. Затем стремительный поток французских войск понесся вдоль долины между Рейном и Вогезами, отбрасывая разбитые отряды императорской армии на север в направлении Страсбурга, изолируя каждую часть, пытающуюся оказать сопротивление. В Кольмаре, на полпути к Страсбургу, курфюрст Бранденбургский, возглавивший немецкие войска, соорудил дамбу и оборонял ее войсками, по численности равными войскам Тюренна. Однако все преимущества стремительного напора, физические и моральные, были на стороне Тюренна, и он их умело закрепил, применив не прямые тактические действия в сражении при Тюркеме. В этом сражении Тюренн меньше всего стремился к физическому уничтожению противостоящей армии, а больше думал о подрыве ее морального духа, давая возможность естественному ходу вещей довершить разложение в войсках противника. Ему это удалось, и через несколько дней он смог донести, что в Эльзасе не осталось ни одного вражеского солдата.

После этого французы возвратились на зимние квартиры в Страсбург, пополняя свои запасы непосредственно из районов на немецком берегу Рейна и даже из районов в бассейне р. Нек-кар (см. рис. 6); курфюрст Бранденбургский с остатками своих войск отступил к Бранденбургу (60 км юго-западнее Берлина), а старый противник Тюренна Монтекуколи весной снова был назначен командующим императорскими войсками. Под давлением Тюренна Монтекуколи был вынужден занять невыгодные для себя позиции в районе Сасбаха. Однако в самом начале этого сражения Тюренн был убит пушечным ядром. После смерти Тюренна ход войны снова изменился.

Почему решительный характер зимней кампании Тюренна так резко отличался от остальных кампаний XVII столетия в Европе? Это был век, когда полководцы, каким бы

ограниченным ни был их кругозор, по крайней мере мастерски владели искусством маневра. И в этом искусстве все они были настолько равноценными, что даже обходы флангов, которые в другие века, возможно, увенчались бы успехом, умело парировались. Действительный разгром противника был достигнут только в ходе одной этой кампании. Тюренн прославился как один из великих полководцев, искусство которого непрерывно совершенствовалось по мере приобретения им опыта, поэтому особый интерес представляет тот метод, с помощью которого он, проведя больше кампаний, чем любой другой полководец в истории, добился в своей последней кампании решения проблемы победы в XVII в. Он добился этого, не нарушая золотого правила всех времен, гласящего, что хорошо обученные войска слишком дорого стоят, чтобы зря ими разбрасываться.

По-видимому, опыт научил его, что в таких условиях решающий результат может быть достигнут только при наличии хорошо разработанного стратегического плана, в котором не прямые действия играют главную роль. В то время как до Тюренна полководцы маневрировали, опираясь на мощь крепостей, которые одновременно являлись защищенными складами для снабжения полевых армий, Тюренн совершенно освободился от системы операционных баз и в сочетании внезапности с подвижностью видел не только ключ к победе, но и обеспечение своей собственной безопасности. Это был оправданный расчет, а не азартная игра. Ибо нарушение устойчивости противника в физическом и моральном отношении являлось достаточной гарантией для обеспечения собственной безопасности.

Глава VII.

XVIII в. - Мальборо и Фридрих II

Война за Испанское наследство (1701-1713) замечательна своим необычайно двойственным характером. В политическом отношении она представляла собой чрезвычайно редкий случай войны, с одной стороны, преследовавшей ограниченную цель, а с другой - характеризовавшейся решительной борьбой за усиление или ослабление господствующего положения Франции при Людовике XIV. В стратегическом отношении она состояла в основном из ряда безрезультатных прямых и шаблонных действий или мало продуманных обходных маневров. Все же и в этой войне было несколько выдающихся примеров использования не прямых действий, связанных главным образом с прославленным именем Мальборо. Значительный интерес представляет то, что эти действия отмечают поворотные пункты войны.

В антифранцузскую коалицию входили Австрия, Великобритания, несколько немецких государств, Голландия, Дания и Португалия. Главными союзниками Людовика XIV были Испания, Бавария и в начале войны - Савойя.

Война началась в Северной Италии, в то время как армии остальных стран готовились к ней. Австрийцы под командованием принца Евгения сосредоточились в Тироли (см. рис. 6) якобы для того, чтобы прямо перейти в наступление. В ответ на это французская армия под командованием Катена заняла позицию в ущелье Риволи с целью [100-101] не допустить продвижения австрийцев. Однако Евгений произвел тайную разведку труднопреодолимого перевала в горах, в течение долгого времени не использовавшегося войсками, преодолел его и вышел на равнину, совершив глубокий обход к востоку. Нарастивая полученное таким образом преимущество дальнейшими маневрами, которые часто вводили противника в заблуждение относительно его намерений, Евгений в конце концов вовлек французов в губительное для них наступление в районе Чиари (вблизи Брешиа). Разгромив французские войска, Евгений прочно закрепился в Северной Италии.

Результаты этих не прямых действий не только явились весомым моральным стимулом для союзников в начальный период борьбы с армиями Grand Monarque¹⁵, считавшимися непобедимыми, но значительно снизили французское и испанское влияние в Италии. Одним из важных последствий было то, что герцог Савойский, постоянный приверженец более сильной группировки, перешел на сторону антифранцузской коалиции.

В 1702 г. начались решающие бои. Во Фландрии (см. рис. 6) была сосредоточена

крупнейшая французская армия, которая построила укрепленную линию Брабант, простиравшуюся почти на 100 км от Антверпена до Юи, на р. Маас, чтобы обеспечить свой тыл при переходе к готовившемуся наступлению. В ответ на угрозу вторжения в свою страну голландцы решили обороняться, укрывшись в крепостях, однако Мальборо мыслил вести войну совершенно иначе. Но он не переменял пассивную оборону на прямое наступление против французской армии под командованием Буффле, совершавшей марш к Рейну. Вместо этого, оставив голландские крепости, он быстро двинулся к линии Брабант и к пути отхода войск Буффле. Последний немедленно, почувствовав давление этого морального "лассо", повернул назад. Физически истощенная и морально подавленная французская армия легко могла стать добычей Мальборо, выжидавшего лишь удобного случая, чтобы окружить ее. Однако депутаты голландского парламента, удовлетворенные изгнанием интервентов, выступили против уничтожения вражеской армии. Дважды в течение этого года Мальборо завлекал Буффле в ловушку, и каждый раз нерешительность голландцев спасала французские войска от разгрома.

В следующем году Мальборо разработал план искусного маневра с целью захватить Антверпен и в дальнейшем прорваться к укрепленному молу. Прямым броском на запад от Маастрихта он надеялся сковать главные силы французской армии под командованием Виллеруа на южном фланге линии Брабант. После этого голландские войска под командованием Кохорна должны были наступать при поддержке флота на Остенде (см. рис. 7), в то время как другая голландская группировка под командованием Спаара имела задачу подойти к Антверпену с северо-запада. Эти действия голландских войск со стороны морского побережья были рассчитаны на то, чтобы заставить французского командующего в Антверпене оттянуть часть войск с северного фланга линии Брабант.

Через четыре дня еще одна группа голландских войск под командованием Опдама должна была нанести удар по французским войскам с северо-востока. Одновременно Мальборо должен был ускользнуть от Виллеруа и, совершив форсированный марш на север, соединиться с другими войсками, наступавшими на Антверпен по сходящимся направлениям.

Первый этап операции развивался удачно. Угроза, созданная Мальборо, отвлекала армию Виллеруа на юг, к р. Маас. Однако Кохорн отказался от глубокого обходного наступления на Остенде и совершил менее глубокий маневр вблизи Антверпена во взаимодействии со Спааром. Этим маневром Кохорну не удалось отвлечь внимание французов. На свою беду Опдам выступил преждевременно. Обстановка еще более осложнилась тем, что, когда Мальборо начал свой стремительный марш на север, ему не удалось оторваться от Виллеруа; фактически Виллеруа опередил его путем высылки Буффле вперед с тридцатью кавалерийскими эскадронами и 3000 гренадеров, которые шли рядом с кавалеристами, держась за стремени. Этот подвижный отряд в течение суток прошел почти 65 км и 1 июля 1703 г. совместно с гарнизоном, Антверпена атаковал Опдама, войска которого были сильно потрепаны, прежде чем они смогли уйти от французов. То, что Мальборо с гордостью называл "Великим планом", потерпело полный провал.

После этой неудачи Мальборо предложил начать прямой штурм линий Брабант на участке несколько южнее Антверпена. Командование голландских войск отклонило его предложение, считая нецелесообразным наносить фронтальный удар по сильно укрепленной позиции, оборонявшейся почти равными силами.

Этот факт показывает, что наряду с проведением искусных маневров Мальборо временами, особенно при неудачах, вел себя как азартный игрок. Английские историки, ослепленные его подвигами и личными качествами, склонны несправедливо относиться к голландцам, которые рисковали несравненно больше, чем Мальборо. Опасность слишком близко нависла над их страной, чтобы они могли относиться к войне как к азартной игре или крупной авантюре. Они прекрасно представляли, подобно адмиралу Джеллико двумя столетиями позже, что могли проиграть войну в течение нескольких часов, если бы дали бой в обстановке, чреватой для них серьезной опасностью.

Встретив единодушный отпор голландских генералов, Мальборо отказался от мысли предпринять штурм антверпенского сектора укреплений линии Брабант и повернул обратно к Маасу, где начал осаду Юи (см. рис. 6). Там в конце августа он снова стал убеждать голландцев начать наступление на линию Брабант, обосновывая целесообразность этого тем, что условия для наступления на южном участке линии Брабант были более благоприятными. Однако его аргументы не смогли убедить голландцев.

Большое недовольство голландцами заставило Мальборо более благосклонно отнестись к доводам Братислава, посла австрийского императора, настойчиво убеждавшего Мальборо направить свои войска к Дунаю. В результате 1704 г. был отмечен одним из наиболее поразительных в истории примеров не прямых действий, разработанных на основе широких стратегических взглядов Мальборо. Из основных вражеских армий одна, под командованием Виллерау, находилась во Фландрии, другая, под командованием маршала Тальяра, была рассредоточена вдоль верхнего Рейна, между Мангеймом и Страсбургом, третья - объединенная армия французов и баварцев под командованием курфюрста Баварского и маршала Марсе - находилась в районе Ульма, на Дунае. Последняя угрожающе сдвигалась вперед из Баварии к Вене. Мальборо решил перебросить английские войска своей армии от Мааса к Дунаю, а затем нанести решительный удар баварцам младшим партнерам вражеской коалиции. Этот большой переход в район, находившийся на таком значительном удалении от основной базы и не связанный с выполнением непосредственных задач, которые преследовались на севере, был из ряда вон выходящим случаем, если учесть осторожный характер стратегии того времени. Безопасность маневра была основана на ошеломляющем эффекте его внезапности. Внезапность же достигалась постоянным изменением направления движения, что на каждом этапе создавало угрозу разным объектам, заставляя противника гадать об истинной цели передвижения войск.

Когда Мальборо двинулся на юг вверх по Рейну, то сначала казалось, что он вторгнется во Францию, следуя вдоль р. Мозель. Потом, когда войска прошли дальше за Кобленц, считали, что Мальборо, возможно, ударит по французским войскам в Эльзасе. Это впечатление еще больше усилилось, когда он предпринял демонстративную подготовку к наведению переправ через Рейн в районе Филиппсбурга. Однако, подойдя к окрестностям Мангейма, откуда его войска, по всем признакам, должны были двигаться на юго-запад, Мальборо вдруг повернул на юго-восток, исчез в покрытых лесом горах, окаймляющих долину р. Неккар, затем снова появился на равнине и, пройдя вдоль основания треугольника, образованного реками Рейн и Дунай, двинулся к Ульму. Маскировка стратегического замысла при проведении этого марша помогла ему до некоторой степени компенсировать недостаточную скорость передвижения, которая в среднем составляла около 16 км в сутки.

Весь марш продолжался около шести недель. Соединившись с принцем Евгением и маркграфом Баденским в Грос-Хейбахе (65 км севро-восточнее Мангейма), Мальборо продолжал марш вместе с войсками последнего, а принц Евгений двинулся назад, имея задачей сковать или по крайней мере задержать французские армии на Рейне, куда Виллерау подошел с запозданием, следуя за Мальборо из Фландрии¹⁶.

В результате своего маневра Мальборо оказался в тылу франко-баварской армии, если рассматривать ее расположение по отношению к Франции, но в то же время все еще находился перед их фронтом, если рассматривать ее расположение по отношению к Баварии. Такое положение его войск в сочетании с другими условиями не давало ему возможности использовать созданные им благоприятные стратегические преимущества. Одно из условий было обычным для того времени - отсутствие гибкости в тактической организации войск, что затрудняло завершение стратегического маневра. Полководец мог прижать противника к воде, но не мог заставить его напасть, т.е. не мог заставить насильно принять бой. Более существенной помехой для Мальборо являлось то, что ему приходилось делить командование с осторожным маркграфом Баденским.

Объединенные силы курфюрста Баварского и маршала Марсе заняли укрепленную позицию на Дунае от Диллингена, восточнее Ульма, и далее на восток до рубежа,

расположенного на полпути между Диллингеном и Донаувёртом. Поскольку армию маршала Тальяра легко можно было перебросить от Рейна в восточном направлении, постольку Ульм являлся для Мальборо слишком опасным пунктом, чтобы пытаться в этом месте вторгнуться в Баварию. Поэтому Мальборо решил сначала захватить переправу через Дунай в районе Донаувёрта, являвшегося естественным конечным пунктом его новой линии коммуникаций, которая была заменена в целях безопасности более восточным маршрутом, проходившим через Нюрнберг. Имея Донаувёрт в своих руках, Мальборо мог бы сохранить проход в Баварию открытым и свободно маневрировать на обоих берегах Дуная.

К несчастью, обходный марш вблизи передовых позиций противника в районе Диллингена был слишком явным по цели и медленным по темпам, так что курфюрст Баварский смог разгадать планы противника и своевременно направить сильный отряд для обороны Донаувёрта. Хотя на последнем этапе марша Мальборо двигался с большей скоростью, все же к моменту его прибытия (2 июля 1704 г.) противник сумел расширить укрепления Шелленберга, а также на высоте, прикрывающей Донаувёрт. Не желая дать противнику возможность закончить оборонительные работы, Мальборо в тот же вечер перешел в наступление. Первая атака была отбита с большими жертвами (потери составили более половины участвовавших в ней войск Мальборо), и только тогда, когда прибыли главные силы союзных армий, обеспечивших четырехкратное численное превосходство, исход сражения стал склоняться в пользу Мальборо. И даже тогда успех был достигнут только благодаря маневру в сторону фланга противника, в ходе которого был обнаружен слабо обороняемый участок, где войска Мальборо проникли в глубину обороны. В одном из своих писем Мальборо признался, что захват Донаувёрта обошелся довольно дорого. Критика его тактики в этом сражении носила довольно общий характер, поскольку решающий маневр был осуществлен не им, а маркграфом Баденским.

После сражения главные силы франко-баварской армии отступили к Аугсбургу. Мальборо, наступая в южном направлении, к Баварии, опустошил ближайшие районы, сжигая сотни деревень и весь урожай, чтобы заставить курфюрста Баварского начать переговоры или принять бой в невыгодной для него обстановке. Смысл этого жестокого мероприятия, которого сам Мальборо втайне стыдился, был сведен на нет одной особенностью того времени, а именно тем, что, поскольку войны велись правителями, а не народами, эти побочные неприятности оказывали очень малое влияние на самого курфюрста Баварского. Таким образом, Тальяр имел в распоряжении достаточно времени, чтобы перебросить свои войска с Рейна в Баварию, 5 августа 1704 г. он прибыл в Аугсбург.

К счастью, одновременно с войсками Тальяра прибыли войска принца Евгения, которому удалось незаметно оторваться от Виллерау, чтобы присоединиться к Мальборо. Как раз перед этим была достигнута договоренность, что под прикрытием войск Мальборо и Евгения маркграф Баденский спустится вниз по Дунаю и окружит занимаемую противником крепость Ингольштадт. Затем 9 августа были получены донесения о том, что объединенные силы противника двигаются на север, к Дунаю. Казалось, что противник ставит своей целью нанести удар по коммуникациям Мальборо. Тем не менее Мальборо и принц Евгений дали возможность маркграфу Баденскому продолжить обходный марш к Ингольштадту, уменьшив тем самым свои объединенные силы до 56 тыс. человек против почти 60 тыс. войск у противника, силы которого в дальнейшем могли еще более возрасти. Стремление Мальборо и принца Евгения обойтись без маркграфа Баденского объяснялось их неприязнью к его излишней осторожности, и они решили дать бой французам при первой благоприятной возможности. Это решение говорило о их большой уверенности в своем качественном превосходстве над противником, даже о чрезмерной уверенности, как показала напряженность сражения.

К счастью для Мальборо и Евгения, противная сторона также страдала излишней самоуверенностью. Курфюрст Баварский стремился перейти в наступление, несмотря на то что его главные силы все еще не прибыли. Когда Тальяр пытался доказать ему, что было бы благоразумнее окопаться и подождать их подхода, курфюрст стал насмехаться над такой

осторожностью. Тальяр с сарказмом возразил: "Если бы я не был так убежден в честности вашего высочества, то подумал бы, что вы хотите, ничем не рискуя, играть войсками короля Франции, не имея своих собственных". Тогда в качестве компромисса было решено, что французские войска должны сделать предварительный бросок и занять позиции близ Бленхей-ма, на противоположном берегу небольшой р. Небель, на пути к Донаувёрту.

На следующее утро (13 августа 1704 г.) французы были захвачены врасплох внезапным появлением союзных войск, продвигавшихся вдоль северного берега Дуная. В это время Мальборо ударил непосредственно по правому флангу французов, вблизи Дуная, а принц Евгений - по левому флангу французов, между рекой и высотами, которые стесняли свободу маневра французских войск. Основным преимуществом союзников, не считая морального превосходства и лучшей подготовки, была внезапность действий. Вследствие этого обе французские армии не смогли организовать взаимодействие и вели сражение самостоятельно. Это само по себе нарушило их устойчивость. В результате на широком центральном участке фронта у французов не оказалось достаточного количества пехоты. Однако этот общий недостаток выявился только к концу дня и, возможно, не повлиял бы на исход сражения, если бы французами не были допущены другие ошибки.

Первый этап сражения развивался не в пользу австро-английских союзников. Удар левофланговых частей Мальборо по Бленхейму был отбит с тяжелыми для него потерями, наступление на его правом фланге в направлении Оберглау также провалилось. Атака принца Евгения была отбита дважды. В момент, когда войска Мальборо, наступавшие в центре, форсировали р. Небель, их головные подразделения были разгромлены французской кавалерией, перешедшей в контратаку, которую едва-едва удалось отразить. К счастью для союзников, из-за отсутствия согласованности действий эта контратака была нанесена меньшим количеством кавалерийских эскадронов, чем предполагал Тальяр. Однако вслед за первой контратакой последовала вторая контратака кавалерии Марсе по обнаженному флангу Мальборо, но и эта контратака была своевременно парирована конницей Евгения, который немедленно отреагировал на просьбу Мальборо.

Хотя катастрофа и была предотвращена, однако создалось неустойчивое положение, и если бы Мальборо не смог продвинуться вперед, он оказался бы в тяжелом положении, имея в своем тылу болотистую пойму р. Небель. Но теперь Тальяр должен был дорого заплатить за то, что позволил Мальборо беспрепятственно переправиться через реку или, вернее, не сумел помешать этому. Поскольку контратаки кавалерии Тальяра не достигли своей цели и не уничтожили первого эшелона центральной группировки войск Мальборо, уцелевшие подразделения, воспользовавшись затишьем, закрепились на противоположном берегу. Несмотря на то что Тальяр имел в общей сложности 50 батальонов пехоты против 48 у Мальборо, в центральном секторе у него было только 9 батальонов, а у противника - 23. Тальяр допустил эту ошибку при первоначальном построении войск, которую в дальнейшем он не исправил, хотя и имел для этого время. Когда немногочисленные каре французской пехоты были в конце концов смяты превосходящими силами английской пехоты и ближним артиллерийским огнем, Мальборо смог прорваться через образовавшуюся брешь, отрезав тем самым скученную массу французской пехоты на берегу Дуная, у Бленхейма, и создав угрозу флангу Марсе. Последнему удалось оторваться от Евгения и отступить, однако значительные силы армии Тальяра, прижатые к Дунаю, вынуждены были сдаться.

Победа при Бленхейме была куплена ценой тяжелых потерь и огромного риска. При беспристрастном анализе становится ясно, что исход сражения был решен скорее стойкостью рядовых солдат и просчетами французского командования, чем искусством Мальборо. Однако победа настолько вскружила всем голову, что никто не заметил, какой азартной игрой было это сражение. В результате того, что миф о "непобедимости" французского оружия был развеян, изменилась вся обстановка в Европе.

Союзные армии, преследуя отступающих французов, вышли к Рейну и форсировали его в районе Филиппсбурга. Однако слишком большая цена победы под Бленхеймом вызвала у всех нежелание, за исключением самого Мальборо, продолжать войну, и военные действия

постепенно затихли.

На 1705 г. Мальборо разработал план вторжения во Францию, предусматривавший обход крепостей во Фландрии. Согласно этому плану, принц Евгений должен был сковать французские войска в Северной Италии, а голландские войска - занять оборону во Фландрии, в то время как основные силы союзников под командованием Мальборо должны были наступать вверх по р. Мозель на Тионвиль, а армия маркграфа Баденского двигаться через Саар на соединение с Мальборо. Однако этот план не удалось осуществить из-за недостатка продовольствия, нехватки транспорта и пополнений. Кроме того, маркграф Баденский отказался сотрудничать, что приписывалось его зависти, но скорее всего объяснялось воспалительным процессом в результате ранения, от которого он позже умер.

Тем не менее Мальборо настаивал на осуществлении своего плана, несмотря на то что условий для достижения успеха не было, а сами действия стали бы прямыми в самом узком значении этого слова. Он двинулся вверх по р. Мозель, очевидно надеясь, что небольшая численность его войск соблазнит французов начать бой. Однако маршал Виллар предпочел выждать, пока силы Мальборо еще более ослабнут из-за недостатка продовольствия, а Виллеруа перешел в наступление во Фландрии с таким успехом, что вынудил голландцев потребовать от Мальборо срочной помощи. Это двойное давление заставило Мальборо отказаться от своего рискованного плана, но в горечи разочарования он сделал козлом отпущения маркграфа Баденского. Он даже направил Виллару письмо с извинением за свое отступление, в котором всю вину возложил на маркграфа Баденского.

Форсированный марш Мальборо обратно во Фландрию быстро привел к улучшению обстановки. С его приближением Виллеруа снял осаду Льежа и отошел к укреплениям Брабант. Тогда Мальборо приступил к тщательной разработке плана прорыва этой оборонительной линии. Ложной атакой против слабо укрепленного участка в районе р. Маас он отвлек французские войска на юг, а затем, совершив форсированный контрмарш в обратном направлении, прорвался через сильно укрепленный, но оборонявшийся малыми силами участок вблизи Тирлемона (см. рис. 7). Однако ему не удалось развить успех путем дальнейшего наступления на Лувен через р. Диль. Возможно, эта неудача была вызвана быстрым истощением сил Мальборо. Тем не менее знаменитая Брабантская линия укреплений больше не являлась преградой.

Спустя несколько недель Мальборо разработал новый план, который свидетельствовал об определенной эволюции его полководческого искусства. Хотя новый план и не увенчался более крупным успехом, тем не менее он продемонстрировал таланты Мальборо. Его предыдущий маневр во Фландрии основывался исключительно на введении противника в заблуждение, и для его успешного выполнения требовалась быстрота действий, чего было трудно добиться с такими союзниками, как голландцы. На этот раз Мальборо применил не прямые действия в направлении, имевшем ряд важных объектов и, следовательно, заставлявшем противника распылять свои силы, что уменьшало необходимость большой быстроты действий.

Повернув к югу от позиции, занимаемой Виллеруа вблизи Лувена, Мальборо двинулся в направлении, которое вводило противника в заблуждение относительно цели его дальнейшего движения, поскольку создавалась одновременная угроза таким крепостям в этом районе, как Намюр, Шарлеруа, Монс и Ат (см. рис. 8). Затем, подойдя к Женапу, Мальборо двинулся на север, через Ватерлоо (см. рис. 6) на Брюссель. Виллеруа решил немедленно вернуться обратно и оказать помощь Брюсселю. В тот момент, когда французы вот-вот должны были выступить из Лувена, Мальборо совершил снова ночью марш, но уже в восточном направлении и неожиданно появился перед ними. Так как Мальборо прибыл раньше, чем предполагали его голландские союзники, последние использовали этот предлог, чтобы оказать противодействие его желанию немедленно перейти в наступление. Голландское командование обосновывало свой отказ ссылкой на то, что, как бы ни был дезорганизован противник, его позиции у Лувена все же значительно сильнее, чем в районе Бленхейма, где союзники ранее одержали победу.

В кампании следующего года (1706 г.) Мальборо задумал применить не прямые действия в значительно большем масштабе - перейти через Альпы и соединиться с принцем Евгением. Он надеялся путем координации своих действий с действиями морского десанта против Тулона и с действиями Питерборо в Испании изгнать французов из Италии и войти во Францию с черного хода. Голландцы, отказавшись на этот раз от своей обычной осторожности, согласились пойти на риск и дать Мальборо возможность осуществить свой замысел. Однако этот план был сорван неудачными действиями маркграфа Баденского против Виллара и наступлением Виллеруа во Фландрии. Это рискованное наступление французов объяснялось расчетом Людовика XIV на то, что "повсеместный" переход в наступление произведет такое сильное впечатление, что даст ему возможность заключить на выгодных условиях мир, который был ему так необходим и к которому он так стремился. Все же переход в наступление на театре военных действий, где находился Мальборо, оказался для французов не кратчайшим путем к почетному миру, а путем к поражению, опрокинувшему все их расчеты на такой мир. Мальборо, не теряя времени, использовал благоприятную возможность; по его мнению, французы уже второй раз содействовали осуществлению его планов своим нежеланием спокойно находиться на занимаемых позициях, когда обстановка складывалась в их пользу. Он вошел в соприкосновение с французами в районе Рамилье, где они заняли рубеж в виде вогнутой линии. Он использовал свою позицию, проходившую по хорде этой дуги, для не прямых тактических действий. Перейдя в наступление на левый фланг французов, вынудившее последних бросить туда свои резервы, он затем искусно вывел из боя свои войска и быстро перебросил их на свой левый фланг для развития успеха, достигнутого голландской кавалерией, прорвавшей фронт противника. Угроза с тыла в сочетании с давлением с фронта привела французские войска к поражению - Мальборо настолько эффективно организовал преследование французов после этой победы, что вскоре вся Фландрия и укрепления Брабант оказались в его руках.

В течение этого же года (1706 г.) война в Италии по существу также закончилась демонстрацией эффективности еще одного примера стратегии не прямых действий. Первоначально принц Евгений был вынужден отступить на восток до озера Гарда и далее в горы, в то время как его союзник герцог Савойский был осажден в Турине. Вместо того чтобы попытаться с боем прорваться вперед, Евгений обманул противника хитрым маневром и ускользнул, оставив на произвол судьбы свою базу. Он прорвался через Ломбардию в Пьемонт и под Туринем нанес решительное поражение численно превосходящему, но морально подавленному противнику.

Теперь война как на севере, так и на юге докатилась до границ Франции. Однако в 1707 г. отсутствие единства цели у союзников дало возможность Франции оправиться от поражения, и на следующий год она сосредоточила свои главные силы против Мальборо. Будучи скованным во Фландрии превосходящими силами противника, Мальборо сумел изменить обстановку в свою пользу путем повторения дунайского маневра, но только в обратном направлении. В результате этого маневра принц Евгений получил возможность соединиться с Мальборо, перебросив свою армию с Рейна. Но французскими войсками теперь командовал способный Вандам, и они подошли к Мальборо раньше Евгения. Заставив Мальборо отойти к Лувену, Вандам неожиданно повернул на запад и захватил без потерь Гент, Брюгге и почти всю Фландрию к западу от Шельды (см. рис. 8). Однако, вместо того чтобы выступить против него, Мальборо смело двинулся на юго-запад, с тем чтобы вклиниться между войсками Вандама и французской границей. В сражении при Ауденарде первоначальный успех, достигнутый Мальборо в результате стратегического маневра, был закреплен тактическим разгромом Вандама.

Если бы Мальборо мог осуществить свое желание - т. е. начать быстрое наступление на Париж, то война, возможно, скоро окончилась бы. Даже без этого наступления Людовик XIV был вынужден просить заключения мира предстоящей зимой, предложив условия, которые были вполне приемлемы для союзников. Однако союзники отвергли предложение Людовика, надеясь на полный разгром французской армии, что с точки зрения большой стратегии

являлось несостоятельным и безрассудным. Мальборо понимал выгодность предложения Людовика, но мир был не его стихия: он лучше разбирался в вопросах войны.

Таким образом, в 1707 г. снова разгорелась война. Теперь план Мальборо предусматривал применение непрямых военных действий против основного политического объекта - Парижа. Замысел Мальборо сводился к тому, чтобы, обходя крепости и не ввязываясь в затяжные бои с полевыми войсками противника, прорваться непосредственно к Парижу. Но этот план был слишком смелым даже для воинственного принца Евгения. Поэтому в плане были оставлены более скромные цели и не предусматривался непосредственный штурм Брабантских укреплений, прикрывавших границу между Дуэ и Бетюном. Вместо этого была поставлена задача захватить фланкирующие крепости Турне и Монс (см. рис. 7), прежде чем двинуться во Францию по пути, проходившему восточнее укрепленной полосы.

Мальборо снова удалось ввести противника в заблуждение. Угроза прямого удара по укрепленным линиям заставила французов оттянуть основные силы из состава гарнизона Турне на усиление этих укреплений. После этого Мальборо совершил марш и окружил Турне. Но гарнизон крепости оказал настолько упорное сопротивление, что задержал Мальборо на целых два месяца. Однако новая угроза Мальборо укрепленным линиям у Ла-Бассе (см. рис. 6) позволила ему двинуться к Монсу (см. рис. 7) и беспрепятственно обложить его. Но французы достаточно быстро пошли ему наперерез, с тем чтобы преградить дорогу и помешать дальнейшему развитию успеха. Эта неудача заставила Мальборо прибегнуть к прямым действиям, и здесь он показал недостаточное понимание последствий, вытекавших из сложившейся обстановки, поступив менее благоразумно, чем Кромвель под Данбаром. Несмотря на то что штурм сильно укрепленной, заранее подготовленной обороны противника, охранявшего "ворота" у Мальплаке (см. рис. 7), окончился победой союзников, она досталась им такой дорогой ценой, что потерпевший поражение командующий Вильяр был прав, написав Людовику: "Если Бог даст нам еще одно такое поражение, противники Вашего Величества будут уничтожены". Его мнение оказалось пророческим, поскольку эта победа стоила союзникам их надежды на достижение победы в войне.

В 1710 г. война зашла в тупик, причем Мальборо оказался прижатым к укрепленным линиям, которые французы соорудили от Валансьеина до побережья. Тем самым политические противники Мальборо на родине получили новый предлог для ослабления его влияния. Фортуна изменила тем, кто не сумел воспользоваться ее благосклонностью. В 1711 г. армия принца Евгения была по политическим соображениям отозвана домой. Мальборо остался один на один с противником, обладавшим значительным превосходством в силах. Имея слишком мало войска, чтобы попытаться предпринять какие-либо решительные действия, Мальборо по крайней мере мог проявить свое искусство, доказав несостоятельность бахвальства французов, назвавших свои укрепленные линии *Nes Plus Ultra*¹⁷. Этого он добился в результате исключительно правильного применения стратегии непрямых действий - вводя противника в заблуждение, обманывая его и используя различные маневры до тех пор, пока ему не удалось проскользнуть через французские укрепления без единого выстрела. Однако через два месяца он был отозван домой и попал в немилость, а в 1712 г. истощенная войной Англия покинула своих союзников.

Австрийские и голландские войска, находившиеся теперь под командованием принца Евгения, в течение некоторого времени все еще продолжали вести боевые действия, причем обе воюющие стороны были истощены в равной степени. В 1712 г. Виллар предпринял сложный маневр, который по хитрости, скрытности и скорости поднимался до уровня маневров самого Мальборо. В результате Виллар одержал легкую и решительную победу над союзными войсками при Денене (см. рис. 6). Эта победа завершила распад коалиции, и Людовик XIV смог добиться мира на условиях, весьма отличных от тех, которые он выдвигал до сражения при Мальплаке. Таким образом, одно прямое действие, приведшее к большим потерям, сделало многое, чтобы свести на нет общий успех, достигнутый

применением не прямых действий. И не менее важно то обстоятельство, что вопрос в конце концов был решен другим путем, опять-таки с помощью не прямых действий.

Хотя союзникам не удалось добиться своей главной цели, т. е. помешать Людовику XIV заключить фактический союз с Испанией, Англия вышла из войны с территориальными приобретениями. Этим она обязана была главным образом тому, что Мальборо видел дальше рамок своего собственного театра военных действий. Для отвлечения внимания Франции и обеспечения политических преимуществ он сочетал мероприятия в районе Средиземного моря с действиями во Фландрии. Экспедиции 1702 и 1703 г. помогли ему предотвратить выступление Португалии и Савойи на стороне Франции и проложили путь для наступления против главной опоры Франции - Испании. В 1704 г. Англия захватила Гибралтар. Затем Питерборо умело провел отвлекающий маневр в Испании. В 1708 г. англичане организовали экспедицию, захватив о. Минорка. Хотя последующие действия англичан в Испании проводились неудачно, все же Англия вышла из войны со значительными приобретениями. Она захватила Гибралтар и о-ва Минорка, две ключевые позиции, обеспечивающие господство на Средиземном море, а также завоевала Новую Шотландию и Ньюфаундленд в северной части Атлантического океана.

Войны Фридриха II

Неопределенность результатов войны за Австрийское наследство в 1740-1748 гг. лучше всего подтверждает тот факт, что после войны французы, наиболее удачливый в военном отношении народ, говорили: "Ты глуп, как мир", когда хотели выругать кого-нибудь. Фридрих Великий был единственным правителем, который извлек из этой войны выгоду. Вначале он захватил Силезию, а затем вышел из игры. Хотя позже он снова вступил в войну, но рисковал многим без особой перспективы выиграть что-либо определенное, кроме права украсить свои знамена несколькими прославленными победами. Однако эта война утвердила престиж Пруссии как великой державы.

Заслуживают внимания события, приведшие к присоединению Силезии к Пруссии по мирному договору, заключенному в 1742 г. в Бреслау. В начале этого года перспективы для союзных франко-пруссских войск казались неважными. Правда, было начато общее наступление французских и прусских войск на основные силы австрийской армии. Но французские войска вскоре были остановлены. Тогда Фридрих, вместо того чтобы продолжать наступление в западном направлении и соединиться со своим союзником, внезапно повернул на юг, к Вене. И хотя его передовые части уже подошли к столице противника, он быстро отвел их назад, так как австрийская армия совершала маневр с целью отрезать его войска от базы. Это наступление Фридриха обычно осуждается как явно необдуманная демонстрация, однако, учитывая его последствия, следует сказать, что это обвинение является, пожалуй, слишком резким, так как его быстрый отход по принципу *Sauve qui peut*¹⁸ явился западней для австрийских войск, которые стали гнать немцев в глубь Силезии. Здесь, вблизи Хотузитца, будучи поставленным в тяжелое положение, Фридрих нанес сильный контрудар и довершил разгром противника преследованием. Через три недели Австрия заключила с Фридрихом сепаратный мир, согласно которому Силезия отошла Пруссии. Может быть, и не стоило бы делать серьезные выводы из этого факта, но все же по меньшей мере интересно, что такая неожиданная склонность австрийцев к заключению невыгодного мира проявилась вслед за единственным случаем применения метода не прямых действий в войне на данном театре. Хотя не прямые действия заключались лишь в том, что Фридрих неожиданно появился под стенами Вены и добился, будучи на грани поражения, небольшой тактической победы, куда менее блестящей, чем многие другие его победы.

Война за Австрийское наследство не привела к решающим результатам, но последовавшая за ней большая война середины XVIII в. (Семилетняя война) была с точки зрения европейской политики не лучше; Англия являлась единственным государством, которое добилось определенных результатов, оказавших решающее влияние на весь ход европейской истории. Англия не была прямым участником Семилетней войны (1756-1763);

она внесла свой вклад в эту войну и выгоды от нее получила непрямым путем. В то время как европейские армии истощали себя и свои страны в войне, небольшие отряды британских войск, высланные Англией, использовали ослабление влияния европейских государств в своих интересах, расширяя Британскую империю. Более того, тот факт, что Пруссия, находившаяся на грани истощения, получила мир неопределенного характера вместо позорного мира, был столько же результатом косвенного ослабления наступательной мощи Франции в результате ее неудач в колониях, сколько и отказа России в связи со смертью царицы нанести *coup de grace*¹⁹ Пруссии. Судьба была милосердной к Фридриху Великому; к 1762 г., после ряда больших и выдающихся побед, Фридрих оказался почти полностью без средств и лишился способности продолжать сопротивление.

Только одна кампания среди множества других действительно может быть названа решительной как по военным, так и политическим результатам - это кампания, окончившаяся захватом Квебека англичанами. Кампания была не только самой короткой, но и велась на второстепенном театре. Если захват Квебека и ликвидация французского господства в Канаде стали возможны благодаря применению под давлением морской мощи не прямых действий в области большой стратегии, то и фактический ход боевых действий в канадской кампании был предрешен использованием не прямых действий в стратегии. Результат этой кампании тем более наталкивает на размышления, что явно рискованный маневр был предпринят только после того, как прямой удар по линии Монморанси окончился неудачей с серьезными потерями в живой силе и с еще более серьезным упадком морального духа. В оправдание Вулфа следует сказать, что он прибег к прямым действиям только после того, как различными уловками - обстрелом Квебека, а также демонстративными передвижениями изолированных отрядов в Пойнт-Льюисе и близ водопада Монморанси - не удалось выманить французов с занимаемых ими сильных позиций.

Однако как из этих неудач, так и из успеха рискованной высадки в тылу французов севернее Квебека вытекает определенный вывод. Одного только стремления выманить противника с занимаемых позиций недостаточно; его надо оттуда вытянуть насильно. Другой урок вытекает из неудачных приемов проведения отвлекающих действий, которыми Вульф пытался подготовить прямой удар. Недостаточно обмануть противника; надо довести его до растерянности состояния, в котором оказывается противник, когда он дезориентирован, лишен свободы передвижения для контрманевра и когда силы его распылены.

Последняя азартная ставка, чем внешне казался завершающий маневр Вулфа, удовлетворяла всем условиям, и результатом была победа. Для тех, кто при анализе военных кампаний исходит обычно только из соотношения сил, степень ослабления французских войск, по-видимому, не является достаточным оправданием того поражения, которое понесли французы. Написано большое количество работ, в которых разбирается вопрос о том, что французы могли бы предпринять и как они могли улучшить свое положение. Но Квебек ярко демонстрирует ту истину, что победа скорее достигается подрывом морального духа и срывом планов командования противника, чем физическим воздействием на его войска.

Влияние этих факторов значительно важнее географических и статистических данных, анализ которых зачастую занимает девять десятых объема книг по военной истории.

Если, как показывает история, ход Семилетней войны на основном европейском театре был таким неопределенным, несмотря на столь многочисленные тактические победы, то следует разобраться, почему так произошло. Обычно указывают на большое количество врагов у Фридриха, но его преимущества прежде всего как верховного правителя являлись настолько сильным противовесом, что такое объяснение звучит недостаточно убедительно. Мы должны проанализировать этот вопрос глубже.

Подобно Александру Македонскому и Наполеону и в отличие от Мальборо, Фридрих был свободен от ответственности и ограничений, которые возлагаются на стратега в строгом

смысле этого слова. Он сочетал в себе функции стратега и военного политика. К тому же постоянный контакт между ним (в качестве короля) и армией давал ему возможность подготавливать и развивать средства для достижения намеченной им цели. Кроме того, относительно малое количество крепостей на театре военных действий также создавало для него определенные преимущества.

Несмотря на то что против него выступала коалиция в составе Австрии, Франции, России, Швеции и Саксонии, а его союзником была одна Англия, Фридрих с самого начала и до середины второй кампании имел фактическое превосходство в силах. В дополнение к этому он обладал двумя большими преимуществами тактического порядка перед любым из своих противников, а также преимуществом центрального месторасположения.

Последнее давало ему возможность применять стратегию, обычно называемую стратегией "действий по внутренним линиям", т. е. нанесение ударов из центра в зависимости от обстановки по той или иной части сил противника, расположенных по периферии. Он использовал для перегруппировки своих войск кратчайшие расстояния, чтобы сосредоточиться перед любой из группировок противника раньше, чем ей будет оказана помощь со стороны других войск противника.

На первый взгляд кажется, что чем дальше друг от друга находятся войска противника, тем легче добиться решительной победы над ними. Это, безусловно, правильно с точки зрения времени, пространства и количества. Однако здесь снова сказывается влияние морального фактора. Когда силы противника разъединены, они действуют самостоятельно и проявляют тенденцию усиливать свое сопротивление. Когда они находятся близко друг от друга, то стремятся соединиться и стать членами единого коллектива, зависящего друг от друга в моральном и материальном отношениях. Действия одного командующего оказывают влияние на действия другого, моральное воздействие быстро распространяется, и даже простое передвижение какой-либо одной части сил легко создает затруднения или даже вносит дезорганизацию в действия другой. Таким образом, несмотря на то что занимающий центральное положение имеет меньше времени и пространства для маневра, результат его сказывается на противнике быстрее. Более того, когда войска, расположенные по периферии, находятся близко друг от друга, то простое отклонение противника, занимающего центральное положение, от сближения с одной из групп этих войск может оказаться совершенно неожиданным и, следовательно, непрямым действием по отношению к другой группе войск. И наоборот, если эти войска рассредоточены на большом пространстве, то они будут иметь больше времени, чтобы отразить следующий удар армии, действующей из центра, которая нанесла первый удар по одной из группировок противника, или уклониться от него.

Использование "внутренних линий" так, как это делал Мальборо при своем движении к Дунаю, является формой не прямых действий. Хотя такой маневр является непрямым действием по отношению ко всей группировке противника, он не будет таковым по отношению к той части сил, которая является непосредственным объектом действия, если эта группировка не окажется застигнутой врасплох. Если внезапности нет, то понадобятся новые не прямые действия - уже в отношении данного объекта.

Фридрих постоянно использовал свое центральное положение для последовательного сосредоточения сил против отдельных группировок противника, применяя не прямые действия. Вследствие этого он одержал большое количество побед. Но его тактические не прямые действия основывались скорее на использовании геометрических, а не психологических факторов и не дополнялись теми искусными формами внезапности, которые предпочитал Сципион. Поэтому маневры Фридриха, несмотря на умелое их осуществление, были ограниченными по масштабам. Противник, возможно, оказывался не в состоянии подготовиться к отражению очередного удара Фридриха из-за медлительности своего командования или из-за неудачного построения своих войск, однако сам удар не являлся для него неожиданным.

Семилетняя война началась в конце августа 1756 г. вторжением Фридриха в Саксонию

(см. рис. 6) с целью сорвать планы коалиции. Развивая первоначальный успех, достигнутый внезапно, Фридрих почти беспрепятственно вошел в Дрезден. Когда австрийская армия с опозданием подошла к Дрездену, с тем чтобы освободить его, Фридрих двинулся вверх по р. Эльбе навстречу австрийцам и, разгромив их в бою при Ловосице близ Лейтмерица, оккупировал Саксонию. В апреле 1757 г. Фридрих перешел через горы в Богемию и двинулся к Праге.

Подойдя к городу, он установил, что австрийская армия заняла сильные позиции на высотах за рекой. Тогда, оставив отряд для маскировки своего маневра и наблюдения за бродами, он ночью повел войска вверх по реке, затем переправился через нее и начал наступление против правого фланга противника. Хотя вначале его марш-маневр был непрямым, однако на заключительной стадии он принял характер прямого наступления, так как австрийская армия имела достаточно времени, чтобы изменить свой фронт. В результате прусская пехота была вынуждена вести фронтальную атаку на передний край обороны австрийцев, местность перед которым простреливалась ураганным огнем. Тысячи прусских пехотинцев пали. Только неожиданное появление кавалерии Цитена, совершившей глубокий обход, решило исход сражения под Прагой в пользу пруссаков и вынудило австрийцев отступить.

Последовавшая осада Праги была сорвана подходом новой австрийской армии под командованием Дауна, посланной на помощь городу. Когда Фридрих получил донесение об этом, он снял с осады города почти все свои войска и двинулся навстречу Дауну. Войдя 18 июня 1757 г. в соприкосновение с австрийской армией в районе Колина, Фридрих обнаружил, что она хорошо окопалась и к тому же превосходила его войска по численности почти в два раза. Он вновь сделал попытку обойти правый фланг австрийцев, однако маневр был проведен в такой непосредственной близости от противника, что прусские колонны, будучи обстреляны огнем легких войск противника, вынуждены были прекратить обход и броситься во фронтальную и несогласованную атаку, которая окончилась катастрофическим поражением. Фридрих был вынужден отказаться от осады Праги и уйти из Богемии.

Тем временем русские вторглись в Восточную Пруссию, французская армия захватила Ганновер, а объединенная армия союзников под командованием Гильдбургхаузена создала угрозу Берлину с запада. Чтобы не допустить соединения двух последних армий, Фридрих совершил форсированный марш в обратном направлении через Лейпциг и сумел устранить эту угрозу. Однако после этого он был вынужден направиться в Силезию, которой угрожала опасность, и пока он туда двигался, австрийские подвижные войска захватили и разграбили Берлин. Едва он успел выбить австрийцев из Берлина, как Гильдбургхаузен повел новое наступление, и Фридрих поспешил ему навстречу.

В последовавшем сражении при Росбахе (40 км восточнее Бонна) союзная армия, имевшая двойное численное превосходство над армией Фридриха, пыталась совершить обход, т.е. использовать фридриховское оружие против него самого. Однако малая глубина обхода, необоснованное предположение союзников о мнимом отходе войска Фридриха и в связи с этим изменение боевых порядков для его преследования дали Фридриху возможность разгадать их намерения и предпринять контрманевр. Он нанес удар по удаленному флангу войск союзников и разгромил их. Таким образом, здесь вследствие ошибок противника Фридрих добился от применения не прямых действий не только подвижности, но и внезапности. Победа при Росбахе была наиболее убедительной из всех одержанных Фридрихом побед. Фридрих нанес поражение армии противника численностью 64 тыс. человек, потери которой составили 7700 человек, в то время как сам он потерял всего лишь 500.

К несчастью для него, он слишком истощил свои силы в предыдущих сражениях, чтобы полностью реализовать плоды этой победы. Ему еще надо было разделаться с австрийской армией, которую он не смог разгромить под Прагой и Колином. И хотя ему удалось добиться успеха в сражении при Лейтене, победа там, достигнутая благодаря применению его знаменитого косоугольного боевого порядка (одна из форм не прямых действий),

обошлась ему дороже, чем он мог себе позволить.

Итак, война продолжалась, причем ее перспективы в 1758 г. стали еще более мрачными. Против австрийцев Фридрих применил не прямые действия, одновременно наступая с фронта и с фланга, и вышел в районе Оломоуца, в 32 км от границы. Даже тогда, когда Фридрих потерял крупный обоз со снабжением, он не отошел назад, а, наоборот, продолжал свой марш через Богемию, в обход австрийских тылов, к их укрепленной базе в Кёниггреце. Однако ему снова пришлось расплачиваться за потерянные под Прагой и Колином благоприятные возможности, так как русский "паровой каток" наконец развел пары и покатился вперед к Познани и далее на Берлин. Фридрих решил отказаться от окончания кампании в Богемии и пошел на север, чтобы остановить русских. Это ему удалось, но сражение при Цорндорфе оказалось для него второй Прагой. Фридрих опять совершил маневр, чтобы избежать лобового удара по сильным позициям русских, обойдя восточный фланг в целях атаки их с тыла. Русским войскам удалось, по примеру австрийцев под Прагой, повернуть фронт и превратить не прямые действия Фридриха в фронтальную атаку. Это поставило Фридриха в весьма затруднительное положение, пока не вмешался Зейдлиц, выдающийся кавалерийский начальник. Совершив обход по местности, казавшейся непроходимой, Зейдлиц нанес внезапный удар по новому флангу русской армии, что явилось образцом непрямого действия. Потери Фридриха, хотя они и были несколько меньше, чем у русских, оказались для него более чувствительными с точки зрения его ресурсов.

В связи со значительным ослаблением армии Фридрих был вынужден оставить русских в покое и снова выступить против австрийцев. Следующее поражение Фридриха при Хохкирхе (70 км восточнее Дрездена) произошло вследствие излишней самоуверенности. Он считал, что его старый австрийский противник Даун никогда не осмелится начать действовать первым. В результате Дауну удалось окружить ночью войска Фридриха. Последний избежал разгрома только благодаря коннице Цитена, державшей открытым проход для его выхода. В 1759 г. война продолжалась, а силы Фридриха все больше уменьшались. Под Кюнсдорфом (Кунерсдорф) он потерпел от русских самое тяжелое поражение за всю свою жизнь, а при Максене - второе поражение от Дауна, и все из-за излишней самоуверенности. С тех пор он не мог предпринять ничего большего, как только пассивно блокировать противника.

Но в то время как над Пруссией сгущались сумерки, в Канаде ярко сияло солнце. Успехи Вулфа в Канаде дали возможность Англии направить свои войска непосредственно в Германию, и в результате победы над французами при Миндене англичане спасли Фридриха от окончательного разгрома.

Тем не менее наиболее слабым во всех отношениях Фридрих стал в 1760 г. На востоке он получил передышку, хитростью подсунав русским сфабрикованное им донесение, в котором говорилось: "Сегодня австрийцы потерпели полное поражение, теперь очередь русских. Действуйте, как мы договорились". Хотя русские быстро отреагировали на этот тонкий намек и отошли, однако слишком запоздалый разгром австрийцев под Горгау оказался для Фридриха новой пирровой победой. Парализованный собственными потерями, имея всего лишь 60 тыс. человек, он больше не мог отважиться на какое-либо сражение и даже оказался изолированным в Силезии и отрезанным от Пруссии. К счастью, стратегия австрийской армии была, как всегда, безынициативной, а работа тыловых органов русских войск беспрерывно нарушалась, что, между прочим, всегда являлось характерным для них недостатком. Как раз во время этого затяжного кризиса умерла русская царица. Ее преемник не только заключил мир, но и начал подумывать об оказании помощи Фридриху. В течение нескольких месяцев Франция и Австрия продолжали отдельные стычки и перестрелку, однако силы Франции были подорваны поражениями в ее колониях, а Австрия также оказалась утомленной войной. Вскоре был заключен мир, причем все воевавшие государства были истощены и ни одно из них, за исключением Англии, ничего не выиграло из семилетнего обильного кровопролития.

Хотя из кампаний Фридриха II можно извлечь много уроков, главный из них, по-

видимому, состоит в том, что его не прямые действия были слишком прямыми. Он считал, что стратегия не прямых действий заключается в сочетании маневра с подвижностью, упуская из виду внезапность действий. На самом деле стратегия не прямых действий заключается в сочетании маневра с подвижностью и внезапностью. Таким образом, несмотря на блестящее мастерство Фридриха, его принцип экономии сил оказался несостоятельным.

Глава VIII.

Французская революция и Наполеон Бонапарт

Прошло 30 лет, и поднялся занавес "Великой войны", которая была озарена гением Наполеона Бонапарта. Как и в предыдущем столетии, Франция представляла для других стран серьезную угрозу, перед лицом которой объединились государства Европы. На этот раз война развивалась иначе. Революционная Франция имела много сторонников, но они не входили в состав правительств и не контролировали вооруженные силы своих государств. И все же, начав войну в одиночку, насильно изолированная, как будто пораженная чумой, Франция не только отразила объединенный удар, нанесенный с целью сокрушить ее, но и после революции представляла серьезную военную угрозу для остальной Европы и в конце концов стала властелином над большей ее частью. Ключ к объяснению такого роста ее могущества следует искать в сочетании благоприятных условий и стимулирующих факторов во Франции того времени.

Эти условия и факторы были созданы революционным духом национальных армий Франции. Этот дух сделал невозможной педантичную муштру, он дал волю развитию способностей и инициативы отдельной личности. В результате была разработана новая гибкая тактика. Теперь французы совершали марш со скоростью 120 шагов в минуту, в то время как их противники придерживались общепринятой нормы - 70 шагов в минуту. Эта элементарная разница в дни, когда армия еще не была обеспечена техническими средствами передвижения, дала возможность производить быструю переброску и перегруппировку войск, благодаря чему французы могли, по выражению Наполеона, умножить "массу на скорость" как при проведении стратегических операций, так и при выполнении тактических задач.

Другое благоприятное условие состояло в разделении армии на постоянные самостоятельные соединения (дивизии), которые, действуя независимо друг от друга, могли осуществлять взаимодействие между собой для достижения общей цели.

Эта внутренняя реорганизация французской армии теоретически была разработана еще Бурсе и до некоторой степени практически осуществлена в 40-х гг. XVIII в. Она была официально одобрена маршалом де Броули, когда он был назначен главнокомандующим в 1759 г. Дальнейшие теоретические и практические усовершенствования были проделаны другим оригинальным мыслителем, Гибером, во время военных реформ 1787 г., т. е. накануне революции.

Третье условие, связанное с предыдущим, состояло в том, что хаотическая система снабжения и слабая дисциплина в революционных армиях Франции заставили возвратиться к старой практике довольствия за счет местных ресурсов. Разделение армии на дивизии означало, что такая практика снабжения оказывала меньшее влияние на боеспособность армии, чем раньше. Если прежде различные подразделения армии нужно было предварительно собрать вместе, прежде чем использовать их для проведения операции, то теперь каждое из них могло выполнять свою задачу самостоятельно, обеспечивая себя продовольствием.

Более того, в результате движения налегке подвижность французских войск увеличилась и они могли свободно передвигаться по гористой и лесистой местности. Так как французские войска не могли надеяться на получение продовольствия и обмундирования из своих войсковых складов и обозов, голодные и плохо обмундированные французские солдаты были вынуждены нападать на тылы противника, который имел такие прямые формы снабжения и зависел от них.

Кроме этих условий, решающее значение имела личность полководца Наполеона

Бонапарта, военные способности которого были развиты благодаря изучению военной истории и еще больше благодаря размышлению над теориями Бурсе и Гибера, двух наиболее выдающихся и оригинальных военных мыслителей XVIII в.

У Бурсе Наполеон усвоил принцип преднамеренного рассредоточения сил с целью заставить противника распылить свои силы. Затем Наполеон снова быстро сосредоточивал свои силы, в то время как силы противника продолжали оставаться разбросанными. Кроме того, он правильно оценил значение плана, имеющего несколько вариантов, и действия на направлении, на котором может быть создана одновременная угроза нескольким объектам. Более того, Наполеон осуществил в своей первой кампании план, составленный на основе проекта, разработанного Бурсе полвека назад.

Читая Гибера, Наполеон в полной мере оценил чрезвычайное значение подвижности и гибкости действий войск, а также потенциальные возможности, созданные разделением армии на самостоятельные дивизии. Гибер предвосхитил метод Наполеона, когда он писал почти полвека тому назад: "Искусство заключается в умении развернуть свои силы, не подвергая их опасности удара со стороны противника; в охвате противника без разобщения своих войск; в проведении маневра или удара во фланг противнику без обнажения своего фланга". Рекомендуемый Гибером удар по тылам противника как средство нарушения устойчивости стал излюбленным методом Наполеона. От Гибера же Наполеон заимствовал метод сосредоточения подвижной артиллерии для прорыва фронта противника на решающем направлении. Более того, именно практические реформы, осуществленные Гибером во французской армии незадолго до революции, определили ту структуру армии, которую Наполеон использовал в войне. Главным же образом предвидение Гибера о приближающихся коренных изменениях в войне, которые будут осуществлены человеком, появившимся в революционной стране, разожгло фантазию и честолюбие юного Наполеона.

Хотя Наполеон не добавил ничего существенного к воспринятым им идеям, однако он реализовывал их на практике. Без энергичного претворения Наполеоном этих идей в жизнь новая подвижность могла остаться только теорией. Поскольку теории, которые изучал Наполеон, совпали с его инстинктивными стремлениями, а последние получили простор благодаря сложившимся условиям, он смог до предела использовать большие возможности, заложенные в новой дивизионной системе организации армии. В разработке более широких, ставших возможными стратегических комбинаций и состоит главный вклад Наполеона и стратегию.

Удивление, вызванное разгромом противника при Вальми и при Жемане во время первого частичного вторжения в 1792 г., привело к тому, что незамеченным остался тот факт, что Франция и революция оказались впоследствии в значительно большей опасности. Ведь первая коалиция в составе Англии, Голландии, Австрии, Пруссии, Испании и Сардинии была создана только после казни Людовика XVI, и только тогда французы бросили на чашу весов свою решимость, материальные и людские ресурсы. Несмотря на то что война велась коалицией без целеустремленного и умелого руководства, положение французов становилось все более и более шатким.

Так продолжалось до тех пор, пока в 1794 г. обстановка не изменилась решительно в пользу Франции. С этого времени Франция из обороняющейся стороны превратилась в агрессивную. Чем была вызвана эта перемена? Конечно, не мастерским нанесением стратегического удара, хотя цель войны была неясной и ограниченной. Значение этого события заключалось в том, что оно было результатом применения безусловно непрямых стратегических действий.

В то время как основные силы воюющих сторон вели кровопролитные, но безрезультатные бои под Лиллем, армия Журдана, находившаяся на большом удалении на р. Мозель, сосредоточила на своем левом фланге ударную группировку для наступления через Арденны на запад, в направлении Льежа и Намюра. Подойдя к Намюру после изнурительного марша, в ходе которого войска питались за счет местных ресурсов, Журдан установил из донесения и по далекому грохоту артиллерийской канонады, что первый фланг

основной группировки французских войск вел безуспешный бой перед Шарлеруа (см. рис. 6). Тогда, вместо того чтобы начать осаду Намюра, как ему было приказано, Журдан пошел в юго-западном направлении, к Шарлеруа и в тыл противника, обойдя его с фланга. Когда войска Журдана подошли к крепости, она капитулировала.

Журдан, по-видимому, не ставил перед собой более широкой цели, но психологическое воздействие такого маневра в тыл противника обеспечило ему то, чего Наполеон и другие великие полководцы могли добиться только в результате осуществления своих тонко рассчитанных замыслов. Кобург, главнокомандующий войсками армии антифранцузской коалиции, поспешно отошел в восточном направлении, пополняя свои войска за счет местного населения. Затем он нанес удар Журдану, занявшему позиции для защиты Шарлеруа. Хотя сражение, широко известное как сражение при Флёрюсе (14 км северо-восточнее Шарлеруа), было ожесточенным, французы имели неоценимое преимущество, заключавшееся в отсутствии стратегической устойчивости у противника, а также в том, что он был вынужден ввести в сражение только часть своих сил. После разгрома этих сил противника последовало общее отступление союзников. Когда французы в свою очередь оказались в роли захватчиков, им не удалось, несмотря на численное превосходство, добиться решительных результатов в главной кампании к востоку от Рейна. В конечном счете эта кампания фактически оказалась не только бессмысленной, но и неудачной вследствие применения противником непрямых действий. В июле 1796 г. эрцгерцог Карл под давлением двух превосходящих по численности армий, Журдана и Моро, принял решение, согласно его собственным словам, "постепенно отвести обе союзные армии (свою и Вартенслебена) назад, не ввязываясь в бой, и при первой же возможности соединить их вместе, с тем чтобы бросить численно превосходящие или, по меньшей мере, равные силы на одну из двух армий противника". Однако давление со стороны французов не дало ему возможности применить стратегию "действий по внутренним линиям", для осуществления которой он вынужден был продолжать отход, чтобы создать более благоприятные условия для нанесения удара. Однако неожиданное изменение направления движения французских войск дало эрцгерцогу Карлу возможность нанести более решительный удар. Этот удар стал возможен благодаря инициативе командира кавалерийской бригады Науендорфа, разведка которого выявила, что французские войска снимались с фронта армии эрцгерцога Карла и перебрасывались против армии Вартенслебена с целью разгромить ее. Науендорф написал эрцгерцогу Карлу: "Если Ваше Королевское Высочество сможет направить в тыл Журдану 12 тыс. человек, то он погиб". Хотя действия эрцгерцога в ответ на эту просьбу не были такими смелыми, однако они оказались достаточно эффективными для срыва французского наступления. Беспорядочное отступление разгромленной армии Журдана обратно к Рейну и дальше через Рейн вынудило Моро отказаться от развития успеха наступления в Баварии и тоже отойти назад.

Хотя главный удар французов на Рейне не увенчался успехом, а позже, будучи повторенным, снова окончился неудачей, судьба войны была решена на второстепенном театре, в Италии, где Бонапарту удалось добиться победы путем перехода от неустойчивой обороны к решительным непрямым действиям. План этих действий сложился в голове у Наполеона еще два года назад, когда он был офицером штаба на этом театре, и позднее, в Париже, план был оформлен в виде документа. В общих чертах этот план являлся копией плана 1745 г. с учетом накопленного опыта. Основные же военные взгляды Наполеона сформировались под влиянием учителей, руководивших его военной учебой в годы, когда он был более всего восприимчив к знаниям. Этот период учебы продолжался недолго: Бонапарту исполнилось 24 года, когда в чине капитана его назначили командующим артиллерией при осаде Тулопа, и только 26 лет, когда он был назначен на должность командующего "Итальянской армией". Хотя в первые годы Бонапарт много читал, изучая различные материалы, однако в дальнейшем у него не было свободного времени для размышлений. Обладая умом скорее динамичным, чем глубоким, он не выработал сколько-нибудь определенной философии войны. Его теоретические взгляды на войну, нашедшие

свое выражение в его трудах, по существу являлись компиляцией из других источников и приводили к неправильному толкованию теории войны последующими поколениями военных теоретиков, цеплявшихся за его слова, как за догму.

Эта тенденция, а также естественное влияние его раннего опыта видны на примере одного из наиболее важных и часто повторяемых положений Наполеона: "Принципы ведения войны такие же, как и принципы ведения осады. Огонь должен сосредоточиваться против одного пункта (участка), и, как только будет сделана брешь, устойчивость противника нарушится и останется только добить его". В дальнейшем военные теоретики делали упор на первой части этого положения, в особенности подчеркивая слова "огонь против одного пункта", не придавая значения словам "устойчивость нарушится". На самом деле слова "огонь против одного пункта" являются довольно неопределенными, в то время как слова "устойчивость нарушится" выражают реальный психологический результат, гарантирующий завершение: "останется только добить его". На что больше всего обращал внимание сам Наполеон, можно проследить, подвергая соответствующему анализу проведенные им стратегические кампании.

Даже слово "пункт" стало источником значительной путаницы и споров. Одна школа утверждает, что Наполеон имел в виду нанесение массированного удара по наиболее сильному пункту противника, считая, что только это даст решающие результаты. Ибо если сопротивление основной группировки будет сломлено, то это приведет к крушению всей обороны противника. Этот тезис не учитывает, во что обойдется такой удар, и того, что победитель после нанесения удара может настолько ослабнуть, что ему будет не под силу развить достигнутый успех, так что даже слабый противник сможет оказать сравнительно большее сопротивление, чем вначале. Другая школа, больше придерживающаяся принципа экономии сил, но только в ограниченном смысле затрат на первом этапе боя, считает, что удар должен быть нанесен по наиболее слабому пункту противника. Однако слабым пункт может быть только тогда, когда он находится на значительном удалении от жизненно важной артерии или объекта либо же когда противник умышленно оставил его незащищенным, чтобы завлечь своего врага в ловушку.

Здесь опять ясность вносит фактическая кампания, в которой Наполеон придерживался второго принципа. Она ясно показала, что Наполеон в действительности имел в виду не пункт, а стык и что на этом этапе своей карьеры он был вынужден соблюдать принцип экономии сил, чтобы избежать бесцельного расхода своих ограниченных ресурсов на удары по наиболее сильному пункту противника. Вообще же стык имеет важное значение, так как он весьма уязвим.

Широко известна еще одна фраза Наполеона, которую впоследствии приводили в оправдание наиболее безрассудного сосредоточения усилий против основной группировки противника "Австрия является нашим наиболее сильным противником... Если Австрия будет разбита, Испания и Италия развалятся сами. Мы должны не рассредоточивать наши удары, а наносить их концентрированно". Однако из полного текста меморандума, в котором содержится это высказывание, видно, что Наполеон имел в виду не прямое наступление на Австрию, а использование армии на границе Пьемонта для не прямых действий против Австрии. Согласно замыслу Наполеона, Северная Италия должна была служить коридором для прохода в Австрию. И именно на этом второстепенном театре в соответствии с принципами Бурсе он намеревался разгромить младшего партнера Австрии - Пьемонт, прежде чем нанести удар по старшему партнеру - самой Австрии. При осуществлении этого плана действия Наполеона были еще более непрямыми и тонкими, поскольку сложившаяся обстановка не дала возможности Наполеону реализовать свои мечты, о которых он поспешил сообщить правительству после первых же успехов. "Менее чем через месяц, - писал он, - я надеюсь быть в горах Тироля, соединиться там с рейнской армией и вместе с ней вторгнуться в Баварию". Как ни парадоксально, но только благодаря срыву этого плана для Наполеона сложилась в последующем благоприятная обстановка. Заставив австрийские войска предпринять подряд одну за другой несколько наступательных операций в Италии и

разгромив их, Наполеон через год получил возможность беспрепятственно вступить в Австрию.

Когда в марте 1796 г. Бонапарт принял командование "Итальянской армией", ее войска были разбросаны вдоль Генуэзской Ривьеры, в то время как вражеские, австрийские и пьемонтские, войска занимали горные проходы, ведущие в долину р. По. План Бонапарта заключался в том, чтобы пробиться по двум сходящимся направлениям через горы к крепости Чева (70 км западнее Генуи) и, захватив эти ворота в Пьемонт, заставить пьемонтское правительство заключить сепаратный мир под угрозой наступления на Турин (см. рис. 6). Он надеялся, что австрийские войска все еще будут находиться на зимних квартирах; однако в случае, если бы они выступили, чтобы соединиться со своими союзниками, он предполагал провести отвлекающий маневр против Акви, чтобы заставить австрийцев отклониться в северо-восточном направлении.

Однако Бонапарту удалось добиться первоначального преимущества и изолировать армии противника друг от друга не в результате реализации своего замысла, а лишь благодаря счастливой случайности. Такая благоприятная обстановка была создана наступлением австрийцев, которые сделали бросок вперед с целью создать угрозу правому флангу Бонапарта и предупредить возможное наступление французов на Геную. Бонапарт отразил эту угрозу внезапным ударом по стыку наступающих австрийских войск, хотя потребовалось нанести еще два удара, прежде чем австрийцы признали свое поражение и отошли обратно к Акви.

Тем временем главные силы французской армии наступали на Чева. Опрометчивая попытка Бонапарта 16 апреля захватить эту крепость прямым штурмом окончилась неудачей. Тогда он наметил осуществить 18 апреля обходный маневр и перенес свои коммуникации подальше от противника, чтобы обезопасить их от возможного нападения австрийских войск. Однако пьемонтские войска оставили крепость раньше, чем была предпринята новая атака. Преследуя их, Бонапарт получил еще раз отпор, когда попытался атаковать в лоб позиции, которые пьемонтские войска заняли для обороны. Тем не менее в результате нового маневра оба фланга пьемонтских войск были охвачены и пьемонтцы были отброшены на равнинную местность.

Пьемонтское правительство считало, что угроза Турину со стороны приближавшихся французских войск была весьма серьезной, так как помощь австрийцев, вынужденных двигаться окольным путем, слишком запоздала. В результате психологического воздействия этого факта стойкость пьемонтского правительства была ослаблена и оно было вынуждено просить перемирия. Для Бонапарта отпала необходимость громить их в бою. Таким образом, Пьемонт был сброшен со счетов войны.

Никакая другая кампания не могла бы более убедительно продемонстрировать Бонапарту значение фактора времени. Если бы пьемонтцы продержались еще хотя бы несколько дней, Бонапарт, возможно, был бы вынужден отойти обратно к Ривьере из-за недостатка запасов. Впечатление, которое на него произвела капитуляция Пьемонта, видно из высказанного им, как говорят, в то время замечания: "Может быть, в будущем я проиграю сражение, но я никогда не потеряю ни одной минуты времени".

Теперь Бонапарт имел численное превосходство над австрийцами (35 тыс. человек против 25 тыс.), но все же он не захотел начать прямое наступление. На другой день после заключения перемирия с Пьемонтом Бонапарт задался целью захватить Милан с тыла, совершив обходный маневр через Тортону и Пиаченцу. Хитростью заставив австрийцев сосредоточиться под Валенца, он двинулся в восточном направлении вдоль южного берега р. По и, обойдя все рубежи сопротивления австрийцев, захватил Пиаченцу.

Чтобы обеспечить себе преимущество, Бонапарт не постеснялся нарушить нейтралитет Пармского герцогства, на территории которого находилась Пиаченца, рассчитывая на то, что здесь он сможет найти переправочные средства (лодки и паром). Однако пренебрежение к нейтралитету обернулось против французов, ибо, когда Бонапарт повернул на север, чтобы выйти австрийцам в тыл, последние отступили через территории нейтральной Венеции и

таким образом спасли себя, не посчитавшись, подобно Бонапарту, с правилами войны. Прежде чем Бонапарт смог использовать р. Адда (приток р. По), чтобы преградить путь к отступлению, австрийцы оторвались от преследовавших французов на значительное расстояние, укрывшись в Мантуе и знаменитом четырехугольнике крепостей.

В связи со столь упорным сопротивлением австрийцев мечта Бонапарта о вторжении в Австрию в течение одного месяца была развеяна и превратилась в весьма отдаленную перспективу. Директория в связи с усиливающимся беспокойством по поводу неудач французской армии и истощения ресурсов приказала Бонапарту идти на юг, к Ливорно (см. рис. 12), и по пути "эвакуировать" четыре нейтральных государства, что на языке того времени означало попросту ограбить их. В результате Италия была разорена французами до такой степени, что больше никогда не была в состоянии восстановить свое прежнее благополучие.

Однако с военной точки зрения такое ограничение Директорией свободы действий Бонапарта только подтвердило поговорку: "нет худа без добра". Ибо это ограничение, вынудив Бонапарта отложить осуществление своей мечты, дало ему возможность с помощью противника привести свою цель в соответствие с имевшимися средствами. Когда это соответствие было достигнуто, то первоначальная цель покорения Австрии оказалась в пределах практической досягаемости. Здесь уместно будет привести выдержку из книги великого итальянского историка Феррари: "В течение столетия первая кампания в Италии преподносилась, я бы сказал, воспевалась, как эпос триумфальных наступательных маршей Бонапарта, считалось, что он легко захватил Италию потому, что наносил ей непрерывные удары с решимостью, не уступавшей его военному счастью. Однако, когда изучаешь историю этой кампании беспристрастно, становится ясно, что оба противника наступали и оборонялись с переменным успехом и что в большинстве случаев наступавший успеха не имел".

Скорее случайно, чем в соответствии с замыслом Бонапарта, Мантуя превратилась в приманку для австрийских войск, которые оторвались от своих баз и попали прямо в лапы французов. Важно отметить, что войска Бонапарта не окапывались на позициях перед Мантуей, как это делали другие армии при осаде городов, а были развернуты и действовали отдельными группировками, которые Бонапарт без затруднений мог сосредоточить в любом направлении.

При первой же попытке австрийцев оказать помощь Мантуе метод Бонапарта оказался под угрозой из-за его нежелания снять осаду города. Только тогда, когда Бонапарт отказался от осады Мантуи и получил тем самым свободу для маневра, он смог использовать подвижность своих войск для разгрома австрийцев при Кастеллеоне.

После этого Директория приказала Бонапарту пройти через Тироль и в дальнейшем действовать совместно с основной рейнской армией. Австрийцы использовали это прямое наступление французов для того, чтобы отвести свои главные силы через Вальсугану сначала на восток, в Венецианскую равнину, а затем перебросить их оттуда на запад для оказания помощи Мантуе. Однако Бонапарт, вместо того чтобы продолжать движение на север или вернуться назад для блокады Мантуи, начал упорно преследовать хвост колонны австрийских войск при прохождении их через горы, тем самым сведя на нет маневр противника своим контрманевром, проведенным с более решительной целью. Под Бассано он окружил и разгромил второй эшелон австрийской армии. Когда же, преследуя первый эшелон австрийцев, французы вышли на Венецианскую равнину, Бонапарт преградил им дорогу на Триест, перехватив тем самым пути отступления в Австрию. Однако он не препятствовал отходу австрийских войск в направлении Мантуи. Таким образом, войска австрийской армии сами попали в ловушку, устроенную для них Бонапартом в Мантуе.

Изоляция в Мантуе столь значительного количества австрийских войск вынудила Австрию возобновить военные действия. На этот раз, причем не в последний, прямолинейность тактики Бонапарта стала серьезным препятствием для успешного применения им стратегии непрямых действий. Когда наступавшие по сходящимся

направлениям австрийские армии под командованием Альвинчи и Давидовича подошли к Вероне, являвшейся ключом к обороне Мантуи, Бонапарт прежде всего нанес удар по более сильному противнику, каковым являлся Альвинчи, но получил жестокий отпор под Кальдаро (40 км севернее Тренто). Вместо того чтобы отступить, он предпочел предпринять смелый глубокий обход южного фланга армии Альвинчи, чтобы выйти ей в тыл. Насколько отчаянным было тогда положение французов, видно из письма Бонапарта Директории: "Слабость и истощение армии заставляют меня опасаться самого худшего. Мы, вероятно, находимся накануне потери Италии". Задержки, вызванные необходимостью преодоления болот и рек на пути французских войск, еще более увеличивали рискованность маневра Наполеона. Однако этим маневром Бонапарт сорвал план противника по окружению его армии в Вероне. Пока Альвинчи спешил французам навстречу, Давидович бездействовал. Даже в этих условиях Бонапарт считал рискованным навязать сражение Альвинчи, обладавшему численным превосходством. Однако, когда наконец завязалось сражение при Арко и исход его все еще был неопределенным, Бонапарт прибегнул к тактической хитрости, чем он вообще редко пользовался. Он направил несколько горнистов в тыл к австрийцам, приказав им дать сигнал ложной атаки. Услышав сигнал, австрийские войска обратились в бегство.

Два месяца спустя, в январе 1797 г., австрийцы предприняли четвертую и последнюю попытку спасти Мантую, однако были разбиты в сражении под Риволи. Этот успех французов был обеспечен благодаря организации весьма эффективного взаимодействия между отдельными, независимыми друг от друга группами войск армии Наполеона. Действия этих групп можно сравнить с действием широко растянутой сети, на концах которой закреплены камни; когда одна из колонн противника натыкалась на такую сеть, сеть свертывалась, охватывая колонну со всех сторон, причем концы ее сближались и камни одновременно обрушивались на противника.

Такое построение армии, дававшее при столкновении с противником возможность проводить согласованные наступательные действия, явилось результатом развития Бонапартом новой дивизионной системы, согласно которой армия была разделена на самостоятельно действующие соединения. При старой системе армия действовала как единое целое и лишь иногда из нее выделялись для выполнения отдельных задач временные отряды. То построение армии, которое Бонапарт применял в итальянских кампаниях, стало еще более совершенным в последующих его войнах, когда он ввел батальонные каре, причем дивизии были заменены армейскими корпусами.

Хотя под Риволи "растянутая и нагруженная сеть" была средством разгрома заходившего крыла австрийцев, интересно, что разгром главных сил австрийской армии был достигнут дерзким маневром Бонапарта, направившего один полк в 2000 человек на лодках через оз. Гарда с задачей перехватить пути отхода целой армии. После этого Мантуа капитулировала, а австрийцы, потерявшие свои армии на дальних подступах к Австрии, были вынуждены теперь беспомощно наблюдать за быстрым приближением французов к оставшимся без охраны ближним подступам своей родины. Эта угроза заставила Австрию заключить унижительный мир, в то время как основные французские силы все еще находились за Рейном.

Осенью 1798 г. образовалась вторая коалиция в составе России, Австрии, Англии, Турции, Португалии, Неаполитанского королевства и Папской области с целью сбросить оковы мирного договора с Францией. Бонапарт в это время находился в Египте, и, когда возвратился назад, положение Франции было очень плохое. Полевые армии оказались сильно ослабленными, страна обнищала, а вербовка рекрутов значительно сократилась.

Возвратившись из Египта, Бонапарт сверг Директорию. Став первым консулом, он приказал сформировать в Дижоне резервную армию, включив в нее все французские войска, которые можно было собрать вместе. Однако он не использовал этой армии для усиления войск на основном театре военных действий или главной армии на Рейне. Вместо этого он разработал план самого смелого обходного маневра и совершил стремительный бросок вдоль

громадной дуги, выйдя в тыл австрийской армии в Италии. К тому времени, австрийские войска отбросили небольшую по численности "Итальянскую армию" Франции почти к самой французской границе, прижав ее в северо-западном углу Италии. Бонапарт намеревался пройти Швейцарию через Люцерн или Цюрих и оттуда выйти в Италию как можно восточнее, пройдя через перевал Сен-Готард или даже через Тироль (см. рис. 6). Однако, узнав, что "Итальянская армия" находится в тяжелом положении, он избрал более короткий путь через перевал Сен-Бернар. Таким образом, когда в конце мая 1800 г. Бонапарт со своей армией спустился с Альп и Ивреа, он все еще находился на правом фланге австрийской армии.

Вместо того чтобы двинуться на юго-восток для оказания помощи Массене, который был осажден австрийцами в Генуе, Бонапарт направил часть своих войск на юг, к Кераско, а сам под прикрытием этого отвлекающего маневра двинулся с главными силами на восток, к Милану.

Таким образом, Бонапарт, вместо того чтобы продвигаться навстречу противнику, занимавшему рубеж к западу от Алессандрии, прочно закрепился в тылу австрийцев, создав свой знаменитый стратегический заслон, или барьер. Создание такого барьера он всегда ставил первоочередной задачей при проведении своих наиболее опасных маневров в тыл противнику. Ибо такая позиция (рубеж), усиленная естественными препятствиями, обеспечивала ему надежную базу, опираясь на которую он мог подготовить петлю для противника, инстинктивно стремящегося, когда пути его отхода и снабжения оказывались отрезанными, повернуть назад и отходить, обычно мелкими группами, прямо на него. Эта концепция стратегического барьера явилась основным вкладом Бонапарта в стратегию непрямых действий.

В Милане Бонапарт перерезал один из двух путей отхода австрийцев, а затем, выйдя на рубеж южнее р. По, простиравшийся до ущелья Страделла, перехватил также и второй путь. Однако замысел Бонапарта был несколько не сообразован с имевшимися средствами, так как у него было всего лишь 34 тыс. человек. Прибытие же подкреплений - корпуса в 15 тыс. человек, который Бонапарт приказал выслать в его распоряжение из состава рейнской армии через Сен-Готардский перевал - по вине Моро запаздывало. Беспокойство Бонапарта по поводу того, что стратегический рубеж был занят незначительными силами, стало усиливаться. К счастью, Генуя капитулировала, и отпала необходимость оказывать помощь Массене.

Неопределенность в отношении маршрута, который австрийцы изберут для своего отступления, и опасение, что они могут отойти к Генуе, где английский флот мог пополнить их запасы, вынудили Бонапарта отказаться от большинства преимуществ, которых он добился. Считая своих противников более инициативными, чем они на самом деле являлись, он оставил свой рубеж в районе ущелья Страделла и двинулся в западном направлении для разведки противника, выделив одну дивизию под командованием Дезо для перехвата дороги от Алессандрии к Генуе. Таким образом, Бонапарт оказался в невыгодном положении, имея при себе лишь часть сил, когда австрийская армия неожиданно выступила из Алессандрии и завязала сражение с французами на равнине у Маренго (14 июня 1800 г.). Исход битвы длительное время был неопределенным, и даже когда в бой была введена дивизия Дезо, австрийцы были лишь потеснены, но не разгромлены. В дальнейшем стратегическое положение Бонапарта улучшилось, и он вынудил деморализованное австрийское командование согласиться на эвакуацию своих войск из Ломбардии и отойти за р. Минчо.

Несмотря на то что за р. Минчо военные действия возобновились и носили характер отдельных стычек и перестрелки, моральное влияние исхода сражения у Маренго привело к перемирию, в результате которого через шесть месяцев был положен конец войне второй коалиции против Франции.

После нескольких лет неустойчивого мира, которым завершился период французских революционных войн, занавес снова поднялся и начался новый акт - Наполеоновские войны. В 1805 г. армия Наполеона численностью 200 тыс. человек сосредоточилась в Булони (см.

рис. 7), угрожая высадиться на побережье Англии. Затем она внезапно форсированным маршем была переброшена к Рейну. До сих пор неясно, серьезно ли Наполеон намеревался осуществить прямое вторжение в Англию или эта угроза была мнимой и являлась первым шагом к внезапному нападению на Австрию. Вероятно, он действовал по принципу Бурсе, разработав "план с несколькими вариантами". Приняв решение двинуться в восточном направлении, Наполеон рассчитывал, что австрийцы, как обычно, направят одну армию в Баварию, чтобы блокировать выходы из гор Шварцвальда. На основе такого предположения он разработал план глубокого обхода их северного фланга с переправой через Дунай и далее к р. Лех (см. рис. 6), на которой он намечал создать во вражеском тылу стратегический барьер. Этот маневр повторял в более крупном масштабе предыдущий маневр Наполеона в районе Страделлы, причем сам Наполеон подчеркивал это в своих приказах войскам. К тому же превосходство в силах позволяло ему, как только он организовал барьер, сделать его подвижным. Когда Наполеон придвинул вплотную к тылу австрийской армии свой стратегический барьер, последовала почти бескровная капитуляция противника в Ульме.

Разделавшись с более слабым противником, Наполеон имел теперь перед собой русскую армию под командованием Кутузова, которая, пройдя Австрию и присоединив к себе по пути мелкие отряды австрийской армии, только что расположилась на рубеже р. Инн. Менее значительную угрозу для Наполеона представляли австрийские армии, возвратившиеся из Италии и Тироля. Большая численность войск была теперь, в первый, но не последний раз, только обременительной для Наполеона. С большой армией было трудно осуществить какие-либо не прямые действия местного характера, так как пространство к юго-западу, между Дунаем и горами, слишком ограничено, а для проведения глубокого обходного маневра, наподобие маневра под Ульмом, не хватало времени. Однако до тех пор, пока русские оставались на р. Инн, они занимали естественный рубеж, который являлся щитом, прикрывавшим австрийскую территорию. Кроме того, пользуясь этим щитом, и другие австрийские армии могли подойти с юга через Каринтию (см. рис. 6) и соединиться с русскими для организации упорного сопротивления продвижению Наполеона.

Столкнувшись с этой проблемой, Наполеон применил ряд искуснейших вариантов не прямых действий. Его ближайшей целью являлось отбросить русских как можно дальше на восток, чтобы отрезать их от австрийских армий, которые в это время подходили из Италии. В то время как сам Наполеон двигался строго на восток, навстречу войскам Кутузова, корпус Мюрте шел вдоль северного берега Дуная. Этой угрозы коммуникациям армии Кутузова, соединявшим его с Россией, оказалось достаточно, чтобы заставить русские войска отойти в северо-восточном направлении, к Кремсу на Дунае. Тогда Наполеон направил Мюрата с задачей прорвать новый фронт Кутузова и захватить Вену. От Вены Мюрат должен был продвигаться на север, к Холлабрунну. Таким образом, создав сначала угрозу правому флангу русских, Наполеон теперь угрожал их тылам слева.

Из-за ошибки Мюрата, заключившего временное перемирие с русскими, Наполеону не удалось отрезать русские войска, однако они были вынуждены поспешно отойти еще дальше на северо-восток, к Оломоуцу, расположенному в непосредственной близости от русской границы. Русские теперь были изолированы от австрийских подкреплений, но приблизились к своим собственным. Действительно, в Оломоуце русские войска получили значительные пополнения. Дальнейшее оттеснение их только увеличило бы силы русских. Кроме того, не хватало времени и было неизбежно вступление в войну Пруссии.

В такой обстановке Наполеон прибегнул к не прямым действиям психологического характера: он попытался проявлением слабости побудить русских перейти в наступление. Под Брунном он сосредоточил всего 50 тыс. человек против 80 тыс. русских и двинул отдельные отряды в направлении Оломоуца. Эту демонстрация слабости он дополнил посылкой "голубей мира" русскому царю и австрийскому императору. Когда русские и австрийцы попались на удочку, Наполеон отвел свои войска на позицию под Аустерлицем, которой, казалось, самой природой было предназначено играть роль ловушки. В последовавшем затем сражении он применил один из редких для него приемов тактических

непрямых действий для возмещения так же редко случавшейся у него нехватки войск на поле сражения. Заставив противника, атаковавшего отходившие французские войска, растянуть свой левый фланг, он перегруппировал войска в центре и нанес удар по ослабленному стыку. В результате была одержана настолько решительная победа, что не прошло и двадцати четырех часов, как император Австрии был вынужден просить мира.

Когда через несколько месяцев Наполеон начал войну с Пруссией, он имел почти двойное превосходство в силах; его армия стала великой как в количественном, так и в качественном отношении, а армия противника была отсталой как по подготовке, так и по своим взглядам на ведение войны. Влияние этих несомненных преимуществ на стратегию Наполеона было весьма значительным и наложило свой отпечаток на ведение им последующих кампаний.

В 1806 г. Наполеон опять попытался использовать элемент внезапности и добился успеха. Он расквартировал свои войска вблизи Дуная и затем тайно и быстро сосредоточил их к северу от реки, за естественным укрытием, каким являлся Тюрингенский Лес. Затем он внезапно вывел свои войска из лесистого района на открытую местность, направив батальонные каре прямо в сердце Пруссии. Таким образом, скорее случайно, чем преднамеренно, Наполеон оказался в тылу прусских войск. Совершив обходный маневр с целью разгромить прусские войска под Йеной, он, видимо, больше полагался на численное превосходство своих войск, чем на моральный эффект их удачного расположения, хотя оно и сыграло важную роль.

Точно так же и в последующей кампании против русских в Польше и Восточной Пруссии Наполеон, казалось, был больше всего озабочен тем, чтобы заставить русских принять бой, будучи уверен в том, что, когда это произойдет, его военная машина раздавит русские войска своим весом. Он продолжал применять маневр выхода в тыл противника, но считал этот маневр больше средством захвата русских войск в клещи, чем средством подрыва их морального духа в целях облегчения победы над ними.

Своим маневром в районе Пултуска (50 км севернее Варшавы) Наполеон стремился оттянуть русских на запад, рассчитывая, что с продвижением французских войск из Польши на север ему удастся перерезать коммуникации русской армии с Россией. Однако русские вырвались из тисков. В январе 1807 г., когда русская армия двинулась в западном направлении, рассчитывая соединиться с остатками союзных прусских войск в Данциге, Наполеон быстро воспользовался представившейся благоприятной возможностью, чтобы снова попытаться перерезать коммуникации русских войск с Россией. Случайно директива Наполеона попала в руки казаков, и русская армия как раз вовремя отошла назад. Тогда Наполеон последовал за русскими: в районе Прейсиш-Эйлау (около 40 км южнее Кенигсберга) он вошел в соприкосновение с русскими и при помощи тактического маневра намеревался выйти им в тыл. Выполнение этого маневра Наполеона было сильно затруднено метелью, и русские, хотя и понесли потери, все же не были разгромлены.

Через четыре месяца обе стороны восстановили свои силы, и русские внезапно двинулись на юг против Хейльсберга (70 км южнее Кенигсберга), в то время как Наполеон направил батальонные каре на восток с целью отрезать русскую армию от Кенигсберга, являвшегося ближайшей базой. На этот раз Наполеон, очевидно, настолько стремился дать сражение, что, когда его кавалерия, проведя рекогносцировку на фланге, донесла о том, что русские занимают сильную позицию под Фридландом (70 км юго-восточнее Берлина), он сразу же бросил туда свои силы. Тактическая победа в этом сражении была достигнута не в результате внезапности или подвижности, а благодаря мощи наступления, обеспеченной вследствие применения Наполеоном новой тактики артиллерии, заключавшейся в массированном сосредоточении огня на главном направлении. Постепенно этот метод стал основой его тактики. Несмотря на то, что в сражении под Фридландом и в других сражениях Наполеон добивался победы благодаря использованию этого метода, существенно снизить потери французских войск ему все же не удалось²⁰.

Интересно отметить, что неограниченное использование людских ресурсов в войне

1807-1814 гг. и в войне 1914-1918 гг. имело одинаковый эффект. Любопытно также и то, что как в той, так и в другой войне наибольшие потери наносились огнем артиллерии. Это можно, пожалуй, объяснить тем, что возможность неограниченного расхода ресурсов порождает расточительность, прямую противоположность принципу экономии сил. Экономия же сил обеспечивается использованием внезапности и подвижности. Это положение подтверждается также результатами, вытекавшими из политики Наполеона.

Наполеон мог использовать победу под Фридрихсландом для усиления своего влияния на русского царя с целью заставить последнего порвать со своими союзниками по Четвертой коалиции. Однако в результате излишнего злоупотребления своей мощью Наполеон поставил под угрозу достигнутый успех и, в конце концов, свою империю. Суровость требований Наполеона к Пруссии сделала мир неустойчивым, его политика по отношению к Англии не предусматривала ничего иного, кроме ее полного разгрома, а его агрессивные действия подняли против него также Испанию и Португалию, ставших его врагами. Таковы были основные ошибки Наполеона в области большой стратегии.

Здесь будет кстати отметить не прямые действия Джона Мура, короткие удары по Бургосу (см. рис. 4) и коммуникациям французских войск на Пиренейском п-ве, в результате которых были расстроены планы Наполеона в Испании, обеспечены время и пространство для накопления сил испанцами. Тем самым Пиренейский п-в был превращен в кровоточащую рану в боку империи Наполеона. Моральное влияние первого поражения в Испании для армии Наполеона, считавшейся до этого непобедимой, имело решающее значение. У Наполеона не было возможности реабилитировать себя в Испании, так как его вскоре отозвали во Францию из-за угрозы восстания в Пруссии и новой интервенции со стороны Австрии. Последняя угроза действительно осуществилась, и в кампании 1809 г. Наполеон снова сделал попытку под Ландсхутом (60 км северо-восточнее Мюнхена) и Веной осуществить выход в тыл противнику. Однако, когда в ходе этих маневров возникли затруднения, нетерпение Наполеона заставило его пойти на риск прямых действий, и в результате в сражении под Асперном и Эслингом (восточные предместья Вены) он потерпел первое серьезное поражение. Несмотря на то что через шесть недель Наполеон взял реванш в сражении под Ваграмом (Дейч-Ваграм, 20 км северо-восточнее Вены), цена победы оказалась слишком высокой, а достигнутый мир неустойчивым.

Война на Пиренейском полуострове

Наполеон получил двухлетнюю передышку, во время которой он имел возможность оперировать и лечить "испанскую язву". Однако как вмешательство Мура сорвало попытку Наполеона приостановить воспалительный процесс в самом начале болезни, так и Веллингтону в последующие годы удалось сорвать все мероприятия Наполеона по лечению раны, в результате чего она стала все больше гноиться, а яд распространяться по всей империи Наполеона. Французы били и продолжали бить любые регулярные испанские войска, но испанцы сделали для себя соответствующие выводы из поражений. Основные усилия испанцы направили на ведение партизанской войны. Неуловимая сеть партизанских отрядов заменила менее гибкую и поэтому более уязвимую регулярную армию. Вместо ограниченных испанских генералов боевыми действиями отрядов стали руководить предприимчивые и чуждые рутине партизанские командиры.

Величайшим несчастьем для Испании, а следовательно, и для Англии было то, что попытка испанского правительства создать новые регулярные силы увенчалась временным успехом. Однако эти регулярные войска вскоре были разбиты и французы рассеяли их, поставив тем самым свои войска в Испании под удар партизан. Яд снова распространился, вместо того чтобы сосредоточиться в одном месте.

В этой странной войне наиболее сильно влияние Англии сказалось в создании затруднений для действий Наполеона и стимулировании их источников. Редко Англия добивалась в прошлом более весомого отвлечения сил противника ценой столь незначительных военных усилий со своей стороны. Успех, достигнутый Англией в Испании, был особенно виден на фоне тех фактически несущественных отрицательных результатов,

которых она добилась, пытаясь, с одной стороны, осуществить прямое взаимодействие со своими союзниками на континенте и, с другой стороны, направляя военные экспедиции в заокеанские пункты, слишком удаленные географически и с психологической точки зрения, чтобы они могли оказать какое-либо влияние на противника. Однако с позиций национальной политики и процветания Англии эти экспедиции оправдывались тем, что к Британской империи были добавлены такие колонии, как мыс Доброй Надежды, Мавритания, Цейлон, Британская Гвиана и несколько островов Вест-Индии.

Однако действительный эффект не прямых действий Англии в Испании в плане большой стратегии не был оценен должным образом из-за традиционной склонности историков чрезмерно увлекаться одними сражениями. В самом деле, если войну на Пиренейском п-ве рассматривать только как хронику боев и осад, проведенных Веллингтоном, то она не представляет интереса. Джон Фортескью много сделал, чтобы выправить эти тенденции и развеять заблуждения, несмотря на то что работал главным образом над книгой "История английской армии", в которой он рассматривал ограниченный круг вопросов. Примечательно, что по мере того как его исследования принимали более глубокий характер, он все больше делал упор на решающее влияние действий испанских партизан на исход борьбы.

Хотя наличие английских экспедиционных войск являлось неременным условием такого влияния, непосредственные военные действия Веллингтона сыграли весьма незначительную роль. В ходе пятилетней кампании Веллингтон нанес французам, пока они не были вытеснены из Испании, небольшие потери. Они составили всего лишь 45 тыс. человек (в том числе убитые, раненые и захваченные в плен), в то время как, по подсчетам Марбота, у французов ежедневно в течение этого периода только от болезней умирало в среднем 100 человек. Отсюда ясно, что в подавляющем большинстве потери, которые обескровили французскую армию и подорвали ее моральный дух, были вызваны действиями партизан и самого Веллингтона, направленными на изматывание французов и превращение страны в пустыню, где французам оставалось только погибнуть от голода.

Не менее важной особенностью является, несмотря на большое количество кампаний, и то, что Веллингтон провел в Испании мало сражений. Объяснялось ли это его практическим "здравым смыслом", который, как заявляют биографы, был основной чертой его характера и взглядов? По словам одного из современных биографов, "сущность характера Веллингтона составлял его прямой и узкий практицизм. Именно этим объяснялись его недостатки и неудачи, но в более широком плане своей общественной карьеры он поднимался до гения". Такой вывод сделан биографом на основании изучения стратегии Веллингтона на Пиренейском п-ве.

Экспедиция, которой суждено было сыграть такую важную роль, состояла из небольших сил, выделенных главной группировкой, предпринимавшей бесплодные атаки на р. Шельда. Эта экспедиция была снаряжена английским правительством больше в надежде спасти Португалию, чем из каких-либо других, более глубоких соображений насчет ее потенциальных возможностей в плане большой стратегии по обострению "испанской язвы". Однако Кастлери, взявшийся за трудную задачу оправдания этой экспедиции, был поддержан Артуром Уэлсли (впоследствии герцог Веллингтон), который заявил, что если португальская армия и милиция будут усилены 20 тыс. английских солдат, то французам для захвата Португалии потребуется 100 тыс. человек - количество, которое они не смогут выделить, если испанцы будут продолжать борьбу. Иначе говоря, это означало, что 20 тыс. англичан будет достаточно, чтобы "отвлечь" почти 100 тыс. французов, причем по крайней мере часть из них понадобилось бы перебросить с основного театра военных действий в Австрии.

С точки зрения оказания косвенной помощи Австрии экспедиция не оправдала возлагавшихся на нее надежд; как заслон для прикрытия Португалии она также оказалась совершенно несостоятельной. Но как средство для истощения сил Наполеона и создания преимуществ для Англии она принесла замечательные плоды.

Уэлсли имел армию в 26 тыс. человек. В апреле 1809 г. он прибыл в Лиссабон (см. рис. 4). Отчасти в результате испанского восстания, а отчасти вследствие удара Джона Мура по Бургосу и его последующего отступления к Ла-Корунье французские войска оказались разбросанными по всему полуострову. Ней безуспешно пытался покорить Галисию в северо-западной части полуострова. Южнее войск Нея, в северной части Португалии, в районе Оporto, действовал Сульта, причем его армия тоже была разбросана отдельными отрядами. Виктор находился в районе Мерида, прикрывая подступы Португалии с юга.

Используя благоприятные возможности места высадки и учитывая рассредоточение сил противника, Уэлсли немедленно по прибытии в Испанию двинулся на север, против Сульта. Хотя ему не удалось отрезать, как он рассчитывал, расположенные южнее отдельные отряды Сульта, он все же застал самого Сульта врасплох. Прежде чем последний смог сосредоточить свои силы, Уэлсли нарушил диспозицию его войск, переправившись через р. Дуэро в верхнем ее течении, и отрезал Сульта пути отступления. Подобно Тюренну в 1675 г., Уэлсли подавил сопротивление противника, прежде чем последний сумел сосредоточить свои силы. В результате вынужденного отступления Сульта через лишенные растительности горы в Галисию его армия понесла значительные потери не столько от действий противника, сколько от истощения.

Вторая операция Уэлсли была, однако, менее успешной и слабее разработанной с точки зрения согласования цели с наличными силами и средствами. Войска Виктора, продолжавшего бездействовать в Мериде, были переброшены после поражения Сульта в Талаверу-де-ла-Рейна для прикрытия прямых подступов к Мадриду. Месяц спустя Уэлсли принял решение двинуться через Талаверу-де-ла-Рейна к Мадриду, сердцу Испании, прямо в пасть льва. Двигаясь этим маршрутом, он подставил свои войска под удар, который могли нанести по нему все французские армии в Испании. Более того, благодаря такому, сосредоточению своих войск на одной цели французы имели возможность обеспечить себя наиболее надежными коммуникациями, которые являлись для них самым уязвимым местом, поскольку их армии были разбросаны по всей Испании.

Уэлсли начал наступление, имея всего 23 тыс. человек. Его поддерживало такое же количество испанских войск под командованием бездарного Куэспа. Виктор, совершив отход в сторону Мадрида, обеспечил себе поддержку двух других французских армий, находившихся в этом районе. Сосредоточившиеся силы французов, вероятно, достигали 100 тыс. человек, поскольку "скорее случайно, чем по плану", как отмечает Фортескью, войска Нея, Сульта и Мортье подошли к Мадриду с севера. Из-за нерешительных действий Куэста и возникших затруднений со снабжением своих войск Уэлсли не удалось втянуть Виктора в бой. Тем временем последний был усилен подкреплениями из Мадрида, посланными Жозефом Бонапартом. Вынужденный отступить, Уэлсли довольно удачно выдержал натиск французов под Талаверой-де-ла-Рейна и, если бы Куэста не отказался его поддержать, сам перешел бы в контр наступление. Этого не случилось, и к счастью для Уэлсли, так как Сульта стал наседать на его тыл. Будучи отрезанным от путей отхода на запад, Уэлсли избежал все же разгрома, поскольку сумел проскользнуть на юг, за р. Тахо. Понеся большие потери, деморализованные и изнуренные отступлением войска Уэлсли укрылись за португальской границей. Недостаток продовольствия помешал французам организовать преследование Уэлсли на португальской территории. На этом закончилась кампания 1809 г., убедившая Уэлсли в слабости испанских регулярных войск, хотя это было видно уже и ранее на опыте Мура. В награду за свои усилия в Испании Уэлсли был удостоен дворянского титула, став виконтом Веллингтоном. В большей мере он оправдал оказанную ему честь в следующем году.

Принудив Австрию к миру в 1810 г., Наполеон имел теперь возможность уделить внимание Испании и Португалии вплоть до 1812 г. Эти два года были критическим периодом войны на Пиренейском п-ве. Неспособность французов добиться своей цели в течение этого периода имела большее историческое значение, чем все их последующие поражения или победы Веллингтона в 1812-1813 гг. Успех английских войск был обеспечен проницательной

оценкой Веллингтоном военно-экономического фактора: во-первых, он учитывал ограниченность французских источников продовольствия и, во-вторых, соорудил оборонительные линии Торриж-Ведраш. Таким образом, стратегия Веллингтона по существу была стратегией не прямых действий против военно-экономического объекта противника.

До начала основной военной кампании Веллингтону была оказана поддержка со стороны испанских регулярных войск, действовавших в своем обычном стиле. Испанские войска начали зимнюю кампанию, в ходе которой были так сильно разгромлены и рассеяны, что французы, не встречая с их стороны никакого сопротивления, завладели новыми районами Испании, вторгшись также в богатую южную провинцию Андалусию.

В это время Наполеон взял в свои руки руководство войной в Испании и к концу февраля 1810 г. сосредоточил в Испании почти 300 тыс. человек, предполагая в дальнейшем еще более увеличить численность войск. Из 300 тыс. войск 65 тыс. было выделено в распоряжение Массены с задачей вытеснить англичан из Португалии. Хотя это количество войск было достаточно большим, однако оно являлось сравнительно небольшой частью всех французских войск, находившихся в Испании, что свидетельствовало о том напряжении, которое создавала для французов партизанская война в Испании. Веллингтон, включив в свою армию обученные англичанами португальские войска, довел ее численность до 50 тыс. человек.

Массена начал вторжение в Португалию с севера Испании через Сьюдад-Родриго, дав тем самым Веллингтону максимум времени и пространства для реализации его стратегических замыслов. Веллингтон препятствовал продвижению Массены тем, что, во-первых, уничтожал продовольствие в районах, через которые двигался Массена, и, во-вторых, оказал ему успешное сопротивление на рубеже восточное Бусако, который Массена необдуманно пытался преодолеть прямым штурмом. Затем Веллингтон отошел к укрепленным линиям Торриж-Ведраш, которые он построил поперек гористого полуострова, между р. Тахо и морским побережьем, для прикрытия Лиссабона. 14 октября, т. е. через четыре месяца после начала наступления, пройдя всего лишь около 320 км, Массена подошел к укрепленным линиям Торриж-Ведраш, наличие которых для него оказалось совершенно неожиданным. Будучи не в состоянии прорвать эти линии, Массена около месяца стоял перед ними, пока голод не заставил его отойти к Сантарену, расположенному в 50 км на р. Тахо. Веллингтон не стал его преследовать или навязывать ему бой, а ограничился тем, что сковал Массену в небольшом районе, препятствуя снабжению его войск продовольствием. В этой кампании, как и в дальнейшем, французы дорого заплатили за свои оптимистические иллюзии, в основе которых лежал резкий ответ Наполеона осторожным стратегам. Наполеон сказал: "Запасы? Не говорите мне о них, 20 тыс. солдат могут жить в пустыне!"

Веллингтон решительно придерживался своего стратегического плана, несмотря на непрямую опасность - возможность изменения политики в Англии и прямую угрозу, созданную наступлением Сульта на юге через Бадахос с целью снять кольцо блокады, в котором находились войска Массены. Веллингтон противостоял всем попыткам Массены, который хотел заставить его наступать, и в конце концов был вознагражден за это, ибо в марте Массена был вынужден отойти. Когда остатки голодной армии Массены снова пересекли португальскую границу, он потерял к тому времени 25 тыс. человек, из них только 2000 человек в бою.

Тем временем испанские партизаны становились все более активными, их количество росло. Только в Арагоне и Каталонии два французских корпуса (общей численностью около 60 тыс. человек) не могли оказать помощи армии Массены в Португалии, так как фактически были скованы в течение ряда месяцев действиями нескольких тысяч партизан и войсковыми подразделениями, также действовавшими партизанскими методами. На юге, где французы осадили Кадис, неспособность союзников использовать свою победу при Баросе и снять осаду Кадиса также оказалась им на руку, так как французские войска были скованы бесцельной осадой. Другим отвлекающим внимание противника фактором в течение этих

лет являлись постоянная угроза и частые высадки английских войск в различных пунктах морского побережья, которые были возможны благодаря морской мощи Англии.

В дальнейшем Веллингтон оказывал воздействие на противника скорее угрозами, чем силой. Ибо, когда он создавал угрозу тому или иному пункту, французы были вынуждены направлять туда свои войска и тем самым давали партизанам большую свободу действий в оставленных французскими войсками районах.

Однако Веллингтон не ограничивался только тем, что старался держать французов в постоянной тревоге. Следуя за отступающим к Саламанке Массеной, он использовал часть своей армии для блокады пограничной крепости Алмейда на севере, одновременно направив Берсфорда осадить Бадахос на юге. В результате армия Веллингтона лишилась подвижности и оказалась разделенной на две почти равные части. Но судьба благоприятствовала его действиям. Массена, вновь собрав свою армию и получив небольшие подкрепления, поспешил на помощь осажденной Алмейде. Под Фуэнте-де-Оноро Веллингтон был застигнут врасплох на невыгодных позициях и оказался в тяжелом положении. Ему удалось отбить атаку противника, хотя он признался, что "если бы Бони был там, мы, наверное, потерпели бы поражение". Берсфорд также снял осаду Бадахоса и выступил навстречу армии Сульта, спешившей на помощь осажденным. Он потерпел поражение при Альбуэра в результате плохой организации сражения, но положение было спасено, хотя и чрезмерно высокой ценой, благодаря умелым действиям войск.

Теперь Веллингтон снова сосредоточил свои усилия на осаде Бадахоса, хотя не имел в своем распоряжении осадных средств. Однако осаду пришлось снять, так как в южном направлении беспрепятственно двигался на соединение с Сультом сменивший Массену Мармон. Оба французских полководца сразу же разработали план общего наступления на Веллингтона. К счастью, между ними возникли разногласия. Султ, встревоженный новой вспышкой партизанской войны в Андалусии, возвратился туда с частью своей армии, возложив командование оставшимися войсками на Мармона. Вследствие чрезмерной осторожности Мар-мона военная кампания 1811 г. постепенно затихла.

В этих боях Веллингтон рисковал очень многим, и трудно утверждать, что они обеспечили ему значительные преимущества, кроме тех, которые уже были достигнуты или могли быть обеспечены в результате реализации его прежних стратегических замыслов. Ввиду незначительности сил Веллингтон не мог их использовать так, как хотел бы, и хотя абсолютно его потери были меньше потерь французов, относительно они были значительно больше. Однако он выдержал натиск французов в наиболее критический период военных действий, а потом Наполеон сам невольно помог Веллингтону, сделав его положение более устойчивым. Наполеон готовил вторжение в Россию, куда и были направлены все его силы и внимание. Этот факт, а также тяжелая обстановка, созданная партизанами, заставили Наполеона пересмотреть план действий французов в Испании, вследствие чего направление главной линии действий французов изменилось. Прежде чем сосредоточить свои силы против Португалии, Наполеон решил сначала полностью покорить Валенсию и Андалусию.

По сравнению с 1810 г. численность французских войск в Испании уменьшилась на 70 тыс. человек; из оставшихся в Испании войск не менее 90 тыс. были разбросаны от Таррагоны (на средиземноморском побережье) до Овьедо (на атлантическом побережье) для охраны коммуникаций с Францией от нападения партизан.

При наличии слабого сопротивления со стороны противника Веллингтон, пользуясь свободой действий, внезапно напал на Сьюдад-Родриго и штурмом захватил его. Отряд под командованием Хилла прикрывал в период штурма стратегический фланг и тыл Веллингтона. Мармон не смог ни помешать Хиллу, ни отбить крепость, так как его осадный парк также был захвачен. Мармон не смог также последовать за Веллингтоном через лишенную продовольствия местность.

Пользуясь этим, Веллингтон проскользнул на юг и штурмом захватил Бадахос, хотя у него было очень мало времени для подготовки штурма, в результате чего он понес значительные потери. В Бадахосе Веллингтон захватил понтонный парк. Уничтожив

наведенный французами pontонный мост через р. Тахо в районе Альмараца, он добился определенного стратегического преимущества, так как изолировал армии Мармона и Сульта друг от друга; теперь они могли переправиться через реку только по мосту в Толедо, на расстоянии около 500 км от устья р. Тахо. Кроме того, Султ был крепко привязан к Андалусии, ибо нуждался в продовольствии и опасался партизан, в то время как Веллингтон, имевший теперь возможность действовать без помех, сосредоточил две трети своих войск для наступления на Мармона в Саламанке. Однако прямота его действий дала возможность Мармону отойти к своим базам и источникам подкреплений.

Добившись, таким образом, равенства в силах, Мармон перерезал коммуникации Веллингтона, не беспокоясь о своих коммуникациях, которых он фактически не имел. Временами обе армии шли форсированным маршем параллельно на удалении нескольких сот метров друг от друга, стремясь уловить благоприятный момент для нанесения удара. Французские войска благодаря своей способности передвигаться быстрее английских войск имели некоторое преимущество. Но 22 июля чрезмерная самоуверенность привела Мармона к ошибке, которая сразу же отрицательно сказалась на его войсках. Он допустил слишком большой отрыв своего левого крыла от правого, чем не замедлил воспользоваться Веллингтон, нанеся быстрый удар по образовавшемуся флангу левого крыла. Французы потерпели поражение, прежде чем к ним подоспело подкрепление.

Веллингтон, однако, не добился решающего разгрома французов в сражении при Саламанке, и его войска на Пиренейском п-ве были все еще значительно слабее французских. В дальнейшем его обвиняли в том, что он не начал преследовать потерпевшие поражение французские войска, находившиеся уже под командованием Клозеля. Но вряд ли он мог, упустив возможность быстро разгромить французов, вернуть эту возможность раньше, чем французские войска укроются в Бургосе. Кроме того, преследование поставило бы его войска в опасное положение, так как король Жозеф мог в любой момент выйти из Мадрида ему в тыл и перерезать коммуникации.

Поэтому Веллингтон решил двинуться на Мадрид, рассчитывая на моральное и политическое значение этого шага. Его вступление в столицу было для испанцев символическим и обнадеживающим фактором. Король Жозеф позорно бежал. Однако недостаток этого шага Веллингтона заключался в том, что его пребывание в Мадриде, могло оказаться весьма непродолжительным в случае, если бы французы подтянули туда свои войска. Вероятно, ничто другое не могло заставить французские армии, разбросанные по территории всей Испании, сосредоточиться к центру страны, как потеря Мадрида. Веллингтон без давления со стороны противника оставил город и направился к Бургосу, создав угрозу линиям коммуникаций с Францией. Но французская система питания за счет местных ресурсов лишила эту угрозу какого-либо реального значения. Даже ограниченное влияние нарушения коммуникаций было нейтрализовано неэффективностью осадных средств и методов действий Веллингтона, в результате чего было потеряно драгоценное время. Успехи Веллингтона в сражении при Саламанке и после него заставили французов отказаться от своих замыслов в Испании, с тем чтобы сосредоточить все силы против Веллингтона.

В результате Веллингтон оказался в более опасном положении, чем Мур, но сумел своевременно отступить. Когда Хилл соединился с ним, Веллингтон снова почувствовал себя достаточно сильным, чтобы дать объединенным французским армиям новое сражение при Саламанке. Хотя численное превосходство французов теперь было незначительным по сравнению с прошлыми кампаниями (90 тыс. против 68 тыс. человек), они не проявляли беспокойства по поводу того, что бой может завязаться на местности, выбранной Веллингтоном. Веллингтон продолжал отходить к Сьюдад-Родриго. С его прибытием туда кампания 1812 г. в Испании закончилась.

Хотя Веллингтон снова оказался на португальской границе и, таким образом, несколько не продвинулся вперед, фактически исход войны на Пиренейском п-ве был уже предрешен. Ибо, покинув большую часть захваченной территории Испании, чтобы

сосредоточить свои войска против Веллингтона, французы оставили в покое испанских партизан и тем самым потеряли возможность уничтожить их силы. В это время пришла весть об отступлении Наполеона из Москвы, что привело к выводу из Испании еще большего количества французских войск. Таким образом, к началу новой кампании обстановка в Испании совершенно изменилась.

Веллингтон, имея численное превосходство (он располагал теперь 100 тыс. человек, менее половины которых составляли английские войска), стал более агрессивным в своих действиях. Французы, сильнее деморализованные напряжением непрерывной партизанской войны, чем военными поражениями, были почти сразу же вынуждены отойти за р. Эбро и старались лишь удержать северную часть Испании. Но даже и этой ограниченной задачи они не смогли выполнить вследствие давления партизан на их тыл со стороны Бискайского залива и Пиренейских гор, что вынудило французов для организации отпора снять с фронта четыре дивизии из своих незначительных сил. Постепенное продвижение Веллингтона к Пиренеям и во Францию, хотя оно и сопровождалось отдельными неудачами, успешно преодоленными, является не более как стратегическим эпилогом истории войны на Пиренейском п-ве.

Такое удачное окончание войны в Испании вряд ли было бы возможно, если бы Веллингтон не оказал моральную и военную поддержку Испании. Его действия, частично отвлекавшие внимание французов, способствовали дальнейшему разворачиванию партизанской войны.

Все же интересно проследить, не привели ли победы Веллингтона в 1812 г. к тому, что французы были вынуждены ограничить район действий своих войск, в результате чего их потери уменьшились, а перспективы на ведение войны в следующем, 1813 г., улучшились, в то время как наступательные действия Веллингтона вследствие этого были затруднены? В самом деле, чем больше были бы рассредоточены французские войска в Испании и чем дольше они там находились бы, тем более вероятным и полным был бы их окончательный разгром. Война на Пиренейском п-ве явилась выдающимся историческим примером использования, скорее по интуиции, чем сознательно, той формы стратегии, которую спустя столетие Лоуренс развил в обоснованную теорию и применил на практике, хотя и без столь определенного результата.

Теперь, после исследования "испанской язвы", мы вернемся назад, чтобы проанализировать развитие другой формы стратегии, оказавшей влияние на военные взгляды Наполеона.

От Вильно до Ватерлоо

Русская кампания 1812 г. была естественным кульминационным пунктом тех тенденций, которые, как уже отмечалось, развивались в стратегии Наполеона, - его расчеты больше на численное превосходство, чем на подвижность, на стратегическую группировку войск, чем на внезапность. Географические условия России только усилили эти недостатки стратегии Наполеона.

Сама численность войск Наполеона - 450 тыс. человек - вынудила его применить почти линейную форму их построения, что в свою очередь повлекло за собой прямые действия по наиболее вероятному направлению. Подобно немцам в 1914 г., он сосредоточил главные силы на одном из флангов (на левом) и пытался глубоким обходным маневром обрушиться на русских у Вильно. Но даже делая скидку на инертность его брата Жерома в деле сковывания русских с фронта, следует сказать, что маневр Наполеона был слишком громоздким и прямым, чтобы оказаться эффективным средством отвлечения внимания и нарушения устойчивости противника, если только он не был излишне глуп. Недостатки этого маневра Наполеона были использованы русскими, сознательно применившими стратегию уклонения от генерального сражения.

По мере углубления в Россию Наполеон, нанося первые удары "по воздуху", сузил фронт линейного наступления своей армии, перейдя к традиционному для него построению войск в форме батальонных каре, чтобы провести тактический маневр в тыл противнику.

Когда русские, отказавшись от стратегии уклонения от боя, приняли вызов, они оказались настолько неосмотрительными, что направили головные колонны прямо в сторону охватывающих группировок Наполеона. Однако последние стали настолько очевидно осуществлять окружение противника в районе Смоленска, что русские разгадали этот маневр и сумели вовремя ускользнуть; под Бородином же тиски Наполеона оказались недостаточно мощными и не смогли завершить окружение. Никакой другой пример не мог бы более убедительно продемонстрировать недостатки концентрического наступления по сравнению с подлинно непрямыми действиями. Гибельные результаты последующего отступления французов от Москвы объяснялись не столько суровыми морозами (на самом деле морозы в том году начались позднее, чем обычно), сколько деморализацией французской армии. Эта деморализация была вызвана превосходством русской стратегии уклонения от боя над французской стратегией прямых действий, рассчитанной только на активные боевые действия. Стратегия русских, в свою очередь, была средством для осуществления целей военной политики, или, иначе говоря, целей большой стратегии не прямых действий.

Кроме того, ущерб, причиненный военному престижу Наполеона его поражением в России, был в огромной степени увеличен моральными и материальными результатами поражений его армии в Испании. Важно отметить при оценке действий Англии в Испании, что Англия придерживалась в этой стране своей традиционной военной политики "подрезания корней"

Когда в 1813 г. Наполеон с новыми, более крупными, но менее подвижными, чем прежде, силами оказался перед фактом восстания Пруссии и наступления армий России, он попытался разгромить союзные войска ставшим обычным для него методом концентрического наступления батальонных каре. Однако ни сражение при Лютцене, ни сражение при Бауцене (см. рис. 6) не дали решительных результатов, и союзники, продолжая отход, сорвали последующие попытки Наполеона втянуть их в сражение. Их тактика уклонения от боя вынудила Наполеона просить шестинедельного перемирия, после которого Австрия также оказалась в стане его врагов.

Последовавшая затем осенняя кампания свидетельствует о любопытных изменениях в стратегии Наполеона. Он имел 400 тыс. человек, в общем почти столько же, сколько имели его противники. Из них 100 тыс. человек он использовал для концентрического наступления на Берлин, но прямое давление только усилило сопротивление войск Бернадота, и в результате французы были отброшены. Тем временем Наполеон, находясь с основными силами в Саксонии, занял центральную позицию, прикрывавшую Дрезден. Однако у него не хватило терпения, и он внезапно двинулся прямо на восток против армии Блюхера численностью 95 тыс. человек. Блюхер отступил, стремясь заманить французов в Силезию, в то время как Шварценберг с армией в 185 тыс. человек двинулся из Богемии на север вдоль Эльбы и через Богемские горы в Саксонию, чтобы выйти в тыл Наполеону в районе Дрездена (см. рис. 6).

Прикрывшись заслоном, Наполеон спешно повернул обратно, намереваясь ответить на эти не прямые действия другими, еще более смертоносными. Его план заключался в следующем: двинуться на юго-запад, преодолеть Богемские горы и выйти на вероятные пути отхода Шварценберга через эти горы. Позиция, которую он имел в виду, была идеальной с точки зрения организации стратегического барьера. Но, услышав о приближении противника, он потерял выдержку и в последний момент решил идти прямо к Дрездену, навстречу Шварценбергу. В результате произошло еще одно победоносное сражение, но оно принесло ему только тактический успех, и Шварценберг благополучно отступил через горы на юг.

Через месяц три союзные армии начали концентрическое наступление. Наполеон, ослабленный боями, отошел от Дрездена к Дюбену, вблизи Лейпцига. Шварценберг подходил с юга, Блюхер - с севера, а Бернадот, о котором Наполеон не имел сведений, почти обошел его северный фланг и вышел ему в тыл. Наполеон решил вначале нанести прямой удар, а затем применить не прямые действия, сперва разгромить Блюхера, а потом перерезать

коммуникации Шварценберга с Богемией. В свете исторического опыта, изложенного на предыдущих страницах, такая последовательность действий Наполеона кажется ошибочной. Прямое наступление Наполеона против Блюхера не заставило последнего принять бой. И все же это наступление привело к одному любопытному и неожиданному результату. Ведя наступление против Блюхера, французские войска совершенно случайно оказались в тылу Бернадота. Лишив Бернадота чувства самообладания, этот маневр заставил его поспешно отойти на север и тем самым освободить пути отхода для войск Наполеона. Таким образом, удар, нацеленный против Блюхера, неожиданно для Наполеона оказался направленным против тыла Бернадота и тем самым спас Наполеона от полного разгрома, который он неминуемо потерпел бы через несколько дней. Ибо, когда Блюхер и Шварценберг нависли над французами под Лейпцигом, Наполеон вынужден был принять вызов. Потерпев поражение и оказавшись в отчаянном положении, он все же сумел оторваться от противника и отступить во Францию.

В 1814 г. союзники, обладавшие к тому времени огромным превосходством в силах, вторглись с разных сторон во Францию. Наполеон был вынужден из-за нехватки войск, которые он израсходовал в результате чрезмерной веры в мощь массы, снова взяться за свое испытанное оружие - внезапность и подвижность. Тем не менее, каким бы искусным ни было применение им этого оружия, он был чересчур нетерпелив и слишком одержим стремлением к бою, чтобы применить его с таким артистическим искусством, как это удавалось в прошлом Ганнибалу или Сципиону, Кромвелю или Мальборо.

Однако, применяя внезапные действия и используя подвижность своих войск, Наполеон надолго оттянул свою гибель. При этом он умело согласовал свою цель с имевшимися у него средствами. Понимая, что его средства слишком ограничены и не могут обеспечить ему военную победу, он поставил себе целью нарушить взаимодействие между союзными армиями. Для достижения этой цели он с еще более удивительным мастерством, чем прежде, использовал подвижность своих войск. Хотя его успехи в замедлении наступления противника были замечательны, они могли быть еще более эффективными и длительными, если бы на Наполеона не оказывало пагубного влияния характерное для него стремление завершать каждый стратегический успех успехом тактическим. Систематическим сосредоточением своих сил и проведением обходных маневров, в результате которых он выходил в тыл противнику, он нанес отдельным группам противника ряд последовательных поражений. Однако у него не хватило терпения до конца придерживаться этой тактики; он совершил опрометчивый шаг - двинулся прямо на Блюхера и атаковал его в районе Лаона. В результате он потерпел поражение, понеся при этом большие потери.

Имея только 30 тыс. человек, Наполеон решил использовать свой последний шанс и двинулся на восток, к Сен-Лизье, надеясь пополнить свою армию уцелевшими гарнизонами, которые удастся собрать по пути, и поднять местное население против интервентов. Этим маневром он надеялся перерезать коммуникации Шварценберга. Однако он должен был не только выйти в тыл противнику, но и сформировать новую армию, прежде чем перейти к активным действиям. Эта задача была затруднена как отсутствием времени и сил, так и особой моральной чувствительностью базы, которую он оставлял открытой. Ведь Париж не был похож на обычную базу снабжения. В довершение всего приказы Наполеона попали в руки противника, и он не добился внезапности и потерял время. Но даже в этих условиях сила его стратегического маневра была настолько значительной, что только после горячих споров союзники решили наступать прямо на Париж, а не отходить назад для отражения его удара. Это решение союзников оказалось моральным "нокаутом" для Наполеона. Говорят, что фактором, который оказал наибольшее влияние на их решение, было опасение, что Веллингтон, продвигавшийся от испанской границы, первым войдет в Париж. Если это действительно было так, то по иронии судьбы действия союзников явились триумфом стратегии не прямых действий и доказательством ее решающего значения.

В 1815 г., после возвращения Наполеона с Эльбы, численность его войск, кажется,

снова вскружила ему голову. Тем не менее Наполеон в присущем ему стиле использовал как внезапность, так и подвижность войск, в результате чего едва не достиг цели. Хотя движение Наполеона к армиям Блюхера и Веллингтона было географически прямым, время его действий оказалось для противника неожиданным, а направление удара пришлось по самому слабому участку - по стыку двух армий. Однако при Линьи (между Камбре и Ле-Като, см. рис. 8) Ней не сумел выполнить поставленную ему задачу - осуществить тактический маневр, в результате чего прусским войскам удалось избежать полного разгрома. Когда же Наполеон выступил против Веллингтона при Ватерлоо (см. рис. 6), его действия были совершенно прямыми и привели к излишней потере времени и живой силы, что еще более усугубило опасность, состоявшую в том, что Груши не удалось отвлечь Блюхера достаточно далеко от поля сражения. В результате появление Блюхера, хотя он всего-навсего подошел к флангу Наполеона, оказалось благодаря своей внезапности психологически непрямым действием и поэтому сыграло решающую роль.

Глава IX.

1854-1914 гг.

Когда великой "мирной" выставкой 1851 г. открылась новая эпоха воинственных стремлений, первая война из новой серии военных столкновений не привела к решающим результатам ни на поле сражения, ни в области политики. И все же при всей никчемности и бесперспективности Крымской войны мы можем извлечь из нее хотя бы некоторые уроки. Основным из этих уроков является бесплодность прямых действий. Когда генералы были слепы, нет ничего удивительного, что адъютант бросал легкую бригаду прямо на пушки русских. Прямолинейность, которая пронизывала все действия английской армии, была настолько педантичной и сугубо формальной, что ставила в тупик французского командующего Канробера. Это продолжалось до тех пор, пока Канробер по прошествии нескольких лет не побывал на придворном балу. Тогда его внезапно осенила мысль и он воскликнул: "Англичане воюют так же, как Виктория танцует!" Однако русские не в меньшей степени были склонны к прямым действиям, поэтому однажды, когда они все же попытались применить маневр, полк после длительного марша в течение целого дня снова оказался к ночи перед Севастополем, откуда он выступил на рассвете.

При изучении печального опыта Крымской войны мы не можем не отметить (хотя при этом не следует впадать в преувеличение), что за 40 лет, [156-157] прошедших со времени сражения при Ватерлоо, европейские армии стали еще более профессиональными. Этот факт не может быть использован в качестве предлога для возражений против профессиональных армий, но он заставляет задуматься над теми скрытыми опасностями, которые таит в себе профессионализм. Эти опасности неизбежно возрастают в более высоких звеньях и при увеличении срока службы, если им не противопоставлено освежающее влияние действий и мыслей окружающего мира. С другой стороны, на первых этапах Гражданской войны в Америке были выявлены слабые стороны непрофессиональной армии. Обучение войск является важным фактором для подготовки боеспособной армии. Наиболее благоприятные условия для создания такой армии обеспечивает продолжительная война или короткий мир. Однако, если военный инструмент превосходит по своим качествам возможности полководца, значит, во всей системе имеется какой-то изъян.

С этой точки зрения, как и в других отношениях, Гражданская война в Америке 1861-1865 гг. является яркой противоположностью. Военные руководители, особенно Юга, набирались в основном из лиц, которые избрали военную службу своей профессией, однако глубина изучения такой профессии часто зависела от того, были ли эти лица заняты на Гражданской службе или же они были свободными; плац-парад не являлся питательной почвой и не ограничивал развитие их стратегических взглядов. Однако, несмотря на широту взглядов и богатство источников, использовавшихся для развития, если можно так сказать, местной стратегии, проведение основных операций в начале войны определялось традиционной целью.

Эта тенденция усилилась в результате развития железных дорог. Последние

обеспечили более быструю переброску войск, но гибкость маневра, являющаяся другой необходимой составной частью действительной подвижности, от этого не увеличилась. Гражданская война в Америке была первой войной, в которой железнодорожный транспорт сыграл важную роль, но благодаря постоянству направления железнодорожных линий стратегия, исходившая из переброски войск по железным дорогам, естественно, была стратегией прямых действий.

Более того, в этой и в последующих войнах материальное обеспечение армий также стало сильно зависеть от железных дорог. Упрощение снабжения с появлением железных дорог поощряло командующих увеличивать численность войск, не утруждая себя вопросом о том, какое влияние это окажет на их боеспособность. Парадоксально, что в результате развития нового вида транспорта подвижность войск не только не увеличилась, но и, пожалуй, даже уменьшилась. Железные дороги способствовали увеличению численности армий, они давали возможность перевозить больше войск и обеспечивать их достаточными запасами, чтобы успешно вести боевые действия. Железные дороги способствовали также увеличению потребностей армий, в результате чего армии оказались привязанными к станциям снабжения. При большом удалении войск их снабжение "висело на волоске", т.е. зависело от бесперебойной работы железнодорожной линии большой протяженности, которая была весьма уязвимой.

Эти особенности выявились в начале Гражданской войны в Америке и стали особенно заметны к 1864 г. Армии "Союза", привыкшие к регулярному питанию, были более уязвимы, чем их противник. Это особенно чувствовалось на западном театре, где снабжение войск по железной дороге оказалось под угрозой срыва такими отличными кавалерийскими командирами конфедератов, как Форрест и Морган. (Их рейды явились предвестником будущих действий военно-воздушных сил и бронетанковых войск по нарушению коммуникаций, от работы которых зависело снабжение массовых армий.) В конце концов Север нашел в Шермане стратега, который вскрыл источники неудач более точно, чем кто-либо другой в его время и даже позже. Его взглядов придерживались до тех пор, пока после Первой Мировой войны не появилась новая школа военной мысли, сторонники которой стали пионерами механизированных армий и подвижной войны. Противник нанес Шерману удар, перерезав его железные дороги; обезопасив себя в дальнейшем от этой угрозы, Шерман в свою очередь ударил по коммуникациям противника. Он убедился, что для обеспечения достаточной способности к стратегическому маневру и устранения угрозы неожиданного парализующего удара необходимо освободить себя от неподвижной линии подвоза, какой являлись железнодорожные коммуникации. Это означало, что он должен был возить при армии все необходимые ему запасы, и это вынудило его к сокращению потребностей войск до минимума. Другими словами, чтобы не лишиться подвижности при совершении длительных маршей, он должен был сократить запасы до минимума. Уменьшив таким образом свои тылы, Шерман перестал зависеть от железнодорожных коммуникаций и двинулся через "черный ход Конфедерации", чтобы перерезать линии, которые питали ее главные силы, и в корне парализовать ее систему снабжения. Успех этого маневра Шермана был потрясающим.

Гражданская война в Америке

В начале кампании противостоящие друг другу армии пытались добиться успеха путем фронтального наступления. Однако ни в Виргинии, ни в Миссури оно не привело к решающим результатам. Затем в 1862 г. Макклеллан, назначенный главнокомандующим войсками Севера, разработал план переброски с помощью военно-морского флота армии северян на стратегический фланг противника. Этот план обещал дать больше, чем прямое наступление по суше, но и он, по-видимому, скорее преследовал цель сократить путь подхода к Ричмонду - столице противника, чем осуществить маневр в истинном духе не прямых действий. Однако план был сорван из-за нежелания президента Линкольна пойти на преднамеренный риск; президент задержал корпус Макдоуэлла для непосредственной обороны Вашингтона, чем лишил Макклеллана не только части его сил, но и средств для

отвлечения внимания противника, что было необходимо для успешного осуществления плана.

После высадки Макклеллан потерял целый месяц перед Йорктауном (см. рис. 5), причем сам план пришлось изменить. Теперь наступление должно было идти во взаимодействии с Макдоуэллом по сходящимся направлениям, что лишь частично удовлетворяло принципу не прямых действий. Макдоуэллу было разрешено наступать только по суше в прямом направлении от Вашингтона на Ричмонд. Однако маневры "Стоунуолла" Джэксона в долине р. Шенандоа оказали настолько сильное влияние на вашингтонское правительство, что оно снова запретило Макдоуэллу участвовать в наступлении. Несмотря на это, передовые части Макклеллана подошли к Ричмонду на расстояние 65 км и были готовы совершить последний бросок до того, как Ли соберет достаточные силы, чтобы отразить удар. Даже потерпев тактическое поражение в семидневном сражении, Макклеллан сохранил за собой стратегическое преимущество, возможно более значительное, чем он имел на предыдущем этапе. Ведь нарушение его плана обходного движения не помешало ему перенести свою базу южнее, к р. Джеймс, чем он не только обезопасил свои коммуникации, но и оказался на опасно близком расстоянии к коммуникациям противника на юг от Ричмонда.

Однако приобретенное Макклелланом стратегическое преимущество было вскоре потеряно из-за изменений в стратегии. Гал-лек, назначенный по политическим соображениям на должность главнокомандующего, приказал армии Макклеллана снова погрузиться на корабли и вернуться на север, чтобы соединиться с армией генерала Попа для проведения фронтального наступления на Ричмонд по суше. Как часто бывает в истории, простое усиление численности армии в два раза не привело к соответствующему увеличению ее ударной мощи, а, наоборот, ослабило мощь армии в два раза вследствие того, что противнику теперь легче было определить наиболее вероятные направления наступления. Однако стратегия Галлека, основанная на принципе сосредоточения сил, помогла вскрыть слабые стороны этого обычного способа достижения военной цели. Безрезультатность стратегии прямых действий которой, придерживались во второй половине 1862 г., была убедительно подтверждена кровопролитным сражением под Фредериксбергом 13 декабря. Применение северянами этой стратегии и в 1863 г. не помогло им приблизиться к Ричмонду, а, наоборот, привело к вторжению южан на территорию Севера, которое по следовало вслед за провалом наступления армии Союза.

Вначале вторжение южан со стратегической точки зрения носило маневренный характер. Однако оно утратило это качество, когда Ли был втянут в фронтальный штурм позиций Мида под Геттисбергом. Штурм продолжался до тех пор, пока к исходу третьего дня Ли не потерял почти половину своих войск. К концу года обе армии оказались на своих исходных позициях и настолько обескровленными, что могли лишь грозить друг другу, прикрывшись реками Рапидан и Раппаханнок.

Знаменательно, что в этих кампаниях, проводившихся по принципу прямых действий, преимущества обычно добивалась та сторона, которая занимала оборону и ограничивалась отражением атак противной стороны. При таких стратегических условиях оборона, хотя бы в силу того, что при этом избегают напрасной траты сил, естественно, является менее прямой формой из двух стратегий прямого действия.

Отражение наступления Ли под Геттисбергом обычно считается поворотным пунктом войны, однако такое утверждение является не совсем правильным. Трезвый анализ исторических фактов все более и более подтверждает, что решающие результаты были достигнуты на Западе.

Первый успех на Западе был достигнут еще в апреле 1862 г., когда эскадра Форрагата прошла без потерь мимо фортов, защищавших дельту Миссисипи, результатом чего явилась бескровная капитуляция Нового Орлеана. Таким образом острием стратегического клина северяне рассекли Конфедерацию на две части по жизненно важной линии великой реки.

Второй решающий успех был достигнут в тот же день выше по течению Миссисипи (4

июля), когда Ли начал отступление с поля боя под Геттисбергом Речь идет о захвате Висксберга Грантом, что дало Союзу возможность установить полный контроль [Рис 5 Соединенные Штаты в 1861 г] над Миссисипи - этой важной водной артерией. Тем самым Конфедерация была навсегда лишена возможности получать пополнения и продовольствие из штатов, находящихся за линией реки Миссисипи. Однако эффект такого сосредоточения сил в плане большой стратегии против более слабо обороняемого противником города не должен заслонять стратегические средства, с помощью которых этот результат был достигнут. Первое наступление Гранта на Висксберг в декабре 1862 г. было предпринято по суше вдоль железной дороги. Одновременно Шерман спускался на судах вниз по Миссисипи. Когда наступление Гранта было сорвано рейдами кавалерийских частей Конфедерации против его коммуникаций, войска Конфедерации смогли сосредоточиться против войск Шермана, движение которых по существу приняло прямой характер и без труда было отбито, когда они попытались высадиться вблизи Висксберга.

В феврале и марте 1863 г. северянами были предприняты четыре безуспешные попытки добиться своей цели неглубокими обходами флангов. Наконец в апреле Грант применил действительно глубокий обходный маневр, который имел сходство с последним броском Вулфа к Квебеку. Часть боевых кораблей и транспортов северян ночью незаметно проскользнула мимо батарей Висксберга к пункту, находившемуся в 50 км южнее крепости. Основные силы армии двинулись туда же по суше вдоль западного берега Миссисипи. Отвлекающие маневры Шермана северо-восточнее Висксберга способствовали тому, что эти войска Гранта высадились на восточном берегу реки, встретив лишь незначительное сопротивление противника. Затем Грант, после того как Шерман соединился с ним, пошел на сознательный риск: он оторвался от своей новой временной базы и двинулся в северо-восточном направлении, вглубь территории противника, с задачей выйти к Висксбергу с тыла и перехватить коммуникации города с главными восточными штатами Конфедерации. При осуществлении этого маневра Грант описал почти полную окружность и оказался между верхней и нижней половинами клещей противника, двумя группировками, сосредоточившимися в Висксберге и Джэксоне, расположенном в 65 км восточнее Висксберга. В Джэксоне железная дорога, идущая с севера на юг, пересекалась с главной железнодорожной магистралью, пролегающей с востока на запад. В результате Гранту удалось нарушить действие этих клещей.

Следует отметить, что с выходом к этой магистрали Грант решил сначала двинуть всю свою армию в восточном направлении, чтобы заставить противника эвакуировать Джэксон. Это иллюстрация того, как изменились стратегические условия в результате развития железных дорог. Если Наполеон использовал в качестве стратегического барьера водную преграду или гряду высот, то Гранту для этой цели было достаточно захватить всего лишь один пункт железнодорожный узел. Как только такой узел был захвачен, Грант сразу же двинулся к Висксбергу, который оказался теперь изолированным и продолжал оставаться в таком положении, пока не вынужден был капитулировать, что случилось через семь недель. Стратегическим результатом этой победы явилось то, что через Чаттанугу были открыты ворота в Джорджию, житницу Конфедерации, а оттуда и во все остальные восточные штаты.

Поражение Конфедерации стало теперь почти неизбежным. И все же Север чуть не упустил уже обеспеченную победу. В 1864 г. в результате того, что войска Севера слишком устали от войны, моральный фактор стал приобретать решающее значение. Партия, выступавшая за мир, ежедневно увеличивала свои ряды за счет уставших от войны. В ноябре должны были состояться президентские выборы. Линкольн, если он не хотел победы на выборах другого претендента, который пообещает заключить компромиссный мир, должен был дать солидную гарантию того, что он обеспечит быструю победу. Для этой цели с Запада был отозван Грант, принявший на себя верховное командование. Каким же путем Грант надеялся добиться быстрой победы? Конечно, возвращением к стратегии, которой всегда придерживаются надежные ортодоксальные полководцы, - к стратегии использования огромного численного превосходства для разгрома вражеской армии, или, по меньшей мере,

изнурения ее путем нанесения непрерывных ударов. Мы уже видели, что в операции по захвату Виксберга он прибег к действительно непрямым действиям только после того, как неоднократные лобовые удары окончились безрезультатно. Приняв решение, он провел свой маневр с большим мастерством, однако не сделав для себя должного вывода на дальнейшее.

Став главнокомандующим, Грант остался верным себе. Он решил двигаться старым и прямым путем по суше, на юг от р. Раппаханнок к Ричмонду. Правда, на этот раз он поставил перед собой несколько иную цель: нанести удар не по столице противника, а по его армии. Исходя из этого, он приказал Миду:

"Куда бы ни пошел Ли, вы должны следовать за ним". В оправдание Гранта следует также отметить, что хотя его марш-подход к противнику был прямым в широком смысле этого слова, однако он ни в коем случае не преследовал цель нанесения лобового удара. Фактически он все время стремился обойти противника с фланга, хотя эти обходы и не были глубокими. Кроме того, он соблюдал все военные заповеди, требующие держать армию достаточно сосредоточенной и не отклоняться от выполнения своей задачи, несмотря на отвлекающие действия противника. Даже Фоги не мог превзойти его в воле к победе. И те, кто применял подобный метод в 1914-1918 гг., могли бы позавидовать той великодушной поддержке и неизменному доверию, которые оказывал ему политический шеф, президент Линкольн. Было бы трудно найти более идеальные условия для применения ортодоксальной стратегии прямого действия в ее лучшем виде.

И все же к концу лета 1864 г. созревший плод победы выскользнул из рук Гранта. Войска Севера оказались почти на грани истощения, и Линкольн потерял надежду на переизбрание - печальная расплата за неограниченные полномочия, которые он предоставил своему военному помощнику. Любопытен тот факт, что решительность Гранта, с которой он руководил своими численно превосходящими силами, резко упала, после того как в ожесточенных сражениях при Уайлдернессе и Колд-Харборе ему не удалось разгромить армию противника. В то же время главный результат (выход войск непосредственно в тыл Ричмонду) был достигнут Грантом путем бескровных маневров, проводившихся в ходе наступления. Таким образом, Грант должен был довольствоваться тем, что после огромных потерь снова оказался на позициях, которые Макклеллан занимал в 1862 г.

Однако небо, казавшееся сплошь покрытым тучами, неожиданно прояснилось. На ноябрьских выборах Линкольн снова был избран президентом. Что же помогло ему стать президентом и, наоборот, помешало Макклеллану, кандидату от демократической партии, стремившейся к миру, заменить его на посту президента? Конечно, не военные действия Гранта, которые не имели почти никакого успеха с июля по декабрь и окончательно замерли после двух сильных поражений в середине октября. По утверждению историков, переизбранию Линкольна помог захват Шерманом Атланты в сентябре 1864 г.

Когда Грант был назначен главнокомандующим, Шерман, сыгравший немалую роль в его успехе под Виксбергом, сменил его на посту командующего на Западе. Они придерживались различных взглядов на ведение военных действий. В то время как Грант основной своей целью считал действия непосредственно против армии противника, Шерман стремился сначала к созданию угрозы стратегическим пунктам, с тем чтобы заставить армию противника поставить себя под удар при попытке прикрыть эти пункты или же вынудить ее оставить их с целью сохранить себе свободу действий. Таким образом, у Шермана всегда было две цели, хотя в конечном счете главной для него была вторая цель, и он, добиваясь этой цели, достиг выдающихся результатов. Атланта, являвшаяся базой противостоявшей ему армии, была не только узлом четырех важных железных дорог, но и источником снабжения необходимыми запасами. Как указывал Шерман, в Атланте было сосредоточено "большое количество арсеналов и литейных и ремонтных мастерских", не считая того, что она имела важное символическое значение. Он утверждал, что захват Атланты "явился бы ударом похоронного колокола для Конфедерации".

Каковы бы ни были расхождения во мнениях относительно того, какой метод лучше - Гранта или Шермана, - очевидно, что последний более отвечал психологии демократии.

Пожалуй, только диктатор, не опасющийся за свою власть, может твердо держаться военного идеала - разгрома "вооруженных сил", но даже от него требуется достаточная мудрость, чтобы согласовать эти цели с реальными условиями и оценить перспективы их достижения. Однако стратег, который является слугой демократического правительства, обладает меньшими правами. Будучи зависим от поддержки и доверия своих хозяев, он вынужден действовать в течение более ограниченного периода времени и с меньшими средствами, чем "абсолютный" стратег, причем он должен быстрее добиваться результатов. Каковы бы ни были конечные перспективы, он не может позволить себе роскошь отложить выплату дивидендов на слишком длительный срок. Поэтому ему, возможно, придется временно уклониться от своей цели или, по крайней мере, представить себе ее несколько в ином виде путем изменения направления своих действий. В свете всех этих неизбежных затруднений уместно спросить: не следует ли военной теории в большей мере примирять свои идеалы с неприятной действительностью, с тем, что военные усилия зависят от народной поддержки, что обеспечение армии живой силой и вооружением и даже сама возможность продолжения борьбы зависят от согласия простого человека? Кто платит, тот и распоряжается; и стратеги, возможно, получили бы всеобщее признание, если бы привели свою стратегию, насколько это возможно, в соответствие с интересами простого человека.

Экономия сил, которую получал Шерман за счет проведения обходных маневров, является тем более замечательной, что в отличие от Гранта, действовавшего в Виргинии, Шерман имел и своем распоряжении только одну линию железной дороги. И даже в этих условиях, предпочитая не бросать свои войска и фронтальное наступление, он временно отказался от этой единственной коммуникации. Только однажды в течение многих недель непрерывных маневров он сделал попытку предпринять фронтальное наступление в районе Кенесо. Интересно, что он предпринял это наступление только потому, что хотел избавить свои войска от тяжести дальнейшего флангового марша по размытым дождем дорогам. Оно закончилось поражением, не принявшим больших размеров, ибо наступление сразу же было остановлено, как только противник оказал сопротивление. Фактически это был единственный случай на протяжении более чем 200-километрового марша по гористой и пересеченной реками местности, когда Шерман бросил свои войска в наступление. Вместо боев он маневрировал с таким искусством, что не раз соблазнял конфедератов предпринимать безуспешные атаки. Эти атаки отражались благодаря тому, что наступавшие войска Шермана в то же время хорошо владели техникой быстрого окапывания и сооружения брустверов. Из каждой неудачной попытки противника прорвать подвижный заслон Шермана последний извлекал стратегическое преимущество - захватывал новый выгодный пункт. Чтобы заставить своего противника, стратегически находившегося в обороне, предпринимать ряд дорого обходившихся тактических наступлений, Шерман должен был проявить редкое в истории стратегическое мастерство. Успех Шермана был тем более примечательным, что он располагал только одной линией коммуникаций. Даже с чисто военной точки зрения, не учитывая огромного морального и экономического эффекта, Шерман совершил великий подвиг. Шерман нанес противнику большие потери, чем понес сам, не только относительно, но и в абсолютных цифрах. В этом отношении его действия представляют поразительный контраст с действиями Гранта в Виргинии.

Захватив Атланту, Шерман пошел на еще больший риск, за что подвергся сильной критике военных комментаторов. Шерман был убежден, что если он совершит марш через Джорджию, являвшуюся житницей Юга, и уничтожит ее железнодорожную сеть, а затем установит контроль над Южной и Северной Каролиной, сердцем Юга, то моральный эффект от такого вторжения и прекращение подвоза запасов на север, в Ричмонд и в армию Ли, заставит конфедератов прекратить сопротивление.

Поэтому, не обращая внимания на армию Гуда, которую он заставил уйти из Атланты, Шерман начал свой знаменитый "марш к морю" через Джорджию, довольствуясь за счет местных ресурсов и разрушая по пути железные дороги. 15 ноября 1864 г. войска Шермана вышли из Атланты, а уже 10 декабря подошли к предместьям Саванны. Захватив этот порт,

он восстановил свои коммуникации с Севером по морю. Интересна оценка этого марша генералом Конфедерации и историком Александром: "Нет никакого сомнения в том, что моральное влияние этого марша на страну в целом... было более значительным, чем могло бы быть влияние самой большой победы". Затем Шерман двинулся в северном направлении через Северную и Южную Каролину в тыл армии Ли, лишив тем самым Юг его последних основных портов.

Методы действий Шермана заслуживают более тщательного изучения. Для совершения марша через Джорджию он не только отказался от своих коммуникаций, но и сократил свои обозы настолько резко, что его армия превратилась в огромную "летающую колонну" легких войск численностью 60 тыс. человек. Каждый из четырех корпусов Шермана действовал самостоятельно; команды фуражиров прикрывалидвигающиеся колонны с фронта и с флангов.

Кроме того, в ходе этого марша Шерман применил новый стратегический прием. В боях за захват Атланты ему мешало, по его мнению, то обстоятельство, что он имел тогда перед собой только одну цель, что облегчало противнику возможность парировать его удары. Чтобы избежать этого, в дальнейшем Шерман разработал остроумный план: систематически ставить противника "перед дилеммой". Так Шерман пояснял свой план действий. Сначала он повел наступление таким образом, что конфедераты не знали, что является его очередным объектом - Мейкон (70 км юго-западнее Огасты) или Огаста, а затем, когда Мейкон остался в тылу Шермана, - Огаста или Саванна. Имея свободу выбора объекта, Шерман мог переключать свои усилия на другой объект, если для этого складывались благоприятные условия. Однако необходимость в этом не возникла вследствие растерянности противника, дезориентированного ложными маневрами Шермана.

На примере марша через Джорджию Шерман показал, с какими незначительными запасами армия может выполнять свою задачу. Шерман доказал также, что эти запасы могут быть еще более сокращены. Перед началом марша на север через Южную и Северную Каролину он сделал попытку превратить армию "в подвижную машину, готовую выступить сразу же по получении приказа и довольствоваться самыми минимальными запасами". Несмотря на то что стояла зима, даже офицеры должны были располагаться на биваках попарно под куском брезента, натянутого на палках или сучьях; все палатки и лагерное оборудование были оставлены в тылу.

В дальнейшем Шерман продолжал придерживаться такого направления, которое давало ему возможность нанести удар по любому из двух объектов. Когда Шерман двинул свои войска в северном направлении, противник не знал, что прикрывать - Огасту или Чарлстон, вследствие чего войска южан оказались распыленными, стараясь прикрыть оба эти пункта. Затем, после того как Шерман прошел между ними и захватил Колумбию, столицу Южной Каролины и важнейший центр снабжения армии Ли, конфедераты недоумевали, куда он нанесет следующий удар - по Шарлотте (140 км севернее Колумбии) или Фейтвиллу (180 км восточнее Шарлотты). Когда же Фейтвилл остался в тылу Шермана, они не знали, пойдет ли он на Роли (80 км северо-западнее Голдсборо) или на Голдсборо. Шерман и сам не был уверен, в каком направлении лучше нанести удар - по Голдсборо или Уилмингтону.

Большой успех почти 700-километрового марша Шермана на местности с большим количеством преград (рек, ручьев и болот) и при наличии противника, численность войск которого была вполне достаточной для оказания эффективного сопротивления, объясняется исключительно тем воздействием, которое оказали на противника вводящие в заблуждение маневры Шермана. Успех действий Шермана объяснялся не только искусным изменением направления наступления, но и гибкостью его стратегии. При наступлении на широком фронте четырьмя, пятью и даже шестью колоннами, причем каждая колонна прикрывалась множеством фуражиров, в случае, если одна из колонн задерживалась противником, остальные продолжали беспрепятственно продвигаться вперед. По своим методам действий эти колонны явились предшественницами танковых войск, которые в 1940 г. пронеслись по Франции. Войска противника были так напуганы колоннами Шермана, что начинали отход

еще до того, как на них оказывалось сколько-нибудь серьезное физическое давление. Моральное состояние войск южан в результате искусных маневров Шермана упало до такой степени, что, занимая ту или иную оборонительную позицию, они уже думали об отступлении. Иногда достаточно было крикнуть: "Мы войска Билля Шермана! Лучше убирайтесь!" - как южане начинали отходить. Если уверенность в своих силах наполовину обеспечивает успех в бою, то подрыв уверенности противника более чем наполовину обеспечивает успех боя, так как победа в этом случае достигается без борьбы. Шерман мог бы с таким же основанием сказать, как сказал Наполеон в Австрии: "Я разгромил противника одними маршами".

22 марта Шерман подошел к Голдсборо, где соединился с войсками Скофилда, пополнил свои запасы и подготовился к заключительному этапу войны - к нанесению удара по войскам Ли, который все еще думал удержат в своих руках Ричмонд.

Только в начале апреля Грант возобновил наступление. Оно увенчалось внушительным успехом, и через неделю после сдачи Ричмонда последовала капитуляция армии Ли. Внешне эта победа явилась блестящей реабилитацией стратегии прямого действия Гранта, цель которого состояла в непосредственном разгроме войск противника, но при серьезном изучении событий надо учитывать, что фактор времени имеет решающее значение. Прекращение сопротивления конфедератов было вызвано продовольственными затруднениями, влиявшими на их моральное состояние, а также плохими вестями из дома. Еще до того как Шерман подошел к Голдсборо, Грант сообщил ему: "Армия Ли деморализована и быстро разлагается".

Человеку дороже всего страна и семья. У большинства людей чувство любви к семье даже сильнее, так как носит более личный характер. До тех пор пока семьи находятся в безопасности, солдаты будут защищать свою страну, веря в то, что своим самопожертвованием они одновременно охраняют также и свои семьи. Но патриотизм, дисциплина и узы товарищества слабеют, когда семьям солдат угрожает опасность. Именно чрезвычайная беспощадность ударов Шермана не только по армии противника, но и по его глубокому тылу, в котором остались семьи солдат, породила столкновение между чувством любви к стране и чувством любви к семье и тем самым подорвала волю южан к сопротивлению.

Непрямые действия Шермана, направленные на подрыв экономического и морального потенциалов противника путем нанесения ударов по его тылу, на заключительном этапе войны оказались не менее решающими, чем на первых ее этапах на Западе. Эта истина дойдет до сознания каждого, кто внимательно и детально изучит эту войну. Она была по достоинству оценена более 30 лет назад официальным английским историком Первой Мировой войны генералом Эдмондсом, который в своей книге "История Гражданской войны в Америке" пришел к следующему выводу: "Военный гений великих полководцев Конфедерации Ли и Джэксона, непревзойденная боеспособность армии Северной Виргинии и близость расположения столиц враждующих сторон привели к тому, что восточному театру войны уделялось слишком большое внимание. Но именно на Западе были нанесены решающие удары. Захват Висксберга и Порт-Гудзона и июле 1863 г. явился переломным моментом войны, а действия пеликой армии Запада, которой командовал Шерман, привели к поражению Конфедерации".

Такое чрезмерное внимание восточному театру частично может быть объяснено тем впечатлением от блистательной победы, которое гипнотизирует большинство изучающих военную историю, а также влиянием написанной Гендерсоном восторженной эпической биографии "Стоунуолла" Джэксона, скорее более эпической, чем исторической. Однако практическая ценность этой книги с точки зрения изучения военной теории едва ли стала меньше, а, пожалуй, даже увеличилась от того, что Гендерсон включил в нее больше своих собственных взглядов на ведение войны, чем материалов по анализу боевых действий Джэксона. Книга вызвала определенный интерес к Гражданской войне в Америке среди английских военных историков, но они сосредоточили свое внимание исключительно на

кампаниях в Виргинии в ущерб западному театру, где происходили решающие боевые действия. Современный историк может оказать большую услугу будущим поколениям, если он попытается проанализировать, как неправильный подход к оценке Гражданской войны в Америке повлиял на английские военные взгляды до 1914 г. и на английскую стратегию в 1914-1918 гг.

Кампании Мольтке

Когда историк переходит от Гражданской войны в Америке к последующим войнам в Европе, его, вероятно, более всего поражает резкая противоположность характера этих войн.

Во-первых, в европейских войнах 1866 и 1870 г. обе воюющие стороны, по крайней мере номинально, были готовы к войне; во-вторых, в этих войнах участвовали профессиональные армии; в-третьих, верховное командование той и другой стороны допустило больше вопиющих ошибок и просчетов, чем любая из воюющих сторон в Гражданской войне в Америке; в-четвертых, стратегия немцев в обеих войнах не отличалась искусством и военной хитростью; в-пятых, несмотря на допущенные ошибки, исход обеих войн был быстро решен.

Стратегия Мольтке основывалась на прямых действиях почти без применения военной хитрости и с расчетом исключительно на сокрушительную мощь превосходящих сил. Должны ли мы сделать отсюда вывод, что войны 1866 и 1870 г. являются исключением, подтверждающим правило? Они, безусловно, являются необычными войнами, но едва ли составляют исключение из правила, которое вытекает из большого количества кампаний, нами уже рассмотренных. Ибо ни в одной из прошлых кампаний не было у побежденных стран такого сочетания слабости сил и бездарности командования, как в этих кампаниях, в результате чего поражение этих стран было предreshено уже в самом начале войны.

В 1866 г. слабость австрийских войск объяснялась главным образом тем, что они имели устаревшее вооружение. Прусское ружье, заряжавшееся с казенной части, превосходило по своим боевым качествам австрийское, заряжавшееся с дула. Преимущество первого было убедительно доказано на поле боя, хотя академическая военная мысль следующего поколения была склонна не замечать этого. В 1870 г. слабость французских войск объяснялась отчасти их малочисленностью, а также, как и у австрийцев в 1866 г., плохой подготовкой.

Этих доводов более чем достаточно для объяснения решительного поражения австрийцев в 1866 г. и еще более ошеломляющего разгрома французов в 1870 г. При подготовке к войне всякий стратег поступил бы опрометчиво, если бы положил в основу своих планов предположение, что его противник будет так же слаб, как были слабы австрийцы в 1866 г. и французы в 1870 г.

Важно также отметить, что немецкая стратегия в обеих войнах в действительности была менее прямой, чем это предусматривалось планами; она отличалась сравнительно большой гибкостью.

В 1866 г. в целях выигрыша времени Мольтке использовал все имевшиеся в его распоряжении железные дороги для переброски прусских войск на фронт протяженностью свыше 400 км. Его замысел состоял в том, чтобы быстрым концентрическим наступлением через пограничный горный пояс сосредоточить свои армии в центральной части Северной Богемии (см. рис. 6). Однако потеря времени, вызванная нежеланием короля Пруссии оказаться в роли агрессора, расстроила планы Мольтке и вынудила последнего применить не прямые действия, которые не входили в его расчеты. Дело в том, что австрийская армия сумела сосредоточиться и начать наступление раньше Мольтке, лишив его, таким образом, возможности выйти в намеченный район сосредоточения. Помимо этого, прусский кронпринц, считая, что Силезия оказалась в опасности, добился согласия Мольтке на переброску своей армии на юго-восток для охраны этой провинции. Тем самым Мольтке еще больше оторвался со своей армией от остальных армий, но зато занял более выгодную позицию, с которой мог угрожать одновременно флангу и тылу австрийской армии. Педанты извели много чернил, осуждая Мольтке за такое большое рассредоточение сил; в

действительности же Мольтке, сам того не подозревая, этим рассредоточением посеял семена своей будущей победы.

Такая диспозиция войск Мольтке настолько обеспокоила австрийское командование, что немцы смогли, несмотря на большое количество допущенных ошибок, сначала прорваться через горы, а затем собрать богатый урожай под Кёниггрецем, где новые ошибки сделали действия немцев еще более неправильными и обеспечили им решающую победу. Австрийский командующий фактически потерпел поражение еще до сражения, послав телеграмму императору, в которой он настаивал на немедленном заключении мира.

Следует отметить, что рассредоточением сил на весьма широком фронте Мольтке обеспечил себе большую свободу действий, чем австрийцы, войска которых были сосредоточены на фронте протяженностью 65 км. Последние имели лишь одно формальное преимущество - возможность действовать по "внутренним линиям". Важно также упомянуть, что, хотя замысел Мольтке заключался в сосредоточении сил до встречи с противником, он не ставил перед собой цели начать прямое наступление. Первоначальный план Мольтке предусматривал два варианта действий. Если бы выяснилось, что предполагаемая позиция австрийцев в районе Йожефштадта за Эльбой окажется неустойчивой, то армия кронпринца маневром в восточном направлении должна была нанести удар во фланг, в то время как две другие армии должны были сковать австрийцев с фронта. Если бы проводить наступление оказалось нецелесообразным, то все три армии должны были двинуться в западном направлении, переправиться через Эльбу в районе Пардубице (42 км восточнее Колина) и затем, повернув на восток, создать угрозу коммуникациям противника, идущим в южном направлении. Однако в действительности австрийцы оказались на левом берегу Эльбы, сосредоточив свои войска еще ближе, чем предполагал Мольтке, в результате чего их фланг был охвачен войсками кронпринца без каких-либо особых усилий с его стороны. В конечном счете австрийские войска были окружены.

В 1870 г. Мольтке намеревался дать решительное сражение на р. Саар, где должны были сосредоточиться все три его армии. План Мольтке не был осуществлен в результате того, что фран-, цузские войска оказались парализованными значительно раньше, чем Мольтке приступил к реализации своего плана. Этот паралич был вызван вестью о том, что 3-я немецкая армия, действовавшая на левом фланге, пересекла границу далеко к востоку и разбила французский отряд у Вейсенбурга. Затем, продолжая наступление, она окружила и разгромила под Вертом (50 км южнее Ман-гейма) правофланговый корпус французов раньше, чем успели подойти другие французские войска. В результате косвенное влияние этих случайных, разрозненных боев оказалось важнее последствий любого тщательно спланированного крупного сражения. Ибо, вместо того чтобы соединиться с главными силами [Рис. 6. Центральная Европа.] 3-й армии, была дана возможность двигаться самостоятельно на большом удалении от основной группировки противника. Вследствие этого она не приняла участия в плохо организованных сражениях под Вьонвилем и Гравлотом, тем более что расположение французских войск было таковым, что она едва ли смогла бы принять активное участие, даже если бы находилась ближе. В результате 3-я армия невольно сыграла важную роль на следующем решающем этапе войны.

Когда главные силы французской армии, скорее ободренные, чем обескураженные исходом сражения под Гравлотом, отошли в сторону одного из своих флангов и к Мецу, они легко могли оторваться от выдохшихся 1-й и 2-й немецких армий, однако, опасаясь оказаться перехваченным 3-й немецкой армией, Базен решил закрепиться в Меце. Таким образом, немцы получили возможность восстановить взаимодействие, а французы, наоборот, утратили его в период бездействия, который наступил после того, как они покинули открытое поле. В результате Мак-Магон был соблазнен, или скорее вынужден политическими соображениями, начать свои плохо продуманные и еще хуже осуществленные действия по оказанию помощи Мецу.

Таким образом, 3-й немецкой армии, по-прежнему беспрепятственно двигавшейся к Парижу, совершенно неожиданно для нее представилась возможность не прямых действий в

отношении армии Мак-Магона. Круто изменив направление своего движения (с западного на северное), 3-я армия обошла с фланга армию Мак-Магона и вышла ей в тыл. Этот маневр привел к окружению французской армии, и она была вынуждена капитулировать в Седане.

На решающем этапе этой войны действия были более непрямыми, чем может показаться с первого взгляда. Однако именно поверхностный анализ этой войны оказал такое большое влияние на развитие военной теории после 1870 г. Это влияние сказалось и на следующей большой войне между Россией и Японией в 1904-1905 гг.

Русско-японская война

Японские генералы, следуя по стопам своих немецких наставников, придерживались в основном стратегии прямых действий. За всю войну японцами фактически не было предпринято ни одной попытки использовать чрезвычайно благоприятные условия, которые создались в результате того, что военные усилия русских целиком зависели от единственной Транссибирской железной дороги. Никогда за всю историю ни одна армия не зависела от такой растянутой линии коммуникаций, причем эта зависимость еще более усиливалась из-за большой численности войск, втянутых в войну. Однако японские стратеги не придумали ничего лучшего, как нанести прямой удар по русской армии. Группировка японских войск была более компактной, чем у Мольтке в 1870 г. Правда, японцы пытались осуществить некий маневр до Ляоянского сражения, а после, войдя в соприкосновение с русской армией, несколько раз пытались обойти ее с фланга. Однако, хотя эти обходные маневры и выглядят на карте сравнительно глубокими, на самом деле они были чрезвычайно ограниченными, если учесть те силы, которые в них участвовали. К тому же японцы не располагали "свободной" армией, как это получилось по счастливой случайности у Мольтке, не было у них и ловушки, подобной Мецу, а также такого полководца у их противника, как Мак-Магон, который попался бы в эту ловушку. Напротив, японцы, мечтавшие повторить Седан, сами попали в ловушку, решив захватить Порт-Артур. Последовал ряд длительных кровопролитных боев, не давших решительных результатов. Японцы были настолько истощены в результате последнего безуспешного сражения под Мукденом, что были рады заключить мир с русскими, которые вели войну без всякого воодушевления, не втянув в нее и одной десятой доли своих наличных сил.

Сделанный выше обзор и анализ истории основан на фактах, а не на предположениях, т. е. имеет дело с тем, что было совершено, и с вытекающими отсюда результатами, а не с тем, что могло бы быть сделано. Теория не прямых действий, выведенная из этого анализа, должна основываться на конкретных примерах, которые подтверждают, что прямые действия, как правило, не дают решительных результатов. На эту теорию не должны влиять трудности, которые возникают при проведении не прямых действий в том или ином конкретном случае. С точки зрения основного тезиса не имеет значения, мог ли тот или иной полководец действовать иначе и не лучше ли ему было поступить по-другому.

Однако те или иные предположения всегда представляют интерес и часто являются ценными. Поэтому, несколько отклоняясь от исследуемого вопроса, полезно указать хотя бы на возможную аналогию между Порт-Артуром и Мантуйей, принимая вместе с тем во внимание затруднения, с которыми японцы столкнулись на таких сложных театрах военных действий, какими являются Корея и Маньчжурия, имеющие слабо развитые коммуникации. Если одни условия на этих театрах были более тяжелыми, то другие могли оказаться более благоприятными, и в итоге можно было добиться успеха. Таким образом, эти соображения наталкивают на мысль, не могла ли японская стратегия на первом этапе войны более выгодно использовать Порт-Артур в качестве ловушки, как, например, Бонапарт использовал Мантую. На следующем этапе, по-видимому, были созданы более широкие возможности для использования хотя бы части японских сил против слабо охранявшихся русских коммуникаций между Харбином и Мукденом.

Глава X.

Выводы из опыта прошлых двадцати пяти столетий

Настоящий обзор охватывает двенадцать войн, оказавших решающее влияние на

развитие европейской истории в древние времена, и восемнадцать больших войн современной истории до 1914 г. включительно, причем борьба с Наполеоном, которая временно затихала в одном месте и разгоралась в другом, считается за одну войну. Эти тридцать конфликтов охватывают более двухсот восьмидесяти кампаний. Только в шести из этих кампаний, кульминационными точками которых были сражения при Иссе, Гавгамелах, Фридланде, под Ваграмом, Садовой и Седаном, решающие успехи были достигнуты в результате преднамеренного применения стратегии прямых действий против главных сил противника.

В первых двух из этих кампаний наступление Александра Македонского было подготовлено при помощи большой стратегии не прямых действий, применением которой он серьезно ослабил Персидскую империю и поколебал у приверженцев этой империи веру в ее мощь. Кроме того, успех Александра Македонского на поле боя, по существу, был обеспечен применением более совершенного оружия - тактики не прямых действий.

В следующих двух кампаниях Наполеон каждый раз пытался применять не прямые действия, но быстро переходил к нанесению прямых ударов, что объяснялось, с одной стороны, его нетерпением, а с другой - уверенностью в превосходстве своей [176-177] армии. Превосходство Наполеона основывалось на массированном использовании артиллерии против ключевого пункта противника. Успех Наполеона как при Фридланде, так и под Ваграмом был обеспечен главным образом благодаря применению этого нового тактического приема. Однако цена, уплаченная за эти успехи, и ее конечное влияние на судьбу самого Наполеона отнюдь не поощряют к использованию подобных приемов даже при наличии такого же тактического превосходства.

Что касается кампаний 1866 и 1870 г., то, как мы уже видели, хотя обе эти кампании были задуманы в форме прямых действий, случайно действия приобрели не прямой характер, причем в обоих случаях эффект был усилен тактическим превосходством, обеспеченным принятием в 1866 г. на вооружение армии заряжающегося с казенной части ружья и применением в 1870 г. более совершенной артиллерии.

Анализ шести вышеупомянутых кампаний показывает, что применение в них метода прямых действий мало оправданно. Однако на протяжении всей истории прямые действия были обычным явлением, а предусмотренные заранее не прямые действия являлись исключением. Важно также отметить, что полководцы прибегали к не прямым действиям только в крайних случаях и не считали их основными. И все же такие действия обеспечивали им победу, тогда как прямые действия приводили к поражению; будучи ослабленными в результате применения прямых действий, полководцы были уже не в состоянии прибегать к не прямым. Решительный успех, достигавшийся в таких неблагоприятных условиях, тем более заслуживает внимания.

В нашем обзоре указано на большое количество военных кампаний, в которых не прямые действия сыграли решающую роль в достижении победы. Среди этих кампаний следует отметить: а) в древней истории - кампанию Лисандра в Эгейском море в 405 г. до н.э.; Эпаминонда на Пелопоннесском п-ве в 362 г. до н. э.; Филиппа в Беотии в 338 г. до н.э.; Александра Македонского на р. Гидасп, Кассандра и Лисимаха на Ближнем Востоке в 302 г. до н. э.; Ганнибала в районе Тразименского оз., в Этрурии; Сципиона в Утике и при Заме, в Африке; Юлия Цезаря при Илерде, в Испании; б) в современной истории - Престонская, Данбарская и Вустерская кампании Кромвеля; Эльзасская кампания Тюренна в 1674-1675 гг.; итальянская кампания Евгения в 1701 г.; кампания Мальборо во Фландрии в 1708 г.; кампании Виллара в 1712 г.; Квебекская кампания Вулфа, Мозель-Мааоская кампания Журдана в 1794 г.; Рейнско-Дунайские кампании эрцгерцога Карла в 1796. г.; итальянские кампании Наполеона Бонапарта в 1796, 1797 и 1800 г.; его же Ульмская и Аустерлицкая кампании в 1805 г.; Висксбергская кампания Гранта и Атлантская - Шермана. Кроме того, в обзоре рассмотрено большое число кампаний, в которых не прямые действия и их эффект видны менее ясно.

Такое большое число решающих кампаний в истории, значение которых еще более

усиливается тем, что в них сравнительно редко применялись прямые действия, заставляет сделать вывод, что непрямые действия являются значительно более целесообразной и выгодной формой стратегии по сравнению с прямыми действиями.

Можем ли мы из анализа истории сделать еще более определенные выводы? Конечно, да. Все наиболее видные полководцы, за исключением Александра Македонского, встретив противника на выгодных естественных рубежах или на хорошо укрепленных позициях, едва ли когда-либо решались брать их прямым штурмом. И когда под давлением обстоятельств они шли на риск прямого удара, дело обычно кончалось их поражением.

Более того, история показывает, что вместо прямых действий великие полководцы часто предпринимали пусть даже весьма рискованные, но непрямые действия, преодолевая в случае необходимости с частью сил горы, пустыни или болота, отрываясь даже от своих коммуникаций. Они предпочитали скорее оказаться в любых неблагоприятных условиях, чем пойти на риск поражения, которым обычно чреватые прямые действия.

Естественные препятствия, какими бы непреодолимыми они ни были, в действительности представляют меньшую опасность, так как являются более конкретными, чем риск, связанный с ведением боевых действий. Любые природные условия, любые препятствия легче поддаются учету, легче преодолеваются, чем сопротивление человека. При наличии тщательно разработанного плана и соответствующей подготовки войск можно преодолеть любые естественные препятствия. Так, например, хотя Наполеон в 1800 г. и сумел преодолеть Альпы "согласно плану", небольшой форт Бард оказал настолько значительное сопротивление продвижению его армии, что генеральный план наступления Наполеона был поставлен под угрозу срыва.

Снова возвращаясь к нашему исследованию и рассматривая последовательно решающие сражения прошлого, мы видим, что в большинстве случаев победитель создавал для своего противника невыгодную психологическую обстановку еще до начала сражения. Примерами, подтверждающими это, являются сражения при Марафоне, у о-ва Саламин, при Эгоспотамах, Мантинее, Херонее, Гавгамелах (при помощи большой стратегии), на р. Гидасп, при Ипсе, у Тразименского оз., под Каннами, при Метавре, Заме, Трикамере, Тагине, Гастингсе, Престоне, Данбаре, Вустере, Бленхейме, Ауденарде, под Депенем, Квебеком, при Флёрюсе, под Риволи, Аустерлицем, Йеной, Виксбергом, Кёниггрецем, Седаном.

Объединяя стратегические и тактические исследования воедино, мы видим, что большая часть приведенных примеров попадает в один из двух видов. Первый вид сражений характеризовался применением стратегии эластичной обороны (преднамеренный отход) с последующим переходом в тактическое наступление. Второй вид сражений характеризовался проведением стратегического наступления с целью поставить себя в более выгодное положение по отношению к противнику с последующим переходом к тактической обороне при наличии угрозы с тыла. Любой из этих двух видов сражений представляет собой непрямые действия, а их психологическая основа может быть выражена словами: завлекай противника и лови его в западню.

В самом деле, можно, пожалуй, сказать в более глубоком и широком значении, чем подразумевал Клаузевиц, что оборона является более сильной и экономичной формой стратегии. Ибо второй вид сражений, внешне и по характеру передвижения войск носивший наступательный характер, преследовал скрытую цель заставить противника перейти в преждевременное наступление. Наиболее эффективный способ непрямых действий - это вынудить противника сделать ложное движение, с тем чтобы, как в джиу-джитсу, использовать его усилие против него самого.

В наступательной стратегии непрямые действия обычно выражаются в движении войск против экономического объекта противника, т. е. против его источника снабжения (страны или армии). Иногда, однако, наступлением преследовались чисто психологические цели, например в некоторых операциях Велизария. Во всяком случае, в какую форму ни были бы облечены военные действия, цель должна быть одна - подорвать моральный дух и нарушить диспозицию войск противника. Подобный результат является единственным критерием при

оценке любых не прямых действий.

Другой вывод из нашего исследования, возможно не вполне бесспорный, но, по крайней мере, представляющий интерес, сводится к тому, что в войне против нескольких государств или армий целесообразнее сосредоточить силы сначала против наиболее слабого противника, а не пытаться разгромить более сильного в расчете на то, что поражение сильного противника автоматически повлечет за собой крах его более слабых союзников.

В двух выдающихся войнах древнего мира, закончившихся разгромом Персии Александром Македонским и Карфагена Сципионом, успех был достигнут путем уничтожения основ могущества этих стран. Благодаря этой же большой стратегии не прямых действий были созданы не только Македонская и Римская империи, но и величайшая из их преемниц - Британская империя. На основе этой же стратегии поднялся и достиг могущества Наполеон Бонапарт. Еще позже на этом же фундаменте выросло величественное и прочное здание Соединенных Штатов.

Овладеть искусством применения не прямых действий и понять их значение можно только путем изучения и анализа всей военной истории. Уроки истории можно свести по крайней мере к двум простым аксиомам: отрицательной и положительной. Первая аксиома состоит в том, что в свете подавляющего большинства исторических примеров ни один полководец не может быть оправдан за нанесение лобовых ударов противнику, прочно удерживающему свои позиции. Вторая аксиома заключается в том, что, прежде чем нанести противнику удар, необходимо предварительно подавить его волю к сопротивлению.

Ленин понимал эту основную истину, говоря, что наиболее разумная стратегия во время войны заключается в том, чтобы оттянуть начало военных действий до тех пор, пока моральное разложение противника не позволит нанести смертельный удар и легко, и наиболее эффективно. Это не всегда осуществимо, и его методы пропаганды не всегда плодотворны. Однако эту мысль можно выразить другими словами: "Наиболее разумная стратегия в любой кампании заключается в том, чтобы оттянуть сражение, а наиболее разумная тактика - в том, чтобы оттянуть начало наступления до тех пор, пока не будет подорвано моральное состояние противника и не создадутся благоприятные условия для нанесения решающего удара".

Часть вторая.

Стратегия Первой Мировой войны

Глава XI.

Планы и их реализация на Западном театре военных действий в 1914 г.

Исследование военных действий на западном фронте в Первую Мировую войну должно быть начато с изучения предвоенных планов²¹. Франко-германская граница по протяженности была небольшой, всего лишь около 240 км, поэтому она ограничивала возможность маневра большой массы войск, которые были созданы воевавшими странами на основе системы всеобщей воинской повинности. В юго-восточной части граница примыкала к Швейцарии (рис. 7), проходила по небольшой равнине около Бельфора, а затем на протяжении 110 км тянулась вдоль Вогезских гор. Далее она проходила вдоль почти непрерывной цепи крепостей, основными звеньями которой были Эпиналь, Туль и Верден; за Верденом (севернее) начиналась граница Люксембурга и затем Бельгии. В восстановительный период, который начался после поражения Франции в 1870 г., французским планом в начале войны предусматривалась оборона (в первый период войны), основанная на удержании пограничных крепостей, вслед за которой должен был последовать решительный контрудар. С этой целью вдоль эльзас-лотарингской границы была создана система мощных крепостей, причем в линии [183-184] укреплений были оставлены проходы, например Труэ-де-Шарм (Шарм) между Эпиналем и Тулем, с тем чтобы инициировать ожидавшееся немецкое вторжение по определенным направлениям и затем с большей уверенностью и эффективностью нанести контрудар.

Французский план предусматривал не прямые действия, может быть даже в максимально возможной мере, учитывая малую протяженность границы и необходимость

соблюдения нейтралитета соседних стран. Но за десятилетие перед 1914 г. возникла новая школа во главе с ее "пророком" полковником Гранмезоном²², которая поносила этот план как противоречащий французскому духу и почти полностью отрицающий идею наступления. Сторонники offensive а outrance²³ нашли в Жоффре, который был назначен в 1912 г. начальником Генерального штаба, именно такого человека, который был им нужен для осуществления своих намерений. Ухватившись за него, они добились контроля над французской военной машиной и, отбросив старый план, составили новый пресловутый "план XVII". Этот план предусматривал только фронтальное наступление против немецкого центра объединенными усилиями всех войск. Однако, предусматривая фронтальное наступление, авторы плана исходили из простого равенства в силах с противником, который к тому же опирался бы на свою укрепленную пограничную зону, в то время как французы, бросившись вперед, не были бы в состоянии использовать преимущества своей укрепленной полосы. Только в одном вопросе этим планом был учтен исторический опыт и соблюден здравый смысл: решено было крепость Мец не атаковать в лоб, а только изолировать; наступление должно было развиваться южнее крепости в сторону Лотарингии и севернее. Левое крыло французской армии должно было ударить по бельгийской части Люксембурга в случае, если бы немцы вторглись на нейтральную территорию. Парадоксально то, что французский план был основан на теории немца Клаузевица, в то время как немецкий план больше исходил из стратегии Наполеона, если не Ганнибала.

При определении степени участия Англии в войне во французском плане не столько учитывались действительные потребности, сколько было выражено стремление "европеизировать" английскую военную организацию и взгляды англичан на ведение войны. Это континентальное влияние незаметно привело Англию к молчаливому согласию на роль придатка к французскому левому крылу и отказу от использования своей традиционной подвижности, обеспечиваемой морской мощью. В начале войны на заседании военного совета командующий английскими экспедиционными силами Джон Френч усомнился в правильности предварительно составленного плана; в качестве альтернативы он предложил послать войска в Антверпен, где они усилили бы сопротивление Бельгии и создали угрозу флангу немецких армий, если бы последние начали наступать во Францию через Бельгию. Но начальник оперативного управления генерал-майор Генри Вильсон фактически уговорил английский Генеральный штаб действовать в тесной связи с французами. Неофициальные переговоры между штабами в период между 1905 и 1914 г. подготовили путь к изменению складывавшейся веками военной политики Англии.

Этот fait accompli²⁴ не только вызвал изменение во французском стратегическом замысле, но и было отвергнуто предложение Хейга подождать, пока не прояснится обстановка и армия не будет доведена до необходимого размера, а также менее радикальное возражение Китченера против сосредоточения английских сил слишком близко к границе.

Окончательный французский план явился тем самым, который нужен был для того, чтобы придать составленному Шлиффеном в 1905 г. первоначальному немецкому плану характер плана не прямых действий. Очутившись перед непреодолимой стеной, которую представляла собой французская укрепленная граница, немцы, естественно, должны были стремиться обойти эти укрепления через Бельгию. Шлиффен выбрал именно этот вариант, решив наступать на возможно более широком фронте. Странно, что даже тогда, когда вторжение в Бельгию началось, французское командование предполагало, что немцы ограничатся наступлением на более узком фронте восточнее р. Маас.

Согласно плану Шлиффена, основная масса немецких войск составляла правое крыло армии вторжения. Это крыло должно было стремительно продвинуться через Бельгию в Северную Францию, а затем, продолжая движение по огромной дуге, постепенно повернуть влево и далее на восток, в обход Парижа. Войска, действующие на правом фланге крыла, должны были форсировать р. Сену в районе Руана и, обойдя Париж с юга, оттеснить французов к р. Мозель, а затем, прижав к рубежу, образованному лотарингскими крепостями и швейцарской границей, уничтожить их.

Однако не прямой характер действий, предусмотренных данным планом, заключался по существу не в этом обходном движении, а в распределении сил и в замысле, который был положен в его основу. Сначала внезапность должна была обеспечить использование для массированного удара не только кадровых, но и резервных корпусов. Из 72 дивизий, которыми они располагали, 53 дивизии были выделены в ударную группировку, 10 дивизий располагались в центре, против Вердена, и только 9 дивизий, составляющих левое крыло, были сосредоточены вдоль французской границы. Намеренно уменьшив силы левого крыла, немцы рассчитывали добиться большего эффекта на правом крыле. Если бы французы начали наступление в Лотарингии и потеснили левый фланг немцев к Рейну, то им было бы трудно отразить немецкое наступление через Бельгию, и чем дальше продвинулись бы французские войска в восточном направлении, тем труднее было бы им это сделать. Получилась бы картина, подобная вращающейся двери: если сильно толкнуть вперед одну половину, другая ударит в спину; при этом чем сильнее толчок, тем больше удар.

Наступление Шлиффена через Бельгию было непрямым стратегическим ходом лишь в очень ограниченном смысле. На небольшом пространстве действовало очень много войск. Однако в психологическом отношении благодаря замыслу и распределению сил наступление определенно приобретало не прямой характер. Французский же план помог стать замыслу Шлиффена еще более совершенным. И если бы покойники могли смеяться, то как смеялся бы покойный Шлиффен, увидев, что французов даже не нужно было заманивать в ловушку. Однако смех Шлиффена вскоре сменился бы досадой, так как его преемник Мольтке, младший в роду, но более осторожный в своих действиях, осуществляя план Шлиффена, фактически отошел от него при подготовке к войне.

В период между 1905 и 1914 г. по мере общего роста численности армии Мольтке планировал увеличение сил на левом крыле в большей пропорции, чем на правом. Усилив левое крыло, он тем самым ослабил план Шлиффена и начал систематически подрывать его основы, что в конечном счете привело к провалу.

Когда в августе 1914 г. развернулось французское наступление против левого крыла немцев, Мольтке вначале хотел принять вызов и добиться решающего успеха в Лотарингии, отложив прорыв фронта правым крылом. Потом он передумал, но все же в Лотарингию были переброшены шесть только что сформированных резервных дивизий, которые предназначались для усиления правого крыла. Однако это свежее пополнение только усилило недовольство немецких командиров в Лотарингии, вынужденных по приказу свыше отходить назад. Баварский принц Рупрехт, вместо того чтобы продолжать отход и увлекать за собой французов, остановил свою армию и приготовился к сражению. Выяснив, что французское наступление развивается медленно, он договорился со своим соседом перейти в наступление. Теперь две немецкие армии имели двадцать пять дивизий против девятнадцати французских, но этого превосходства было недостаточно (при отсутствии выгодной стратегической позиции) для нанесения решающего контрудара. Единственным результатом этого наступления явилось то, что французы были отброшены к своему укрепленному барьеру, что дало им возможность не только восстановить и увеличить силу своего сопротивления, но и перебросить часть своих войск в западном направлении для участия в битве на Марне.

Боевые действия немцев в Лотарингии более серьезно подорвали план Шлиффена, чем ослабление правого крыла, хотя именно на правом крыле немецкая армия потерпела поражение после того, как это крыло было серьезно ослаблено в ходе военных действий.

Кроме переброски в Лотарингию шести дивизий, с правого крыла были переброшены для осады или охраны Антверпена, Живе и Мобёжа еще семь дивизий; затем Мольтке перебросил еще четыре дивизии для усиления фронта в Восточной Пруссии. Когда армия Клюка, действовавшая на правом фланге этого крыла, преждевременно повернула на восток по просьбе своего соседа и с одобрения Мольтке, дав, таким образом, возможность гарнизону Парижа нанести ей удар во фланг, в составе решающего правого крыла осталось только тринадцать немецких дивизий против двадцати семи французских и английских. Этот

факт показывает, до какой степени, прямо или косвенно, было ослаблено ударное крыло Шлиффена. В то время как относительная слабость немцев была вызвана уменьшением сил правого крыла, французское превосходство объяснялось неправильными действиями немецкого левого крыла.

Переброска французских дивизий левого крыла на правый была бы невозможна, если бы французскому левому крылу была дана возможность продвинуться в глубь Лотарингии и тем самым завязнуть там. Однако сомнительно, смогли ли бы немцы поддерживать силы своего правого крыла на одном уровне, даже если бы они не перебрасывали войска с этого крыла. Дело в том, что ввиду разрушения бельгийцами мостов через р. Маас немцы не смогли направлять свои резервы по железной дороге через Льеж до 24 августа, и даже после этого срока они были вынуждены использовать длинный обходный путь. Это сделало для немцев невозможным усиление правого крыла согласно первоначальному плану. Более того, снабжение всех трех армий, составлявших правое крыло, зависело от этой единственной, наполовину выведенной из строя железной дороги. Разрушения, произведенные французами и англичанами при отступлении, также препятствовали регулярному снабжению войск.

Подошедшие к р. Марне немецкие войска были на грани истощения от изнурительных маршей и нехватки продовольствия. Но если бы Мольтке не уменьшил силы правого крыла, а использовал бы на этом далеко продвинувшемся крыле большее количество войск, их состояние было бы еще хуже. Повторился забытый урок Гражданской войны в Америке, где развитие железных дорог и возможность переброски войск по ним способствовали использованию большего количества войск, чем можно было обеспечить при ведении глубоких операций без риска. Хотя при оценке сражения на Марне мы пересекаем малозаметную границу между стратегией и тактикой, это решающее сражение проливает так много света на проблему характера действий, что оно заслуживает тщательного анализа. Для того чтобы лучше понять эти соображения, необходимо изложить ход событий.

Вслед за отражением наступления правого крыла армии Жоффра в Лотарингии был отброшен назад и ее центр во встречном бою в Арденнах; растянутое левое крыло французов едва не было окружено немцами между реками Самбра и Маас. В связи с тем что "план XVII" был по существу разорван в клочки, Жоффр составил из этих клочков новый план. Он решил, опираясь на Верден, отвести назад левое крыло и центр своих войск, а часть войск из прочно закрепившегося теперь правого крыла передать на формирование новой, 6-й армии, которую он намеревался использовать на левом фланге.

Первые, весьма преувеличенные, сообщения командующих армиями о пограничных боях создали у германского верховного командования впечатление о якобы достигнутой решительной победе. Однако сравнительно небольшое число взятых в плен вызвало у Мольтке сомнения и заставило его произвести более трезвую оценку обстановки. Пессимизм Мольтке в сочетании с возродившимся оптимизмом у его командующих армиями привел к новому изменению плана, который содержал в себе семена поражения.

Когда 26 августа левое крыло английских войск отошло к югу от сильно разрушенного Ле-Като, 1-я немецкая армия под командованием Клюка снова повернула на юго-запад. Хотя это направление было выбрано им отчасти вследствие неправильного определения вероятного пути отступления английских войск, оно все же соответствовало первоначальной задаче Клюка - проведением глубокого обходного маневра. Выйдя в район Амьен - Перонн, где в это время выгружались переброшенные из Лотарингии первые подразделения вновь сформированной 6-й французской армии, Клюк вынудил 6-ю армию к быстрому отходу и таким образом сорвал план Жоффра - переход в ближайшее время в наступление.

Но, едва совершив этот маневр, Клюк был вынужден снова повернуть к юго-востоку. Чтобы ослабить давление на англичан, Жоффр приказал соседней армии (Ланрезака) задержаться и нанести ответный удар преследующей 2-й немецкой армии (Бюлова). Почувствовав угрозу, Бюлов запросил у Клюка помощи. Наступление Ланрезака 29 августа было остановлено, и Бюлову помощь не потребовалась, но тем не менее Бюлов попросил Клюка выйти со своей армией в тыл французам, с тем чтобы отрезать пути отступления

армии Ланрезака. Прежде чем согласиться, Клюк обратился за разрешением к Мольтке. Мольтке получил этот запрос в тот момент, когда он нервничал по поводу того, что французы ускользают из его клещей, и в особенности из-за разрыва, который образовался между 2-й и 3-й армиями немцев. Поэтому Мольтке одобрил изменение направления движения Клюка, что означало отказ от первоначального глубокого обхода Парижа с запада. Теперь фланг совершающих обходный маневр немецких войск должен был обходить Париж с востока, через оборонительный рубеж. Сокращая ширину фронта и переходя к более прямым действиям ради безопасности, Мольтке пожертвовал многообещающими перспективами, которые были заложены в глубоком обходном маневре, предусмотренном в плане Шлиффена. Мольтке хотел уменьшить риск, но получилось обратное. Последовал контрудар с роковыми для Германии последствиями.

Решение немецкого командования отказаться от первоначального плана было окончательно принято 4 сентября. Мольтке составил другой план, в котором ставились более ограниченные цели по окружению центра и правого крыла французских войск. Центр немецких войск (4-я и 5-я армии) должен был нанести удар в юго-восточном направлении, в то время как левое крыло (6-я и 7-я армии), двигаясь с боями в юго-западном направлении, должно было прорвать укрепленную полосу между Тулем и Эпиналем; созданные таким образом "клещи" должны были сомкнуться западнее Вердена. Правое крыло (1-я и 2-я армии) должно было наступать в западном направлении с задачей сдержать любой контрманевр, который французы попытались бы осуществить из окрестностей Парижа.

Однако французы начали контрманевр раньше, чем новый план немцев был введен в действие.

Жоффр не сумел быстро учесть представившийся благоприятный момент и продолжал отступление, в то время как военный губернатор Парижа Галлиени правильно оценил обстановку. Галлиени понял значение поворота армии Клюка и 3 сентября приказал 6-й армии Монури подготовиться к контрудару по открытому правому флангу немцев. Весь следующий день в штабе Жоффра бушевал спор между военным секретарем Жоффра майором Гамеленом, который настаивал на немедленном контрнаступлении, и генералом Вертело, считавшимся самым большим авторитетом в Генеральном штабе. Вертело решительно возражал против контрнаступления. Вопрос был разрешен и согласие Жоффра было получено только тогда, когда, в тот же вечер, Галлиени связался с Генеральным штабом по телефону. Убедившись в правильности решения, Жоффр всегда действовал энергично. Всему левому крылу было приказано развернуться и снова перейти в общее наступление 6 сентября.

5 сентября Монури начал наступление, и по мере усиления его давления на уязвимый фланг немцев Клюк вынужден был перебросить туда сначала часть своей армии, а затем и все остальные силы. Вследствие этого между 1-й и 2-й немецкими армиями образовался разрыв в 50 км, прикрытый только кавалерийским заслоном. Клюк пошел на этот риск, соблазненный быстрым отступлением английских войск в противоположном от разрыва направлении. Даже 5 сентября, вместо того чтобы повернуть обратно, англичане продолжали отходить на юг. Но этот отрыв от противника невольно явился косвенным и непреднамеренным залогом причины победы союзников. Когда англичане повернули обратно и Бюлов узнал, что их войска направляются в образовавшийся между немецкими армиями разрыв, он отдал приказ 9 сентября об отступлении 2-й армии. Вследствие этого временное преимущество, которого добилась 1-я немецкая армия над Монури, было сведено на нет тем, что она своими действиями поставила себя в изолированное положение; поэтому она в тот же день отошла назад.

11 сентября по приказу Мольтке началось общее отступление немецких войск. Попытка осуществить частичный охват французских войск в районе Вердена не удалась, так как обход крепости с юга, который должны были совершить 6-я и 7-я армии, сорвался вследствие того, что немецкие войска не смогли преодолеть оборонительные сооружения на восточной границе Франции. Трудно понять, как немецкое командование могло столь слепо

рассчитывать на успех недостаточно организованного фронтального штурма французских оборонительных сооружений. Ведь такой штурм еще до войны считался настолько безнадежным, что немецкое командование приняло единственно правильное решение наступать на Францию через Бельгию, нарушив ее нейтралитет.

Таким образом, исход сражения на Марне был решен в результате дезорганизации немецких войск. Дезорганизация немецких войск была вызвана ударом Монури по правому флангу немцев, что привело к появлению трещины в слабом месте их обороны, а это, в свою очередь, потрясло морально немецкое командование.

Обходной маневр Клюка, его дальнейшее наступление в западном направлении после захвата Ле-Като были настолько же ценными для срыва второго плана Жоффра (намечавшего быстрый переход в наступление) и организованного франко-английского отступления, насколько его последующее наступление к центру Франции, прямо на противника, оказалось губительным для немецкого плана. Мы можем также отметить, что стратегические действия Мольтке становились все более прямыми и что фронтальный штурм французских позиций немецким левым крылом не только дорого обошелся, но и не дал никаких стратегических преимуществ.

Было бы слишком смелым характеризовать отступление Жоффра как непрямые действия. На Марне совершенно случайно представилась такая возможность, но он даже не думал об этом раньше. Удар Галлиени был нанесен как раз вовремя, прежде чем 1-я и 2-я немецкие армии смогли занять новые позиции, прикрывающие фланги основной группировки немецких войск. Но этот удар был слишком прямым, чтобы дать решающие результаты, и оказался бы еще более прямым, если бы был нанесен южнее Марны, как Жоффр предполагал сделать вначале. Можно отметить, что в конечном счете действия, которые вынудили немцев отступить, были непрямыми, но произошло все это до смешного случайно. Случайным оказалось "исчезновение", отрыв от противника английских экспедиционных сил и их, к счастью, запоздалое появление снова против растянутого и ослабленного стыка немецких войск правого крыла. Французские критики упрекали англичан за медлительность действий, не понимая того, что такая медлительность оказалась на руку англичанам. Если бы английские экспедиционные силы перешли в наступление раньше, то вряд ли немецкий стык был бы так ослаблен. Наступление Монури не могло привести к решающим результатам, так как оно уже было остановлено, в то время как два немецких корпуса, взятые со стыка, все еще были на марше и не могли оказать никакого влияния на исход сражения.

Однако, анализируя причины немецкого отступления, мы должны принять во внимание одно обычно упускаемое обстоятельство. Дело в том, что немецкое верховное командование очень болезненно реагировало на сообщения о высадках английских войск в Бельгии, которые могли создать угрозу их тылу и коммуникациям. Это заставило его подумать об отступлении даже раньше, чем началось сражение на Марне. 3 сентября представитель германского штаба верховного командования подполковник Хенч прибыл в 1-ю армию с самым последним предостерегающим приказом и сообщил: "Сведения плохие, 7-я и 6-я армии остановлены перед рубежом Нанси-Эпиналь, 4-я и 5-я армии встретили сильное сопротивление. Французы перебрасывают по железной дороге войска со своего правого фланга к Парижу. Англичане непрерывно высаживают в Бельгию свежие войска. Имеются слухи о наличии русских экспедиционных сил в Бельгии. Отступление становится неизбежным". Чрезмерная боязнь немецкого командования довела до того, что три батальона морской пехоты, высадившиеся в Остенде, за двое суток увеличились в глазах немецких генералов до корпуса в 40 тыс. человек. Русские, как говорят, были плодом воспаленного воображения английского железнодорожного проводника. В Уайт-холле, пожалуй, следовало бы поставить памятник "Неизвестному проводнику". Историки вполне могут прийти к заключению, что слухи о высадке крупных сил в Остенде вместе с мифом о прибытии русских войск явились главной причиной победы на Марне.

При сравнении морального эффекта от мифических сил и количества немецких войск,

оставленных в Бельгии из-за опасения вылазки бельгийцев, укрывшихся в Антверпене, которая была осуществлена 9 сентября, невольно напрашивается вывод в пользу стратегии, какой Джон Френч предлагал придерживаться с самого начала войны. Благодаря использованию этой стратегии английские экспедиционные войска могли бы оказать не только отрицательное, но и положительное влияние на борьбу.

Скрытая угроза немецкому тылу со стороны возможного английского десанта на бельгийском побережье на всем протяжении войны тревожила Фалькенхайна, сменившего Мольтке. Поэтому его первым шагом было решение подавить Антверпен. Из этого решения возник маневр, который в какой-то степени можно отнести к категории непрямых действий. Осуществить этот маневр полностью не удалось, так как в ходе его проведения действия немецких войск становились все более прямыми, но все же он оказался достаточно эффективным, чтобы снова поставить союзников на край гибели.

Фронтальное преследование немцев союзниками было остановлено на р. Эне, прежде чем Жоффри, узнав 17 сентября, что попытка Монури обойти немецкий фланг не имела успеха, решил сформировать новую армию под командованием Кастельно для обхода немцев с фланга. К этому времени немецкие армии устранили разрыв между своими войсками и немецкое командование, разгадав направление наступления французских войск, подготовилось встретить этот ограниченный маневр.

Весь следующий месяц обе стороны поочередно были заняты слишком явными и поэтому бесплодными попытками охватить западный фланг своего противника. Этот этап войны стал широко известен как "бег к морю", хотя, возможно, такое выражение и не является вполне точным. Фалькенхайн устал от этих безуспешных попыток значительно раньше Жоффра, и поэтому 14 октября он задумал осуществить стратегическую ловушку при следующей попытке союзников обойти его фланг, которую он предвидел. Его недавно сформированная армия, находившаяся на фланге, должна была отразить попытку союзников обойти фланг немцев, в то время как другая армия, организованная из войск, освободившихся после падения Антверпена, и из четырех вновь созданных корпусов, должна была быстро выдвинуться к бельгийскому побережью и ударить во фланг охватывающей группировке союзников с последующим выходом им в тыл. Он даже на время задержал войска, преследовавшие бельгийскую армию после падения Антверпена, с тем чтобы не вызвать преждевременной тревоги у командования союзников.

К счастью для союзников, король Альберт, из соображений предосторожности или учитывая сложившуюся обстановку, отказался от предложения Фоша участвовать в проведении флангового маневра, а также отвести свои войска из района побережья. Поэтому бельгийская армия смогла выдержать натиск немцев, а затоплением прибрежной полосы она помешала немцам продвинуться с севера. Это вынудило Фалькенхайна прибегнуть к более прямым действиям против фланга союзников, который с прибытием корпуса Хейга с рубежа р. Эны растянулся уже до Ипра.

Хотя наступление ранее прибывших английских войск, составлявших правое крыло и центр, было задержано, Джон Френч приказал левому крылу под командованием Хейга попытаться реализовать мечту Жоффра о проведении обходного маневра. К счастью, эта попытка опять совпала с преждевременным началом немецкого наступления и оказалась, таким образом, бесполезной, хотя еще в течение суток или двух Френч под влиянием Фоша упорно продолжал верить в то, что наступление английских войск продолжается, в то время как в действительности войска Хейга вели тяжелые бои за удержание своих позиций. Неправильная оценка французским и английским командующими сложившейся обстановки частично объясняет тот факт, что сражение на Ипре, как и под Инкерманом, являлось по существу "сражением солдат", так как оно было плохо организовано и почти не управлялось командованием. Фалькенхайн, как только его попытки выйти к побережью оказались безрезультатными, в течение месяца стремился добиться успеха, нанося удары в лоб противнику. Когда жесткая оборона, несмотря на слабость сил, одержала, как обычно, верх над фронтальным наступлением, армии воюющих сторон окопались на всем протяжении

фронта, от швейцарской границы до моря. Фронт стабилизался, и война зашла в тупик.

Западный театр (1915-1917 гг.)

Военная летопись о франко-английском союзе в течение последующих четырех лет свидетельствует о попытках выйти из создавшегося тупика путем прорыва линии фронта или прорыва обороны противника в целях отыскания наиболее слабого места.

На западном фронте, с его бесконечными параллельными линиями траншей, стратегия превратилась в служанку тактики, в то время как развитие самой тактики отставало все больше и больше. Стратегия 1915-1917 гг. дала мало поучительного. Союзники, придерживавшиеся стратегии прямых действий, не могли найти выхода из создавшегося тупика. Каково бы ни было наше мнение о достоинствах войны на истощение и о стремлении рассматривать весь этот период как одно непрерывное сражение, такой метод достижения цели, который требует для своего осуществления четыре года, не может считаться примером, достойным подражания.

При первой же попытке союзников перейти в наступление у Неф-Шапеля в 1915 г. действия носили прямой характер, но тактическая внезапность планировалась и была достигнута. С этого времени, в связи с применением продолжительной "предупредительной" артиллерийской подготовки, все дальнейшие попытки наступать превращались в чисто лобовые удары. Такой же характер носило французское наступление в районе Арраса и мае 1915 г.; франко-английское наступление в Шампани и севернее Арраса в сентябре 1915 г.; на р. Сомме в июле-ноябре 1916 г.; на р. Эне и у Арраса в апреле 1917 г. и, наконец, английское наступление у Ипра в период с июля по октябрь 1917 г., которое, как и наступление короля Карла II, постепенно выдохлось в Пашендальских болотах. 20 ноября 1917 г. у Камбре была возрождена тактическая внезапность благодаря массированному использованию танков, неожиданно брошенных в бой, без предварительной продолжительной артиллерийской подготовки. Но с точки зрения стратегии это наступление с ограниченной целью, так хорошо начавшееся и так плохо закончившееся, вряд ли можно расценить как не прямые действия.

Немцы придерживались строго оборонительной стратегии, за исключением верденского наступления в 1916 г. Здесь снова действия по существу были прямыми, если только идею обескровливания противника путем систематического нанесения ограниченных по цели ударов не считать методом не прямых действий. Но потери, понесенные в результате таких действий, привели к поражению германской армии.

Более близким к методу не прямых, но чисто оборонительных действий являлся хорошо задуманный и осуществленный Людендорфом отвод части немецких войск на линию Гинденбурга весной 1917 г. В предвидении возобновления франко-английского наступления на Сомме немцами была создана по хорде дуги, проходящей через города Ланс, Нуайон, Реймс, новая линия траншей с сильными оборонительными сооружениями. Затем, после опустошения района, немцы постепенно отошли на новый, имевший меньшую протяженность оборонительный рубеж. Этот маневр, свидетельствовавший о моральной стойкости немцев при вынужденном отходе, нарушил весь план весеннего наступления союзников. Благодаря этому немцы получили год передышки. Серьезная опасность проведения какого-либо объединенного наступления союзников миновала. За это время армия России полностью распалась, и Людендорф имел возможность собрать все свои силы, чтобы попытаться добиться победы в 1918 г.

Глава XII.

Северо-Восточный театр военных действий

Планы кампании на восточном фронте были по сравнению с планами кампании на западном фронте менее стабильными и хуже разработанными. При составлении планов нетрудно было учесть географические условия; наименее поддававшимся учету фактором была способность русских сосредоточивать свои силы.

Территория русской Польши представляла огромный выступ, который с трех сторон охватывала территория Германии и Австрии. На севере Польша граничила с Восточной Пруссией, выходившей к Балтийскому морю. На юге к Польше примыкала австрийская

провинция Галиция, за которой тянулись Карпаты, прикрывающие подступы к Венгерской равнине; на западе Польша граничила с Силезией.

Немецкие приграничные провинции имели густую сеть стратегических железных дорог, в то время как Польша и Россия располагали слабо развитой системой коммуникаций. Таким образом, немцы имели существенно важное преимущество в возможности быстро сосредоточить силы, чтобы противодействовать русскому наступлению. Однако если бы немецкие армии попытались начать наступление первыми, то чем дальше они продвигались бы в Польшу и Россию, тем больше теряли бы это преимущество. Следовательно, исторический опыт подсказывал, что наиболее выгодная стратегия для немцев состояла не в том, чтобы [197-198] наступать, а в том, чтобы заманить русских поближе к Германии, поставить в положение, выгодное для нанесения контрудара. Такой стратегии придерживался Карфаген в Пунических войнах. Одна из отрицательных сторон такой стратегии заключалась в том, что она давала русским возможность постепенно сосредоточиться и пустить в ход свою громоздкую и ржавую военную машину.

На этой почве возникли разногласия между немецким и австрийским командованием. Обе стороны были согласны, что ближайшей задачей являлось сдерживание русских в течение первых шести недель, до тех пор пока немцы не сокрушат Францию и смогут после этого перебросить свои войска на восток, чтобы вместе с австрийцами нанести решительный удар русским. Мнения разошлись относительно метода действий. Немцы, настойчиво стремившиеся добиться решительных результатов сначала во Франции, хотели оставить на востоке минимальное количество войск. Только политические соображения помешали немецкому командованию эвакуировать войска из Восточной Пруссии и укрепиться на рубеже р. Вислы. Однако австрийцы под влиянием своего начальника Генерального штаба Конрада фон Хётцендорфа стремились сначала вывести из строя русскую военную машину, начав немедленное наступление. Так как подобное решение вопроса создавало перспективу, что русские будут скованы в своих действиях до тех пор, пока не будет решен исход кампании во Франции, Мольтке согласился с соображениями австрийцев. План Конрада фон Хётцендорфа состоял в том, чтобы начать наступление на Польшу в северо-восточном направлении силами двух армий, которые прикрывались с правого фланга еще двумя армиями, располагавшимися восточнее.

В лагере противника действия одного союзника также оказывали существенное влияние на стратегию другого. Русское командование как по военным, так и по политическим соображениям стремилось сосредоточить свои силы сначала против Австрии, оставив Германию в покое до тех пор, пока русская армия не будет полностью отмобилизована. Однако французы, стремившиеся ослабить давление немцев на себя, настаивали, чтобы русские нанесли одновременный удар и по Австрии, и по Германии. Считаясь с этой просьбой, русские согласились начать наступление также против Германии, хотя не были к нему подготовлены ни по количеству отмобилизованных войск, ни по организации самого наступления. На юго-западном фронте четыре русские армии (две группировки по две армии в каждой) должны были вести наступление по сходящимся направлениям против австрийских войск в Галиции; на северо-западном фронте две армии также должны были наступать на немецкие войска в Восточной Пруссии. России, которая всегда была известна своей медлительностью и негибкой организацией, следовало бы придерживаться более осторожной стратегии; однако она порвала с этой традицией и поспешно перешла к прямым действиям сразу на двух направлениях.

С началом войны верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай ускорил вторжение русских войск в Восточную Пруссию с целью ослабить давление немцев на своего французского союзника. 17 августа армия Ренненкампа пересекла границу Восточной Пруссии, а 19 и 20 августа у Гумбинена (см. рис. 10) она вошла в соприкосновение с немецкими войсками и отбросила главные силы 8-й армии Притвица назад. 21 августа Притвиц узнал, что армия Самсонова, перейдя южную границу Восточной Пруссии, вышла ему в тыл. Эта граница прикрывалась только тремя немецкими

дивизиями, против которых действовало десять дивизий русских. В панике Притвиц отступил за Вислу, вследствие чего Мольтке заменил его генералом в отставке Гинденбургом, назначив к нему в качестве начальника штаба Людендорфа.

Разработав план, который в своей основе уже был составлен офицером штаба 8-й армии полковником Гофманом, Людендорф сосредоточил около шести дивизий против левого крыла Самсонова. Эти войска, уступавшие по численности русским, не могли оказать решающего влияния; однако Людендорф, выяснив, что Ренненкампф все еще находится около Гумбинена, пошел на риск переброски с этого фронта всех немецких войск, за исключением кавалерийского заслона, против правого крыла Самсонова. Осуществление этого смелого маневра во многом было облегчено тем, что между двумя русскими командующими отсутствовала связь и, кроме того, немцы легко расшифровывали русские приказы, передаваемые по радиотелеграфу. Нанеся два удара по сходящимся направлениям, немцы разгромили оба фланга Самсонова, окружили центр и фактически уничтожили всю армию. Если бы благоприятные для победы условия не были созданы самим Людендорфом, а вытекали из обстановки, то эта кратковременная Танненбергская кампания представляла бы почти безупречный пример не прямых действий в форме действий по "внутренним линиям".

Получив два новых корпуса, переброшенных с западного фронта, Людендорф направил свои усилия против наступавшего в замедленном темпе Ренненкампфа и оттеснил его из Восточной Пруссии. Пассивность Ренненкампфа вначале объяснялась его большими потерями у Гумбинена, а в дальнейшем также отсутствием достаточных сведений о противнике. В результате этих боев Россия потеряла четверть миллиона солдат и, что она менее всего могла себе позволить, большое количество вооружения. Однако вторжение русских в Восточную Пруссию, вынудившее немцев перебросить с запада два корпуса, по крайней мере помогло французам прийти в себя на Марне.

Влияние сражения под Танненбергом (140 км южнее Кенигсберга) было ослаблено тем, что на галицийском фронте обстановка сложилась не в пользу центральных держав. Наступление 1-й и 4-й австрийских армий в Польше вначале имело успех, но этот успех был сведен на нет сильным ударом 3-й и 8-й русских армий против более слабых 2-й и 3-й австрийских армий, которые прикрывали правый фланг основной группировки австрийских войск. Эти армии понесли тяжелое поражение (с 26 по 30 августа) и были вынуждены отступить за Львов (160 км юго-западнее Луцка). Наступление русского левого крыла создало, таким образом, угрозу с тыла успешно наступавшему левому крылу австрийцев. Хётцендорф пытался частью сил левого крыла ударить во фланг русским войскам, но этот удар был отражен. Затем в результате того, что его дезорганизованные войска были захвачены врасплох вследствие возобновившегося наступления русского правого крыла, он был вынужден начать 11 сентября общее отступление и к концу сентября отошел назад почти до Кракова.

Сложившаяся тяжелая обстановка в Австрии вынудила немцев оказать ей помощь. Большая часть немецких войск в Восточной Пруссии была сведена в новую, 9-ю армию, которая была переброшена на юго-запад Польши, откуда она во взаимодействии с австрийскими войсками начала наступление на Варшаву. Однако теперь русские уже заканчивали от мобилизацию своих сил. Перегруппировав войска и нанеся ряд контрударов, русские отразили натиск австро-германских войск и сами перешли в наступление, сосредоточив крупные силы для вторжения в Силезию.

Великий князь Николай создал огромную фалангу в составе семи армий, причем три из них составляли ударную группировку, фланги которой прикрывали по две армии. Кроме того, 10-я армия вторглась в восточный угол Восточной Пруссии и вела там бои против слабых немецких войск.

Чтобы ликвидировать опасное положение, командование восточным фронтом было возложено на Гинденбурга, Людендорфа и Гофмана, которые разработали еще один искусный маневр, основанный на использовании системы рокадных железных дорог,

расположенных вблизи немецкой границы; 9-я немецкая армия, отходя под давлением русских войск назад, систематически разрушала слабо развитые коммуникации Поляны и тем самым затрудняла продвижение русских. Когда 9-я армия достигла границы Силезии, ее сначала перебросили на север, в район Познань-Торунь, а затем, 11 ноября, на юго-восток, к западному берегу Вислы, в стык двух армий, прикрывавших правый фланг русских. Вклинившись, немецкие войска раскололи обе русские армии, вынудили 1-ю армию отойти к Варшаве и чуть не устроили второй Танненберг 2-й армии, которая была бы полностью окружена у Лодзи, если бы для ее спасения не повернула назад 5-я армия из состава ударной группировки русской фаланги. В результате часть немецких войск, совершавших обход, попала в ловушку, которую они готовили для русских, но сумела вырваться из окружения и соединиться с главными силами. Если бы немцам удалось добиться решающего тактического успеха, то их маневр явился бы классическим примером того, как сравнительно небольшие силы, используя подвижность для нанесения внезапного удара по важному пункту, могут парализовать наступление значительно превосходящего по силам противника. Русский "паровой каток" был выведен из строя и не являлся больше угрозой для Германии.

В течение недели с западного фронта, где немецкое наступление на Ипре потерпело неудачу, на восточный фронт прибыли четыре новых германских корпуса. Хотя они прибыли слишком поздно, чтобы вернуть упущенный шанс решительной победы, Людендорф смог использовать их для того, чтобы оттеснить русских на рубеж рек Бзура и Равка перед Варшавой. После этого на востоке, так же как и на западе, обе стороны перешли к траншейной обороне. Однако оборона на востоке была менее прочной и русские израсходовали свои запасы боеприпасов до такой степени, что слабо развитая промышленность России не смогла их восстановить.

Истинная история войны 1915 г. на восточном фронте представляет упорную борьбу между Людендорфом, пытавшимся добиться решительных результатов применением стратегии, которая, по крайней мере в географическом отношении, была непрямыми действиями, и Фалькенхайном, считавшим, что при помощи стратегии прямых действий он сможет уменьшить потери своих войск и одновременно подорвать наступательную мощь России. Благодаря более высокому служебному положению Фалькенхайн добился своей цели, но его стратегия успехом не увенчалась.

Людендорф понимал, что осеннее наступление русских в Силезию и на Краков втянуло главные силы их армии глубоко в польский выступ. В юго-западном углу русские, прорвав сеть, проникли даже на австрийскую территорию в тот момент, когда Людендорф нанес лодзинский удар, временно парализовавший главные силы русских. Однако вскоре силы были восстановлены, прорванная сеть зашита и усилена. С января по апрель главные силы русских настойчиво, но безрезультатно пытались пробиться к Карпатам; эти сражения привели к тому, что огромная масса русских войск еще больше запуталась в сети.

Людендорф хотел воспользоваться сложившимся положением для того, чтобы совершить широкий обход по побережью Балтийского моря северного фланга русских, выйти им в тыл и перехватить их редкую сеть коммуникаций с польским выступом. Однако Фалькенхайн забраковал этот план, так как он показался ему слишком смелым и требовал для своего осуществления крупных резервов, хотя планом самого Фалькенхайна предусматривалось использование значительно больших сил. Неохотно согласившись воздержаться от новой попытки штурмовать систему траншейной обороны на западе и вынужденный выделить небольшую часть резервов для усиления австрийского союзника, Фалькенхайн решил использовать крупные силы, поставив перед ними ограниченную стратегическую цель - временно вывести Россию из строя, с тем чтобы снова без помехи возобновить наступление на западе.

План боевых действий на востоке, предложенный Хётцендорфом и принятый Фалькенхайном, заключался в прорыве русских позиций между Карпатами и Вислой, в секторе р. Дунаец. Немцы нанесли удар 2 мая. Была достигнута полная внезапность, успех развивался быстро, и к 14 мая весь фронт русских войск вдоль Карпат откатился на 130 км, к

р. Сан.

Здесь мы можем видеть яркий пример различия между непрямыми действиями и тем, что обычно называют внезапностью. Внезапность по времени, пространству и силам была достигнута. Однако русские только откатились назад, наподобие снежного кома. Хотя они и понесли большие потери, но отошли к своим резервам, базам снабжения и железным дорогам. Тем самым немцы сделали снежный ком только более плотным, дав русским возможность возместить потери. Хотя давление этих прямых действий немцев создавало опасное напряжение у русских, оно не привело к разгрому их войск.

Только теперь Фалькенхайн почувствовал, что он слишком сильно увяз в Галиции. Его наступление не дало возможности прочно закрепиться на захваченном рубеже, и только дополнительной переброской войск из Франции он мог надеяться стабилизировать свое положение на восточном фронте. Однако он снова решил прибегнуть к почти прямым действиям. Изменив на этот раз направление своего наступления с восточной на северо-восточное, Фалькенхайн приказал Людендорфу, томившемуся в Восточной Пруссии, нанести во взаимодействии с ним удар в юго-восточном направлении. Людендорф возражал против этого плана, доказывая, что такое наступление по сходящимся направлениям будет по существу фронтальным и что оба крыла немецких войск не смогут сделать ничего большего, кроме как вытеснить русских. Он продолжал настаивать на проведении своего вильненского маневра, однако Фалькенхайн опять отверг его.

Итоги наступления показали, что Людендорф был прав. Когда клещи армии Фалькенхайна стали смыкаться, они только оттеснили русских назад, ничего не захватив. К концу сентября русские отошли на рубеж, представлявший прямую линию от Риги, на Балтийском побережье, до Черновицы, на румынской границе. Хотя русские больше не могли угрожать непосредственно Германии, все же они держали ее в постоянном напряжении тем, что отвлекали на себя большое количество немецких войск и оказывали сильное влияние на Австрию.

Когда Фалькенхайн отказался от проведения крупных операций, он с запозданием и неохотно разрешил Людендорфу попытаться осуществить его вильненский маневр своими собственными скудными ресурсами. В результате этого незначительного по силам и самостоятельного удара Людендорфа была перерезана железная дорога Вильно (Вильнюс)-Двинск и немецкие войска подошли почти вплотную к минской железной дороге, главной линии русских коммуникаций, несмотря на то что для отражения удара русские имели возможность сосредоточить все свои резервы. Эти результаты являлись доказательством тех потенциальных возможностей, которые были заложены в маневре Людендорфа. Если бы этот маневр был проведен раньше и более крупными силами, когда главные силы русских были прочно скованы в Польше, немцы достигли бы еще лучших результатов.

Прекратив наступательные операции на востоке и обезопасив себя прочной обороной на западе, центральные державы использовали осень для завершения кампании в Сербии. Эта кампания, с точки зрения войны в целом, была непрямым действием с ограниченной целью, хотя для самой Сербии она являлась решающей. Ход кампании при наличии благоприятных географических и политических условий также проливает свет на эффективность этого метода. План был составлен с учетом того, что Болгария вступит в войну на стороне центральных держав.

Прямое вторжение австро-германских войск было приостановлено, когда Болгария вступила в Сербию с запада. Используя гористую местность, сербы упорно сопротивлялись до тех пор, пока болгары не зашли левым крылом через Южную Сербию в их тыл, отрезав сербов от франко-английских подкреплений, посланных из Салоник. Вследствие этого Сербия быстро капитулировала, разрозненные остатки сербской армии отошли в середине зимы через Албанию на адриатическое побережье. Это быстрое сосредоточение сил против Сербии освободило Австрию от опасности, угрожавшей ей с юга, и дало возможность Германии использовать линии коммуникаций и осуществлять контроль над Центральной Европой.

Операции на русском фронте в 1916 и 1917 г. не заслуживают особого внимания, так как они со стороны Австрии и Германии по существу были оборонительными, а со стороны русских имели характер прямых ударов. Операции русских войск показали не только бесплодность стратегии, опирающейся лишь на численное превосходство и на прямые удары, но и ее "обратное" моральное действие. В 1917 г., когда революция предвещала полное банкротство военных усилий России, русские войска фактически были лучше вооружены и экипированы, чем когда-либо прежде. Однако огромные и совершенно напрасные потери подорвали боевой дух наиболее терпеливых и готовых к самопожертвованию войск в Европе. Подобное же положение можно было наблюдать и во французской армии, в которой вспыхнули восстания после весеннего наступления 1917 г. Наибольшее количество восстаний произошло тогда, когда уставшим от кровопролития войскам был отдан приказ вернуться в траншеи.

Единственной русской операцией, в которой до некоторой степени были применены не прямые действия, является наступление Брусилова из района Луцка в июне 1916 г. Операция приобрела это качество случайно, так как наступление не имело серьезного замысла. Вначале операция планировалась только как диверсия и по просьбе Италии началась раньше срока. Не было обеспечено ни надлежащей подготовки, ни сосредоточения войск, и поэтому неожиданность этого почти случайного наступления вызвала такое крушение пассивной австрийской обороны, что в течение трех суток было захвачено в плен 200 тыс. человек.

Редко внезапный удар приводил к таким поразительным стратегическим результатам. Благодаря прорыву Брусилова было остановлено наступление австрийцев на Италию; Фалькенхайн был вынужден перебросить войска с западного фронта на восток и тем самым отказаться от проведения кампании на истощение в районе Вердена; Румыния вступила в войну против центральных держав. Этот удар вызвал отставку Фалькенхайна, которого заменили Гинденбург и Людендорф (Гофман был оставлен на востоке). Хотя формальным предлогом для смены Фалькенхайна послужило вступление в войну Румынии, однако настоящей причиной явилось то, что его стратегия прямых действий в 1915 г., ограниченных как по цели, так и по направлению, дала русским возможность бороться с силами и завершить в 1916 г. срыв немецких стратегических замыслов.

Однако значительные результаты внезапного наступления Брусилова оказались недолговечными. Они заставили русское командование, хотя и слишком поздно, бросить все свои силы в этом направлении. И в соответствии с естественными законами войны продолжение наступления в условиях постепенно усиливавшегося сопротивления противника привело к израсходованию русских резервов без достижения каких-либо существенных результатов. Общие потери Брусилова, хотя и ужасные, составившие 1 млн человек, еще можно было восполнить, но будучи свидетельством бездарности и ограниченности русского командования, они привели к моральному банкротству русской военной мощи.

Упрямство, проявленное русскими в сосредоточении своих сил на этом направлении, дало возможность Гинденбургу и Людендорфу совершить новый не прямой ход, подобный ходу против Сербии в 1915 г. Частично в силу сложившихся условий он оказался еще более не прямым. Его конечной целью являлся захват Румынии. В начале войны Румыния имела двадцать три плохо вооруженные дивизии против семи дивизий у противника. Румыния надеялась, что наступление Брусилова, наступление английских войск на Сомме, а также действия союзных войск в Салониках не дадут немцам возможности увеличить количество дивизий против нее самой. Однако действия всех этих союзных войск были прямыми, и поэтому немцам удалось перебросить достаточное количество сил, чтобы разгромить Румынию.

На территории Румынии, расположенной между Трансильванией и Болгарией, имеются значительные естественные преграды, такие как Карпаты, Дунай, но в то же время ее местоположение на Балканах создавало благоприятные условия для стратегических

непрямых действий; так, например, Добруджская низменность расположенная на черноморском побережье, представляющая "задний двор" Румынии, могла быть использована таким опытным противником, каким являлась Германия, в качестве приманки.

Намерение Румынии предпринять наступление в западном направлении, в Трансильванию, заставило ее противников применить более искусные не прямые контрманыевры, чем предполагалось вначале.

Румынское наступление началось 27 августа 1916 г. Три колонны главных сил, каждая в составе около четырех дивизий, двинулись на северо-запад через проходы в Карпатах в направлении Венгерской равнины. Три дивизии были оставлены для обороны Дуная и три дивизии - в Добрудже, куда русские обещали прислать подкрепления. Однако медленное и осторожное наступление румынских войск в Трансильванию было затруднено из-за разрушенных противником мостов. Пять слабых австрийских дивизий, которые прикрывали границу, не представляли для румын серьезной угрозы, пока они не были усилены еще пятью немецкими и двумя австрийскими дивизиями. В целях осуществления второй части плана, утвержденного Фалькенхайном до его смещения, четыре болгарские дивизии, усиленные немецкими подразделениями и оснащенные австрийским понтонным парком, под командованием Макензена предназначались для вторжения в Добруджу.

В то время как румынские колонны медленно продвигались на запад, в Трансильванию, Макензен 5 сентября начал штурм туртукайского плацдарма на Дунае и разбил три румынские дивизии, которые прикрывали этот плацдарм. Затем, обеспечив свой фланг со стороны Дуная, он двинулся на восток, в глубь Добруджи, в сторону от Бухареста, являвшегося наиболее вероятным объектом для нападения. Это был сильный моральный удар, стратегическое значение которого заключалось в том, чтобы автоматически оттянуть румынские резервы, предназначенные для поддержки наступления румын в Трансильвании, которое сразу же выдохлось, не успев развернуться.

Фалькенхайн, возглавивший войска в Румынии, предпринял контрнаступление, действуя, возможно, слишком нетерпеливо и прямо. Хотя он искусно сосредоточил свою армию сначала против южной, а затем против центральной колонны противника, используя минимальное количество войск для сковывания других его сил, которые едва ли нуждались в этом, однако румыны были только отброшены назад и не были отрезаны от гор. Эта неудача поставила под угрозу весь немецкий план. Продолжая удерживать горные проходы в своих руках, румыны стойко отразили немецкие попытки прорваться через эти проходы. Первая попытка Фалькенхайна прорваться на запад была отражена. Однако до установления зимы была предпринята вторая попытка; на сей раз, сделав бросок на запад, он все же прорвался в Румынию через "парадную дверь", но в силу того, что движение приняло прямой характер, Фалькенхайн был вынужден переправляться через несколько рек. К счастью для него, когда он был остановлен противником на р. Олт, Макензен вторгся в Румынию.

Макензен перебросил основную массу своих сил из Добруджи через Туртукай на Систово, где 23 ноября форсировал Дунай. Трудно сказать, было ли стратегически более выгодным оставить сильную позицию в румынском тылу ради проведения наступления главными силами армии по сходящимся направлениям на Бухарест. Это наступление позволило Фалькенхайну переправиться через р. Олт, но в то же время дало румынам возможность использовать свое центральное положение для нанесения опасного контрудара во фланг Макензена, Фланг войск Макензена был почти обойден. Однако, как только эта опасность была предотвращена, Фалькенхайн и Макензен совместными усилиями оттеснили румынскую армию назад через Бухарест, откуда она отошла на рубеж р. Серет-побережье Черного моря.

Немцы захватили большую часть Румынии с ее пшеницей и нефтью, но они не изолировали и не разгромили румынскую армию, моральное и физическое состояние которой даже несколько улучшилось после оказания успешного сопротивления на последнем этапе наступления противника. На следующее лето сильное сопротивление румынской армии сорвало попытки немцев оттеснить румын за р. Прут и тем самым помешало им

завершить оккупацию Румынии. Только в декабре 1917 г., когда большевистская Россия подписала с Германией договор о перемирии, изолированная Румыния была вынуждена сделать то же самое.

Глава XIII.

Юго-Восточный, или Средиземноморский,

театр военных действий

Итальянский театр военных действий

Осенью 1917 г. Италия была ареной и объектом действий германского командования. Характер итальянских границ обеспечивал немцам простор для применения не прямых действий с учетом географических и физических особенностей данного театра, чего были лишены их противники. Последние не проявили никакой склонности попытаться использовать не прямые действия в психологической области.

Итальянская пограничная провинция Венеция представляет собой выступ, с севера охватываемый австрийской Тиролью и областью Трентино-Альто-Адидже, а на юге примыкающий к Адриатическому морю. Прилегающая к адриатическому побережью полоса представляет сравнительно низкую местность. Граница провинции проходит несколько восточнее р. Изонца; затем, следуя вдоль Юлийских и Карнийских Альп, она описывает широкую дугу сначала в северо-западном, потом в юго-западном направлении и упирается в озеро Гарда (см. рис. 6). Италия считала невозможным наступление на этом направлении ввиду горного рельефа местности на севере и отсутствия каких-либо важных военных объектов. Таким образом, будучи ограничена в отношении наступательных возможностей на севере, Италия была вынуждена предпринять прямое наступление на [208-209] Австрию в восточном направлении. Это направление неизбежно влекло за собой потенциально постоянную угрозу внезапного нападения австрийцев на тыл Италии со стороны Тренто. Не имея другого выбора, Италия была вынуждена избрать этот путь.

В течение двух с половиной лет Италия упорно продолжала действовать прямо. За это время на р. Изонце было проведено одиннадцать сражений, причем итальянская армия продвинулась вперед со своего исходного положения, потеряв около 1 млн 100 тыс. человек, в то время как австрийцы потеряли около 650 тыс. человек. За этот период Австрия предприняла только одно наступление. Это было в 1916 г., когда Хётцендорф старался заручиться поддержкой Фалькенхайна, с тем чтобы попытаться разгромить Италию, нанеся удар из Тренто в южном направлении, против тыла итальянских армий, ведущих в то время бои на р. Изонце. Однако Фалькенхайн, не веривший в этот план, а также в "решающие" удары Хётцендорфа и встревоженный положением своих войск, которые французы методически истребляли под Верденом, отказал в выделении даже девяти немецких дивизий. Это количество дивизий Хётцендорф просил вместо австрийских войск, действовавших на восточном фронте. Не получив помощи, Хётцендорф решил попытаться провести наступление самостоятельно и снял с восточного фронта несколько своих лучших дивизий, ослабив таким образом этот фронт. Тем самым он облегчил последовавшее наступление Брусилова. Однако Хётцендорф не смог наскрести достаточного количества дивизий, чтобы обеспечить успешное выполнение своего плана в Италии.

Тем не менее наступление австрийцев почти увенчалось успехом. Хотя австрийское командование не ставило перед собой задачу начать наступление на маловероятном направлении, все же оно было до некоторой степени неожиданным, так как итальянское командование сомневалось, чтобы Хётцендорф мог иметь силы или средства для организации наступления в крупном масштабе. Это было сравнительно большое наступление, но все же оно не имело достаточного размаха. В первые дни наступление развивалось в быстрых темпах. Хотя Хётцендорф смог быстро отвести резервы из сектора р. Изонцы и, кроме того, подготовить к эвакуации склады и тяжелую артиллерию, однако это было соревнование в скорости с равными шансами на успех. Наступающие австрийские войска почти прорвались в долину, но темп их наступления был замедлен из-за недостатка резервов, а в результате прорыва Брусилова на восточном фронте оно и вообще заглохло.

Когда семнадцать месяцев спустя вследствие серьезной обстановки в Австрии Людендорф наметил нанести комбинированный удар по Италии, перспективы были уже менее благоприятны. Он смог выделить только скудный общий резерв в составе шести дивизий, в то время как его союзник был морально подавлен и испытывал материальные затруднения. Из-за недостатка средств план Людендорфа предусматривал более ограниченные и прямые действия - удар по северо-восточному участку фронта на рубеже р. Изонцы, где линия фронта имела изгиб в сторону Альп. Однако участок для удара был выбран исходя из совершенно нового для этого фронта принципа - отыскания линии наименьшего тактического сопротивления.

Вначале планом предусматривался только прорыв фронта в районе Капоретто (130 км северо-восточнее Венеции) с последующим разгромом противника на рубеже р. Изонцы фланговым ударом. В дальнейшем в плане были поставлены более широкие задачи, не обеспеченные, однако, соответствующими средствами. В итоге Людендорф у Капоретто, так же как англичане осенью того же года у Камбре, совершил грубую стратегическую ошибку, переоценив свои возможности. Людендорф ударился в другую крайность по сравнению с Фалькенхайном, который, собираясь шить пальто, всегда покупал слишком мало материала, а затем вынужден был прикупать еще, так что в конце концов пальто оказывалось испорченным, будучи сшитым из отдельных кусков.

Искусно и скрыто подготовленное наступление началось 24 октября 1917 г. В результате между итальянскими армиями был вбит глубокий клин. Через неделю этот клин достиг р. Тольяменто (40 км западнее р. Изонцы, см. рис. 6). Но как только итальянцам, хотя и ценой больших потерь, удалось вывести свои разобщенные войска из-под удара, дальнейшее наступление Людендорфа приняло характер простого прямого движения на запад, в результате которого итальянцы были отеснены в западном направлении еще на 30-40 км, на рубеж р. Пьяве. Последняя являлась надежной водной преградой, за которой итальянские войска могли укрыться. С большим опозданием Людендорф сделал попытку перебросить резервы кружным путем в район Тренто, но слабо развитая сеть железных дорог помешала ему осуществить этот маневр. Армия Людендорфа в районе Тренто предприняла безуспешную попытку начать наступление, не дожидаясь подкреплений. Но этот запоздалый удар потерял свой характер угрозы с тыла, так как весь итальянский фронт и резервы тем временем были отеснены почти до самого этого рубежа.

Лишенное элемента внезапности, австро-германское наступление превратилось в простое прямое движение войск, отеснявших итальянцев к их резервам, источникам запасов, внутренним районам и подкреплениям со стороны их союзников. Это, естественно, отрицательно повлияло на исход наступления. Однако успехи, достигнутые немцами вначале при наличии таких скудных ресурсов, показывают на ошибку Фалькенхайна, вовремя не прислушавшегося к совету Хётцендорфа, предлагавшего перейти в наступление в начале 1916 г., когда оно имело бы большие перспективы.

Балканский театр военных действий

Прежде чем сосредоточить внимание на рассмотрении плана Людендорфа в 1918 г., необходимо остановиться на действиях, которые были предприняты им и которые пытались предпринять его противники в течение предыдущих трех лет за пределами французского (западного) и русского (восточного) фронтов.

В то время как французские и английские штабы сохраняли непоколебимую веру в мощь прямых действий не только при прорыве траншейной системы обороны, но и для достижения решающей победы, в различных военно-политических кругах начиная с октября 1914 г. стали сильно сомневаться в эффективности прямых действий. Среди тех, кто придерживался такого взгляда (теперь об этом легче сказать, рассматривая события в историческом разрезе), были Галлиени во Франции и Китченер в Англии. 7 января 1915 г. Китченер писал Джону Френчу: "Немецкие оборонительные сооружения во Франции являются такой непреодолимой преградой, что их нельзя взять штурмом и невозможно полностью окружить. Поэтому их целесообразнее всего сковать, а операции вести в других

местах".

Некоторые, в особенности Уинстон Черчилль, утверждают, что все страны лагеря противника должны рассматриваться как одно целое и что в современных условиях понятия о расстоянии и подвижности настолько изменились, что удар на любом театре военных действий будет равносителен классическому наступлению на стратегический фланг противника. (Пример Наполеона, на которого так часто ссылаются в оправдание неотступного сосредоточения усилий на западном фронте, скорее свидетельствует о необходимости иных действий.) Кроме того, было признано, что такая операция на отдаленном театре соответствовала бы традиционной английской стратегии ведения морских десантных операций и дала бы ей возможность использовать военное преимущество на море, которым Англия до сих пор пренебрегала. В январе 1915 г. лорд Китченер предлагал перерезать основные линии восточных коммуникаций Турции путем высадки войск в заливе Искендерон (см. рис. 12). Гинденбург и Энвер-паша в своих послевоенных высказываниях отмечали, насколько это действие англичан парализовало бы Турцию; но едва ли это оказало бы более значительное влияние или явилось бы непрямым действием по отношению к центральным державам в целом.

Ллойд Джордж настаивал на переброске основных сил английской армии на Балканы, чтобы ударить по противнику с "черного хода". Но французское и английское командование, уверенное в скором окончании войны во Франции в свою пользу, страстно выступало против любой другой стратегии, подчеркивая трудности транспортировки и снабжения, а также легкость, с которой Германия, по их мнению, сможет перебросить свои войска, чтобы парировать угрозу. Если в их возражениях и была доля правды, они все же преувеличивали трудности. Их доводы против балканского плана Галлиени были также мало вразумительны. Галлиени предложил высадить в Салониках достаточно сильную армию, чтобы она могла овладеть Константинополем и побудить Грецию и Болгарию выступить на стороне Антанты. После захвата Константинополя должно было последовать наступление, во взаимодействии с румынами, вверх по Дунаю в Австро-Венгрию. Действия, происходившие в последние месяцы войны, во многом совпадали с действиями, намеченными по этому плану Галлиени. В сентябре 1918 г. немецкие военные круги рассматривали это случайное совпадение как весьма важный фактор. В начале ноября угроза немцам со стороны Балкан, хотя еще и не особенно серьезная, была немаловажным обстоятельством, ускорившим капитуляцию Германии.

В январе 1915 г. военные соображения пересилили все возражения против плана сосредоточения усилий на западном фронте. Однако опасения окончательно рассеяны не были, и сложившаяся обстановка привела к возрождению ближневосточного плана в новом, хотя и более ограниченном виде.

2 января 1915 г. Китченер получил письмо от великого князя Николая с просьбой нанести отвлекающий удар для ослабления турецкого давления на русские силы на Кавказе. Китченер считал, что он не имеет возможности выделить войска для этой цели, и поэтому предложил организовать демонстрацию военно-морских сил против Дарданелл. Черчилль вообразил, что эта демонстрация имеет более широкие стратегические возможности. Поэтому он предложил ввиду невозможности оказания русским военной помощи во время проведения демонстрации попытаться форсировать пролив. Его морские советники если не являлись сторонниками, то и не возражали против такого проекта. Адмирал Карден, находившийся на Балканах, немедленно разработал соответствующий план. Соединение морских кораблей, сформированное главным образом из устаревших английских и частично французских судов, после предварительной бомбардировки вошло 18 марта 1915 г. в пролив. Однако после того, как несколько судов затонуло, неожиданно наскочив на минное поле противника, дальнейшие попытки пройти через пролив были прекращены.

Если бы союзники быстро возобновили наступление, оно, несомненно, увенчалось бы успехом, так как запасы боеприпасов у турок истощились и поэтому минные заграждения могли быть преодолены. Но новый командующий флотом, адмирал де Робекк, возражал

против наступления без оказания военной помощи. Еще за месяц до этого Военный совет решил провести совместное наступление сухопутных и морских сил и начал переброску войск под командованием Гамильтона. Но правительство, медленно воспринимавшее новый план, не в меньшей степени медлило и с выделением необходимых войск для его выполнения. Даже тогда, когда эти войска были наконец посланы, причем в недостаточном количестве, в Александрии потребовалось еще несколько недель на то, чтобы распределить части и подразделения по транспортам, не нарушая их тактической целостности. Хуже всего было то, что из-за этой медлительности была потеряна возможность выступить внезапно. Когда в феврале проводилась предварительная бомбардировка корабельной артиллерией союзников береговых укреплений, в районе пролива находились только две турецкие дивизии; при повторном обстреле корабельной артиллерией этих укреплений турецкие силы были увеличены до четырех дивизий, а к тому времени, когда Гамильтон подготовился к высадке десанта, в проливе находилось уже шесть турецких дивизий. У Гамильтона же имелось только четыре английские и одна французская дивизия, т. е. меньше, чем у противника, причем в условиях, когда свойственное обороне преимущество перед наступлением еще более увеличивалось в связи с трудным характером местности. Малая численность войск и то обстоятельство, что Гамильтону была поставлена ограниченная задача - оказать помощь флоту при форсировании пролива, заставили его произвести высадку десанта не на европейском или азиатском побережье Турции, а на Галлипольском п-ве (см. рис. 12).

25 апреля Гамильтон высадил десант на южной оконечности полуострова, в районе мыса Теке, а также на Эгейском побережье полуострова, в районе мыса Каба (25 км севернее), французы в качестве отвлекающего маневра произвели высадку десанта на азиатском побережье в районе Кумкале. Однако эта высадка англо-французских войск была лишена элемента тактической внезапности, и турки смогли своевременно подбросить резервы. Поэтому высадившиеся войска оказались не в состоянии расширить свои два весьма ненадежных плацдарма.

В июле английское правительство решило послать еще пять дивизий для усиления находившихся на полуострове семи дивизий. Ко времени их прибытия турецкие силы в этом районе возросли до пятнадцати дивизий. Гамильтон решил нанести двойной удар: большей частью сил - из района мыса Каба, а меньшими силами - с нового плацдарма в бухте Анафарты (несколько километров севернее) с задачей перерезать полуостров в его средней части и занять высоты, господствующие над проливом. Если этот маневр и является более прямым, чем высадка войск в районе Булэр или на азиатском побережье, все же он был проведен на том направлении, откуда противник не ожидал удара и поэтому не мог своевременно подбросить резервы. До подхода резервов только полтора турецких батальона в течение 36 часов оказывали сопротивление продвижению английских войск. Время и благоприятные возможности были упущены из-за неопытности высадившихся войск и инертности их командиров. Разочарование и сопротивление тех, кто не переставал возражать против этого плана, вскоре привели к отводу войск с полуострова.

Все же у Фалькенхайна сложилось следующее мнение о дарданелльском плане: "Если бы проливы между Средиземным и Черным морями не были постоянно закрыты для прохода судов Антанты, то надежды Германии на успешный ход войны были бы значительно меньше. Россия перестала бы находиться в изоляции, которая для центральных держав была более выгодной, чем успехи на фронте, так как раньше или позже силы этого титана все равно были бы автоматически парализованы".

Ошибка была не в самой идее, а в способе проведения ее в жизнь. Если бы англичане использовали вначале хотя бы часть тех сил, которые они в конечном счете израсходовали, вводя их в бой по частям, то их операция, по заявлению даже противника, увенчалась бы успехом. В то время как действия англичан в Дарданеллах носили прямой характер по отношению к самой Турции, они являлись непрямыми по отношению к главным силам турецкой армии, находившимся на Кавказе, и, кроме того, непрямыми действиями по

отношению к центральным державам в целом. По сравнению с западным фронтом, где перспективы были мрачными, ибо большая плотность войск, действовавших на ограниченном пространстве, не давала возможности осуществить стратегический прорыв, Дарданелльская операция выглядела лучше, так как она удовлетворяла принципу соответствия цели имеющимся средствам. Однако при проведении плана в жизнь принцип этот был совершенно нарушен.

Палестинский и Месопотамский театры военных действий

Средневозвосточные экспедиции с большой натяжкой можно включить в рамки данного исследования. Они совершались в районах, слишком отдаленных от основных театров военных действий, чтобы оказать какое-либо решающее влияние на исход войны. Эти экспедиции не оправдались и как стратегическое средство отвлечения внимания противника, поскольку для проведения их было втянуто значительно большее количество английских войск, чем удалось отвлечь сил противника.

Однако с точки зрения политики экспедиции сыграли определенную роль. В прошлом Англия часто компенсировала потери своих союзников на континенте захватом заморских владений противника. В случае неблагоприятного или неопределенного исхода войны на основном театре любой успех на второстепенном театре военных действий является активом для заключения более выгодного мирного договора. Такой успех будет также тоническим средством в ходе войны²⁵.

Стратегический замысел, положенный в основу палестинской экспедиции, заслуживает того, чтобы подвергнуть его анализу. В самом начале этой экспедиции обнаружились недостатки, присущие как прямым, так и косвенным действиям. Наступление развивалось на направлении, которое не являлось для противника неожиданным; к тому же оно было наиболее протяженным и трудным круглым путем подхода к какому-либо важному объекту Турции. После первых двух неудач (в марте и апреле 1917 г.) в районе Газа (см. рис. 15), охраняющего подступы из Египта в Палестину вдоль побережья, осенью были использованы крупные силы для действий менее прямого характера.

План, составленный Четвудом и одобренный Алленби, принявшим от Меррея командование войсками, в географическом отношении настолько предусматривал применение косвенных действий, насколько это позволяли положение со снабжением водой и узкая полоска земли между морем и пустыней. Турецкие оборонительные сооружения начинались от Газа и тянулись примерно на 30 км внутрь страны, в то время как Беершеба, находившийся еще на 16 км дальше, прикрывал этот район с востока. Действуя скрытно и применяя хитрость, англичане сумели отвлечь внимание турок в сторону Газа. Затем быстрым обходным маневром в направлении неприкрытого фланга турок англичанами был захвачен Беершеба с его запасами воды. После проведения отвлекающего маневра против Газа англичане намеревались нанести удар во фланг основной позиции турок, в то время как кавалерия из района Беершеба должна была обойти турок с тыла. Однако недостаток воды и контрудар турок с направления севернее Беершеба помешали проведению этого маневра. Хотя турецкий фронт и был прорван, но решающих результатов достигнуть не удалось. Турецкие войска в конце концов откатились за Иерусалим, избежав окружения, которое планировалось англичанами.

Попытка добиться решающего результата была отложена на один год, т.е. до сентября 1918 г. Тем временем в пустыне, в восточной и южной ее частях, началась интересная кампания, которая помогла ослабить боеспособность Турции. Эта кампания несколько иначе осветила стратегию, в частности стратегию косвенных действий. Поводом для начала кампании явилось восстание арабов под руководством Лоуренса. Хотя эта кампания по характеру напоминает партизанскую войну, которая по самой своей сути основана на косвенных действиях, стратегия арабов имела такую научно обоснованную базу, что мы не можем не отметить ее влияния на обычные методы ведения войны. Являясь, по общему признанию, крайней формой косвенных действий, эта стратегия была экономически наиболее эффективной в тех пределах, в которых она применялась. Войска арабов обладали большей

подвижностью по сравнению с обычными войсками, но были более чувствительны к потерям. Турки почти не обращали внимания на потери личного состава, но были очень чувствительны к потере вооружения, в котором они ощущали недостаток. Турки могли упорно обороняться в траншеях, стреляя в упор по атакующему противнику, однако они не могли выдержать напряжения быстро меняющейся обстановки. Турки пытались держать под контролем огромную территорию, не имея достаточного количества солдат для укомплектования всех гарнизонов. Кроме того, они зависели от слабо развитых и длинных линий коммуникаций.

Исходя из этих особенностей и была разработана Лоуренсом стратегия, в корне отличающаяся от общепринятой. В то время как обычные армии стремятся сохранить контакт с противником, арабы старались уклониться от него. Если обычные армии пытаются уничтожить противостоящие войска, арабы ставили своей основной задачей уничтожение военного имущества, особенно складов, расположенных вдали от войск. Однако стратегия Лоуренса шла еще дальше. Вместо того чтобы заставить Противника отойти, отрезав от складов, он стремился задержать его на месте, давая возможность поступать небольшому количеству запасов в стан врага в расчете на то, что чем дольше противник будет находиться на одном месте, тем более слабым и подавленным он будет становиться. Нанесение ударов непосредственно по противнику могло вынудить его сосредоточить свои силы, лучше организовать снабжение и усилить меры по охране войск. Булавочные уколы, наносимые арабами, вынуждали турок держать свои силы рассредоточенно. В общем же, несмотря на свою необычность, эта стратегия явилась лишь доведением до логического конца стратегии действий по линии наименьшего сопротивления. По словам автора этой стратегии, Лоуренса: "Арабская армия никогда не пыталась сохранить или увеличить свое превосходство в одном месте; после нанесения удара она уходила, чтобы нанести удар в другом месте. Она использовала самые незначительные силы в течение самого короткого времени и в самом отдаленном месте. Продолжать бой до тех пор, пока противник произведет перегруппировку своих сил, чтобы организовать сопротивление, значило бы нарушить основное правило этой стратегии - лишить противника возможности нанести удар по определенному объекту".

По существу стратегия арабов мало чем отличалась от стратегии, применявшейся на западном фронте в 1918 г. Она явилась даже дальнейшим развитием этой стратегии.

Применение стратегии арабов при ведении обычной войны зависит от факторов времени, пространства и сил. Хотя стратегия арабов является более эффективной и активной формой блокады, ее влияние на ход военных действий сказывается значительно медленнее, чем влияние стратегии, ставящей своей целью нарушить устойчивость противника. Поэтому если национальные условия требуют быстрого завершения войны, то предпочтительнее, по-видимому, придерживаться второго вида стратегии. Но если для достижения победы не прибегнуть к непрямым действиям, то прямые действия, вероятно, окажутся более медленными, более дорогостоящими и более опасными, чем действия, основанные на стратегии Лоуренса. Недостаток пространства для маневра и большая плотность войск также являются помехами, имеющими иногда решающее значение. В обычной войне, безусловно лучше всего прибегнуть к непрямым действиям, которые обеспечивают быструю победу путем "улавливания противника в западню", если имеются хорошие шансы на это улавливание. В противном случае или если постигнет неудача, выбор должен остановиться на применении такого способа не прямых действий, при котором решающий результат достигается посредством подрыва сил и воли противника. Любой не прямой способ действий всегда предпочтительнее прямых действий.

Довести стратегические замыслы арабов до конца не удалось так как в сентябре 1918 г., когда арабы полностью разгромили турецкие войска на Геджасской (Джица) железной дороге основные турецкие силы в Палестине были разбиты одним решительным ударом Алленби. Однако при нанесении этого удара арабские войска сыграли значительную роль.

Трудно определить, являются ли последние военные действия в Палестине кампанией или сражением, закончившимся преследованием турок. Действия начались тогда, когда

войска арабов имели соприкосновение с противником, и завершились победой, прежде чем это соприкосновение было потеряно: поэтому эти действия, по-видимому, должны быть отнесены к категории сражения.

Однако победа была достигнута главным образом стратегическими средствами, и удельный вес боевых действий в этом сражении был незначительным.

Это обстоятельство привело к умалению достигнутого результата, особенно со стороны тех, на взгляды которых влияет догма Клаузевица, что кровь является ценой победы. Хотя Алленби имел двойное, возможно даже тройное, превосходство в силах, однако перевес сил в его пользу не был так значителен, как при первоначальном английском наступлении в Палестину, которое закончилось неудачей. При наличии подобного превосходства в силах многие другие наступательные операции как и Первую Мировую войну, так и до нее также закончились неудачей.

Более серьезной является "недооценка" морального духа турок. Тщательный анализ благоприятных условий, сложившихся в сентябре 1918 г., показывает, что операции в Палестине по своему размаху и искусному проведению заслуживают того, чтобы они были поставлены в один ряд с другими классическими операциями. Хотя задача английских войск была несложной, прекрасный и хорошо осуществленный замысел, по крайней мере в общих его чертах, является почти уникальным образцом, достойным подражания.

В плане борьбы с турками были учтены высказывания Виллизена о стратегии как "науке о коммуникациях", а также Наполеона, что "весь секрет военного искусства заключается в том, чтобы стать хозяином коммуникаций". Поэтому англичане поставили перед собой цель стать хозяевами всех турецких коммуникаций. Перерезать линии коммуникаций армии - значит нарушить ее физическую структуру; отрезать ей путь отступления - значит подорвать моральный дух войск; уничтожить линии внутренних коммуникаций армии, по которым передаются приказы и донесения, - значит вывести из строя самый чувствительный организм, обеспечивающий связь между мозгом и телом. Последнюю задачу решили английские военно-воздушные силы. Они подавили авиацию противника, тем самым лишив его важного средства разведки; затем, подвергнув бомбардировке центральный телеграф и телефон в Эль-Аффуле (см. рис. 17), англичане лишили противника средств управления. На втором этапе операции арабы перерезали главную железнодорожную линию в районе Дерья (80 км восточнее Эль-Аффулы), в результате чего временно прекратилось снабжение из Турции. Это оказало сильное психологическое воздействие на турецкое командование, которое было вынуждено направить в Дерья часть своих скудных резервов.

Три так называемые турецкие армии зависели от единственной железной дороги, идущей из Дамаска, которая разветвляется у Дерья; одна линия идет на юг через Джиза, другая поворачивает на запад через р. Иордан и Эль-Аффула, откуда, в свою очередь, одна ветка идет к морю в направлении Хайфы, а другая - в южном направлении к железнодорожным станциям снабжения 7-й и 8-й турецких армий; 4-я армия, находившаяся восточнее р. Иордан, в вопросах снабжения зависела от Геджасской железной дороги. В случае захвата англичанами Эль-Аффула и переправы через р. Иордан около Вейсана (см. рис. 17) были бы перерезаны коммуникации 7-й и 8-й армий, а также пути их отступления, за исключением трудного пути, ведущего в необитаемый район восточное р. Иордан. Захват Дерья дал бы возможность англичанам перерезать коммуникации всех трех турецких армий и лишить 4-ю армию наиболее безопасного пути отхода.

Дерья находился на слишком большом удалении от английских позиций, и поэтому англичане не были в состоянии захватить этот пункт в достаточно короткое время, с тем чтобы оказать влияние на исход операции. К счастью, под руками оказались арабы, которые внезапно вышли из пустыни и перерезали все три железнодорожные ветки. Однако ни особенности тактики арабов, ни характер местности не помогли создать стратегический барьер в тылу турецких войск. Так как Алленби добился быстрого и решительного успеха, то он должен был искать место для создания такой преграды в непосредственной близости к

противнику. Одним из таких мест для воспреещения отхода противника являлись р. Иордан и горные цепи западнее ее. Железнодорожный узел в Эль-Аффуле и мост через р. Иордан около Вейсана находились в 100 км от линии фронта и, следовательно, в пределах стратегического "броска" броневых автомобилей и кавалерии Алленби при условии, что на пути к этим важным объектам не будет помех. Задача заключалась в том, чтобы найти путь подхода, который турки не смогли бы своевременно перехватить.

Как была решена эта задача? Прибрежная Шаронская равнина представляет собой коридор, ведущий в Эздрелонскую равнину (долина р. Нахр-эль-Мукатта) и Израильскую долину (долина Эль-Гур), в которой расположены Эль-Аффула и Вей-сан. Этот коридор прерывается только одной дверью, расположенной в таком глубоком тылу турок, что она была оставлена ими без охраны. Дверь образована узким горным поясом, отделяющим прибрежную Шаронскую равнину от внутренней Эздрелонской равнины. Однако входу в коридор мешали турецкие траншеи.

Путем продолжительной психологической подготовки, в которой вместо снарядов применялась хитрость, Алленби отвлек внимание противника от побережья в сторону иорданского фланга. Успеху отвлечения внимания турок способствовали две весенние неудачные попытки наступления англичан восточнее р. Иордан.

В сентябре, пока внимание турок по-прежнему было приковано к восточному направлению, войска Алленби скрытно перебрасывались на запад до тех пор, пока в секторе вблизи побережья соотношение сил не выросло с 2:1 до 5:1. 19 сентября после 15-минутной интенсивной артиллерийской подготовки пехота пошла в наступление, преодолела два ряда турецких траншей неполного профиля и затем широким заходом двинулась в глубь страны. Кавалерия устремилась через открытую дверь и, двигаясь за броневыми автомобилями, быстро прошла коридор и достигла проходов в Эздрелонскую равнину. Успех этих действий был обеспечен военно-воздушными силами, которые лишили командование противника возможности управлять войсками.

На следующий день в турецком тылу был создан стратегический барьер. У турок оставался только один путь отступления - в восточном направлении, через р. Иордан. Если бы не действия английской авиации, турки смогли бы воспользоваться для своего отхода этим путем, так как прямое наступление английской пехоты было затруднено вследствие упорного сопротивления турецких арьергардов. Рано утром 21 сентября английский самолет обнаружил большую колонну (фактически всё, что осталось от двух турецких армий), спускавшуюся по крутому узкому ущелью от Набулуса (50 км северо-восточнее Яффы, см. рис. 15) к р. Иордан. В результате четырехчасовой воздушной атаки колонна противника была разгромлена. С этого момента можно считать, что 7-я и 8-я турецкие армии перестали существовать.

Восточнее р. Иордан, где создание стратегического барьера было затруднено, 4-я армия быстро теряла свою боеспособность вследствие непрерывных булавочных уколов, наносимых англичанами. Вскоре английские войска захватили Дамаск. Развивая успех, англичане захватили Халеб (Алеппо), 320 км севернее Дамаска и на удалении 530 км от линии фронта, откуда англичане начали свое наступление 38 дней назад. В ходе этого наступления было захвачено в плен 75 тыс. человек, причем англичане потеряли менее 5000 человек.

К Халебу английские войска подошли 31 октября, как раз в то время, когда Турция капитулировала под влиянием еще более непосредственной угрозы, созданной поражением Болгарии и приближением войск Мильне из Салоник к Константинополю и к ее тылу.

Анализируя решающую победу в Палестине, необходимо отметить, что турки были в состоянии сдерживать английскую пехоту до тех пор, пока им не стало известно о создании англичанами в их тылу стратегического барьера, что неизбежно оказывало на них сильное моральное воздействие. Более того, так как войска перешли к траншейной обороне, понадобилась пехота для ее взламывания. Но как только были восстановлены нормальные условия ведения боевых действий, победа была обеспечена подвижными войсками,

составлявшими небольшую часть всех сил. Эта тонкая форма непрямых действий была характерной только для периода подготовки операции. Она заключалась в использовании подвижности войск, которая нарушила устойчивость противника и вызвала его деморализацию и сама крайняя степень которой была внезапность.

Необходимо также коротко сказать и о юго-восточном театре, т. е. о Салониках. Отправка туда союзных войск последовала в результате запоздалой и неэффективной попытки союзников послать осенью 1915 г. подкрепление сербам. Однако через три года Салоники оказались трамплином для наступления, которое имело важные последствия. Хотя сохранение плацдарма на Балканах, пока на них не велось активных боевых действий, было необходимо по политическим соображениям, а также и потому, что там могли развернуться военные действия, все же сомнительно, чтобы тогда нужно было держать скованным такое большое количество войск (в конечном счете полмиллиона человек). Немцы впоследствии иронически говорили, что у них на Балканах находится "самый большой концентрационный лагерь союзных войск".

Глава XIV.

Стратегия 1918 г.

Любое исследование хода военных действий в последний год Первой Мировой войны должно проводиться в тесной связи с изучением предшествующей обстановки на море. Вследствие того, что война затянулась, морская блокада оказывала все большее и большее влияние на военную обстановку.

В самом деле, если спросить историка, какой день был наиболее решающим для исхода Первой Мировой войны, то он вполне может назвать 2 августа 1914 г. (т. е. еще до вступления Англии в войну), когда Уинстон Черчилль, бывший в то время первым лордом Адмиралтейства, в 1 ч 25 мин ночи разослал приказ о мобилизации английского флота. Этот флот не выиграл другого Трафальгарского сражения, но он сыграл большую роль, чем какой-либо другой фактор, для завоевания союзниками победы в войне. Флот был средством блокады, и как только рассеялся пороховой дым войны, стало ясно, что морская блокада сыграла выдающуюся роль в войне; чтобы быть более точным, следует сказать, что она явилась решающим фактором в войне. Эффект блокады подобен "смирительным рубашкам", которые применяют в американских тюрьмах для усмирения непокорных заключенных. Смирительная рубашка, когда она постепенно стягивается, сначала стесняет движения заключенного, а затем затрудняет его дыхание; чем туже она затягивается и чем дольше в ней находится заключенный, тем больше ослабевает его сила сопротивления и тем сильнее падает он духом.

Беспомощность вызвала полную безнадежность, а история подтверждает, что не потери войск, а потеря надежды решила исход войны. Ни один историк не может недооценивать того факта, что полуголодное состояние немцев явилось непосредственной причиной крушения их "внутреннего фронта". Но оставляя в стороне вопрос о том, насколько революция явилась причиной поражения, нужно сказать, что неуловимый, но всеохватывающий фактор блокады следует непременно принимать во внимание при анализе любой военной обстановки.

Является непреложным фактом, что именно потенциальная угроза, если не непосредственное влияние блокады, вынудила Германию начать в феврале 1915 г. свою первую кампанию подводной войны. Это дало Англии моральное право освободить себя от обязательств по Лондонской декларации и туже затянуть кольцо блокады, заявив о том, что английские военные корабли будут перехватывать и подвергать осмотру все суда, подозреваемые в перевозке товаров в Германию. Более того, торпедирование немцами "Лузитании" дало Соединенным Штатам важный, хотя и запоздалый предлог к вступлению в войну и, кроме того, ослабило трения между Англией и Соединенными Штатами, вызванные усилением блокады.

Через два года напряжение в экономике, вызванное блокадой, вынудило немецких военных руководителей возобновить интенсивную, ничем не ограниченную кампанию

подводной войны. Зависимость Англии от снабжения по морю была уязвимым местом в ее военной мощи. В свою очередь, большой эффект подводной войны приводит к выводу, что этот вид не прямых действий в плане большой стратегии чреват серьезными последствиями для государства. Этот вывод нельзя отнести целиком к каждой стране, но для Англии он оказался почти полностью справедливым. Потери английских судов, если исходить из такого параметра, как грузоподъемность, увеличились с 500 тыс. т в феврале до 875 тыс. т в апреле. К тому времени, когда путем контрмер Англии удалось значительно снизить потери судов, в стране оставалось продовольствия только на шесть недель.

Надежды немецких лидеров добиться решения в области экономики были вызваны их боязнью экономического краха. Из-за этой боязни Германия была вынуждена начать кампанию подводной войны, полностью сознавая и принимая почти наверняка тот риск, который был связан со вступлением в войну против нее Соединенных Штатов. Этот риск стал 6 апреля 1917 г. фактом. Но хотя (на что рассчитывала Германия) для отмобилизования военной мощи Америки потребовалось длительное время, вступление ее в войну произвело быстрый эффект в отношении стягивания кольца морской блокады вокруг Германии. Как воюющая сторона, Соединенные Штаты применили это экономическое оружие с большой решимостью, нарушая права нейтральных стран значительно сильнее, чем это раньше делала Англия. Блокада не была ослаблена препятствиями, которые создавали нейтральные государства. Америка превратила блокаду Германии в петлю. Затягивая эту петлю, она постепенно ослабила Германию, военная мощь которой целиком зависела от экономики. К сожалению, эта истина слишком часто забывается.

Блокаду можно расценивать как не прямые действия в области большой стратегии, которым нет возможности эффективно сопротивляться и которые не влекут за собой никакого риска, кроме того разве, что влияние блокады сказывается не сразу. Эффект усиливался тем больше, чем дольше продолжалась блокада, и к концу 1917 г. центральные державы почувствовали его очень сильно. Именно экономическое давление не только побудило, но и вынудило Германию предпринять в 1918 г. наступление, которое в случае неудачи стало бы для нее самоубийством. Не внеся своевременно предложения о заключении мира, она не имела перед собой другого выбора, кроме как начать рискованное наступление или смириться с постепенным истощением своих сил, что неизбежно привело бы ее к поражению.

Если бы сразу после сражения на Марне в 1914 г. или несколько позже Германия перешла к обороне на западе и предприняла наступление на востоке, то исход войны мог быть совершенно другим, потому что, с одной стороны, она, несомненно, смогла бы реализовать свою мечту о *Mittel Europa*²⁶, а с другой - блокада была бы еще недостаточно полной и едва ли ее кольцо было бы стянуто достаточно туго, поскольку Соединенные Штаты оставались бы вне конфликта. Если бы Германия установила свой контроль над всей Центральной Европой и Россия вышла бы из войны и даже попала в экономическую зависимость от Германии, то Англия, Франция и Италия имели бы мало оснований надеяться на то, что они смогут добиться чего-нибудь большего, чем заставить Германию отказаться от ее двух козырей - Бельгии и северной части Франции, но при безусловном сохранении за ней ее завоеваний на востоке. Присоединив к себе другие территории и, следовательно, обладая большей потенциальной мощью и ресурсами, Германия смогла бы позволить себе отказаться от своего желания одержать военную победу над западными союзниками. В самом деле, отказаться от цели, которая не сулит ничего хорошего, - значит действовать в духе большой стратегии; упорствовать в своем стремлении к этой цели - значит проявлять грандиозную глупость.

Но в 1918 г. такая возможность была упущена. Экономика Германии сильно ослабла, а все ту же затягивавшееся кольцо блокады продолжало ослаблять ее, несмотря на запоздалое перекачивание экономических ресурсов из оккупированных Румынии и Украины.

Таковы условия, при которых было предпринято последнее немецкое наступление с целью добиться военного успеха. Освободившиеся войска на русском фронте позволили

Германии создать превосходство в силах, хотя и значительно меньше того, которым обладали союзники во время своих наступательных операций. В марте 1917 г. против 129 немецких дивизий сражалось 178 французских, английских и бельгийских дивизий. В марте 1918 г. Германия имела 192 дивизии против 173 союзных дивизий, в том числе девяти американских дивизий (численность американских дивизий была примерно в два раза больше европейских). В то время как немцы имели возможность перебросить с востока всего лишь несколько дивизий, американские дивизии, которые вначале вливались в Европу небольшой струйкой, под давлением чрезвычайных обстоятельств стали врываться стремительным потоком. Из этого количества у немцев находилось в резерве 85 дивизий, известных как "ударные дивизии", а у союзных держав - 62 дивизии, причем управление ими было децентрализовано. Это было вызвано тем, что план создания общего резерва у союзников в составе 30 дивизий, которые находились бы в распоряжении Версальского военного исполнительного комитета, был сорван, когда Хейг заявил, что он не в состоянии выделить в состав этого резерва положенные ему семь дивизий. Когда пробил час испытания, был нарушен также и договор о взаимной поддержке, заключенный между французским и английским командующими. Надвинувшаяся опасность ускорила проведение запоздалых мероприятий; по инициативе Хейга на Фома сначала была возложена обязанность по координированию действий союзников, а затем он был назначен главнокомандующим союзными армиями.

Немецкий план отличался тем, что в нем более чем в любой другой операции на предыдущих этапах войны предусматривалось достижение тактической внезапности и цели ее были шире. Следует отметить, что, к чести немецкого командования и его штаба, они поняли, как редко превосходство в силах перекрывает отрицательные стороны наступления, проводимого совершенно очевидным образом. Они поняли также и то, что добиться настоящей внезапности можно только искусным сочетанием многих вводящих противника в заблуждение мероприятий и что только таким универсальным ключом можно открыть ворота в стене позиционной обороны, укреплявшейся в течение длительного времени.

В плане наступательной операции немцев основное внимание уделялось кратковременной, но интенсивной артиллерийской подготовке с применением химических снарядов. Людендорф не сумел вовремя оценить важного значения танка и использовать его в операции. Пехота была обучена новой тактике просачивания, суть которой сводилась к тому, что передовые части прощупывали слабые места обороны и проникали через них, в то время как резервы предназначались только для развития успеха, а не для восстановления положения в случае неудачи. Атакующие дивизии подвигались к полю боя ночными маршами, большая масса артиллерии скрытно сосредоточивалась ближе к переднему краю, причем огонь открывался внезапно, без предварительной пристрелки. Кроме того, проведенная на других участках фронта подготовка к наступлению, с одной стороны, помогла ввести противника в заблуждение о направлении главного удара, а с другой - обеспечила боевую готовность войск на этих участках.

Но это не все. Учтя опыт предыдущих неудачных наступательных операций союзников, Людендорф пришел к выводу, что решение тактических задач должно предшествовать достижению чисто стратегических целей, так как преследование этих целей теряет смысл, если не будет обеспечен тактический успех. При невозможности обеспечить стратегические непрямые действия это положение Людендорфа, бесспорно, являлось правильным. Следовательно, согласно немецкому плану, применение новой тактики должно было сопровождаться обязательным использованием новой стратегии. Таким образом, стратегия и тактика были взаимно связанными, причем обе основывались на новом, или, вернее, воскрешенном, принципе - следовать линии наименьшего сопротивления. Условия 1918 г. во Франции ограничивали возможность действий на маловероятном для противника направлении, и Людендорф не пытался сделать это. Однако, когда противостоящие друг другу армии находятся в непосредственном соприкосновении в условиях траншейной обороны, быстрый прорыв этой обороны с последующим стремительным развитием успеха

в направлении наименьшего сопротивления мог бы быстро привести к цели, достигаемой в обычных условиях только действиями на неожиданном для противника направлении.

Прорыв немцами линии обороны союзников был произведен успешно, развитие успеха началось в стремительном темпе. И все же план Людендорфа провалился. В чем же была ошибка? Мнение всех критиков сразу после этого наступления и вскоре после войны сходилась на том, что пристрастие Людендорфа к тактике заставило его изменить направление удара и распылить силы, чтобы добиться тактического успеха в ущерб стратегическому замыслу. Видимо, говорили критики, неправильным был сам принцип Людендорфа. Но при более тщательном изучении немецких документов после войны, в том числе приказов и распоряжений Людендорфа, этот вопрос представлялся в другом свете. По-видимому, действительная ошибка Людендорфа заключалась в том, что ему не удалось применить на практике новый принцип, который он разработал в теории, и что сам он или не понял всех последствий этой новой теории стратегии, или не захотел действовать, сообразуясь с ними. Как показали события, он расходовал слишком большое количество резервов, пытаясь восстановить положение на отдельных участках фронта, на которых немецкие войска потерпели тактическое поражение, и проявлял недопустимую медлительность, когда требовалось использовать резервы для развития тактического успеха.

Затруднения немцев начались уже при выборе направления главного удара. Наступление должны были начать 17-я, 2-я и 18-я армии на 100-километровом фронте между Аррасом и Ла-Фером (рис. 8). Были рассмотрены также и два других варианта. Один из них - наступление с обеих сторон верденского выступа - был отвергнут по трем причинам:

- 1) местность была неблагоприятной;
- 2) прорыв вряд ли привел бы к решающему результату;
- 3) французская армия достаточно восстановила свои силы после почти годичного перерыва в боевых действиях.

Второй вариант - наступление между Ипром и Лансом, - хотя и одобренный военным советником Людендорфа Ветцелем и поддержанный принцем Рупрехтом, командующим войсками на участке фронта между Сен-Кантенем и побережьем, был Людендорфом отклонен, так как на этом участке фронта наступающие встретились бы с главными силами английской армии и, кроме того, местность на этом направлении была труднопроходимой из-за болот.

Выбор пал на участок Аррас-Ла-Фер, поскольку кроме благоприятных условий местности этот участок имел самые слабые оборонительные сооружения и на нем дислоцировалось меньшее количество войск и резервов. Кроме того, он примыкал на юге к стыку французской и английской армий. Людендорф надеялся сначала разъединить обе эти армии, а затем разгромить английскую армию, которая, по его расчетам, была серьезно ослаблена продолжительными боями у Ипра. Но хотя сравнительная слабость этого участка в общем не вызывала сомнения, однако в деталях Людендорф допустил грубый просчет. Северная часть участка была сильно укреплена и надежно прикрывалась 3-й английской армией в составе четырнадцати дивизий (из них четыре находились в резерве, причем основная масса английских резервов находилась на этом же фланге), которые, в свою очередь, могли получить и получили своевременную поддержку со стороны других английских армий, расположенных севернее. Центральная и южная часть этого участка, по которой немцы нанесли удар, оборонялась 5-й английской армией. Центральный сектор, расположенный против 2-й немецкой армии, удерживался пятью дивизиями. Южная, более протяженная часть участка, перед которой находилась 18-я немецкая армия, прикрывалась семью дивизиями (из которых одна была в резерве).

Людендорф выделил 17-й армии, наступавшей около Арраса, девятнадцать дивизий для нанесения первоначального удара силами только левого крыла на фронте шириной 24 км. Так как против английского выступа, обращенного в сторону Камбре, не намечалось наносить фронтального удара, а ставилась задача только сковать его, то этот участок фронта протяженностью 8 км был занят всего двумя дивизиями 2-й немецкой армии. Эта армия

сосредоточила восемнадцать дивизий против левого крыла 5-й английской армии в составе пяти дивизий, занимавшей фронт шириной 24 км. На крайнем южном фланге, по обе стороны Сен-Кантена, располагалась 18-я армия. Людендорф выделил этой армии только двадцать четыре дивизии для наступления на фронте шириной 43 км. Несмотря на новый принцип, Людендорф распределил свои силы соответственно силам противника, а не сосредоточил их против наиболее слабого участка обороны противника.

Направление, указанное в его приказе, еще более подчеркивало эту тенденцию. Главный удар наносился севернее р. Соммы. После прорыва 17-я и 2-я армии должны были повернуть на северо-запад, оттесняя англичан в направлении побережья, в то время как левый фланг этих армий прикрывался бы рекой и 18-й армией. Таким образом, 18-й армии предстояло играть роль бокового охранения для наступающих 17-й и 2-й армий. Но все оказалось наоборот. Людендорф добился быстрых успехов там, где он меньше всего ожидал, и не имел успеха там, где он больше всего на это надеялся.

Наступление началось на рассвете 21 марта 1918 г.; внезапность его была усилена пасмурной погодой. В то время как южнее Соммы, где как оборонявшиеся, так и наступавшие войска были наиболее слабыми, фронт был прорван, в районе Арраса немецкие войска были остановлены, что повлияло на ход всего наступления севернее реки. Такой результат был вполне закономерным. Однако Людендорф, по-прежнему нарушая свой новый принцип, затратил последующие дни на попытку возобновить наступление против сильно и прочно удерживаемого бастиона, каким являлся Аррас, придерживаясь этого направления как направления главного удара. В то же время он сдерживал действия 18-й армии, которая продвигалась на юге, не встречая серьезного сопротивления со стороны противника. 26 марта он отдал 18-й армии приказ не форсировать р. Авр и не вырываться вперед своего соседа (2-й армии), действия которого в свою очередь сдерживались очень ограниченным успехом 17-й армии около Арраса. Таким образом, Людендорф стремился разгромить английскую армию лобовым ударом по ее самому сильному участку фронта. Вследствие такой упрямой настойчивости Людендорф не смог добиться успеха до тех пор, пока не бросил в сражение на рубеж южнее р. Соммы свои резервы. Но было уже слишком поздно.

Намеченный поворот в северо-западном направлении мог увенчаться успехом, если бы он был совершен сразу же после обхода фланга противника и нацелен против Арраса. 26 марта наступление севернее р. Соммы (левым крылом 17-й армии и правым крылом 2-й армии) заметно ослабло вследствие тяжелых потерь. Южнее Соммы левое крыло 2-й армии достигло опустошенного боями района, вследствие чего войска испытывали большие затруднения в обеспечении запасами и в транспортных средствах. Одна только 18-я армия продвигалась вперед с неослабевающей стремительностью.

Сложившаяся обстановка заставила Людендорфа разработать новый план, однако старый план все еще продолжал оставаться в силе. Людендорф приказал начать 28 марта новое прямое наступление в направлении высот в районе Арраса силами правого крыла 17-й армии, вслед за которым севернее, на участке между Вими и Ла-Бассе, должна была начать наступление 6-я немецкая армия. Используя удачно сложившуюся обстановку южнее Соммы, Людендорф наметил в качестве главного объекта для 2-й армии Амьен. При этом он не разрешил 18-й армии обойти с фланга оборонительные позиции в районе Амьена. Таким образом, захват Амьена предполагалось осуществить посредством фронтального удара в условиях неблагоприятной местности.

28 марта началось наступление на Аррас. Оно проводилось без соблюдения каких-либо мер маскировки и в результате провалилось, так как немцы наткнулись на хорошо подготовленную оборону 3-й армии Бинга. Только тогда Людендорф отказался от своего первоначального плана и направил главные силы и часть оставшихся резервов против Амьена. В то же время он приказал 18-й армии оставаться на месте в течение двух дней. Естественно, наступление успеха иметь не могло. Когда 30 марта оно было возобновлено, в нем участвовали незначительные силы, которые не добились решающего успеха ввиду усилившегося сопротивления французов, имевших время для переброски резервов и

укрепивших прогибавшуюся под давлением немецких войск линию обороны. Это был первый день, когда французская артиллерия, прибыв позднее пехоты, открыла массированный огонь. Следующую попытку наступать немцы предприняли 4 апреля силами пятнадцати дивизий, из которых только четыре были свежие; эта попытка имела еще меньший успех.

Вместо того чтобы вести дальнейшую борьбу на истощение, Людендорф предпочел приостановить наступление на Амьен. Он ни разу не попытался бросить свои главные силы в стык английской и французской армий. Еще 24 марта Летен угрожал Хейгу, что если немцы будут и дальше продвигаться на участке фронта, удерживаемого французскими войсками, то он будет вынужден перебросить свои резервы с этого участка в юго-западном направлении для прикрытия Парижа. Если бы немцы смогли еще немного усилить свое давление на оборону французов, они превратили бы трещину, которую им удалось в ней сделать, в глубокий прорыв.

Опыт этой операции подтверждает два исторических вывода: 1) стык является наиболее чувствительным и выгодным местом для нанесения удара и 2) вклиниться в стык войск противника труднее, если их фланги тесно примыкают друг к другу, и, напротив, легче, когда войска противника рассредоточены на широком фронте, и тем более легко, если они действуют в отрыве друг от друга.

Используя большую часть резервов для удержания огромного выступа южнее Арраса, Людендорф сделал попытку, не будучи уверен в успехе, начать новое наступление дальше к северу. 25 марта он приказал подготовиться к небольшому наступлению на участке между Ла-Бассе и Армантьером (см. рис. 7) в целях дальнейшего расширения прорыва. После неудачного наступления на Аррас 28 марта он развил свой замысел. Через 24 часа после наступления южнее Армантьера должно было последовать наступление севернее этого города с целью захватить его в клещи.

Вследствие поздно отданных распоряжений войска были готовы к наступлению только 9 апреля, и даже к этому сроку наступление планировалось исключительно как диверсия. Но неожиданный первоначальный успех, чему снова способствовал утренний туман в районе, оборонявшемся незначительными силами, дал возможность Людендорфу постепенно развить его в крупное наступление южнее Армантьера на фронте в 24 км, где девять немецких дивизий первого эшелона и пять дивизий второго эшелона нанесли удар по одной португальской и двум английским дивизиям, в непосредственном тылу которых находились еще две резервные дивизии. На следующий день четыре немецкие дивизии первого эшелона и две дивизии второго эшелона начали наступление севернее Армантьера на фронте шириной 11 км. Здесь немцам снова помог густой туман. По мере усиления сопротивления противника Людендорф вводил в бой новые дивизии, и к концу первой недели мая в сражение было вовлечено свыше сорока немецких дивизий. Таким образом, Людендорф оказался втянутым в войну на истощение.

Англичане отступили почти до самых своих баз на побережье моря, но в конце концов они все же остановили немцев, продвинувшихся на 16 км до важного железнодорожного узла Азбрук. 17 апреля Людендорф попытался нанести удар с двух сторон по Ипру, но этот удар не явился для англичан неожиданным и был сведен почти на нет внезапными действиями Хейга, развернувшего свой фронт за двое предшествующих суток навстречу Людендорфу. Потерпев неудачу, Людендорф прибегнул к чисто прямому наступлению южнее Ипра, куда уже прибыли французские резервы. Удар, нанесенный 25 апреля встык, завершился прорывом в районе высоты у Кеммеля, однако Людендорф не стал развивать успеха из боязни контрудара. В течение всего хода этой операции он слишком экономно использовал свои резервы, чтобы можно было рассчитывать на настоящую победу. После провала первого наступления Людендорф, видимо, мало верил в дальнейший успех. 29 апреля он временно отказался от попыток продолжать наступление. Он надеялся своими последующими действиями оттянуть французские резервы, с тем чтобы нанести окончательный удар по англичанам во Фландрии.

Несколько ранее Людендорф приказал готовиться к наступлению в секторе дороги Шмен-де-Дам между Суассоном и Реймсом. Наступление было намечено на 17 апреля, но до 27 мая оно не было подготовлено главным образом потому, что Людендорф продолжал наступательные действия во Фландрии, в результате чего его резервы были израсходованы. Разведывательный отдел ставки американских войск в Европе предсказал место и приблизительную дату начала наступления немцев, но о предупреждении американцев вспомнили только тогда, когда их предсказание было подтверждено 26 мая показаниями пленного. Однако было уже слишком поздно что-либо предпринять, кроме как привести войска в состояние боевой готовности, но это предупреждение дало возможность начать переброску резервов. На следующее утро немцы силами пятнадцати дивизий в первом эшелоне и семи дивизий во втором нанесли удар на фронте шириной 38 км, оборонявшемся пятью дивизиями французских и английских войск (кроме того, четыре дивизии союзников находились в резерве). Под прикрытием тумана и дымовой завесы наступавшие войска отбросили оборонявшихся с дороги Шмен-де-Дам, а затем форсировали р. Энну. 30 мая немцы подошли к Марне. Здесь Людендорф еще раз добился некоторого успеха, к которому он не был подготовлен и на который не рассчитывал. К месту сражения Людендорф направил большое количество резервов, но они не могли оказать решающего влияния на исход сражения, так как союзники перебрасывали свои резервы с большой оперативностью.

Как следует из анализа событий, первоначальный успех Людендорфа, по-видимому, объяснялся, во-первых, тем, что внимание и резервы союзников были отвлечены на другие участки фронта; во-вторых, систематическим соблюдением принципа действий по линии наименьшего сопротивления и, в-третьих, безрассудными действиями командующего французской армией на этом участке фронта. Он настоял на том, чтобы пехота была сосредоточена на передовых позициях, вследствие чего она подвергалась опасности полного уничтожения от губительного огня немецкой артиллерии; артиллерия, частные резервы и командные пункты обороны также слишком близко располагались к переднему краю. Поэтому, как только немцы прорвали фронт, последовало весьма быстрое крушение всей системы французской обороны. В результате этого наступление немцев снова приобрело тактическую внезапность, которая частично была потеряна накануне. Так как цель любых внезапных действий заключается в том, чтобы нарушить устойчивость противника, независимо от того, будет ли он застигнут врасплох или позволит завлечь себя в ловушку, эффект будет совершенно одинаковым.

К этому времени Людендорф создал в линии фронта три выступа: два значительных и один небольшой. Затем он попытался выровнять линию фронта в районе Компьена. Но теперь наступление немцев не было внезапным; удар, нанесенный 9 июня в юго-западном направлении, вдоль р. Уазы слишком запоздал и потому не совпал по времени с ударом с юго-восточного направления, из района Шато-Тьерри.

Наступила пауза, продолжавшаяся в течение целого месяца. Людендорф стремился нанести решительный удар англичанам в Бельгии, план которого он уже давно вынашивал. Однако он считал, что английские резервы в Бельгии были еще слишком значительны, и поэтому снова предпочел диверсию, надеясь, что сильный удар на юге отвлечет туда английские резервы. Людендорфу не удалось ликвидировать компьенскую дугу в линии фронта. Тогда он попытался выправить линию фронта в районе Реймса. В результате того, что войска нуждались в отдыхе и подготовке к наступлению, произошла задержка с началом наступления. Эта задержка оказалась для Людендорфа роковой, так как она дала англичанам и французам возможность восстановить свои силы, а американцам - перебросить свои войска через океан в Европу.

Тактические успехи ударов Людендорфа не достигали цели, поскольку, увлекшись ими, он развивал каждый удар на очень большую глубину, тратил на это слишком много времени и сил. К тому же они не были между собой увязаны. Людендорф наносил удары по линии наибольшего, а не наименьшего сопротивления противника. После первоначального прорыва дальнейшее наступление немцев, как правило, превращалось с точки зрения стратегии в

обычное прямое продвижение вперед. На трех участках фронта Людендорф вклинился в оборону противника на значительную глубину, но ни одно из этих вклиниваний не было достаточно глубоким, чтобы перерезать важную артерию в стратегическом тылу союзников. Эта стратегическая неудача привела к тому, что линия фронта имела слишком зигзагообразную форму, которая создавала союзникам благоприятные возможности для нанесения контрударов во фланг немцам.

15 июля 1918 г. Людендорф начал новое наступление, но оно не было для союзников неожиданным. Восточнее Реймса наступление было сорвано французскими войсками, перешедшими к подвижной обороне, а западнее Реймса форсировавшие Марну немецкие войска фактически только ускорили свое движение к гибели, так как 18 июля Фош внезапно нанес давно подготовленный удар по западному флангу марнского выступа. Здесь Петен, руководивший операцией, использовал новое средство, которого не было у Людендорфа: он применил, как это было и под Камбре, большое количество легких танков в первом эшелоне наступающих войск. Немцы сумели достаточно долго удерживать в своих руках участок вклинивания, с тем чтобы постепенно отвести войска в тыл и выпрямить линию фронта. Однако их резервы были исчерпаны, и Людендорф был вынужден сначала отсрочить, а затем и вовсе отказаться от наступления во Фландрии, так что инициатива определенно и окончательно перешла в руки союзников.

Характер контрудара союзников на Марне требует изучения. Петен предложил Фошу сосредоточить резервы в районе Вове и Эперне, создав из них две самостоятельные группы, в целях нанесения контрудара во фланг немецким войскам, если бы они попытались возобновить наступление. Первая группа резервов под командованием Манжена вначале использовалась для срыва немецкого наступления 9 июня, а затем была переброшена на позиции против западного фланга марнского выступа. В дальнейшем Фош планировал использовать эту группу для наступления на железнодорожный узел Суассон. Пока французы готовились к наступлению, разведка получила точные сведения о предстоящем немецком наступлении из района Реймса. Фош решил сорвать это наступление, нанеся удар по немецким войскам 12 июля. Петен же считал более целесообразным дать немцам возможность перейти в наступление и, когда они выдохнутся, ударить им в тыл. Как ни странно, французские войска оказались неподготовленными к наступлению 12 июля, и поэтому сражение развернулось скорее в соответствии с замыслами Петена, чем Фоша. Петен предполагал с боем отойти с первой позиции, удерживаемой незначительными силами, и задержать противника перед второй позицией. Затем местными контратаками втянуть резервы противника в бой в новых "котлах", которые создадутся в результате их атак по обе стороны Реймса. Наконец, силами первой группы резервов под командованием Манжена перейти в контрнаступление в восточном направлении вдоль основания Марнского выступа. В ходе этой операции Петен надеялся создать огромный "котел", в который попали бы немецкие войска, находившиеся южнее р. Эны.

Последовавшие события и действия Фоша внесли изменения в замысел Петена. Восточное Реймса немецкое наступление было сведено на нет переходом французских войск к подвижной обороне, являющейся одной из форм тактики непрямых действий. Но западнее Реймса французское командование упорно придерживалось старого метода - жесткой обороны, в результате чего линия обороны была прорвана. Немцы форсировали Марну. Чтобы предотвратить опасность, Петен был вынужден ввести в бой большую часть своих резервов, которые он намеревался использовать на втором этапе операции. Для восполнения резервов Петен решил взять часть войск у Манжена и отсрочил нанесение контрудара, который Фош приказал произвести 18 июля. Когда Фош узнал о приказе Петена, он немедленно отменил его. В результате второй этап операции Петена не состоялся, и немцы, таким образом, имели возможность использовать свои резервы для сковывания Манжена и обеспечения выхода своих войск из "котла". Контрудар французов вскоре превратился в прямое давление на немецкие войска по всему периметру котла, подобно тому как действовал Фалькенхайн и Польше в 1915 г., вытесняя немцев из этого котла.

С этого времени намерения Фоша сводились к тому, чтобы сохранять инициативу в своих руках и не давать немцам передышки до тех пор, пока не будет сосредоточено достаточное количество резервов. Сперва Фош решил овладеть рокадными железными дорогами, проведя ряд наступательных операций местного значения. Первым начал наступление Хейг 8 августа в районе Амьена. Соблюдая большую осторожность и искусно дезинформируя противника, французам удалось перед наступлением увеличить 4-ю армию Роулинсона в два раза. Это наступление союзников, в первом эшелоне которого находилось 450 танков, оказалось, возможно, самым неожиданным из всех наступлений, проводившихся в Первую Мировую войну. Хотя вскоре оно и было остановлено из-за того, что французы наступали слишком прямолинейно, однако внезапность действий французских войск, достигнутая в начале операции, оказалась достаточной, чтобы вывести из равновесия немецкое верховное командование. Людендорф, убедившись в моральной подавленности своих войск, был вынужден заявить, что мира можно добиться только путем переговоров. Но вместе с тем он сказал: "Цель нашей стратегии должна заключаться в том, чтобы путем перехода к стратегической обороне постепенно парализовать волю противника к продолжению войны".

Тем временем союзники применили новый стратегический метод. Первым начал действовать Фош, проведя ряд последовательных наступательных операций на различных участках фронта. Хейг завершил развитие этого метода, отказавшись выполнять указания Фоша продолжать фронтальное наступление >г носи (4-й) армии. Наступление этой армии было возобновлено лишь после того, как нанесли удар сначала 3-я, а затем 1-я армия. Таким образом, наступление союзников, начавшееся пока на участках фронта Хейга и Петена, состояло из ряда последовательных быстрых ударов на разных направлениях, каждый из которых прекращался, как только удар терял свою первоначальную стремительность. Каждый предыдущий удар прокладывал путь для нанесения следующего; таким образом, все они были тесно увязаны между собой как по времени, так и в пространстве. Наступательные действия союзников не давали Людендорфу возможности спокойно маневрировать своими резервами, чтобы отразить удары. Резервы Людендорфа быстро истощались, в то время как ресурсы союзников не испытывали большого напряжения. Метод, примененный французами, хотя и не является по существу методом не прямых действий, во всяком случае вплотную примыкает к нему. Если применением этого метода и не преследовалась цель вести наступление на маловероятном направлении, то и не ставилась задача наступать на наиболее вероятном направлении. Если этим методом и не рекомендовалось вести наступление по линии наименьшего сопротивления, то и не предлагалось наступать на направлении, на котором сопротивление противника постепенно увеличивается. По существу этот метод является негативной формой не прямых действий.

Ввиду морального разложения и больших потерь среди немецких войск этот метод давал возможность, по крайней мере временно, обеспечить непрерывное наступление союзников и постепенно ослабить немецкое сопротивление. Очевидные признаки ухудшения состояния немецких войск и возросшая в связи с этим уверенность Хейга в том, что он смог бы прорвать линию Гинденбурга, прикрывавшуюся наиболее боеспособными немецкими резервами, убедили Фоша в том, что следует отказаться от применения вышеуказанного метода и перейти в конце сентября к общему и одновременному наступлению по всему фронту.

План Фоша предусматривал наступление с двух сторон на выступ, образованный вклиниванием немецких войск во Францию. Предполагалось, что два крыла армии союзников - английское и американское, - сомкнувшись, могут отрезать большое количество вклинившихся немецких войск. Эти расчеты были основаны на том, что Арденны представляют собой почти непроходимую местность с узкими проходами с обеих сторон. Кстати, можно сказать, что такое понятие об Арденнах возникло от недостаточного знания этого района. Арденны имеют хорошо развитую дорожную сеть, и большая часть этой территории является скорее холмистой, чем гористой.

Первоначально, по предложению Першинга, планом до некоторой степени предусматривались не прямые действия. Мысль Першинга заключалась в том, что американская армия должна развить частный успех наступлением на Брие с задачей ликвидировать выступ у Сен-Мийеля и, обойдя Мец, оседлать немецкие коммуникации в Лотарингии, преградив пути отступления немецких войск с запада к Рейну. Но Хейг не одобрил этот план, так как он не был увязан с другими наступательными операциями союзников. Фош также внес свои коррективы в план Першинга, не считаясь с его возражениями. В результате американская армия должна была перенести свои усилия в западном направлении и поспешно подготовить наступление в секторе р. Маас-Аргонны, имея в своем распоряжении всего лишь около недели. Затянувшиеся действия американских войск в этом секторе перед лицом усилившегося сопротивления немцев привели к большим потерям и дезорганизации войск, в связи с чем никакой помощи наступлению Хейга на линии Гинденбурга оказано не было.

Последующие события показали, что войска, ведущие фронтальное наступление на морально подавленного противника при значительном огневом превосходстве, могут прорвать оборону, но не в состоянии полностью его разгромить. К 11 ноября (день перемирия) немецкие войска, прикрываясь своими арьергардами, благополучно вышли из выступа, сократив и выпрямив линию фронта. Наступление союзников фактически зашло в тупик не столько из-за сопротивления немцев, сколько из-за трудностей снабжения и ремонта при движении по опустошенной территории. В этих условиях прямое наступление союзников фактически давало возможность немцам без особых затруднений оторваться от преследовавших их войск.

К счастью, последний этап наступательных операций союзников не оказал особенно большого влияния на исход войны. Моральный удар, нанесенный немецкому командованию внезапным наступлением союзных войск под Амьеном 8 августа, был усилен непрямыми действиями союзников на отдаленном театре военных действий. Союзники начали наступление на салоницком фронте, нанеся удар на участке, оборонявшемся незначительными силами. Союзникам удалось прорвать фронт. Ввиду горного характера местности противник не смог быстро перебрасывать свои резервы с одного участка фронта на другой с целью помешать развитию наступления. Болгарская армия была разрезана на две части. Уставшие от войны болгары вынуждены были заключить перемирие. Успешное выполнение этой задачи не только лишило центральные державы одного из союзников, но и открыло войскам Антанты путь для вторжения в тыл Австрии.

Угроза поражения немцев стала еще серьезнее, когда началось итальянское наступление, в результате которого был прорван неустойчивый австрийский фронт. Быстрая капитуляция Австрии дала возможность союзникам использовать ее территорию и железные дороги для развертывания операций против Германии. 11 сентября генерал фон Галлиц заявил канцлеру Германии, что продолжение войны будет для Германии роковым.

Эта угроза, наряду с усилившимся моральным воздействием блокады - еще одного вида не прямых действий в области большой стратегии - на охваченный голодом и угнетенный затянувшейся войной народ, явилась тем фактором, который понуждал немецкое командование к капитуляции. Надо добавить, что поражение Болгарии на Балканах и слухи о возобновлении прямого наступления союзников во Франции ускорили этот процесс.

В результате влияния всех этих факторов верховное командование Германии потеряло самообладание, правда всего на несколько дней, но и этого оказалось достаточно, чтобы немецкие войска уже не могли оправиться от морального потрясения. 29 сентября 1918 г. Гинденбург и Людендорф приняли поспешное решение заключить перемирие, заявив, что развал балканского фронта расстроил все их планы, так как "войска, предназначенные для западного фронта, нужно было перебрасывать на балканский фронт". Это, указывали они, "в корне изменило положение" ввиду атак на западном фронте. Если эти атаки "до сих пор удавалось отбить, то в дальнейшем они явятся серьезной угрозой".

Наконец последовало генеральное наступление Фоша. Наступление американских

войск в секторе р. Маас-Аргонны началось 26 сентября, а 28 сентября оно уже застопорилось. Наступление франко-англо-бельгийских войск во Фландрии началось 28 сентября. Хотя это наступление создавало для немцев известные затруднения, оно все же не представляло для них серьезной опасности. Однако утром 29 сентября Хейг нанес главный удар по линии Гинденбурга, и первые сведения о результатах его оказались для немцев тревожными.

В такой критической обстановке принц Макс Баденский, известный своими умеренными взглядами и пользовавшийся уважением, был назначен на должность канцлера, и ему было предложено начать мирные переговоры. Для того чтобы выторговать почетный мир без признания поражения, принц просил у Гинденбурга отсрочки начала переговоров хотя бы на десять, восемь или даже четыре дня. Но Гинденбург ответил, что "серьезность военной обстановки не допускает промедления", и настаивал на том, "чтобы предложение о мирных переговорах было направлено союзникам немедленно".

3 октября немцы обратились к президенту Вильсону с просьбой о немедленном заключении перемирия. Это было открытое признание немцев перед всем миром своего поражения. Но уже 1 октября верховное командование немецкой армии подорвало моральный дух германского населения, информировав на совещании лидеров всех политических партии о невозможности дальнейшего сопротивления.

Люди, которые в течение длительного времени находились и неведении, неожиданно прозрели. Все недовольные и малоустойчивые элементы получили теперь возможность выразить свой протест.

Через несколько дней немецкое верховное командование почувствовало себя более уверенным и даже оптимистически настроенным, когда убедилось, что вклинивание англичан в линию Гинденбурга не привело к прорыву фронта. Оно еще больше ободрилось, получив сообщение о снижении темпов наступления союзников и в особенности о слабом использовании ими благоприятно сложившейся обстановки. Людендорф по-прежнему стремился к перемирию, но только с целью дать своим войскам возможность передышки, чтобы собраться с силами для оказания дальнейшего сопротивления и обеспечения организованного отхода на более короткую оборонительную линию, проходящую вдоль германской границы. До 17 октября он даже считал, что сможет добиться этого без передышки. Такое решение Людендорфа вытекало не столько из сложившейся обстановки, сколько из его субъективной оценки создавшегося положения. На самом деле обстановка никогда не была настолько тяжелой, как она представлялась Людендорфу 29 сентября. Однако его пессимистическое настроение широко распространилось в политических кругах и среди населения Германии, как волны от камня, брошенного в воду. Внутренний фронт начал разваливаться позднее, но он распался быстрее, чем военный фронт.

23 октября президент Вильсон ответил на немецкое предложение о мире нотой, которая фактически требовала от Германии безоговорочной капитуляции. Людендорф хотел продолжать войну в надежде, что успешная оборона границ Германии сможет ослабить решимость союзников. Однако он уже не был в состоянии повлиять на сложившуюся обстановку, воля нации к сопротивлению была подавлена, и на его слова никто не обращал никакого внимания. 26 октября он был вынужден сложить с себя полномочия.

После этого канцлер Германии в течение полутора суток находился в бессознательном состоянии вследствие приема слишком большой дозы снотворного. Вечером 3 ноября, когда он вернулся в свой кабинет, было получено сообщение о капитуляции не только Турции, но и Австрии. Тыл Германии остался без прикрытия. На следующий день в Германии произошла революция, которая быстро охватила всю страну в связи с тем, что мирные переговоры были отложены, так как кайзер не хотел отказаться от престола. Оставался единственный выход из положения, а именно - договориться с лидерами революции. 9 ноября принц Макс Баденский передал власть в руки социалиста Эберта. Немецкие полномочные представители в 5 ч утра 11 ноября 1918 г. подписали условия мира; в 11 ч утра война была окончена.

Исход войны в конечном счете был решен еще 29 сентября, когда немецкое командование пришло к выводу, что война проиграна. Людендорф и его помощники в то время были настолько подавлены, что их пессимистический настрой быстро охватил весь народ. Германии уже ничто не могло помочь. Командование могло вернуть свое самообладание, военная обстановка могла улучшиться, но моральное состояние армии и народа, как и всегда в войне, решило судьбу Германии.

Среди причин, приведших Германию к капитуляции, решающее влияние оказала, по-видимому, блокада. Если бы не блокада, немецкие войска смогли бы в течение длительного времени оказывать упорное сопротивление на своих государственных границах, при обязательном условии, конечно, чтобы не было революции. Если бы немецкий народ, единодушно поднявшись на защиту собственной территории, оказался в состоянии остановить наступление союзных армий, то неизбежный конец был бы только отсрочен вследствие блокады, осуществляемой морскими силами Англии.

Однако военные действия были наиболее решающим фактором, ускорившим капитуляцию Германии и предотвратившим продолжение войны. Такой вывод не означает, что в момент заключения перемирия военная мощь Германии была сломлена, а ее армии полностью разгромлены или что само заключение перемирия явилось ошибочной уступкой Германии со стороны союзников. Тщательный анализ последних ста дней войны подтверждает ту старую истину, что действительная цель войны заключается в подавлении воли противника к сопротивлению, а не в разгроме войск, что победа или поражение зависят главным образом от морального состояния противника и лишь косвенно от непосредственных ударов по нему. Именно внезапность действий союзников и сознание своей неспособности отразить их стратегические удары оказали на Людендорфа более сильное влияние, чем потеря своих войск, вооружения и территории.

Часть третья.

Стратегия Второй Мировой войны

Глава XV.

Стратегия Гитлера

Кампании Гитлера как до начала войны в 1939 г., так и в ходе ее являются наиболее яркой демонстрацией использования метода, изложенного в предыдущих частях этой книги. В первый период Гитлер применил стратегию не прямых действий в новых масштабах, используя материальный и психологический факторы как на поле боя, так и в государственной политике. Позднее он предоставил своим противникам широкие возможности для применения не прямых действий против него же самого.

На войне важно не допускать недооценки своих противников. Не менее важно понимать методы противника и разгадывать его замыслы. Такое понимание является необходимой предпосылкой для своевременного предвидения и предупреждения действий врага. Мирлюбивые государства много пострадали из-за того, что они упустили момент, не проявляя особого беспокойства о том, какой следующий шаг предпримет Гитлер. Любая страна много выиграла бы, имея в составе консультативных органов при правительстве отделы по изучению противника, охватывающему все стороны войны и ее проблемы, с тем чтобы своевременно разгадать очередной ход противника.

Будущий историк более всего удивится тому, что демократические правительства не предвидели курс, которому будет следовать Гитлер. Ведь никогда раньше человек с таким огромным честолюбием [245-246] не излагал заранее так открыто общий характер собственных действий и конкретные методы достижения своей цели. Книга Гитлера "Mein Kampf" ("Моя борьба") вместе с его речами и отдельными высказываниями давала достаточное количество фактов для понимания направления и последовательности его действий. Это поразительное саморазоблачение замыслов Гитлера является лучшим свидетельством не только того, что все достигнутое им не было случайностью или следствием простой уступчивости; оно не менее ярко свидетельствует о глупости людей. Даже Наполеон не относился с таким пренебрежением к своим противникам и к риску

раскрытия своих намерений, как Гитлер. Явная беззаботность в этом отношении Гитлера показывает понимание того, что люди зачастую не замечают вещей, которые находятся у них под носом. Гитлер воспользовался тем, что очевидное часто может стать лучшим средством маскировки, что иногда самые прямые действия могут оказаться наиболее неожиданными. Проявлять искусство сохранения тайны - это быть настолько открытым в отношении большинства фактов, чтобы насчет существования некоторых действительно важных обстоятельств не зародилось даже подозрений.

Гитлер заявлял: "Все наши действительные войны мы будем вести до начала военных действий" В своей книге "Говори! Гитлер" Раушнинг приводит слова фюрера: "Как добиться морального поражения противника еще до того, как начнется война, - вот вопрос, который меня интересует. Тот, кто побывал на фронте, будет стремиться воздерживаться от всякого кровопролития, если этого можно избежать".

Сосредоточившись на этой проблеме, Гитлер тем самым отошел от ортодоксального направления мышления немецких военных теоретиков, которые на протяжении столетия главным считали сражение и вели за собой по тому же узкому пути военной теории большинство других стран. Признав авторитет прусского философа войны Клаузевица незыблемым, в этих странах, не раздумывая, проглотили его трудно перевариваемые афоризмы, такие как: "кровавое разрешение кризиса, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил - первородный сын войны... лишь крупные бои общего характера дают крупные результаты... кровь всегда является их оплатой... мы и слышать не хотим о тех полководцах, которые будто бы побеждали без пролития человеческой крови". Клаузевиц отверг представление о том, что имеется искусный метод обезоружить и преодолеть сопротивление противника без большого кровопролития и это является настоящим проявлением военного искусства. Клаузевиц отбросил эту идею как порожденную воображением "филантропов". Он не учитывал того факта, что она могла быть продиктована просвещенным эгоизмом, желанием найти выгодный для нации выход, являющийся альтернативой бескомпромиссного решения. В результате учение Клаузевица, слепо воспринятое его учениками, побудило генералов искать боя (сражения) при первой представившейся возможности, вместо того чтобы предварительно создать для него благоприятную обстановку. Поэтому военное искусство в 1914-1918 гг. было сведено к процессу взаимного истребления людей.

Какими бы ограниченными ни были взгляды Гитлера, он, во всяком случае, переступил эти общепринятые границы. Раушнинг так передает его слова: "Народ убивает только тогда, когда он не может достигнуть своей цели другим путем. Есть более широкая стратегия, вооруженная психологическим оружием. Зачем мне деморализовать противника военными средствами, если я смогу это сделать лучше и дешевле другим путем?.. Наша стратегия состоит в том, чтобы разгромить противника изнутри, завоевать противника, используя его самого".

В какой мере Гитлер дал новое направление и более широкое толкование немецкой военной доктрине, лучше всего можно видеть, сравнив его теорию с теорией генерала Людендорфа, возглавлявшего вооруженные силы Германии в Первую Мировую войну и бывшего сторонником Гитлера во время неудавшейся попытки захватить власть в Германии в 1923 г. с помощью "похода на Берлин".

После создания тоталитарного государства и размышлений в течение почти 20 лет над уроками прошлой войны Людендорф изложил свои выводы по вопросу о будущей "тотальной войне". Он начал с решительной атаки на теорию Клаузевица, которая была положена в основу немецкой военной доктрины в 1914 г. Людендорф считал, что ошибка немцев заключалась не в том, что они зашли слишком далеко по пути неограниченного насилия, не обращая внимания на последствия, а в том, что они недостаточно энергично применяли насилие. Он критиковал Клаузевица за то, что последний придавал политике слишком большое значение. Для подтверждения этого он привел отрывок из Клаузевица, кончавшийся словами: "Политическое намерение является целью, война же только

средством, а никогда нельзя мыслить средство без цели". С точки зрения Людендорфа это положение устарело. Принцип тотальной войны требовал, чтобы в военное время нация все свои усилия направляла на войну, а в мирное время - на подготовку следующей войны. Война являлась высшим выражением "воли нации к жизни", и поэтому политика должна быть подчинена интересам войны.

При чтении книги Людендорфа становится ясно, что основная разница между его теорией и теорией Клаузевица заключалась в том, что первый считал войну средством, не ставя перед собой конечной цели, если не считать этой целью превращение всей страны в вооруженный лагерь. Такая точка зрения не являлась настолько новой, как, по-видимому, полагал сам Людендорф. Спарта пыталась придерживаться этого принципа и в конце концов погибла от подготовленного своими руками паралича. Преследуя цель подготовить страну к войне, создать нечто вроде сверх-Спарты, Людендорф ставил основной задачей обеспечить "физическое единство народа". Для этого он старался внедрить религию национализма, согласно которой все женщины должны были считать своим благороднейшим долгом рожать сыновей, которые "возьмут на себя бремя тотальной войны", а все мужчины - развивать свои способности для достижения этой же цели, т.е., короче говоря, размножать и размножаться для убоя. Другие позитивные мероприятия, которые Людендорф предлагал для обеспечения "физического единства", сводились не более как к древнему рецепту подавлять всякого, кто может высказать или хотя бы придерживаться взглядов, идущих вразрез со взглядами верховного командования.

Другое условие, на котором настаивал Людендорф, заключалось в необходимости обеспечить независимую национальную экономическую систему, удовлетворяющую требованиям тотальной войны. Он, по-видимому, понимал, что военная мощь покоится на экономическом фундаменте. Любопытно отметить, что, когда Людендорф упоминал о больших трудностях, вызванных в последней войне блокадой союзников, он не признавал, что это признание противоречит его убеждению в том, что войны решаются сражениями между армиями. В этом отношении он считал, что старый теоретик Германии заслуживает похвалы: "Клаузевиц думает только об уничтожении вражеских армий и сражении". С точки зрения Людендорфа это оставалось "неизменным принципом", в то время как согласно взглядам Гитлера, истинной целью военного руководителя является добиться капитуляции вражеских армий без сражения.

Представление Людендорфа о том, каким путем будет вестись следующая война, было лишь воспроизведением в увеличенном масштабе тех наступлений, блестяще начинавшихся, но безрезультатно заканчивавшихся, которые он проводил в 1918 г. Для него наступление по-прежнему представляло собой сражение, в котором продвижение пехоты вперед обеспечивается огнем артиллерии, пулеметов, минометов и поддерживается танками до тех пор, пока "пехота не уничтожит противника в рукопашном бою". Все передвижения войск должны вести только к сражению; механизация лишь ускоряет начало сражения.

Людендорф не имел каких-либо особых возражений против более широко распространенных форм ведения войны. Он отмечал, что требования тотальной войны "всегда будут брать верх над теоретическим желанием отказаться от ведения ничем не ограниченной подводной войны", что в новой войне авиация во взаимодействии с подводными лодками будет стремиться потопить любое судно, которое попытается достигнуть вражеского порта, "даже суда, плавающие под нейтральными флагами". Относительно же вопроса об ударах непосредственно по гражданскому населению Людендорф подчеркнул, что придет время, когда "эскадрильи бомбардировщиков будут бомбить гражданское население без всякого снисхождения". Но на полях сражений, которые имели для Людендорфа первостепенное значение, военно-воздушные силы должны применяться в первую очередь против армии противника. Только после разгрома армии противника военно-воздушные силы могут быть направлены против стратегического тыла вражеского государства.

Приветствуя появление каждого нового оружия и технического средства, он добавлял

их к своему арсеналу, а не использовал в целях большой стратегии. Он не развил мысль о взаимосвязи различных элементов в войне, да, пожалуй, и не имел об этом ясного представления. Короче говоря, военные взгляды Людендорфа заключались в следующем: увеличивайте, насколько это возможно, все виды вооруженных сил, и вы чего-нибудь достигнете. Но чего именно, это его не интересовало и не беспокоило. Ясно он выразил только то, что "военный главнокомандующий должен давать указания политическим руководителям, которые обязаны принимать и выполнять эти указания в интересах войны". Другими словами, лица, ответственные за национальную политику, должны дать военному главнокомандующему полную свободу действий в использовании ресурсов и решении вопроса о будущем благосостоянии нации.

Хотя между Людендорфом и Гитлером было много общего в их взглядах на расизм, на государство и право немецкого народа ни мировое господство, их расхождения были весьма значительны, особенно относительно метода достижения целей.

В то время как Людендорф абсурдно требовал, чтобы стратегия контролировала политику, а это равносильно требованию, чтобы армия сама себе ставила задачи, Гитлер решил эту проблему просто, объединив обе функции в одном лице. Таким образом, он воспользовался тем же преимуществом, каким пользовались Александр Македонский и Юлий Цезарь в древнем мире или Фридрих Великий и Наполеон Бонапарт в более позднее время. Это дало ему в руки неограниченные благоприятные возможности, которые не мог иметь обычный стратег по подготовке и развитию средств для достижения своей цели. В то же время он своевременно понял, что полководец по самой своей профессии менее всего способен признать, что военное оружие является лишь одним из многих средств, используемых большой стратегией для обеспечения победы.

Хотя имеется много причин, побуждающих ту или иную страну начать войну, цель войны может быть коротко сформулирована как обеспечение продолжения своей политики, преодолевая сопротивление другой страны, твердо решившей проводить самостоятельную политику. Источник конфликта и его главная причина - воля человека. Чтобы государству достигнуть цели в войне, государство должно подчинить волю противника своей политике. Если это понять, то принцип войны, который ученики Клаузевица считают главным "уничтожение главных вооруженных сил на поле сражения", - становится на свое место в ряду других принципов и средств большой стратегии, менее прямых видов военных действий, а также экономического давления, пропаганды и дипломатии. Вместо того чтобы чрезмерно подчеркивать значение какого-либо одного военного средства, которое в определенных условиях может оказаться неэффективным, гораздо целесообразнее подобрать и сочетать наиболее эффективные и сильнодействующие средства, которые подавят волю противника с наименьшими военными расходами и с минимальным ущербом для послевоенных перспектив победившей страны. Ведь самая решительная победа не будет иметь никакого значения, если победившая страна выйдет из войны обескровленной.

Цель большой стратегии состоит в том, чтобы вскрыть и использовать слабые места в способности противника организовать вооруженное сопротивление. Стратегия должна быть направлена на то, чтобы поразить противника там, где он менее всего защищен. Нанести удар туда, где противник силен, значит ослабить себя неизмеримо больше, чем оправдывает успех. Чтобы удар имел наибольший эффект, надо нанести его по слабому месту.

Поэтому более благоразумно и выгодно обезоружить противника, чем пытаться уничтожить его в тяжелой борьбе. Метод изматывания противника не только чреват опасностью чрезмерной растраты собственных сил, но и может привести к обратным результатам. Стратег должен добиваться того, чтобы парализовать противника, а не стремиться уничтожить его физически. Убить человека в бою - значит всего-навсего уменьшить армию только на одного солдата, в то время как живой, но лишенный присутствия духа человек является носителем страха, способным вызвать эпидемию паники. Воздействие на психологию командира может свести на нет боеспособность его войск. Психологическое же воздействие на правительство страны может оказаться достаточным,

чтобы лишить это правительство всех имеющихся в его распоряжении ресурсов, и тогда меч выпадет из его парализованной руки.

Повторяем основную мысль первой части этой книги: анализ войны показывает, что, в то время как номинальная сила страны характеризуется численностью населения и количеством ресурсов, ее реальная величина определяется состоянием внутренних органов и нервной системы стабильностью управления, моральным духом и снабжением. Прямое давление всегда ведет к усилению сопротивления противника, так происходит со снегом: чем сильнее сжимается снег, тем он становится плотнее и тем медленнее тает. Как в политике, так и в стратегии, или, иначе, как в дипломатической стратегии, так и в военной стратегии, не прямые действия являются наиболее эффективным средством нарушения психологической и физической устойчивости противника, создавая таким образом условия для его разгрома.

Подлинная цель стратегии - уменьшить возможности сопротивления. Отсюда вытекает другая аксиома: чтобы обеспечить достижение той или иной цели, необходимо иметь несколько целей. Наступлением, ведущимся против одного пункта, должна создаваться угроза другому пункту, на который в случае необходимости должен быть перенесен удар. Только при наличии такой гибкости выбора объекта стратегия может быть приспособлена к неожиданным изменениям в обстановке.

То ли инстинктивно, то ли учтя опыт других, но Гитлер осознал значение этих стратегических истин, которые до него мало кто признавал. Он применил психологическую стратегию в политической области и добился власти в Германии. При этом он, нащупав уязвимые места в структуре Веймарской республики, играл на человеческих слабостях, попеременно противопоставлял интересы капиталистов интересам социалистов, создал вначале впечатление, что он придерживается взглядов одной стороны, а затем менял свои взгляды на диаметрально противоположные. В результате последовательных и неожиданных маневров Гитлер достиг своей цели.

Добившись в 1933 г. власти в Германии, Гитлер распространил этот же метод в более широких масштабах. Заключив в следующем году с Польшей десятилетний пакт о ненападении (целью обезопасить свой восточный фланг), он в 1935 г. отбросил ограничения в вооружении, наложенные на Германию Версальским договором, и в 1936 г. снова ввел немецкие войска в Рейнскую демилитаризованную область. В том же году он искусно начал замаскированную войну, поддерживая совместно с Италией намерения генерала Франко свергнуть испанское республиканское правительство. Это явилось непрямым подходом к стратегическому тылу Франции и Англии, носившим отвлекающий характер в плане большой стратегии. Ослабив таким образом позиции Франции и Англии на западе, а также прикрыв себя с западного направления восстановленными укреплениями в Рейнской области, Гитлер приобрел возможность направить свои усилия на восток, предприняв шаги, которые явились дальнейшими непрямыми ударами по стратегическим основам западных держав.

В марте 1938 г. Гитлер вторгся в Австрию и обнажил таким образом фланг Чехословакии, разбив одновременно цепи, которыми Франция опоясала Германию после Первой Мировой войны. В сентябре 1938 г. в результате Мюнхенского соглашения Гитлер не только вернул Судетскую область, но и парализовал Чехословакию в стратегическом отношении. В марте 1939 г. он оккупировал эту страну и таким образом охватил фланг Польши.

Этой серией практически бескровных маневров, выполненных при помощи "мирных маршей" под прикрытием дымовой завесы более или менее правдоподобной пропаганды, он не только ликвидировал французское господство в Центральной Европе и стратегическое окружение Германии, но и коренным образом изменил обстановку в Европе в свою пользу. Этот процесс явился современным эквивалентом в более крупном масштабе и более высоком плане классического искусства маневра для занятия выгодной позиции, прежде чем завязать сражение. На всем протяжении этого периода мощь Германии возрастала. Прямо это выражалось в стремительном развитии ее вооружения, а непрямо - в уменьшении мощи ее

возможных главных противников путем отрыва от них союзников и подрыва корней их стратегии.

Таким образом, к весне 1939 г. Гитлер стал меньше бояться открытой борьбы. И в этот критический момент ему послужили на пользу неправильные действия Англии, неожиданно предложившей свои гарантии Польше и Румынии, каждая из которых в отдельности была уже стратегически изолирована Гитлером. Англия пошла на это, не получив предварительно каких-либо заверений со стороны России, единственного государства, которое могло оказать этим странам эффективную поддержку. Такой безрассудный шаг Англии был самым легкомысленным отказом от проводимой ею политики умиротворения и отступления, какой только можно себе представить. В то время эти гарантии носили явно провокационный характер. В самом деле, предоставление этих гарантий в районах Европы, фактически недоступных для вооруженных сил Англии и Франции, вызывали у Гитлера почти непреодолимое желание напасть на Польшу. Таким образом, западные государства подорвали основы той стратегии, которая при их ослабленной мощи представлялась теперь единственно возможной. Ибо вместо того, чтобы путем создания сильного объединенного фронта приостановить агрессию на западе со стороны Германии, они предоставили Гитлеру благоприятную возможность прорвать этот фронт в его слабом месте и тем самым добиться первоначального успеха.

Раушнинг подчеркивает, что Гитлер всегда планировал внезапные удары против слабых или изолированных стран, в то же время перекладывая основную тяжесть ведения наступательных действий на плечи своих противников, ибо немцы значительно выше оценивали мощь современной обороны, чем любой полководец или государственный деятель союзников. Теперь Гитлеру была предоставлена благоприятная возможность для осуществления своих планов. При таких обстоятельствах принципы стратегии Гитлера явно подсказывали ему необходимость немедленной попытки заключить пакт о ненападении с Россией, который гарантировал бы ее нейтралитет. Заключив пакт с Россией, Гитлер почувствовал себя более уверенно. Если бы союзники в силу своих обязательств объявили войну Германии, они автоматически утратили бы преимущества обороны и вынуждены были бы прибегнуть к наступательной стратегии в самых неблагоприятных условиях, не имея для этого необходимых ресурсов. Если бы они попытались нанести удар по линии Зигфрида, то лишь обнаружили бы свою беспомощность и подорвали свой престиж. Продолжая подобные попытки, они только увеличили бы свои потери, уменьшив шансы на успех в последующей обороне, когда Гитлер в свою очередь перешел бы в наступление.

Союзники могли бы выпутаться из этого затруднительного положения и лишить Гитлера полной свободы действий только путем проведения политики санкций, т. е. мерами экономического и дипломатического бойкота Германии, а также снабжения потенциальных жертв агрессии со стороны Германии вооружением. Такая политика санкций оказала бы Польше не меньше помощи и принесла бы значительно меньший ущерб престижу Англии и Франции и их перспективам на будущее, чем объявление ими войны Германии при таких неблагоприятных условиях.

В результате нерешительное наступление, предпринятое французами на линию Зигфрида, успеха не имело, а шум, поднятый вокруг этого наступления, привел к тому, что его провал нанес еще больший ущерб престижу союзников. В связи с быстрым продвижением немецких войск в Польшу провал наступления союзников еще более усилил страх нейтральных стран перед Германией. Их доверие было поколеблено так сильно, как его не могли бы поколебать любые компромиссные действия союзников.

Теперь, под прикрытием западных оборонительных укреплений, которые мнимые спасители Польши были явно неспособны преодолеть, Гитлер смог закрепить свои военные победы и использовать политические преимущества. Он мог находиться в обороне до тех пор, пока французский и английский народы не устали бы от войны, нелепый характер которой становился для них все более очевидным. Однако государственные деятели союзников начали болтовню о наступлении задолго до того, как они получили средства,

чтобы от слов перейти к делу. В результате они лишь спровоцировали последствия, к которым не были готовы. Провокационный характер болтовни союзников дал Гитлеру новую благоприятную возможность и явился для него стимулом упредить их, перейдя в наступление первым. В то время как многие в Англии и Франции полагали, что соседние с Германией малые нейтральные страны могли бы стать подступами к ее флангам, Гитлер сам оказался на флангах союзников, вторгшись по крайней мере в пять из этих стран и действуя, ни с чем не считаясь, что вообще является характерным для агрессора.

В первые месяцы войны Гитлер относился положительно к идее сохранения нейтралитета Норвегией, так как Норвегия прикрывала северный фланг Германии. Кроме того, Германия получала через норвежский порт Нарвик железную руду из Швеции. Только явные и все усиливающиеся признаки того, что союзники планировали захват Норвегии в целях установления своего контроля над норвежскими водами и портами, побудили Гитлера предупредить их действия и оккупировать Норвегию.

Все же оккупация Норвегии была запланирована Гитлером значительно раньше. Еще в 1934 г. Гитлер поделился с Раушнингем и другими лицами своими соображениями относительно внезапного захвата главных портов на Скандинавском полуострове путем нанесения ряда одновременных ударов силами небольших морских десантов, действующих под прикрытием авиации. Удобные места для высадки десантов указали бы агенты Гитлера в Скандинавских странах, а сами десантные операции начались бы под предлогом защиты этих стран от агрессии со стороны других держав. "Это была бы смелая и интересная операция, никогда ранее не предпринимавшаяся в истории мира", так говорил "артист" войны. Этот поразительный замысел был осуществлен 11 апреля 1940 г. и превзошел все ожидания. Гитлер боялся, что и некоторых объектах высадка десантов могла не увенчаться успехом, и поэтому больше рассчитывал на захват стратегически важных пунктов. Однако фактически он овладел всеми намеченными объектами, не встретив серьезного сопротивления, несмотря на то что дерзко протянул свои пальцы на север вплоть до самого Нарвика.

Поразительно легко достигнутый успех, с не меньшей легкостью подкрепленный срывом попытки вторжения союзников в Норвегию, естественно, усилил стремление Гитлера нанести очередной и более мощный удар, запланированный им уже давно. В предыдущие годы, обсуждая обстоятельства, при которых он рискнул бы начать большую войну, Гитлер выразил намерение, продолжая обороняться на западе, дать противнику возможность первому начать наступление, после чего он сразу же ударил бы по Скандинавии, Голландии и Бельгии, улучшил бы свое стратегическое положение и сделал бы мирное предложение западным державам: "Если это им не понравится, они могут попытаться выбить меня. Во всяком случае, они вынуждены были бы взвалить на свои плечи бремя ведения наступательных действий". Но теперь обстоятельства изменились. Гитлер сделал мирное предложение после завоевания Польши, и оно было отвергнуто западными державами. После такого резкого отпора он решил силой заставить Францию заключить мир и перебросил свои армии на запад, чтобы начать наступление осенью 1939 г. Сомнения немецких генералов в достаточности сил для разгрома англо-французских армий и плохая погода заставили Гитлера отсрочить выполнение этого намерения. Но вместе с задержкой росло нетерпение Гитлера, и после триумфа в Норвегии, где фюрер еще раз пренебрег предостерегающими советами своих генералов, дальше сдерживать его было уже невозможно.

Еще при обсуждении возможности такого наступления он заявил: "Я выманю Францию с линии Мажино, не потеряв ни одного солдата". Разумеется, Гитлер несколько прихвастнул, однако его потери в мае 1940 г. оказались весьма незначительными в сравнении с достигнутыми им успехами.

Согласно первоначальному плану немцев, главный удар наносился правым крылом - группой армий Бока. Но в начале 1940 г. план был коренным образом переделан и центр тяжести был перемещен на Арденны. При этом были учтены доводы генерала Манштейна (начальника штаба группы армий Рундштадта), доказывавшего, что наступление через

Арденны будут иметь больше шансов на успех, так как противник меньше всего ожидает удара с этого направления.

Самой характерной чертой войны на западе было стремление германского командования не наносить прямых ударов и постоянно применять не прямые действия, несмотря на превосходство немцев в современных средствах нападения. Немцы не пытались прорвать линию Мажино. Вместо этого путем отвлекающего наступления на малые нейтральные страны - Голландию и Бельгию - Гитлеру удалось выманить союзников из их оборонительных укреплений на бельгийской границе. Затем, когда союзники продвинулись в глубь Бельгии, причем немецкие военно-воздушные силы сознательно не препятствовали их продвижению, немцы нанесли удар с тыла по основной группировке французских войск.

Операция осуществлялась ударной группировкой, сформированной целиком из танковых дивизий, причем эта группировка составляла лишь незначительную часть всей немецкой армии. Германское командование было достаточно сообразительным, чтобы понять, что для обеспечения быстрого успеха оно должно полагаться больше на технику, чем на людей. И все же ударная группировка была так мала, что немецкие генералы сильно сомневались в успехе удара²⁷. Успех был достигнут главным образом благодаря опрометчивости, т. е. рискованному стремлению французского командования сосредоточить почти все силы левого крыла для массированного наступления на Бельгию, оставив лишь несколько второстепенных дивизий для охраны центрального сектора против Арденн - гористого лесного района, который французы считали мало подходящим для действий механизированных дивизий. Немцы же, напротив, использовав Арденны и обеспечив тем самым внезапность, показали, что они хорошо усвоили урок, что естественные препятствия легче преодолеть, чем сопротивление людей, закрепившихся на сильных оборонительных позициях.

Ясно также, что быстрое развитие немецкого наступления на Седан было облегчено тем, что оно последовательно создавало угрозу другим объектам и держало французов в неведении относительно его дальнейшего направления. Вначале французы недоумевали, нанесут ли немцы удар по Парижу или в тыл французских армий в Бельгии; затем, когда немецкие танковые дивизии устремились на запад, французы не могли определить, куда направятся немцы в сторону Амьена или Лилля. Дезориентируя таким образом французов и отношения истинного направления своего движения, немецкие войска быстро продвинулись до побережья Ла-Машпа.

Тактика немецких войск соответствовала их стратегии: они избегали наносить удары в лоб и постоянно стремились найти уязвимые места, где противник оказывал наименьшее сопротивление. Пока государственные деятели союзников, совершенно не понимавшие характера современной войны, призывали свои армии отразить вторжение сильными, неослабевающими контрударами, немецкий танковый поток промчался в обход громоздких скоплений пехоты союзников. (Союзные войска, возможно, и остановили бы этот поток, если бы им не было приказано отказаться от обороны укрепленных рубежей. Ничто не могло быть менее эффективным в этих условиях, чем их попытки проведения контратак и нанесения контрударов.) В то время как союзное командование искало сражений, немецкое командование, усвоившее опыт прошлого, избегало их, стремясь парализовать своего противника в стратегическом отношении. Немцы использовали для этой цели танки, пикирующие бомбардировщики и парашютистов. Они создавали беспорядок в тылу и нарушали коммуникации противника. В свете итогов войны во Франции смешно звучит успокаивающее заявление фельдмаршала Айронсайда о том, что генералы противной стороны будут испытывать затруднения из-за того, что никто из них в Первую Мировую войну не был в чине выше капитана. Восемью годами раньше Гитлер критиковал своих генералов за то, что они не видели новых удивительных вещей, совершенно не обладали воображением, находились в плену своих технических знаний. Однако, несмотря на эти недостатки, некоторые из более молодых немецких офицеров показали исключительную способность оценивать новые идеи.

Но не только использованием нового оружия, новых приемов, тактики и стратегии объясняются успехи Германии. В ходе войны Гитлер придал непрямым действиям более широкий размах и вложил в них более глубокое содержание. Этому он добился посредством изучения большевистских методов революции, так же как новая немецкая армия выиграла от применения разработанной англичанами техники ведения механизированной войны. Знал об этом Гитлер или нет, но использованные им основные методы в обеих областях применялись в далеком прошлом монголами при Чингисхане. При подготовке наступления Чингисхан стремился найти влиятельных приверженцев в других странах, которые могли бы изнутри подорвать сопротивление этих стран, вызвать волнения и быть готовыми образовать новое, послушное ему правительство. У Гитлера не было надобности в подкупе таких лиц. Он рассчитывал на вольных и невольных агентов из среды правящих классов, на их своекорыстное честолюбие, авторитарные наклонности и партийный дух. Затем, чтобы открыть путь своим войскам, Гитлер в подходящий момент использовал штурмовиков, которые проникали на территорию противника еще в мирное время под видом коммерсантов или экскурсантов и по получении соответствующего сигнала переодевались в военную форму противника. Их задачей было выводить из строя коммуникации, распространять ложные слухи и, если возможно, похищать видных общественных деятелей. Этот замаскированный авангард немцев в других странах в свою очередь должны были поддерживать парашютисты.

В войне, которую Гитлер намеревался вести, фронтальные наступления немцев были бы либо блефом, либо простой военной прогулкой. Основное внимание обращалось на нападение на противника с тыла в той или другой форме. Гитлер с презрением относился к фронтальным штурмам и рукопашному бою, являющимся азбукой для обычного солдата. Он начинал войну с деморализации и дезорганизации противника. Более того, сама война должна была носить скорее психологический характер: слова вместо оружия, пропаганда вместо снарядов. Если в Первой Мировой войне для разрушения оборонительных сооружений противника перед наступлением пехоты проводилась артиллерийская подготовка, то в будущей войне Гитлер предлагал предварительно подорвать моральный дух противника. В этой войне должны были использоваться все виды оружия и особенно пропаганда. "Генералы, несмотря на уроки войны, хотят проявить себя такими благородными рыцарями. Они думают, что война будет вестись наподобие турниров в средние века. Мне не нужны рыцари. Мне нужны революции", - говорил Гитлер.

Цель войны для Гитлера - заставить противника капитулировать. Он считал, что, если воля противника к сопротивлению будет парализована, убийство станет излишним, являясь, кроме того, грубым и расточительным средством для достижения цели. Окольный путь - впрыскивание микробов в организм сопротивляющейся страны для подавления ее воли - явился бы, по его мнению, гораздо более эффективным средством.

Такова была теория войны Гитлера, рассчитанная на применение психологического оружия. Тот, кто пытался остановить его, должен был бы предварительно понять это. Целесообразность использования этой теории в военной области была доказана. Более эффективными являются действия, приводящие к параличу нервной системы военной машины противника, чем непосредственные удары по его живой силе. Применение этого метода в политической области не было достаточно проверено. Остался открытым вопрос, удалось ли бы только при помощи психологического оружия деморализовать сопротивление противника без парализующего воздействия новых родов войск, применяющих новые методы наступления. Даже на примере войны с Францией мы видели, что превосходство Германии в военной технике было вполне достаточным для разгрома, не говоря уже о предварительном ослаблении воли Франции к сопротивлению.

При значительном превосходстве в силе или искусстве ее применения силой всегда можно преодолеть другую силу. Но нельзя силой подавить идеи. Будучи неосозаемыми, идеи поддаются только психологическому воздействию, и их устойчивость не раз ставила в тупик бесчисленных поклонников силы. Никто из них, возможно, так не осознавал силу идей, как

Гитлер. Но то обстоятельство, что Гитлеру по мере возрастания его могущества все больше приходилось полагаться на применение силы, свидетельствовало, что он переоценил свои возможности политическими методами обращать идеи себе на пользу. Ведь идеи, которые не проистекают из практического опыта, являются нежизненными и оказывают сильное обратное действие.

Гитлер еще дальше развил искусство наступательной стратегии. Он лучше, чем любой из его противников, овладел искусством проведения первого этапа большой стратегии, а именно развития и координирования всех видов военных приготовлений и всех возможных средств, которые могут быть использованы для воздействия на волю противника. Однако, подобно Наполеону, Гитлер недостаточно разбирался в вопросах большой стратегии такого высокого уровня, когда война ведется с предвидением тех изменений в устройстве мира, которые последуют после войны. Для того чтобы добиться успеха, человек должен быть не только стратегом, но одновременно и вождем, и философом. Хотя стратегия противоречит принципам морали, так как она в значительной степени основана на искусстве обмана, большая стратегия имеет тенденцию не расходиться с принципами морали, поскольку она всегда имеет в виду конечную цель прикладываемых усилий.

Стараясь продемонстрировать непреодолимость своего наступления, немцы значительно ослабили оборону в стратегическом, экономическом и больше всего в психологическом отношении. По мере того как немецкие войска вступали на чужие территории в Европе, принося людям несчастье, но не обеспечивая мира, широко распространялись микробы возмущения, из которых должно было вырасти сопротивление идеям Гитлера. К влиянию этих микробов становились все более восприимчивыми и сами немецкие войска вследствие контакта с населением оккупированных стран. Они заражались теми же настроениями, которые вызывали в других. Это начало заглушать воинственный энтузиазм, который так усердно возбуждал Гитлер, и стало усиливать тоску немецких солдат по дому. Сознание одиночества вызывало чувство удрученности, чувство усталости от войны, что, в свою очередь, способствовало созданию среди немецких солдат нездоровых настроений. Своей безудержной экспансией Гитлер дал уцелевшему противнику (Англии) возможность вырвать у него из рук завоеванное им преимущество. Это могло бы произойти быстрее при достаточной политической прозорливости со стороны Англии. Но даже и без этого обстановка в конце концов должна была улучшиться, поскольку Великобритания продолжала оставаться непобежденной. Однако, для того чтобы принудить Англию к миру, Гитлеру необходимо было добиться над ней полной победы. В то же время чем дальше он распространял свою экспансию, тем больше усложнял проблему сохранения контроля над покоренными народами. Каждый шаг Гитлера вперед увеличивал для него опасность поскользнуться. Для Великобритании проблема была проще, хотя тоже не из легких. Она должна была держаться до тех пор, пока Гитлер, как в свое время Наполеон, не сделал бы непоправимую ошибку. К счастью для Англии, такая ошибка была совершена Гитлером раньше, чем ее положение стало катастрофическим. Ошибка стала непоправимой, так как в вопросах оборонительной стратегии Гитлер отнюдь не имел такого чутья, как в вопросах наступательной стратегии. Чрезвычайный размах прежних успехов привел Гитлера, как и Наполеона, к убеждению, что только посредством наступления он может разрешить все свои проблемы.

Глава XVI.

Успехи Гитлера в начале Второй Мировой войны

Завоевание Польши в 1939 г. и последующий разгром Западной Европы в 1940 г. знаменательны тем, что они явились яркой демонстрацией теории молниеносной механизированной войны, теории, которая была создана в Англии, но проведена в жизнь в Германии, главным образом благодаря усилиям генерала Гудериана - создателя германских бронетанковых войск. Хотя высшие немецкие генералы относились к новой технике с некоторым недоверием и отпускали средства на ее развитие в более ограниченном размере, чем этого хотели ее сторонники, результаты оказались поразительными. Новая техника не

только революционизировала войну, но и изменила весь ход мировой истории. Ибо влияние побед Гитлера на положение и дальнейшие перспективы развития Западной Европы не могло быть устранено даже после его окончательного разгрома²⁸. Более того, огромное усилие, которое вынуждена была сделать Америка, чтобы разбить Гитлера, привело к тому, что центр мирового могущества переместился в Западное полушарие. Установление господства России на Евразийском континенте явилось другим тревожным результатом, имеющим эпохальное значение.

В кампаниях, в результате которых произошли две революции, одна в методах ведения войны, другая в перемещении центра мирового могущества, были также продемонстрированы весьма важные примеры применения стратегии не прямых действий. Анализ военных операций на Западе ясно показывает, что механизированные войска нового типа вряд ли имели бы успех без применения новых способов ведения войны. Однако эффект оказался взаимным. Подвижность и гибкость механизированных войск обеспечили непрямым действиям еще большие потенциальные возможности.

Польша, к ее несчастью, являлась идеальным местом для демонстрации таких действий. Ее граница с Германией тянулась на 2000 км; после оккупации немцами Чехословакии германо-польская граница увеличилась еще на 800 км. В результате этого южный фланг Польши, как и северный, примыкавший к Восточной Пруссии, оказался неприкрытым. Таким образом, Западная Польша представляла собою обширный выступ, охваченный с трех сторон немецкой территорией.

Опасность для Польши усугублялась неправильной дислокацией польских войск, основная масса которых находилась в передней части выступа. Естественное желание прикрыть жизненно важный польский промышленный район, расположенный западнее Вислы, подкреплялось национальной гордостью и излишней самоуверенностью поляков в своих силах.

Польская армия мирного времени по численности была равна французской и лишь немного уступала немецкой. Польша имела 30 пехотных дивизий и 12 кавалерийских бригад. Однако промышленные ресурсы страны были недостаточны для полного использования ее людских резервов и даже для обеспечения вооружением действующей армии. При мобилизации поляки могли увеличить количество своих дивизий только на одну треть, в то время как Германия могла более чем в два раза увеличить число своих дивизий, за исключением танковых и моторизованных. Однако этот недостаток Германии не играл большой роли, поскольку Польша вообще не имела таких современных средств борьбы, как танки.

Положение осложнялось еще тем, что польская равнина представляла собой ровную и удобную местность для действия механизированных войск противника, хотя и не была такой удобной, как во Франции, из-за недостатка в Польше хороших дорог, песчаного грунта и большого количества в некоторых районах Польши озер и лесов. Однако время года, выбранное немцами для вторжения в Польшу, свело эти помехи до минимума.

Учитывая охватывающее положение Германии по отношению к Польше, немцы стремились применить стратегию не прямых действий в физическом смысле этого слова. Эффект таких действий был еще более усилен благодаря методу, использованному немцами.

На севере вторжение было осуществлено группой армий Бока в составе 3-й армии Кюхлера и 4-й армии Клюге. Армия Кюхлера наступала из Восточной Пруссии в южном направлении, в то время как армия Клюге продвигалась в восточном направлении через польский коридор с задачей соединиться с армией Кюхлера и окружить правофланговую северную группировку поляков.

На группу армий Рундштедта, действовавшую на юге, была возложена более важная роль. Она была почти вдвое сильнее северной группы армий по количеству пехоты и более чем в два раза по танкам. В состав этой группы входили три армии: 8-я армия Бласковица, 10-я - Рейхенау и 14-я - Листа. Армия Бласковица, составлявшая левое крыло группы Рундштедта, должна была наступать в направлении крупного промышленного центра Лодзь

(см. рис. 10), оказывая помощь в окружении польских войск в познанском выступе и одновременно прикрывая фланг армии Рейхенау. Армия Листа, составлявшая правое крыло, должна была наступать на Краков, с обходом фланга поляков в Карпатах, направив через горные проходы танковый корпус. Однако решающий удар наносился центром этой группы - армией Рейхенау. Поэтому армия Рейхенау была усилена большим количеством танков.

Вторжение началось 1 сентября 1939 г., и к 3 сентября, когда Англия и Франция, согласно данным ими гарантиям Польше, вступили в войну, Клюге перерезал коридор и достиг нижнего течения Вислы, в то время как Кюхлер продолжал двигаться из Восточной Пруссии в направлении Нарева. Еще большее значение имело то, что танковые войска Рейхенау достигли р. Варты и форсировали ее. В то же время армия Листа наступала с двух сторон на Краков. К 4 сентября головные части Рейхенау переправились через р. Пилицу в 50 км от границы, и двумя сутками позже его левое крыло продвинулось далеко за Томашув, а правое крыло вступило в Кельце.

Главкомандующий германской армией Браухич приказал продолжать наступление в восточном направлении к Висле и дальше. Однако Рундштедт и его начальник штаба Манштейн проявили личную инициативу, внося коррективы в план Браухича, правильно оценив, что основные польские силы, по-прежнему находившиеся к западу от Вислы, можно поймать в ловушку. Левому крылу Рейхенау, впереди которого действовал танковый корпус, была поставлена задача повернуть на север, выйти в тыл крупного сосредоточения польских войск в районе Лодзи и захватить выгодный рубеж вдоль р. Бзуры, на участке между Лодзью и Варшавой. Этот маневр немцев на север встретил слабое сопротивление со стороны поляков, так как он оказался для них неожиданным, и в результате крупные польские силы были отрезаны и не смогли отойти за Вислу.

Преимущество, полученное немцами благодаря их глубокому стратегическому прорыву на наиболее уязвимом направлении, было усилено преимуществом тактической обороны, к которой они теперь перешли. Чтобы закрепить победу, немцы должны были лишь удерживать местность, отражая поспешно организованные контрудары польских войск, которые сражались с перевернутым фронтом, будучи отрезанными от своих баз, испытывая недостаток запасов, все более сдавливаемые с фланга и тыла продолжавшимся наступлением в восточном направлении армий Бласковица и Клюге. Хотя поляки сражались упорно и храбро, что произвело большое впечатление на немцев, только незначительной части польских войск удалось в конце концов прорваться к Варшаве и соединиться с гарнизоном города.

10 сентября главкомандующий польской армией маршал Рыдз-Смиглы приказал оставшимся войскам начать общий отход в направлении юго-восточной части Польши, рассчитывая организовать оборону на сравнительно узком участке фронта для оказания длительного сопротивления. Однако его расчеты не оправдались, так как кольцо окружения к западу от Вислы все более сжималось, немцы местами проникли в глубь территории восточное Вислы и осуществляли более широкий маневр на окружение, который охватывал фланги возможных польских оборонительных позиций между реками Сан и Буг (см. рис. 10).

Наиболее удаленная (восточная) часть р. Буг была достигнута и обойдена посредством замечательных не прямых действий. В начале вторжения танковый корпус Гудериана действовал впереди 4-й армии Клюге, наступая через польский коридор в северо-западном направлении в целях выхода к Восточной Пруссии. Он быстро прошел через эту немецкую территорию и появился на левом, восточном фланге 3-й армии Кюхлера, продвигавшейся на юг. Переправившись 9 сентября через р. Нарев, Гудериан двинулся в южном направлении и к 14 сентября, пройдя 160 км, вышел на р. Буг в районе Брест-Литовска, т.е. к основанию польского выступа. После этого его головные части продвинулись еще на 65 км в сторону Влодавы с задачей соединиться с частями танкового корпуса Клейста, наступавшими с юга, и замкнуть кольцо окружения. Таким образом, разгром польских войск был предreshен еще до того, как 17 сентября и русские пересекли восточную границу Польши.

Триумфальная кампания немцев на западе через девять месяцев после завершения

военных действий в Польше характеризовалась непрямыми действиями не столько в чисто военном, сколько в психологическом отношении. В основе ее была заложена идея нарушить стойкость противника посредством обеспечения внезапности по направлению, времени и методу действий, которым предшествовали ложные отвлекающие мероприятия и которые сопровождались максимально быстрым развитием успеха по линии наименьшего сопротивления на предельно большую глубину.

В начале октября 1939 г., после разгрома Польши, Гитлер дал свои первые указания относительно подготовки к наступлению на западе. В них подчеркивалось, что, если Англия и Франция не согласятся прекратить войну, он предпримет боевые действия возможно скорее, так как длительное ожидание только увеличило бы военную мощь противников Германии и, вероятно, привело бы к переходу нейтральных стран на сторону союзников. С точки зрения Гитлера, время работало против Германии во всех отношениях. Гитлер выразил опасение, что, если бы он занял выжидательную позицию, как ему рекомендовали его военные советники, рост вооружений союзников обогнал бы рост вооружений Германии; затянувшаяся война истощила бы имевшиеся ограниченные ресурсы. Тем самым Германия поставила бы себя под опасный удар в спину со стороны России, так как Гитлер чувствовал, что его договор со Сталиным не обеспечил бы нейтралитета России ни на одну минуту дольше, чем это соответствовало бы интересам Сталина. Страх побуждал Гитлера вынудить Францию к заключению мира путем быстрого перехода в наступление. Он считал, что, если Франция выйдет из войны, Англия будет вынуждена пойти с ним на сделку.

Гитлер полагал, что он имел к этому времени достаточные силы для разгрома Франции, так как Германия обладала превосходством в новых видах оружия, что имело решающее значение. Он говорил: "Наши танковые войска и военно-воздушные силы не только как средство наступления, но и как средство обороны достигли в настоящее время такого технического совершенства, какого нет ни в одной стране мира. Их стратегический потенциал в боевых действиях обеспечивается должной моторизацией и опытным руководством, каких не имеет никакая другая страна". Признавая, что французы обладали превосходством в оружии старых образцов, особенно в тяжелой артиллерии, Гитлер утверждал, что эти виды оружия не имеют решающего значения в маневренной войне. Опираясь на техническое превосходство в новых видах оружия, Гитлер мог не считаться с возможным превосходством французов в количестве отмобилизованных войск. Руководство германской армии разделяло опасения Гитлера в отношении затяжной войны, но в отличие от фюрера не питало надежд на успех молниеносной войны. Чувствуя, что сил для разгрома французов было недостаточно, военные руководители советовали Гитлеру придерживаться оборонительного способа действий, рассчитывая на то, что Франция и Англия проявят склонность к заключению мира или попытаются начать наступление, которое обеспечило бы возможность немцам дать им сокрушительный отпор и перейти в контрнаступление.

Но Гитлер не согласился с этим предложением. Наступление в конце концов было намечено на вторую неделю ноября 1939 г., но затем отложено на три дня вследствие неутешительных сообщений о погоде и положении на железнодорожном транспорте. Короткие отсрочки подобного рода - всего их было одиннадцать - продолжались до середины января, после чего последовал длительный перерыв до мая, когда было отдано предварительное распоряжение, на этот раз подтвердившее определенную дату начала наступления. Однако за это время план подвергся коренной переделке.

В первоначальном плане, составленном Генеральным штабом под руководством Гальдера, предусматривалось нанести главный удар через центральную часть Бельгии, как и в 1914 г. Это должна была сделать группа армий "В" Бока, а группа армий "А" Рундштедта, находившаяся на левом крыле, должна была наступать на второстепенном направлении через гористые и лесистые Арденны. Надежды на успех на арденнском направлении были весьма призрачными, поэтому все танковые дивизии были переданы Боку. Генеральный штаб немцев оценивал местность в Арденнах как слишком неблагоприятную для действий танков.

Однако начальник штаба Рундштедта, Манштейн, считал этот план слишком

шаблонным, слепо копировавшим план 1914 г. Удар через Бельгию не явился бы для союзников неожиданным, и они были готовы его отразить. Другим недостатком этого плана Манштейн признавал то, что удар наносился по английской армии, которая считалась более стойкой, чем французская. Третьим недостатком, с точки зрения Манштейна, было то, что в случае удачи войска союзников были бы просто отброшены назад и немцы ничего не добились бы, кроме разве захвата побережья Фландрии. Реализация этого плана не дала бы решающих результатов. Таких результатов можно было бы добиться только непрямыми действиями, перерезав коммуникации и пути отхода армий союзников из Бельгии.

Манштейн предложил переместить основные усилия с правого крыла к центру и главный удар нанести через Арденны, т. е. на неожиданном для противника направлении. Он считал, что бронетанковые войска можно успешно использовать в этом районе, несмотря на труднопроходимую местность, причем его предложение было поддержано авторитетным мнением Гудериана.

Смелость нового замысла понравилась Гитлеру. Однако принять окончательное решение и изменить первоначальный план помог лишь один необычный случай, когда 10 января штабной офицер, имевший при себе документы, относящиеся к этому плану, потерял из-за снежного бурана ориентировку при полете из Мюнстера в Бонн и по ошибке приземлился на бельгийской территории. Германское верховное командование, естественно, описалось, что он не успеет уничтожить документы (и действительно ему не удалось их полностью сжечь). Однако главнокомандующий германской армией и начальник Генерального штаба долго еще не решались полностью изменить план, как предлагал Манштейн. Их сопротивление было преодолено только после того, как Манштейну удалось встретиться с Гитлером и заручиться его решительной поддержкой этого необычного проекта.

Тем временем ложные тревоги заставили союзников раскрыть свои карты. Немецкому командованию стало ясно, что союзники намереваются двинуться значительными силами в глубь Бельгии. Этот факт также усилил доводы в пользу изменения немецкого плана в соответствии с предложением Манштейна.

При исследовании хода событий становится очевидным, что старый план почти наверняка не смог бы обеспечить решительного разгрома Франции. Ибо при прямом наступлении немцев через центральную часть Бельгии они натолкнулись бы на более сильную и лучше вооруженную группировку англо-французских войск и должны были бы прокладывать себе путь через территорию с множеством препятствий: реками, каналами, крупными городами. Арденны могли показаться еще более труднопреодолимым препятствием, но если бы немцам удалось проскочить через этот пояс лесистых холмов в южной части Бельгии до того, как французское верховное командование почувствовало бы опасность, перед ними открылись бы равнины Франции, удобные для массированного применения танков.

Манштейн считался также с возможностью продвижения союзников в Бельгию и рассчитывал получить от этого дополнительное преимущество. Его расчеты полностью оправдались. Согласно плану, составленному главнокомандующим союзными войсками генералом Гамеленом, усиленное левое крыло союзных армий должно было вступить в Бельгию немедленно вслед за вторжением немцев в эту страну и продолжить наступление в восточном направлении до рубежа р. Диль (см. рис. 7), а если бы оказалось возможно, то и дальше. Этот план, закодированный буквой "Д", оказался настолько же гибельным, как и французский "План XVII" в 1914 г. Он был на руку немцам, придавая их наступлению форму и эффект флангового контрудара. Чем дальше продвигались союзники в Бельгию, тем легче становилось наступающим немецким войскам выйти через Арденны в тыл союзников и отрезать их левое крыло.

Роковой исход наступления союзников стал тем более неизбежным, что Гамелен перебросил основные силы своих подвижных войск в Бельгию и оставил только небольшой заслон из второсортных дивизий, обращенных фронтом к выходам со стороны считавшихся

непроходимыми Арденн, чтобы прикрыть наступающие войска. Когда немцы нанесли удар во фланг французских войск, Гамелен не только был выведен из равновесия, но и имел мало шансов на восстановление устойчивости, так как лучшие войска, которые легче всего можно было бы перебросить для прикрытия образовавшейся брешы, находились далеко в Бельгии. Бросив отборные войска в Бельгию, Гамелен лишил себя стратегической гибкости.

Создавшаяся для тыла французских войск опасность была в течение некоторого времени не столь очевидной вследствие того, что немцы нанесли первоначальные удары по Голландии и северной части Бельгии, которые отвлекли внимание французского командования от Арденн. Голландская армия была приведена в замешательство внезапной выброской в ее тыл воздушного десанта и проведением немцами мощных атак с фронта, в результате чего она капитулировала на пятый день. Передовые позиции бельгийской армии были прорваны на второй же день наступления немцев, после чего она отошла на рубеж Антверпен-Намюр (рис. 9), где, согласно договоренности, соединилась с английскими и французскими войсками.

В Голландии, вблизи ее столицы Гааги и в центре коммуникации страны Роттердаме, на рассвете 10 мая были неожиданно выброшены немецкие парашютисты. Одновременно парашютисты были выброшены также в районе голландских пограничных оборонительных сооружений, расположенных в 160 км восточнее Роттердама. Паника и смятение в результате этого двойного удара с фронта и тыла - были увеличены массированным применением немцами авиации. Воспользовавшись растерянностью голландцев, немецкая танковая дивизия прорвалась через брешь на южном фланге голландских пограничных укреплений и на третий день соединилась с воздушно-десантными частями в районе Роттердама. Голландцы, осуществляя стратегическую оборону, нынуждены были перейти в тактическое наступление, к которому они не были подготовлены. На пятый день Голландия капитулировала, несмотря на то что ее основной фронт не был прорван.

Прямое вторжение немцев в Бельгию оказалось внезапным в психологическом отношении, и поэтому интервенты добились быстрого успеха. Наступление по суше осуществлялось силами 6-й армии под командованием Рейхенау. Чтобы надлежащим образом развернуться, эта армия должна была преодолеть мощные заграждения, а для оказания ей помощи имелось всего лишь [Рис. 9. Западный театр военных действий в 1940 г. 270] 500 парашютистов. Последние были использованы для захвата двух мостов через канал Альберта и наиболее современного бельгийского форта Эбен-Эмаель, который фланкировал приграничную водную преграду. Этот небольшой отряд парашютистов оказал решающее влияние на исход событий. Так как подступы к бельгийской границе на избранном немцами направлении проходили через южный выступ вдающейся в Бельгию голландской территории, известный как "Маастрихтский аппендикс", то на преодоление этого участка местности шириной 25 км потребовалось бы некоторое время, более чем достаточное для бельгийских пограничников, чтобы взорвать мосты через канал Альберта до подхода немецких войск.

Немецкие парашютисты, выброшенные ночью вблизи мостов, оказались новым и единственным средством для захвата этих важных мостов невзорванными. Форт Эбен-Эмаель был парализован группой планеристов в составе 80 человек, приземлившихся непосредственно на территории форта и на целые сутки сковавших его гарнизон в 1200 человек. Подошедшие немецкие войска захватили форт, переправились по захваченным мостам через канал Альберта и вторглись в Бельгию. Под давлением немцев бельгийские части отступили к р. Диль, куда к этому времени начали прибывать французские и английские войска.

Удачные действия воздушно-десантных войск в Бельгии и Голландии были намечены Гитлером, хотя блестящее и успешное руководство ими осуществлял смелый генерал Штудент.

Тем временем бронетанковые войска группы армий Рундштедта продвигались через Люксембург и южную часть Бельгии к французской границе (см. рис. 9). Основные силы -

пять танковых и четыре моторизованные дивизии - были объединены под командованием генерала фон Клейста, а впереди них действовал корпус Гудериана в составе трех танковых дивизий. Преодолев 110-километровую полосу Арденн, где им было оказано лишь слабое сопротивление со стороны французов, немцы пересекли французскую границу и на рассвете - на четвертый день наступления - вышли к р. Маас.

Направить массу танков и автомобилей через такую труднодоступную местность было смелым и рискованным предприятием. Арденны издавна рассматривались стратегами как местность "непреодолимая" для большой массы войск, не говоря уже о танках. Однако такой взгляд только увеличил шансы немцев на обеспечение внезапности действий, в то время как густые леса помогли замаскировать подготовку наступления и силу удара.

Однако, несмотря на то что внезапность облегчала действия бронетанковых войск, им предстояло преодолеть такую водную преграду, как р. Маас. Многое зависело от того, сколько времени уйдет на форсирование реки. Генерал Думенк, начальник Генерального штаба вооруженных сил Франции, позднее сокрушенно говорил: "Полагая, что противник будет действовать по-нашему, мы воображали, что он не попытается форсировать Маас до тех пор, пока не подтянет достаточное количество артиллерии; необходимые для этого пять или шесть суток дали бы нам достаточно времени, чтобы усилить на угрожаемом направлении нашу группировку войск".

Замечательно, насколько точно эти французские расчеты времени совпадали с аналогичными расчетами верховного немецкого командования. Французское командование в своих расчетах исходило из предположения, что немцы приступят к форсированию Мааса не ранее чем на девятые сутки. Это как раз совпадало с тем расчетом времени, который первоначально имело в виду немецкое командование. На штабной игре в феврале 1940 г. Гудериан предложил, чтобы бронетанковые войска форсировали Маас без промедления, не дожидаясь подхода главных сил пехоты и артиллерии. Его предложение было раскритиковано Гальдером, который считал, что подготовка к форсированию реки займет не менее 9-10 суток. На совещании в марте Гитлер спросил у Гудериана, какие шаги он предпринял бы после захвата плацдарма на Маасе. Гудериан ответил, что он немедленно начал бы наступление на запад, в направлении Амьена и портов на побережье пролива Ла-Манш. Другие генералы не одобрили такие рискованные действия. Но одобрительный кивок Гитлера в сторону Гудериана говорил о другом.

Корпус Гудериана утром 13 мая подошел к р. Маас в районе Седана, а в полдень того же дня начал ее форсирование и атаку противоположного берега. К вечеру переправа была налажена; 7-я танковая дивизия Роммеля начала переправляться через Маас 13 мая в районе Динан (65 км западнее Седана), чем отвлекла внимание французского командования и создала условия для нанесения удара на новом направлении.

К полудню 14 мая все три танковые дивизии Гудериана переправились через р. Маас и, после отражения запоздавшего французского контрудара, сделали резкий поворот и устремились в западном направлении. К концу следующих суток танки Гудериана прорвались через последний оборонительный рубеж за р. Маас, и перед ними открылись дороги на запад, ведущие к побережью Ла-Манша, находящегося в 270 км от Мааса.

Более осторожный Клейст ночью 15 мая приказал Гудериану приостановить наступление и удерживать плацдарм до подхода пехоты. После жарких дебатов приказ был до некоторой степени изменен и Гудериану разрешили расширить плацдарм. Воспользовавшись этим разрешением до предела, он продвинулся на следующий день на 80 км в западном направлении, выйдя к р. Уазе. Остальные бронетанковые войска тоже приняли участие в наступлении на запад, расширив прорыв по фронту до 100 км. Таким образом, поток танков разлился вдоль дорог, проходящих в тылу союзных армий, все еще находившихся в Бельгии.

Движение потока немецких танков облегчалось тем, что французское командование не знало точно, в каком направлении они будут продвигаться. Особое преимущество прорыва немцами фронта у Седана заключалось в том, что прорыв был сделан в центре и давал

возможность немецким войскам действовать в любом направлении, создавая угрозу одновременно нескольким объектам. Так, вначале французы не знали, намеревались ли немцы двигаться к побережью Ла-Манша или решили наступать прямо на Париж. Хотя наступление немецких войск, казалось, было направлено на запад, французы опасались, что немцы в любой момент могли повернуть на юг, в направлении Парижа. Гибкость немецкого плана в стратегическом отношении была увеличена подвижностью бронетанковых войск. Такое сочетание гибкости с подвижностью поставило французское командование в весьма затруднительное положение.

Решение вопроса всецело зависело от фактора времени. Контрмеры французов оказывались безуспешными, ибо они, как правило, опаздывали, не поспевая за быстро меняющейся обстановкой. Это объяснялось тем, что авангард немецких войск продвигался вперед значительно быстрее, чем французское и даже немецкое командование могло предполагать. Воспитанные на традициях медленных темпов развития военных действий в период Первой Мировой войны, французы психологически не могли приспособиться к новым условиям, и это явилось причиной того, что французские войска были так быстро парализованы. Наибольшая слабость французов заключалась не столько в недостатке или плохом качестве вооружения, сколько в отсталости их военной теории. Их взгляды на ведение войны развивались медленнее по сравнению со взглядами их противников. Как часто бывает в истории, победа в одной войне порождала самодовольство и приводила к консервативности во взглядах, что и являлось причиной поражения в следующей войне.

Высшее немецкое командование продолжало опасаться столь рискованного глубокого стратегического вклинения небольшой горстки танковых дивизий. Сам Гитлер проявлял большую нервозность и, беспокоясь за свой южный фланг, приостановил на два дня наступление на запад, с тем чтобы 12-я армия могла подойти и прикрыть фланг наступавших войск вдоль линии р. Эны.

Эта задержка поставила под угрозу осуществление немецких планов, и они могли бы сорваться, если бы французы не были так сильно парализованы. Вслед за первой нерешительностью у Гитлера через неделю возникло новое сомнение, которое обошлось немцам значительно дороже. Однако на предыдущих этапах немецкими танками было сэкономлено так много времени, а противнику причинено так много вреда, что двухдневная остановка на р. Уазе не оказала серьезного влияния на немецкие планы. Все же этот факт вскрыл значительные расхождения среди немецкого командования в отношении оценки элемента времени. Расхождения между новой и старой немецкими школами были значительно большими, чем расхождения между немцами и французами.

Чтобы выразить свой протест против остановки наступления, Гудериан потребовал 17 мая освободить его от командования. Но в тот же день он был восстановлен в должности и ему было разрешено продолжать вести "сильную разведку". Он истолковал это разрешение по-своему и продолжал наступать так же стремительно, как и прежде. Когда тормоза были отпущены, его продвижение стало еще быстрее, и 20 мая он ворвался в Амьен, достиг побережья Ла-Манша выше Абвиля, перерезав тем самым коммуникации союзных армий в Бельгии с Францией.

22 мая, выразив недовольство новой однодневной задержкой по приказу свыше, Гудериан продолжал наступление на север и направлении портов в проливе Ла-Манш, в тылу английской армии, которая по-прежнему находилась в Бельгии, сдерживая фронтальное наступление пехоты Бока. Справа от Гудериана действовал танковый корпус Рейнгардта, также входивший в состав группы Клейста. 22 мая Гудериан окружил Булонь, а на следующий день - Кале. Затем он вышел к Гравлину, в 16 км к западу от Дюнкерка. Танки Рейнгардта также достигли канала на линии Эр, Сент-Омер, Гравлин и захватили плацдармы на противоположном берегу канала. Однако продолжение наступления в направлении Дюнкерка, последнего оставшегося в руках англичан порта для эвакуации, было на следующий день по приказу Гитлера остановлено. Это спасло английскую армию, когда ничего другого уже нельзя было сделать, от той участи, которая постигла бельгийскую и

большую часть трех французских армий на левом крыле. Через два дня приказ был отменен и наступление возобновилось, но к этому времени оборона союзников усилилась, что дало возможность сдерживать давление немцев до тех пор, пока не была закончена эвакуация морем 224 тыс. солдат английских войск и 114 тыс. войск союзников, главным образом французских. Тем не менее немцы захватили в плен 1 млн человек, потеряв всего лишь около 60 тыс., что было достигнуто благодаря применению стратегии не прямых действий.

Причины отдачи Гитлером рокового приказа об остановке наступления перед Дюнкерком никогда не будут полностью выяснены. Одной из них, как говорил сам Гитлер, было опасение, что танки могут застрять в болотах. Болотистая местность Фландрии произвела на Гитлера сильное впечатление в Первую Мировую войну, когда он был еще капралом. Другой причиной было желание Гитлера сохранить боеспособность танков для нанесения следующего сокрушительного удара по французам. Третьей причиной являлась уверенность, поощряемая Герингом, в том, что немецкие военно-воздушные силы смогут предотвратить эвакуацию морем из Дюнкерка попавших в ловушку английских войск. Но анализ кампании показал, что непосредственной причиной приказа о прекращении наступления было психологическое воздействие небольшой контратаки англичан силами двух танковых батальонов, предпринятой 21 мая 1940 г. в районе Арраса во фланг продвигавшихся к побережью немецких войск. При проведении этой контратаки англичанами учитывались опасения, которые испытывали Гитлер и некоторые из высших немецких офицеров во время смелого и глубокого стратегического прорыва во Франции. Контратака оказала сильное психологическое воздействие на немецкое командование в наиболее критический для него момент. Клейст неоднократно приостанавливал наступление Гудериана. Командующий армией Клюге, непосредственный начальник Клейста, также был склонен приостановить дальнейшее наступление до выяснения положения у Арраса. На Рундштедте, естественно, также сказалось их беспокойство. Таким образом, когда Гитлер на конференции утром 24 мая выяснил взгляды Рундштедта, его сомнения еще более усилились, и он сразу же после конференции издал приказ о приостановке наступления. Браухич и Гальдер были склонны продолжать танковое наступление, но Гитлер нашел достаточно сторонников для поддержки своей чрезмерной осторожности.

Следующий, и заключительный, этап кампании начался 5 июня, на второй день после того, как немцы вошли в Дюнкерк. Прелюдия к новому немецкому наступлению была сама по себе удивительной. Немецкие бронетанковые войска, наступавшие до этого в северо-западном направлении, были необычайно быстро повернуты на юг для нанесения нового удара. Такая быстрота перегруппировки в новом направлении является свидетельством того, насколько увеличившаяся подвижность в результате механизации войск может революционизировать стратегию.

Немцы начали наступление против нового фронта, который оставшиеся французские армии удерживали вдоль рек Соммы и Эны. Этот фронт по своей протяженности был больше первоначального фронта, в то время как имевшихся для его обороны поиск было значительно меньше. Ведь французы потеряли 30 дивизий и лишились помощи союзников, если не считать застрявших во Франции двух английских дивизий. Вейган, заменивший Гамелена, собрал всего 66 дивизий, из них 17 дивизий были расположены на сильно укрепленной линии Мажино, к которой примыкала импровизированная линия обороны вдоль Соммы и Эны.

На этом втором этапе группе армий Рундштедта суждено было снова играть решающую роль, хотя, согласно плану, перед ней такая задача не ставилась. Вначале Боку были выделены шесть из имевшихся десяти танковых дивизий. Сражение по мере его развития приняло в результате ударов Бока, отвлекших на себя внимание противника, такой характер, что на долю Рундштедта выпала главная роль. Перемещение основных усилий в ходе сражения на участок Рундштедта явилось еще одним доказательством способности немцев быстро изменять направление главного удара, что стало возможным благодаря наличию танков.

Армии Бока начали наступать 5 июня, но группа армий Рундштедта только через четверо суток. Такая задержка объяснялась тем, что Рундштедту потребовалось больше времени на перегруппировку своих войск. Развитие успеха Бока на направлении главного удара не было таким быстрым и глубоким, как на правом фланге, где танковая дивизия Роммеля на третий день утром прорвала французскую оборону.

Этот быстрый прорыв, которого ни один ортодоксальный противник не мог ожидать со стороны Роммеля, во многом объясняется его дерзостью. Роммель попытался сделать и сделал то, что вряд ли считалось бы практически возможным при проведении любой штабной игры. На участке Роммеля французы взорвали все шоссеиные мосты через р. Сомму, но не тронули два железнодорожных моста, надеясь использовать их при контрнаступлении, которое они все еще мечтали организовать. Казалось, было мало риска в сохранении этих мостов неповрежденными, так как однокорейный железнодорожный путь проходил вдоль двух узких дамб, которые тянулись на полтора километра через болотистые приречные луга. Даже для пехоты наступать через такие мосты было все равно что идти по туго натянутому канату. И все же Роммель, захватив перед рассветом мосты и закрепившись на противоположном берегу реки, снял рельсы и шпалы и затем под артиллерийским огнем направил свои танки и транспорт вдоль этих "туго натянутых канатов". Произошла всего лишь одна задержка на полчаса, когда танк был выведен из строя огнем противника при подходе к одному из мостов.

К исходу первых суток Роммель прорвал оборону противника на глубину 13 км, на вторые сутки - на 32 км, на следующие сутки он продвинулся еще на 50 км, двигаясь колонными путями и обходя таким образом обороняющиеся узлы дорог. Этим глубоким прорывом 10-я французская армия была разрезана пополам. Через расширившуюся брешь устремились другие немецкие дивизии. В ночь на четвертые сутки, 8 июня 1940 г., Роммель достиг Сены южнее Руана, совершив 65-километровый обходный маневр и преодолев дезорганизованную и бессистемную оборону, которая была поспешно создана французами на подступах к Руану и Сене. Переправы были захвачены до того, как французы успели привести свои ряды в порядок и организовать оборону этой широкой водной преграды. 10 июня дивизия Роммеля круто повернула и, совершив 80-километровый бросок и западном направлении, к вечеру того же дня вышла к побережью. Этим маневром были отрезаны пути отступления левого крыла 10-й армии в составе пяти дивизий (включая 51-ю шотландскую дивизию). Окруженные в районе Сен-Валери, французские войска были вынуждены сдаться в плен 12 июня.

Тем временем главный удар, наносившийся правым крылом с рубежа Соммы в южном направлении, сопровождался трудностями. Удар осуществляли два танковых корпуса Клейста, наступавшие с уже захваченных плацдармов через Сомму у Амьена и Перопна. Этим ударом немцы рассчитывали захватить французские войска в клещи. Правифланговая обходящая группировка немцев у Амьена в конце концов прорвала 8 июня французскую оборону, и немецкие войска устремились на юг, к низовьям Уазы, левая же обходящая группировка была остановлена сильным сопротивлением французов севернее Компьена.

Так как группа армий Рундштедта, начав наступление 9 июня на рубеже р. Эны, быстро прорвала французскую оборону, то германское верховное командование решило перебросить два танковых корпуса Клейста на восток, направив их через широкую брешь на рубеже р. Эны для развития успеха в Шампани. Это быстрое перенацеливание танковых корпусов Клейста на новое направление также свидетельствует о той гибкости, которая заложена в подвижных танковых войсках.

Решительный удар был снова нанесен Гудерианом. Этот удар еще раз ярко продемонстрировал успех глубокого стратегического прорыва в сочетании с непрямыми действиями. Теперь Гудериан был назначен командовать танковой группой Рундштедта. Два танковых корпуса Гудериана сосредоточились после кружного 320-километрового перехода от пролива Па-де-Кале в районе Ретель на р. Эне. После того как пехота 12-й армии захватила три небольших плацдарма на противоположном берегу реки, вблизи Шато-

Порсьен (10 км западнее Ретеля), Гудериан переправил ночью свои головные танковые дивизии на эти плацдармы. На следующее утро 10 июня они бросились вперед, ускоряя темпы своего наступления, обходя деревни и леса, удерживаемые французами. Затем в бой вступили французские танковые части и последовало несколько танковых сражений, но все же в течение первых двух суток немцам удалось продвинуться почти на 32 км. На третий день правое крыло Гудериана достигло Шалон-сюр-Марна, а на четвертый - Витри-ле-Франсуа, почти и 100 км от исходного положения. Левое крыло Гудериана также вышло на этот рубеж, отбив французские контратаки с фланга. Затем Гудериан с возрастающей скоростью продолжал развивать наступление в направлении к плато Лашр, находящегося в тылу линии Мажино, и, преодолев его, устремился в юго-восточном направлении к швейцарской границе. Шомон был взят на пятый день, т. е. 14 июня, после 80-километрового броска. Совершив такой же бросок, немцы прошли Дижон, достигнув 15 июня р. Соны. На рассвете 17 июня головная дивизия Гудериана ворвалась в Понтарлье, расположенный на швейцарской границе, в 100 км от р. Соны. Этим наступлением были перерезаны коммуникации крупных французских сил, все еще цеплявшихся за линию Мажино. Другие дивизии Гудериана уже двигались на север, к р. Мозель, чтобы преградить французам пути отхода. Французское правительство, убедившись, в разгроме своих армий, решило капитулировать и обратилось к немцам с просьбой о перемирии.

И все же эта решительная стратегическая победа на континенте Европы фактически оказалась безрезультатной с точки зрения более высокой стратегии, так как Гитлеру все-таки в дальнейшем не удалось завоевать Британские острова. Гитлер был наказан за свой приказ остановить войска перед Дюнкерком. Если бы он помешал английским войскам ускользнуть через эту последнюю оставшуюся в их руках лазейку, Великобритания оказалась бы настолько беззащитной, что он смог бы завоевать ее даже при поспешно организованной высадке десанта на английское побережье. Упустив исключительную возможность поймать в ловушку английскую армию в Дюнкерке, он не мог теперь надеяться покорить Англию без хорошо организованной мощной морской десантной операции. Но для этого у него не было ни предварительно составленных планов, ни соответствующей подготовки. Его усилия в этом направлении слишком запоздали, а мирные предложения не имели под собой достаточной базы. Когда попытка завоевать господство в воздухе над морскими подступами потерпела крах в "битве за Англию", стало очевидным, что проект вторжения Гитлера обречен на провал.

Непокоренная Великобритания, будучи защищена огромным противотанковым рвом, каким являлся Ла-Манш, не давала Гитлеру чувствовать себя спокойно. Она постепенно превращалась во все возрастающую угрозу планам Гитлера по установлению своего господства на континенте. Расстройство этих планов привело Гитлера к роковым для него последствиям.

Погоня Гитлера за победой продолжалась и в следующем году, вначале на Балканах, а затем в России, пока он не был остановлен в глубине России. Ему не хватало ресурсов для осуществления своих замыслов. Несмотря на блестящие успехи Гитлера в 1941г., началом его крушения можно считать поражение в "битве за Англию", а это, в свою очередь, последовало в результате нерешительных действий Гитлера, когда Дюнкерк был почти у него в руках.

Глава XVII.

Начало падения Гитлера

К концу июня 1940 г. Германия возвышалась над континентом Европы, подобно колоссу. Она господствовала над всей Западной, Центральной и Юго-Восточной Европой, за исключением небольшого острова Великобритании на западе. Кроме этого внеконтинентального препятствия, единственным серьезным фактором, ограничивающим могущество Гитлера, было существование Советской России, тень которой на северо-восточных границах Германии принимала угрожающие размеры. Гитлер переживал период успеха, который, казалось, обещал ему полное господство в Европе, если не во всем мире.

Пять лет спустя этот "сон в летнюю ночь" превратился в кошмар.

Падение Гитлера началось прежде всего в области большой стратегии. Здесь был его роковой порок. Если бы Гитлер знал, как уменьшить опасения, вызванные его успехами, и мог убедить соседние народы, что "новый порядок" для них более выгоден, он мог бы преуспеть там, где Наполеон потерпел неудачу, и добился бы объединения Европы под руководством Германии объединения, которое было бы слишком мощным, чтобы его могли нарушить внешние силы. Но Гитлер сам вырыл себе могилу. Его политические действия были слишком прямыми. Они были достаточно искусными, чтобы вызвать раздоры в других странах, но не были в состоянии разоружить оппозицию.

Чрезмерное подчеркивание национализма в его учении о национал-социализме свело на нет воздействие социалистического призыва, который мог бы привлечь массы в других странах. Железная рука была слишком плохо замаскирована надетой на нее поношенной бархатной перчаткой. Точно так же предпринимавшиеся им после захватов попытки добиться примирения были неуклюжими и непоследовательными. Ошибки Гитлера нагромождались одна на другую по мере неудачного проведения новых авантюр.

Первым и серьезным провалом Гитлера явился срыв его попыток после разгрома других стран на западе подчинить Великобританию или заключить с ней мир. До тех пор пока Англия продолжала оказывать сопротивление, гегемония Гитлера над Западом никогда не могла быть устойчивой и он не мог чувствовать себя в безопасности. В то же время одна Великобритания, без союзников, не могла сделать ничего большего, как помешать Гитлеру пожирать плоды своих побед. Сопротивление Великобритании и помехи действиям Гитлера могли только поколебать его волю и заставить добиваться мира путем уступок. Однако этого было недостаточно для сокрушения могущества Гитлера и изгнания немецких войск из завоеванных стран. Такая возможность появилась, когда зашедший в тупик и полный страха Гитлер решился в июне 1941 г. повернуть на восток и напасть на Советскую Россию.

Решение напасть на Россию, оказавшееся для Гитлера роковым, означало его отказ от применения не прямых действий в области большой стратегии. Вскоре в своей нетерпеливой погоне за победой Гитлер настолько увлекся, что перестал считаться с необходимостью применения не прямых действий даже в стратегии. Эта перемена была тем более примечательной, если вспомнить, с каким вниманием он использовал не прямые действия раньше, даже в войне с таким сравнительно слабым противником, каким являлась Греция.

Покорение Германией Балкан

Когда в апреле 1941 г. немцы вторглись в Грецию, вслед за высадкой небольшого английского десанта в Салониках, греческая армия располагалась главным образом для прикрытия горных проходов из Болгарии, где были сосредоточены немецкие войска. Но ожидавшееся наступление немцев вдоль долины р. Струмы (50 км северо-восточнее Салоник, см. рис. 12) явилось ширмой для другого, менее прямого хода. Немецкие механизированные колонны от р. Струмы повернули на запад и двинулись вдоль долины р. Струмицы (приток р. Струмы), параллельно границе, а затем через горные проходы прошли в югославскую часть долины р. Вардар (25 км западнее Салоник). Здесь они нанесли удар по стыку греческой и югославской армий и развили успех стремительным наступлением вдоль долины р. Вардар в Направлении к Салоникам. Этим маневром немцы отрезали большую часть греческой армии, застрявшей во Фракии.

После этого удара немцы совершили новый обходный маневр В западном направлении через проход Монастир, отказавшись от прямого наступления в южном направлении из Салоник мимо горы Олимп, где английская армия заняла оборонительные позиции. Развитие наступления в сторону западного побережья Греции дало немцам возможность отрезать греческие дивизии, находившиеся в Албании, обойти фланг англичан и угрозой с тыла путям отхода оставшихся войск союзников быстро подавить всякое сопротивление в Греции.

Вторжение немцев в Россию

На начальном этапе вторжения в Россию немцы с поразительным успехом использовали не прямые действия, чему способствовали географические условия. Почти

3000-километровая протяженность фронта и незначительное количество естественных препятствий давали наступающему большие возможности для просачивания через линию фронта и проведения маневра. Несмотря на большую численность Красной Армии, плотность войск на фронте была так незначительна, что немецкие механизированные войска могли легко найти неприкрытые участки для обходного маневра в тыл противника. В то же самое время малое количество городов, где сходились шоссейные и железные дороги, обеспечивало наступающему свободный выбор объекта для нанесения удара. Немцы вводили русских в заблуждение относительно действительного направления своего наступления, ставя их в затруднительное положение при попытках отразить удары немецких войск.

Однако после крупных первоначальных успехов, достигнутых таким путем, немцы постепенно утратили это преимущество, так как затруднялись определить, в каком направлении лучше всего развивать свой успех. Гитлер и командование немецкой армии с самого начала планирования военных действий против России имели различные взгляды на войну и никогда не могли соответствующим образом их согласовать.

Гитлер стремился в первую очередь захватить Ленинград, как важнейший объект, чтобы обеспечить свой балтийский фланг и соединиться с финнами. Москве он не придавал особенно большого значения. Но, хорошо понимая важность экономических факторов, он стремился также захватить сельскохозяйственные богатства Украины и промышленный район в нижнем течении Днепра. Так как Ленинград находится на значительном удалении от Украины, действия немецких войск против этих объектов развивались по самостоятельным стратегическим направлениям. Тем самым немцы лишили себя той гибкости стратегического маневра, которая характеризует действия вдоль одного центрального операционного направления, дающего возможность создать одновременно угрозу нескольким объектам.

Браухич и Гальдер стремились сосредоточить основные усилия на московском направлении не ради захвата столицы, а надеясь, что на этом направлении больше шансов уничтожить основную группировку русских войск, которые будут оборонять подступы к Москве. С точки зрения Гитлера, такие действия были рискованными, так как они могли привести к общему отступлению русских войск в восточном направлении, в результате чего им удалось бы избежать разгрома. Браухич и Гальдер согласились с Гитлером, что подвергать себя такому риску не следует, а Гитлер в свою очередь согласился с ними в необходимости уничтожить главные силы противника посредством маневра на окружение. Поэтому вопрос о дальнейших целях был отложен до окончания первого этапа вторжения.

Браухич, не желая вступать в пререкания с Гитлером, подвергал себя большому риску. И действительно, отложив решение вопроса о наступлении на Москву, он в середине кампании оказался в весьма затруднительном положении.

Было принято решение, что на первом этапе основные усилия следует сосредоточить севернее Пинских болот, на участке группы армий Бока, наступавшей вдоль шоссе Минск-Москва (рис. 10). На этом направлении была сосредоточена большая часть бронетанковых войск немцев. Наступление находившейся на левом крыле группы армий Лееба из Восточной Пруссии через прибалтийские государства помогло на начальном этапе замаскировать более опасное наступление ее соседа - группы армий Бока. Кроме того, наступление группы армий Рундштедта на другом фланге, южнее Пинских болот, держало русское командование в неопределенности относительно направления главного удара.

В полосе Бока предусматривалось окружить основную группировку русских войск посредством двойного охватывающего [Рис. 10. Русский театр военных действий. 1 - наступление немцев в 1941 г., 2 - наступление немцев в 1942 г., 3 - таня наибольшего продвижения немецких войск в 1942 г., 4 - граница между русскими и немецкими войсками в 1940 г. 284] маневра, причем внешнее кольцо окружения создавалось танковыми группами Гудериана и Гота, наступавшими с обоих флангов по сходящимся в районе Минска направлениям, в то время как армейские корпуса 4-й и 9-й армий создавали внутреннее кольцо окружения вокруг Белостока.

Вторжение началось 22 июня, на одни сутки раньше, чем выступил в свое время Наполеон. Танки Гудериана и Гота, прорвав фронт русских, стремительно бросились вперед и на шестой день сомкнулись в районе Минска, в 320 км от границы. Армейские корпуса соединились у Слонима, но не смогли помешать отходу основных сил русских, когда те вырвались из белостокского мешка. Вторая попытка - окружить их вблизи Минска оказалась успешней - было захвачено в плен 300 тыс. русских войск, хотя значительной части удалось ускользнуть до того, как окружение было завершено. Размеры котла вызвали волну оптимизма даже среди генералов, которых вначале беспокоило решение Гитлера о вторжении в Россию. 3 июля Гальдер заявил: "Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что кампания против России будет закончена в 14 дней".

Однако в наступлении немцев уже произошла роковая остановка. Бронетанковым войскам было приказано задержаться пока не будут разгромлены окруженные русские войска. По первоначальному же плану они должны были двигаться без задержки за Минск, оставив позади лишь минимальное количество танков для оказания помощи полевым армиям по завершению окружения

Тем не менее время было снова выиграно смелыми действиями Гудериана, пытавшегося, пока русские не успели перебросить подкрепления, переправиться через широкий Днепр не ожидая подхода 4-й полевой армии. Результаты оправдали его расчеты. Скрытно сосредоточив свои силы ночью, Гудериан организовал переправу в трех местах и под прикрытием дымовой завесы переправился 10 июля на противоположный берег Днепра, не встретив сопротивления со стороны русских. Затем он двинулся к Смоленску и вышел к нему 16 июля. К этому времени немецкие войска продвинулись вглубь русской территории более чем на 640 км и находились от Москвы всего лишь в 320 км. Чтобы осуществить такой глубокий прорыв, немцы должны были сохранять весьма высокие темпы наступления.

С прибытием Гота в район севернее Смоленска был предпринят новый маневр на окружение с целью отрезать крупные силы русских между Днепром и Десной, которые были обойдены при наступлении бронетанковых частей. Кольцо окружения почти замкнулось, но труднопроходимая местность и грязь затрудняли движение, и русским удалось вывести из окружения значительную часть войск. Все же в районе Смоленска немцами было захвачено в плен 180 тыс. русских

Гудериан настаивал на необходимости оказывать на русских неослабевающее давление и не давать им возможности закрепиться на каком-либо рубеже. Он был убежден, что сможет дойти со своими танками до Москвы, если не будет потеряно время. Он считал, что непосредственный удар по жизненно важному центру страны парализовал бы сопротивление России. Гот разделял его взгляды, Бок также одобрил их

Однако Гитлер решил, что пришло время выполнить его первоначальный замысел - захватить Ленинград и Украину, которые он считал первыми объектами. Ставя эти объекты по сравнению с Москвой на первое место, он имел в виду не только их экономическое и политическое значение, как думало большинство его критиков из среды генералов. Казалось, он хотел повторить Канны, но в большем масштабе. Он считал, что опасность, нависшая над Москвой, привлечет к этому участку фронта русские резервы, облегчая тем самым задачу северному и южному крыльям немецкой армии захватить стратегические объекты на флангах России - Ленинград и Украину. Гитлер рассчитывал, что с этих фланговых позиций его войска начнут наступление по сходящимся направлениям на Москву, которая, подобно спелой груше, упадет им прямо в руки. Это был коварный и грандиозный замысел. Однако осуществить этот замысел помешал фактор времени, так как сопротивление русских оказалось упорнее и погода была хуже, чем предполагалось. К тому же между гитлеровскими генералами начались разногласия. Совершенно естественно, что каждый из них стремился сосредоточить основные силы на своем участке и добивался для него приоритета. Эта тенденция указывала на опасность очень крупных разногласий по стратегическим вопросам, которые появились на втором этапе реализации замыслов Гитлера.

19 июля Гитлер дал директиву приступить ко второму этапу наступления, которое

следовало начать сразу же, как только будут закончены операции по ликвидации противника в районе между Днепром и Десной. Согласно этой директиве, часть подвижных войск Бока должна была следовать на юг, чтобы помочь Рундштедту уничтожить противостоящие ему русские армии, в то время как другая часть должна была повернуть на север с целью нарушить коммуникации между Ленинградом и Москвой и тем самым оказать помощь Леебу в наступлении на Ленинград. В распоряжении Бока оставались бы только полевые армии, с которыми он должен был попытаться продолжать фронтальное наступление на Москву.

Браухич снова проявил нерешительность, вместо того чтобы настаивать на изменении плана Гитлера. Он доказывал, что до начала новых операций бронетанковым войскам нужно предоставить время для ремонта машин и получения пополнений. Гитлер согласился с необходимостью такой передышки. Тем временем в высших кругах немецкого командования шли споры о том, какой следует избрать курс, и споры продолжались даже после того, как бронетанковые войска возобновили наступление. 21 августа 1941 г., отклонив доводы Браухича и Гальдера, которые требовали наступать на московском направлении, Гитлер издал новую директиву. В основном она мало чем отличалась от директивы, которую Гитлер отдал месяц назад, хотя в ней делался уже меньший упор на Ленинград и больший на окружение и уничтожение русских войск в районе Киева, перед фронтом Рундштедта. После проведения этой операции Боку разрешалось возобновить наступление на Москву, а Рундштедт должен был наступать в южном направлении с целью отрезать промышленные районы России от источников снабжения кавказской нефтью.

Во время этого длительного периода споров развитие событий как будто подтверждало правильность решения Гитлера: 6-я армия Рейхенау, составлявшая левое крыло группировки Рундштедта, была остановлена перед Киевом, а крупные силы русских под прикрытием восточной части Припятских болот продолжали угрожать его левому флангу, а также правому флангу Бока. С другой стороны, танковая группа Клейста добилась блестящего успеха, применив внезапный маневр. После прорыва в конце июля русского фронта у Белой Церкви, южнее Киева, Клейст повернул на юг, двигаясь по коридору между южным Бугом и Днепром. Этим неожиданным маневром Клейст не только открыл путь немецким войскам на Украину, но и создал угрозу тылу русских армий, фронт которых был обращен против румын у Черного моря. К середине августа немцы достигли портов Николаева и Херсона, которые расположены в устьях двух больших рек. Хотя части находившихся в опасности русских армий удалось отойти до того, как сомкнулось кольцо окружения, осуществленный Клейстом глубокий прорыв привел к общему ослаблению сопротивления русских на юге.

Такое стечение обстоятельств давало возможность - если бы Клейст повернул на север, а крупные силы с фронта Бока были направлены на юг осуществить удар обеими группировками по сходящимся направлениям, который не только ослабил бы упорное сопротивление русских армий вокруг и выше Киева, но и привел бы к их окружению и уничтожению. Тем самым была бы устранена опасность срыва наступления немцев на Москву контрнаступлением, которое русские могли бы предпринять из южных районов. Учитывая все эти соображения, Гитлер решил сначала провести киевскую операцию, а уже затем двинуться на Москву.

Не только Гитлер придерживался такой точки зрения. Вполне естественно, что Рундштедт приветствовал прибытие подкреплений с севера, которые помогли бы решить трудную задачу, поставленную перед ним. Естественно также, что он приветствовал возможность окружения крупной группировки противника, о чем мечтает каждый полководец.

Со стратегической точки зрения также было много соображений в пользу необходимости освободить южное крыло и устранить угрозу контрудара во фланг с этого направления, прежде чем начать наступление на Москву. Кроме того, относительная неподвижность русских войск давала немцам возможность перебрасывать без особенного риска крупные подвижные войска с одного участка фронта на другой в целях поочередного разгрома русских войск. Но время для проведения такого маневра становилось все более

ограниченным в связи с тем, что немецкая армия не была подготовлена к зимней кампании.

Операция немцев по уничтожению окруженной группировки русских войск под Киевом оказалась весьма успешной. В то время как полевые армии Рейхенау и Вейхса сковывали русские армии с фронта, Гудериан обошел их с тыла, двигаясь в южном направлении, а Клейст в северном, от большой излучины Днепра. Обе танковые группы сомкнулись в 240 км к востоку от Киева, завершив окружение. На этот раз мало кому удалось выйти из окружения, и немцы захватили в плен более 600 тыс. русских. Но когда кончилось сражение под Киевом, был уже конец сентября; плохие дороги и неблагоприятная погода снизили темп маневра на окружение, хотя и не помешали его завершить.

Таким образом, решение Гитлера сосредоточить силы для обеспечения победы на Украине привело к тому, что захват одного из основных объектов Гитлера - Ленинграда - стал и юростепенной целью, хотя наступление на Ленинград осуществлялось одновременно с операциями на Украине. На ленинградском направлении были сосредоточены достаточные силы для окружения Ленинграда, однако их оказалось мало, чтобы нанести русским решительное поражение на этом участке фронта. В дальнейшем количество немецких войск на этом фронте было уменьшено, так как Гитлер, отклонив предложение Браухича и Бока быстрее возобновить наступление на Москву, все же пошел им навстречу, согласившись считать московское направление основным после разгрома киевской группировки русских.

Успешный исход киевской битвы вскружил голову Гитлеру и его высшим генералам, усилив их оптимизм, но в то же время побудив к дальнейшему рассредоточению сил. Вслед за решением Гитлера начать осеннее наступление на Москву последовало другое решение, которое привело к дальнейшим осложнениям и распылению сил. Ибо Гитлер оказался бессильным перед искушением развить успех на юге, не отказываясь в то же время от своего намерения захватить Москву. Гитлер возложил на Рундштедта новую, весьма большую задачу - очистить от противника побережье Черного моря, захватить Донецкий промышленный бассейн и выйти на Кавказ.

Запоздавшее наступление на Москву проводилось тремя полевыми армиями и тремя танковыми группами, одна из которых (танковая группа Гудериана) была реорганизована в танковую армию. Наступление возобновилось 2 октября 1941 г. в форме охватывающего маневра. В районе Вязьмы немцы окружили и захватили 600 тыс. русских. К тому времени, когда операция под Вязьмой закончилась, наступила зима, и немцы не смогли развить успех, так как дороги, ведущие к Москве, покрылись непролазной грязью.

Большинство немецких командиров хотело задержать свои войска на достигнутом рубеже и укрепиться на удобных для обороны позициях на зиму. Они помнили, что случилось с армией Наполеона. Многие начали перечитывать невеселые страницы Коленкура, написанные о войне 1812 г. Но в высших сферах, более удаленных от фронта и грязных окопов, преобладало другое мнение. Москва магически притягивала немцев, все еще считавших, что ее можно было захватить. Вопреки широко распространенному мнению сам Гитлер не был ярым сторонником продолжения наступления на Москву. С самого начала войны он считал Москву менее важным объектом, чем другие. Санкционируя запоздалое октябрьское наступление на Москву, Гитлер не переставал сомневаться в правильности этого шага. Но глаза Бока были прикованы к Москве, и его охватывало страстное желание захватить этот прославленный город. Он настаивал на продолжении наступления, доказывая, что, когда обе стороны находятся на грани истощения, сторона, обладающая более сильной волей, решит исход сражения в свою пользу. Браухич и Гальдер также поддерживали Бока, поскольку всегда были яркими сторонниками наступления на Москву во что бы то ни стало. Заставив Гитлера предпринять наступление, они знали, что шансов на успех мало, но не хотели в этом признаться. Рундштедт и Лееб были против наступления на Москву. Рундштедт даже предлагал отойти к исходным позициям в Польше. Однако с их взглядами меньше всего считались, так как они, действуя на других фронтах, не были непосредственно заинтересованы в наступлении на Москву.

Таким образом, в ноябре 1941 г. было предпринято новое большое наступление. Но так

как намерения и удары немцев по сходящимся направлениям не представляли секрета, это упростило задачи русских по сосредоточению резервов для парирования каждого опасного прорыва. В начале декабря немецкое наступление выдохлось и сменилось вынужденным отступлением. Русские перешли в контрнаступление. Гитлер сместил Браухича, приняв на себя пост главнокомандующего немецкой армией. Этим он нашел козла отпущения за прошлое и обеспечил себе большую власть на будущее.

На юге немецкое вторжение достигло наивысшего предела 23 ноября, когда был захвачен Ростов-на-Дону, являющийся воротами на Кавказ. Но в ходе наступления было израсходовано все горючее при передвижении войск по плохим дорогам, и через неделю передовые части вынуждены были отойти из Ростова в связи с глубоким фланговым контрударом русских по коммуникациям немецких войск.

Если бы провести судебное следствие по поводу неудачи немецкой кампании 1941 г., то единственным решением было бы: "Поражение в результате естественных причин". Силы немцев оказались распыленными по многим направлениям как из-за отсутствия единства взглядов среди высшего немецкого командования, так и, что звучит несколько странно, благодаря ослепляющему первоначальному успеху немцев на всех направлениях. Вместо того чтобы придерживаться одного операционного направления, которое создавало бы угрозу одновременно нескольким объектам, немцы стремились наступать по нескольким направлениям. Каждое из этих направлений было слишком явно нацелено только на один объект, который обороняющемуся поэтому было легче прикрыть. К тому же, когда направление движения наступающего становилось очевидным для обороняющегося, линии снабжения наступающего оказывались, как правило, чрезмерно растянутыми.

Русская кампания 1942 г.

В 1942 г. немцы уже не располагали для наступления такими ресурсами, как в 1941 г. Однако Гитлер не хотел переходить к обороне и укрепиться на достигнутых рубежах, как советовали ему это сделать некоторые генералы, или отойти и Польшу, как предлагали Рундштедт и Лееб. При всей стратегической целесообразности этих предложений они означали бы явное признание того, что Гитлер "откусил больше, чем мог проглотить". Подгоняемый ненасытным аппетитом, преследуемый призраком потерянного престижа и инстинктивно чувствуя, что наступление являлось единственным выходом из создавшегося положения, Гитлер хотел провести такое наступление, которое при наличии ограниченных средств могло бы дать большие результаты.

В связи с недостатком сил для возобновления наступления по всему фронту он решил сосредоточить усилия на южном направлении, преследуя цель захватить Кавказ и таким образом отрезать русских от этого источника нефти. Наряду с тем, что такое решение в силу необходимости означало отказ от продолжения попытки разгрома главной группировки противника под Москвой, Гитлер все же надеялся, что ему удастся косвенным путем подорвать силу сопротивления русских, лишив их кавказской нефти. Это был тонкий расчет, который был ближе к своей цели, чем принято считать после его окончательной и катастрофической неудачи.

Наступление началось блестяще и имело большой успех, отвлекая значительные силы русских на направление, на котором немцы создавали постоянную угрозу нескольким объектам. Однако в дальнейшем немцы встретились с серьезными затруднениями, как только их усилия распределились по двум самостоятельным операционным направлениям, на каждом из которых преследовалась только одна цель. Такое оказавшееся губительным рассредоточение усилий по двум направлениям произошло главным образом в результате разногласий в среде германского командования. Начальник Генерального штаба Гальдер планировал проведение операции с задачей укрепиться на Волге, в районе Сталинграда, и организовать здесь стратегический заслон между главными силами русских и их источниками снабжения нефтью. Гитлер, не открывая Гальдеру своих замыслов, в первую очередь хотел как можно скорее захватить Кавказ и предложил командованию этого операционного направления считать Кавказ своим главным объектом. В результате были

ослаблены усилия на сталинградском направлении. Затем Гитлер, явно раздраженный крушением своих замыслов против города, носящего имя Сталина, изменил решение. Все было принесено в жертву слишком открытому сосредоточению немецких войск, причем явно нацеленных против этого непокорного города.

Началу немецкого наступления в 1942 г. содействовало весеннее контрнаступление русских на Харьков, которое сыграло на руку немцам. Контрнаступление русских оказалось настолько прямым, что оно не могло не привести к его поражению.

Причем оно продолжалось так долго, что были израсходованы все резервы. В то же время глубокое вклинение русских войск на харьковском направлении дало германскому командованию возможность нанести удар во фланг. Последующее немецкое наступление в конце июня по существу явилось контрнаступлением на противника, сковавшего и невыгодно расположившего свои силы.

Первоначальная ось германского наступления проходила параллельно оси наступления русских, но в обратном направлении. Немцы двинулись из района Курска, севернее Харькова, вдоль созданного русскими выступа, затем в стремительном темпе преодолели расстояние в 170 км и вышли к верховьям Дона, вблизи Воронежа - важного узла на основной железнодорожной магистрали, идущей из Москвы на Кавказ. Сосредоточение в районе Воронежа большого количества русских войск с целью преградить дальнейшее продвижение немцев на восток дало возможность последним нанести удар в юго-восточном направлении и прорваться в коридор между Доном и Северским Донцом. Этому маневру, в свою очередь, помогло давление, развитое немцами благодаря значительному вклинению их войск на южном фланге выступа в районе Харькова.

Путем охватывающего маневра русское сопротивление было сломлено, и германские механизированные войска устремились со все возрастающей скоростью вдоль коридора между Доном и Северским Донцом, прикрыв свои фланги двумя этими реками. Менее чем за месяц они достигли южного конца коридора и переправились через Дон севернее Ростова-на-Дону. Для немцев открылся путь к нефтепромыслам Кавказа. Казалось, что Россия теперь будет парализована, лишившись источников нефти, в то время как подвижность немецких войск возрастет. Обходный маневр, который использовали немцы при проведении этой операции, привел к блестящим результатам.

Однако при дальнейшем наступлении за Дон немцы утратили стратегические преимущества, которыми обладали раньше. До этого они передвигались, не нарушая своего стратегического сосредоточения, имея гибкую группировку войск на направлении, которое давало возможность создать одновременную угрозу нескольким объектам. Русские все время находились в затруднительном положении, не зная намерений противника, в то время как немцы имели возможность нанести удар там, где обнаружится слабое место в обороне противника. Однако после переправы через Дон немцы вынуждены были разделить свои силы по двум расходящимся направлениям, причем одна часть сил двигалась на юг, через Кавказ, а другая наступала в восточном направлении на Сталинград.

Разгром русских в коридоре Дон-Северский Донец был настолько серьезным, что еще в июле можно было захватить Сталинград и установить контроль над Волгой, если бы 4-я танковая армия, наступавшая на этом направлении, не была переброшена на юг, чтобы помочь 1-й танковой армии переправиться через низовья Дона. Помощь оказалась излишней, но, когда 4-я танковая армия снова повернула на север, русские войска уже начали прибывать в район Сталинграда. Русским было легче усилить свои войска на сталинградском направлении, чем на кавказском, так как это направление ближе располагалось к центральному фронту и лучше обеспечивалось железными и шоссейными дорогами для переброски резервов. Последовавшие неудачи немцев на этом фронте явились причиной роста морального значения Сталинграда, еще более возросшего в связи с его наименованием, которое, в конце концов, превысило стратегическую ценность этого города. Внимание и усилия немцев все более сосредоточивались на сталинградском направлении в ущерб действиям по захвату кавказских нефтяных источников; 1-я танковая армия,

действовавшая на Кавказе, постепенно была ослаблена из-за переброски войск под Сталинград. Пополнение этой армии другими соединениями и частями вместо выбывших на сталинградский фронт не производилось.

После того как первое наступление немцев на Сталинград было отбито, темпы сосредоточения немцами свежих сил на этом направлении стали отставать от темпов сосредоточения сил русскими, готовившимися к отражению фронтального удара немцев. Поэтому немцы не смогли обеспечить на сталинградском направлении превосходства в силах. Это была стратегическая дань, которую немцы заплатили за отказ от прежней стратегии отвлечения сил и средств противника. И чем больше они охватывали город, тем ограниченнее становилось пространство, необходимое для проведения тактического маневра в целях ослабления сопротивления противника.

Для русских же сокращение фронта давало возможность перебрасывать тактические резервы в направлении любого угрожаемого пункта в системе обороны. Несколько раз немцам удавалось прорвать оборону Сталинграда, но каждый раз прорыв был ликвидирован. Из опыта известно, что сокращение фронта всегда создает благоприятные условия для обороны.

Потери наступающих, естественно, стали увеличиваться по мере уменьшения пространства для маневра. Каждый шаг вперед стоил дороже и приносил меньше выгоды. Этот процесс истощения вскоре показал, что сейчас немцы обладали меньшими материальными ресурсами, чем в 1941 г. Первой выявилась нехватка в танках: количество танков, которое немцы могли выделить для каждого удара, становилось все меньше и меньше. Затем начало уменьшаться превосходство в воздухе из-за недостатка самолетов. Из-за нехватки этих двух основных видов оружия более тяжелое бремя легло на пехоту. Естественно, что каждый частный успех, достигнутый массированным применением пехоты, доставался чрезмерно дорогой ценой и приводил к истощению сил немцев.

Тактическое перенапряжение сил немцев было особенно опасным вследствие чрезмерной протяженности линий коммуникаций. Начальник Генерального штаба Гальдер настаивал на необходимости сократить потери, своевременно прекратить наступление и занять выгодный рубеж обороны на зимний период. Но Гитлер отверг совет Гальдера, сместил его и назначил начальником штаба более молодого и пылкого Цвйтлера. Гитлером овладело желание захватить Сталинград во что бы то ни стало, точно так же как прошлой осенью он стремился захватить Москву. Гитлер снова нашел офицеров, которые готовы были поддержать его стремление. На этот раз последствия наступления оказались еще хуже, чем под Москвой. Наступающие на Сталинград немецкие армии продвинулись так далеко вперед и действовали на таком узком фронте, что им угрожала опасность окружения.

Эта опасность надвинулась тогда, когда в ноябре началось русское контрнаступление. К этому времени наступавшие немцы были уже подготовлены к поражению как в моральном отношении, так и в силу сложившейся стратегической обстановки. Ответный удар русских, являясь совершенно внезапным в физическом смысле, оказался для немцев катастрофическим вследствие обратного действия, которым, естественно, обладает любое контрнаступление. Русские умело нанесли удары, направляя их против участков фронта, оборонявшихся румынскими и итальянскими частями, которые Гитлер использовал для прикрытия растянутого фланга сталинградской группировки собственно немецких войск. В результате русские отрезали пути отхода большей части наступавших армий и впервые захватили в плен значительное количество войск.

Продвинувшись вперед, русские развили успех, нанеся ряд ударов в южном направлении, и тем самым создали угрозу тылу и коммуникациям немецких армий на Кавказе. Опасность, которой подвергались эти армии, можно проще всего проиллюстрировать тем, что в январе 1943 г. немецкие войска одно время находились восточнее Ростова-на-Дону на 640 км, в то время как русские войска, наступавшие вниз вдоль Дона, находились всего лишь в 65 км от этого города, прикрывавшего коридор, через который проходили коммуникации немецких армий на Кавказе. Хотя немцам удалось

удержать этот проход в течение достаточно длительного времени, чтобы произвести постепенный отвод войск и не допустить окружения, все же они были вынуждены не только оставить Кавказ, но и уйти под угрозой окружения из промышленного Донецкого бассейна.

В феврале 1943 г. немецкое отступление еще более ускорилося, и наступавшие по пятам русские достигли и пересекли линию, с которой началось немецкое летнее наступление в 1942 г. Русские овладели Харьковом и подошли к Днепру. Но в конце февраля немцы ответили контрударом, снова захватили Харьков и на некоторое время вывели русских из равновесия. Так же как немцы летом 1942 г., русские в начале 1943 г. слишком растянули свои коммуникации, ведя неотступное преследование, и израсходовали запасы. Немцы же восстановили свои силы, откатываясь, подобно снежному кому, к своим базам и подкреплениям.

Контрудар немцев под Харьковом явился ярким примером оборонительной и наступательной форм стратегии непрямых действий, применения отвлекающего маневра с целью завлечь противника в западню, в данном случае в западню огромного размера. Этот контрудар был спланирован и проведен фельдмаршалом Манштейном, бывшим в первый зимний период военных действий на западе начальником штаба группы армий Рундштедта и разработавшим план арденнской операции, в результате которой были разгромлены французские войска в мае 1940 г.

Несмотря на то что большинство немецких генералов считало Манштейна наиболее способным стратегом, он не пользовался благосклонностью Гитлера. Но когда армия Паулюса в ноябре 1942 г. была окружена у Сталинграда, Гитлер, пытаясь предотвратить катастрофу, направил Манштейна возглавить командование группой армий "Дон". Хотя было уже слишком поздно выправить положение у Сталинграда, Манштейну удалось не дать русским перерезать ростовский коридор до тех пор, пока не были отведены войска с Кавказа, и восстановить оборонительные позиции вдоль р. Миус между Азовским морем и р. Северский Донец.

Русские к этому времени уже прорвали фронт севернее р. Северский Донец, обороняемый итальянскими и венгерскими войсками, расширив его до 320 км на участке между р. Северский Донец и р. Воронеж, и устремились в западном направлении, обойдя фланг Манштейна. Переправившись через Северский Донец в его верхнем течении, русские не только вновь овладели Харьковом, но и продвинулись в юго-западном направлении к большому изгибу Днепра, в район, от которого зависело снабжение Манштейна. 21 февраля 1943 г. передовые части русских подошли к Запорожью, расположенному на изгибе реки, куда только что Манштейн передислоцировал свой штаб. В этой критической обстановке он продемонстрировал чрезвычайное хладнокровие и выдержку. Ранее Манштейн отказался использовать свои ограниченные резервы для фронтального наступления на Харьков, как того требовал Гитлер, а теперь удержался от искушения использовать их для обороны линии Днепра. Он видел в русском наступлении на юго-запад особо благоприятную возможность для нанесения сокрушительного удара им во фланг и хотел дать русским продвинуться еще дальше, несмотря на опасность для своей базы.

Манштейн перегруппировал свои войска и перебросил три потрепанные танковые группы с рубежа р. Миус, развернув их фронтом на северо-запад. 26 февраля он начал наступление во фланг и в тыл армий противника, как это было у Седана в 1940 г. За неделю русские армии, наступавшие на юго-запад, откатились в беспорядке назад через Северский Донец, потеряв свыше 600 танков и 1000 орудий. После этого Манштейн повернул на север, ударив в тыл русских армий, наступавших на запад от Харькова и Белгорода. Здесь русские также были разгромлены и отступили, оставив оба города. Результаты последовательных непрямых действий Манштейна были поразительными для армии, проводшей эту операцию в неблагоприятных условиях при соотношении количества дивизий 1:8. Если бы не недостаток сил у Манштейна, операция могла бы привести к таким же решающим результатам, как сражение под Седаном. Однако превосходство русских в силах было слишком большим.

Резервы немцев иссякали. Немцы почти полностью израсходовали свои резервы за два года наступательных операций, в то время как масса вновь сформированных русских дивизий перебрасывалась на фронт. Хотя контрудар под Харьковом временно устранил русскую угрозу, соотношение сил окончательно сложилось в пользу России.

Война на Тихом океане

Начиная с 1931 г. японцы расширяли свои завоевания на азиатском материке за счет Китая, ослабленного внутренней борьбой, и в ущерб американским и английским интересам в Азии. В этом же году японцы вторглись в Маньчжурию и сделали ее своим сателлитом. В 1932 г. они вторглись в Китай. Стараясь установить свой контроль над этим обширным районом, японцы запутались в тенетах партизанской войны. Они стали искать выхода из этого положения путем распространения своей экспансии в южном направлении, преследуя цель изолировать Китай от внешнего рынка. После разгрома Гитлером Франции японцы, воспользовавшись беспомощностью французов, вынудили их под предлогом "защиты" согласиться на оккупацию японскими войсками Французского Индокитая.

Президент Рузвельт потребовал 24 июля 1941 г. отвода японских войск из Индокитая. В подкрепление своего требования Рузвельт решил 26 июля заморозить все японские активы в банках США и наложить эмбарго на вывоз нефти в Японию. Черчилль принял такие же меры, а двумя днями позже этому примеру последовало эмигрантское правительство Голландии в Лондоне. Это означало, как заметил Черчилль, что "Япония одним ударом была лишена важнейших источников снабжения нефтью".

Раньше все были уверены, что такой парализующий удар вынудит Японию или начать войну, являвшуюся единственным выходом из создавшегося положения, или же отказаться от своей политики. Надо заметить, что Япония воздерживалась от нападения более четырех месяцев, пытаясь договориться об отмене эмбарго на нефть. Правительство Соединенных Штатов соглашалось отменить эмбарго только при условии, если Япония выведет свои войска не только из Индокитая, но и из Китая. Ни одно правительство, тем более японское, не могло согласиться с такими унижительными требованиями и с абсолютной потерей престижа. Поэтому были все основания ожидать войны на Тихом океане в любой момент. Но Япония выжидала, так что американцы и англичане имели возможность воспользоваться четырехмесячной передышкой до того, как японцы нанесли удар. Однако эта возможность была использована совершенно недостаточно для подготовки оборонительных мероприятий.

Утром 7 декабря 1941 г. японские военно-морские силы, включая шесть авианосцев, нанесли сокрушительный удар с воздуха по американской морской базе Пёрл-Харбор на Гавайских островах. Удар был нанесен до объявления войны, следуя прецеденту Порт-Артура, когда японцы нанесли удар русскому флоту до объявления войны России.

До начала 1941 г. японский план предусматривал в случае войны против Соединенных Штатов использовать основные силы флота в южной части Тихого океана и одновременно нанести удар по Филиппинским островам с целью воспрепятствовать американскому флоту оказание помощи своему гарнизону на Филиппинах. Американцы рассчитывали именно на такие действия со стороны японцев, и их предположения подтверждались продвижением японцев в Индокитай накануне войны. Однако адмирал Ямамото разработал новый план, предусматривавший внезапное нападение на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор. Корабли, выделенные для нанесения удара, совершили круговой путь через Курильские о-ва и приблизились незамеченными к Гавайским о-вам с севера. Когда корабли находились от Гавайских о-вов на расстоянии около 480 км, с авианосцев перед восходом солнца поднялись в воздух 360 самолетов, которые нанесли удар по Пёрл-Харбору. Четыре из восьми американских линкоров были потоплены, а остальные сильно повреждены. Немногим больше чем за один час японцы установили свой контроль над Тихим океаном.

Этим ударом был расчищен путь для беспрепятственного вторжения с моря на п-ов Малакка (рис. 11). В то время как главные японские ударные силы двигались на северо-восток к Гавайским о-вам, другие корабли военно-морских сил сопровождали конвои транспортов в юго-западную часть Тихого океана. Почти одновременно с воздушной атакой

на Пёрл-Харбор началась высадка воздушных десантов на п-ве Малакка и на Филиппинах. Высадкой десанта на п-ве Малакка преследовалась цель захватить важную британскую морскую базу в Сингапуре, но попытки атаковать эту базу и с моря не предпринимались, так как ее оборона со стороны моря была наиболее прочной. Действия японцев были внезапными. В то время как на восточном побережье п-ва Малакка производилась высадка войск в двух пунктах в целях захвата аэродромов и отвлечения внимания противника, главные силы десантировались в самой узкой части этого полуострова, в 800 км севернее Сингапура. Отсюда японские части начали наступать вдоль западного побережья полуострова, последовательно обходя рубежи, на которых британские войска пытались их задержать. Японцы обеспечили себе преимущество не только неожиданным выбором очень тяжелого маршрута, но и возможностью незаметного просачивания войск через густые заросли. После почти шестинедельного непрерывного отступления британские части были вынуждены в конце января переправиться с материка на о-в Сингапур. Ночью 8 февраля 1942 г. японцы стали форсировать 1,5-километровый пролив, закрепились на противоположном берегу и начали просачиваться через линию фронта.

Обороняющиеся войска обладали более чем двойным численным превосходством над атакующими японцами, но последние имели отборные части, хорошо подготовленные для маневренной войны в условиях джунглей и на закрытой местности, тогда как обороняющиеся представляли собой разношерстные войска, в большинстве состоявшие из необстрелянных и необученных солдат, не подготовленных для проведения решительного контрманевра и весьма чувствительных к фланговым обходам. Эти недостатки, весьма значительные сами по себе, усугублялись тем, что авиация не обеспечивала должного прикрытия своих войск от постоянной угрозы нападения со стороны японских военно-воздушных сил. Вскоре оборона англичан потеряла устойчивость, а попытки восстановить ее были затруднены из-за паники населения в тылу. Вместо надежной базы английские войска имели за спиной город, переполненный разнообразным населением, напуганные угрозой остаться без продовольствия и воды, подавленным от сознания того, что в море господствует противник. Черные клубы дыма, поднимавшиеся от горевших нефтяных хранилищ, еще более усиливали подавленное настроение людей. Приказ поджечь хранилища с нефтью был отдан властями метрополии, которые придерживались тактики "выжженной земли", не считаясь с тем, какое удручающее впечатление произведут клубы дыма на моральное состояние войск и населения Сингапура. 15 февраля, т. е. в следующее "черное" воскресенье, оборонявшиеся войска капитулировали.

На самом большом Филиппинском о-ве, Лусон, за первыми высадками японских десантов севернее Манилы вскоре последовала высадка десанта в тылу столицы. Под влиянием угрозы окружения американские войска эвакуировали большую часть острова и к концу декабря отошли на небольшой п-в Батаан. Здесь японцы могли наносить по американским войскам только фронтальные удары на весьма ограниченном пространстве. Американцам удалось продержаться на этом полуострове до апреля 1942 г., когда они были подавлены значительно превосходящими силами противника.

Задолго до этого и даже до падения Сингапура волна японских завоеваний, начавшаяся с п-ва Малакка, распространилась на другие районы. 24 января японские десанты высадились на о-вах Борнео, Целебес и Новая Гвинея. Три недели спустя они начали наступление на о-в Ява, являвшийся основой Голландской Ост-Индии, сначала изолировав его с флангов. Через три недели вся Ява, подобно спелому плоду, пала в руки японцев. Хотя над Австралией нависла угроза вторжения, однако его не последовало. Основные усилия японцев теперь были направлены на запад - на завоевание Бирмы. Прямое наступление японцев на широком фронте с территории Таиланда на Рангун явилось непрямым действием по отношению к главному объекту Японии на азиатском континенте - Китаю. Этим маневром японцы преследовали цель парализовать способность Китая к сопротивлению. Рангун был портом, через который Китай снабжался англо-американскими военными материалами, направляемыми по Бирманской дороге. Кроме того, этим наступлением японцы

намеревались завершить захват западных подступов по суше к Тихому океану и создать прочный барьер на основных сухопутных коммуникациях, которые в дальнейшем англо-американские войска могли бы использовать против Японии. Рангун пал 8 марта, и в течение двух последующих месяцев японцы вытеснили британские войска из Бирмы через горы в Индию. Этим японцы обеспечили свой западный фланг настолько надежным естественным прикрытием, что любая попытка изгнать их встретила бы со значительными препятствиями и была бы чрезвычайно медленным процессом.

Прошло много времени, прежде чем союзники сосредоточили силы, достаточные для того, чтобы попытаться отвоевать захваченные Японией территории. Эти попытки были начаты с востока, чему способствовало то, что в руках союзников была Австралия, являющаяся крупной базой, расположенной в непосредственной близости от цепи японских аванпостов.

В августе 1942 г. первое наступление генерала Макартура было направлено против о-ва Гуадалканал - самого ближнего к Австралии острова из группы Соломоновых о-вов. Военные действия на о-ве Гуадалканал продолжались в течение шести месяцев. К захвату следующего крупного острова, Нью-Джорджия (входит, как и о-в Гуадалканал, в группу Соломоновых о-вов), Макартур приступил только в конце июня 1943-г., причем военные действия на нем продолжались свыше трех месяцев.

Тем временем австралийские войска начали наступление, опираясь на плацдарм, который они сохранили в юго-восточном углу о-ва Новая Гвинея. Однако военные действия на Новой Гвинее развивались медленно и мучительно, в условиях ужасных трудностей и весьма упорного сопротивления японцев. Прошел почти год, прежде чем отвоевание юго-восточной оконечности Новой Гвинеи закончилось захватом Лаэ в сентябре 1943 г.

Казалось, что длинный путь к Филиппинам и оттуда к самой Японии будет бесконечным. Однако осенью 1943 г. темп продвижения ускорился в связи с применением метода обхода островов, который явился разновидностью стратегии не прямых действий. Этот метод заключался в высадке морских десантов на островах, расположенных ближе к Японии, причем непосредственных военных действий против островов, оставшихся в тылу, не предпринималось. Благодаря такому методу действия японские гарнизоны, дислоцированные на этих островах, оказывались изолированными от своих источников снабжения, попадая в стратегическое окружение.

Сделав еще более крупный скачок в октябре 1944 г., американцы снова оказались на Филиппинах. Этому скачку предшествовали сильные удары с воздуха по портам и аэродромам на самых больших Филиппинских островах Лусон и Минданао. Лусон являлся самым северным, а Минданао - самым южным островом в группе Филиппин. Естественно, эти удары вызвали у японцев предположение, что на одном из островов будет произведена высадка американских войск, но на каком из них - они не догадывались. Однако морская армада генерала Макартура появилась у о-ва Лейте, на полпути между двумя главными островами, и здесь произвела высадку десанта. Этим самым был вбит клин не только в центр группы Филиппинских о-вов, но и - если рассматривать в широком стратегическом аспекте - между Японией и большей частью ее тихоокеанских завоеваний в Голландской Ост-Индии.

Неизбежно последовал новый перерыв, прежде чем американцы смогли сосредоточить достаточно сил для продолжения наступления и захвата Филиппин полностью. Однако окончательный успех был обеспечен благодаря сочетанию метода захвата ближе к Японии расположенных островов с установлением контроля морских и военно-воздушных сил над театром военных действий, что дало возможность изолировать оставшиеся в тылу захваченные японцами острова и осуществлять дальнейшие завоевания. Более того, американцы теперь находились на позициях, достаточно близко расположенных к самой Японии, что давало им возможность развить мощное и неослабевающее авиационное наступление. Следующий большой скачок в обход Формозы привел их на о-в Окинава, входящий в группу о-вов Рюкю, на полпути между Формозой и Японией.

Отличительной чертой последних операций являлось то, что при проведении каждого

обходного маневра предусматривалась возможность выбора того или иного объекта для нанесения удара, с тем чтобы противник не мог определить направление главного удара, причем для развития успеха использовались слабые места в обороне противника. Таким образом, непрямой характер каждого удара обеспечивал успех операции.

Поток японских завоеваний распространился на чрезмерно большой территории, что было чревато для японцев серьезными последствиями, так как их войска оказались слишком распыленными. Это создавало опасность их изоляции после изменения соотношения в морских и воздушных силах в пользу США, которые могли использовать морские пространства для высадки десанта в любом месте. Агрессия обратилась против самого агрессора. Это обратное действие опровергло сложившееся мнение воинственно настроенных кругов, что "наступление является лучшим средством обороны". Наоборот, в результате слишком успешного вначале наступления Япония допустила в дальнейшем большое перенапряжение своих сил. Такими же губительными последствиями закончилось успешно развивавшееся вначале наступление Германии.

Война на Средиземноморском театре военных действий

Первые кампании на средиземноморском театре военных действий заключались в итало-германских попытках установить свой контроль над Египтом и Суэцким каналом. В ходе этих кампаний было продемонстрировано в наиболее яркой форме, к чему ведет чрезмерная протяженность линий коммуникаций как по фронту, так и в глубину. Кампании показали также важность применения непрямых действий.

Наступление маршала Грициани из Ливии в Египет началось в сентябре 1940 г. (см. рис. 12). Судя по соотношению сил, успех наступления итальянцев был обеспечен, поскольку армия вторжения по численности значительно превышала английские войска, оборонявшие Египет. Однако подвижность итальянских войск была незначительной, что еще более усугублялось неудовлетворительным управлением ими. После продвижения на 115 км через Западную Пустыню итальянцы остановились у Сиди-Баррани, где они находились в течение двух месяцев.

Главнокомандующий английскими войсками на Среднем Востоке генерал Уэйвелл решил попытаться нанести удар итальянцам силами войск Западной Пустыни, на базе которых в дальнейшем была сформирована 8-я армия. Эти войска находились под командованием генерала О'Коннора. Предполагалось провести нечто вроде рейда крупными силами, а не наступление.

В распоряжении О'Коннора было только две дивизии: 7-я танковая и 4-я индийская; после рейда последнюю предполагалось перебросить обратно к Нилу и направить в Судан, которому угрожали итальянские войска из Эритреи и Абиссинии.

Однако в результате "рейда" была достигнута решительная победа. Итальянские войска оказались дезорганизованными внезапным маршем войск генерала О'Коннора через пустыню в их тыл, что явилось примером непрямых действий как в физическом, так и в психологическом отношении. Удар был нанесен 9 декабря 1940 г. Большая часть армии Грациани была отрезана, причем в плен попало 35 тыс. человек, а остатки итальянской армии после панического бегства укрылись за оборонительным рубежом. Преследуя отступающих итальянцев, 7-я танковая дивизия преодолела этот оборонительный рубеж и, осуществив еще один маневр на окружение, на некоторое время отрезала отступившие к Бардии итальянские войска.

Военные действия против итальянцев, вероятно, на этом бы и закончились, если бы высшее английское командование не настояло на переброске 4-й индийской дивизии в Египет в соответствии с первоначальным планом. Лишенная поддержки 7-я танковая дивизия, естественно, не могла прорвать оборону итальянцев у Бардии, и прошло несколько недель, пока свежая пехотная дивизия - 6-я австралийская - не прибыла на помощь из Палестины. 3 января 1941 г. Бардия оказалась в руках англичан, причем было взято в плен 40 тыс. человек. Тобрук пал 22 января, при этом в плен сдалось 25 тыс. человек.

Уцелевшие войска армии Грациани были перехвачены при отступлении через Бенгази к

Триполи. Преследование их оказалось одним из самых блестящих и смелых не прямых действий за всю войну; 7-я танковая дивизия сделала 5 февраля бросок через пустыню с задачей выйти к морскому побережью южнее Бенгази. Передовые подразделения дивизии за 36 ч прошли 270 км по труднопроходимой и незнакомой местности. В то время как одна группа войск под командованием полковника Комба преградила пути отхода противнику в районе Беда-Фомм, другая группа (4-я танковая бригада Контера) наносила непрерывные удары по войскам противника, пока они не сдались в плен. Обе группы английских войск вместе насчитывали всего лишь >11000 человек, но благодаря дерзости, проявленной в борьбе со значительно превосходящими силами итальянцев, они захватили в плен 21 тыс. человек.

Как ни малы были силы, которые осуществили это удивительное завоевание Киренаики, остановить их наступление в направлении к Триполи оказалось невозможным. Оставшиеся итальянские войска имели плохое вооружение и не могли отразить наступление танков; кроме того, они были сильно потрясены судьбой основных сил своей армии. О'Коннор хотел скорее использовать сокрушительную победу у Беда-Фомм. Он считал, что в состоянии нанести новый удар после пополнения запасов. Однако английское правительство решило задержать дальнейшее наступление, чтобы использовать освободившиеся войска для снаряжения злополучной экспедиции в Грецию. Уэйвеллу предложили оставить для удержания Киренаики минимальное количество войск. О'Коннор также вернулся в Египет, и командование возложили на менее опытных людей. В этот момент головные подразделения африканского корпуса немцев под командованием Роммеля прибыли в Триполи. Германия оказала помощь слишком поздно, чтобы спасти итальянских союзников от катастрофы, но достаточно своевременно, чтобы продлить северо-африканскую кампанию еще более чем на два года, в течение которых британские позиции в Египте подвергались серьезной угрозе.

Роммель в конце марта провел первую контратаку силами, едва достигавшими численности одной дивизии. Стремительными ночными маршами во фланг и в тыл англичан он разбил их передовые части и затем, произведя демонстративный маневр на окружение, вынудил главные силы англичан капитулировать у Эль-Мекили. Неожданность наступления Роммеля еще больше усилила эффект его ударов. За две недели он изгнал почти все английские войска из Киренаики. Только небольшая часть английских войск укрылась в Тобруке, где они были для Роммеля как бельмо на глазу. Однако, когда немецкие части достигли границы Египта, их линии снабжения оказались слишком растянутыми, и поэтому Роммель был вынужден остановиться.

Получив подкрепления, англичане в июне 1941 г. снова попытались наступать в Ливию. Этой операции было дано архаическое название "Алебарда". Наступление англичан в основном было фронтальным. Нанеся глубокий, хорошо рассчитанный контрудар танками во фланг, обращенный к пустыне, Роммель расстроил наступление англичан, изменив обстановку в свою пользу.

В ноябре 1941 г. англичане подготовили более крупное наступление. К этому времени главнокомандующий Уэйвелл был заменен генералом Окинлеком, а войска на ливийской границе были сведены в 8-ю армию под командованием генерала Каннингхема. Наступление началось 18 ноября продвижением войск на фланге, обращенном к пустыне, которые вышли в тыл Роммелю. Однако англичане лишились стратегического преимущества, достигнутого ими благодаря этому не прямому действию, из-за слишком прямых последующих тактических действий, пытаясь при всяком столкновении с танками противника уничтожить их ударом в лоб. Этим самым они сыграли на руку Роммелю.

Учитывая численное превосходство и большую подвижность механизированных войск англичан, немцы умело применили не прямые тактические приемы, при помощи которых они привлекали английские танки на участки местности, где были замаскированы немецкие танки и весьма эффективные 88-мм пушки. Этим Роммель в замечательной форме продемонстрировал, как и в ходе операции "Алебарда", новые оборонительно-

наступательные приемы и обманные действия, характерные для современной механизированной войны, руководствуясь при этом принципом "притупить меч противника о его же щит", прежде чем нанести удар.

В результате англичане не только потеряли свое стратегическое преимущество, но и в значительной степени утратили численное превосходство в танках. Устойчивость английской армии была нарушена как в психологическом, так и физическом отношении, и 23 ноября 1941 г. Каннингхем уже намеревался прекратить наступление и отойти в Египет для перегруппировки сил.

На следующий день Роммель, считая, что уже сложилась благоприятная обстановка для проведения более смелых действий, направил подвижные войска в обход фланга 8-й армии, обращенного к пустыне, в ее тыл. Прорвавшись в тыловые районы английских войск, немецкие танки посеяли смятение и панику. Это могло бы повлиять на исход сражения в пользу немцев, если бы решение о продолжении сопротивления или об отходе зависело только от Каннингхема. Однако прилетевший в этот критический момент на фронт Окинлек настоял на продолжении сражения, а затем, возвратившись через два дня в Каир, сместил Каннингхема и назначил вместо него Ритчи. Вмешательство Окинлека предотвратило поражение англичан только благодаря счастливой случайности, которая дала возможность английским войскам, далеко выдвинувшимся вперед, сохранить запасы в своем тылу, несмотря на стратегический рейд Роммеля. Для англичан оказалось большим счастьем, что Роммель, двигаясь к границе Киренаики, не захватил два крупных склада, от которых зависело материальное обеспечение передовых английских частей. Эти склады не были обнаружены Роммелем, так как английская авиация сохраняла свое господство в воздухе.

Глубокий удар Роммеля едва не увенчался успехом, однако последствия неудачи оказались для него весьма тяжелыми. Пока Роммель со своими тремя танковыми дивизиями (две немецкие и одна итальянская) действовал за пределами Киренаики в отрыве от остальных войск, рассеянные им английские войска, оставшиеся в тылу, смогли оправиться от поражения, возобновить наступательные действия и соединиться с гарнизоном Тобрука прежде, чем Роммель повернул танки назад для оказания помощи своим малоподвижным частям. Это является примером того риска, с которым связано проведение стратегического рейда только частью сил армии, когда основные, оставшиеся на месте войска армии недостаточно сильны, чтобы оказать длительное сопротивление. Хотя Роммелю удалось на некоторое время добиться незначительного тактического преимущества после нескольких дней тяжелых боев и непрерывной перегруппировки войск, это не улучшило его положения. Потери были более тяжелыми, чем в начальный период операции; он потерял больше танков, чем мог позволить при своих ограниченных ресурсах. Это было особенно опасно для Роммеля, учитывая, что англичане имели возможность получать крупные подкрепления. 6 декабря Роммель был вынужден прекратить бои в районе Тобрука и отступить сначала к Айн-эль-Газале, а затем к границе Триполитании.

Затем он снова с поразительным успехом применил оборонительно-наступательную стратегию. Когда 27 декабря 1941 г. англичане начали наступать, он остановил их и, обойдя с фланга, вынудил вступить в бой с перевернутым фронтом и наконец окружил. Через неделю Роммель получил первое значительное подкрепление танками, которых он не получал с середины ноября. Поэтому он сразу же решил воспользоваться этим преимуществом, учитывая, что англичане слишком растянули свои коммуникации во время наступления и потеряли в последнем бою много танков. Внезапным контрударом Роммель прорвал фронт англичан и затем, воспользовавшись возникшим беспорядком, нанес внезапный удар со стороны фланга, обращенного к пустыне, по английской базе в Бенгази и отбросил английские части назад к Айн-эль-Газале. Тем самым Роммель лишил англичан более половины их завоеваний.

Фронт на три месяца стабилизировался на линии позиций у Айн-эль-Газалы, но линейное расположение 8-й армии более соответствовало занятию исходного положения для проведения нового наступления, чем для организации надежной обороны.

Роммель начал активные действия первым. Ночью 26 мая 1942 г. его танки, совершив широкий обходный маневр, нанесли неожиданный удар по 8-й армии. Однако немецкие танки были остановлены прежде, чем смогли достичь побережья и отрезать английские войска, оборонявшиеся в районе Айн-эль-Газалы.

После этого Роммель перешел к обороне, примкнув свой тыл вплотную к английским минным полям. Это дало англичанам повод считать, что Роммель поставлен в безвыходное положение и должен сдаться. Однако контратаки англичан имели слишком прямой характер, и английские войска попадали в ловушки, которые быстро организовал для них Роммель, как только он перешел к обороне. Сковав и израсходовав свои резервы, 8-я армия была не в состоянии отразить следующий удар Роммеля в ее фланг, и в результате немцы разбили ее по частям. В то время как одна группировка сил 8-й армии откатывалась назад по направлению к границе Египта, другая группа войск отошла к Тобруку. Танки Роммеля прошли мимо Тобрука, создавая впечатление, что они движутся к египетской границе, затем внезапно развернулись к северу и ударили по Тобруку с тыла прежде, чем английские войска смогли организовать оборону. Это было шедевром не прямых действий как в физическом, так и в психологическом отношении. Прорвав оборону в слабом звене, немцы смяли гарнизон Тобрука, захватив его почти полностью в плен вместе с большими запасами военных материалов и транспорта, которых им хватило в течение длительного времени для проведения дальнейших наступательных действий.

После этого Роммель начал преследование остатков 8-й армии, отступавших через Западную Пустыню, и подошел вплотную к долине Нила, главной артерии Египта. Если бы ему удалось захватить Нил, а затем и Суэцкий канал, то все позиции Великобритании на Среднем Востоке были бы потеряны. В этот критический момент вмешался Окинлек, который принял на себя командование потрепанной 8-й армией и организовал оборону у Эль-Аламейна, в самом узком проходе пустыни, ведущем к Нилу. Войска Роммеля, слабые в численном отношении и утомленные длительным преследованием англичан, были остановлены неожиданно возросшим упорным сопротивлением английских войск, закрепившихся на вновь созданных оборонительных позициях. Когда Роммель попытался прорваться через эти позиции, нанеся ряд ударов в различных местах, Окинлек парировал их внезапными ответными ударами, которые хотя и не смогли опрокинуть войска Роммеля, но сильно ослабили их и сорвали замыслы немцев.

Вскоре из Англии прибыли подкрепления. Черчилль хотел начать наступление без промедления, но Окинлек, будучи более опытным, предложил подождать, пока вновь прибывшие войска не акклиматизируются в условиях пустыни. В связи с этим Окинлек был заменен в качестве главнокомандующего на Среднем Востоке Александером, а Монтгомери принял командование 8-й армией.

Однако в конце августа 1942 г. Роммель первым нанес удар по английским позициям у Эль-Аламейна, но снова его планы были сорваны оборонительной тактикой англичан (рис. 14). Танковым войскам немцев дали возможность пройти через минные поля, прикрывавшие южную часть английского фронта, так как основная масса английской пехоты располагалась на сильных оборонительных позициях в северной части фронта. Затем Роммеля спровоцировали нанести удар по главным силам английских танковых войск, находившихся в тылу на заранее подготовленных позициях. В этих бесплодных атаках Роммель потерял большое количество танков. Когда он был зажат между фланговой отсечной позицией и минными полями, 7-я танковая дивизия охватила его южный фланг. Однако окружить немцев англичанам не удалось и инициатива постепенно перешла в руки Роммеля.

Обстановка на фронте резко изменилась в связи с ростом сил и средств у Монтгомери. После длительной и тщательной подготовки, более длительной, чем вначале планировал Окинлек, 8-я армия перешла в наступление в конце октября 1942 г. Наступающие английские войска имели большое превосходство в авиации, артиллерии и танках. Но даже и при этих условиях бои носили упорный характер в течение целой недели, так как ограниченный по ширине фронт не давал возможности осуществить охватывающий маневр, чтобы нанести

немцам внезапный удар во фланг или с тыла. Однако после непрерывных боев войска Роммеля сильно утомились и лишились подвижности из-за недостатка горючего, так как большинство танкеров с горючим, направлявшихся в Африку через Средиземное море, было потоплено подводными лодками союзников. Именно малая подвижность войск Роммеля из-за нехватки горючего решила исход сражения, и, раз начав терпеть поражение на своих передовых позициях, немцы не смогли организовать устойчивую оборону на промежуточных рубежах, пока не укоротили линии подвоза до минимума.

Когда началось сражение, Роммель находился на излечении в Вене, но, узнав о наступлении англичан, срочно прилетел обратно. Оценив обстановку, он решил отвести свою армию к Фука, на позиции на 100 км западнее Эль-Аламейна (см. рис. 12). Этот шаг расстроил бы все планы Монтгомери. Но намерения Роммеля были отклонены Гитлером, который приказал ему не отходить ни на шаг. Таким образом, немцы держались до тех пор, пока не потерпели поражение. После этого Роммель со своей обычной быстротой и безжалостным расчетом вывез с фронта на имевшемся под руками автотранспорте свои лучшие части, бросив на произвол судьбы менее подвижные и менее опытные войска, главным образом итальянцев.

Англичане не смогли отрезать пути отхода Роммелю, так как преследование не было в достаточной степени гибким, а маневры на окружение, которые англичане пытались осуществить, не были достаточно глубокими. Вначале англичане не смогли окружить главные силы Роммеля, отступавшие вдоль прибрежной дороги, из-за недостаточной глубины маневра. Затем, когда они задумали осуществить более глубокий маневр на окружение с выходом в район "Чаринг Кросс" близ Мерса-Матрух (около 200 км западнее Эль-Аламейна), им это не удалось из-за нехватки горючего, которое не было доставлено вследствие сильного дождя. Однако при проведении еще более глубокого обходного маневра через пустыню удалось бы избежать зоны дождей. Все же основной причиной потери англичанами благоприятной возможности окружить немцев было то, что большая часть транспортных средств трех танковых дивизий была занята под боеприпасы. Горючего же было взято в обрез, и, естественно, его не хватило.

Таким образом, Роммелю удалось выскочить из клещей, в которые намеревались зажать его английские танки. Затем он продолжил отход до тех пор, пока не достиг намеченной им тыловой оборонительной позиции близ Эль-Агейла в западной части Киренаики, в 1100 км от Эль-Аламейна. Во время двухнедельного быстрого отступления он оторвался от своих преследователей, потеряв лишь небольшую часть живой силы и запасов. Англичане имели возможность нанести удары по отходящему противнику с воздуха, когда он двигался вдоль изгиба побережья в районе Бенгази, но это можно было сделать только при наличии передовых аэродромов, которые еще не обеспечивались прикрытием со стороны наступавших английских войск. Летчики шли на этот риск, но командование армии не разрешало пользоваться аэродромами без прикрытия. Ошеломляющие контрудары, наносимые Роммелем ранее, еще свежи были в памяти англичан. Но на этот раз неравенство в силах оказалось столь значительным, что Роммель не имел возможности ответить внезапным ударом или даже организовать длительное сопротивление на рубеже Эль-Агейла.

8-й армии потребовалось три недели, чтобы сосредоточить силы и начать наступление на позиции у Эль-Агейла. Когда наступление англичан развернулось, Роммель сразу начал отход. Хотя обходным маневром английские войска отрезали арьергард Роммеля, арьергард все-таки сумел прорваться и отойти до того, как был создан стратегический барьер. Роммель снова укрепился на рубеже Буэрат-эль-Хсун, в 320 км к западу от Эль-Агейла. Он продержался на этом рубеже в течение трех недель, но когда 8-я армия сосредоточилась и в середине января начала очередное наступление, он снова отошел. На этот раз Роммель почти без остановок отступил еще на 560 км, мимо Триполи к линии Марет в Тунисе. Отступление Роммеля объяснялось не только слабостью его сил и потоплением союзниками большей части транспортов с грузами, предназначавшимися для пополнения запасов его армии, но и новой неблагоприятной для него обстановкой, сложившейся в результате англо-

американского вторжения в Марокко и Алжир в ноябре 1942 г.

Высадка англо-американских войск на западном побережье Африки последовала вскоре после начала наступления англичан под Эль-Аламейном, находящимся на расстоянии 4000 км. Это был не прямой ход против Роммеля в Ливии и его угрожающей позиции вблизи дельты Нила. В стратегическом отношении успех операции союзников был пропорционален ее внезапности. По первоначальному плану высадка войск союзников намечалась только на атлантическом побережье Марокко. Это привело бы к чисто фронтальному наступлению, которое давало французским войскам достаточно времени для организации успешного сопротивления. Так как наступление началось бы на удалении почти 2000 км от Бизерты, ключа ко всему североафриканскому театру войны, немцы имели бы достаточно времени и возможностей, чтобы усилить сопротивление французам вторжению союзников. К счастью для союзников, в плане дополнительно предусматривалась высадка войск на побережье Средиземного моря, в районе Орана и Алжира. Американские дипломаты оказали помощь союзникам при высадке войск, добившись молчаливого согласия или сознательного бездействия французских властей. Когда в этих пунктах были высажены войска, они оказали решающее влияние на французские войска на западном побережье, где сопротивление вначале угрожало стать довольно упорным.

Высадка союзных войск вблизи Алжира сократила расстояние до Бизерты до 650 км. Небольшая группа моторизованных подразделений могла бы достигнуть Бизерты и Туниса без каких-либо серьезных помех, за исключением разве того только, что ей пришлось бы преодолевать препятствия на горных дорогах. Кроме того, при высадке морского или воздушного десанта поблизости от этих городов вряд ли было бы оказано какое-либо сопротивление. Однако командование военно-морских сил союзников не хотело попытаться высадить хотя бы небольшой десант без прикрытия его с воздуха, а продвижение союзных войск по суше было слишком осторожным. Между тем немцы быстро реагировали на действия союзников, хотя высадка десантов оказалась для них неожиданной. Начиная с третьего дня высадки союзных войск немцы начали срочно перебрасывать войска в Тунис, используя для этой цели все имевшиеся в их распоряжении транспортные самолеты и мелкие суда. Хотя общее количество немецких войск было все еще незначительным, их оказалось достаточно, чтобы остановить продвижение головных подразделений 1-й армии союзников, которые через две с половиной недели после высадки достигли ближайших подступов к Тунису.

В результате сопротивления немцев произошла пятимесячная пауза, в течение которой войска союзников закрепились в гористой местности на позициях, блокировавших Бизерту и Тунис с запада и юга. Тем не менее эта неудача союзников в конце концов оказалась для них выгодной, так как немцы были вынуждены перебрасывать подкрепления в Тунис морем. Союзники же благодаря своему превосходству на море вначале препятствовали снабжению немецких войск, а затем лишили немцев возможности эвакуироваться по морю. По иронии судьбы Гитлер был вынужден перебросить для удержания в своих руках Туниса больше войск, чем он использовал для захвата Египта. Вследствие того что большое количество немецких и итальянских резервов было переброшено через Средиземное море в Африку, где они фактически оказались в "мешке", последующее вторжение союзников в Европу значительно облегчилось. Таким образом, Северная Африка стала для Гитлера такой же роковой стратегической ловушкой, какой в свое время оказалась для Наполеона Испания, причем в том и другом случае это было связано с их вторжением в Россию. Перенапряжение, которое Гитлер испытывал при одновременном ведении военных действий в Африке и России, создало для него неразрешимые трудности, в результате чего он, подобно Наполеону, потерпел поражение.

Однако кампания 1943 г. в Тунисе началась немецким контрударом, который оказался для союзников совершенно неожиданным. Он был нанесен как раз тогда, когда обе армии союзников (1-я с запада и 8-я с востока) намеревались раздавить силы оси, зажав их в тиски. Командование стран оси хотело предотвратить эту опасность поочередным разгромом обеих

армий, причем условия для достижения этой цели сложились более благоприятные, чем можно было рассчитывать. Прибывшие к этому времени в Тунис немецкие подкрепления были сведены в армию под командованием генерала фон Арнима, а остатки армии Роммеля в связи с приближением к портам снабжения при отступлении на запад получили новое пополнение и вооружение. Учитывая это временное благоприятное изменение в обстановке, Роммель решил действовать по "внутренним линиям" в духе Наполеона, используя свое центральное положение между двумя сближающимися армиями союзников для нанесения по ним удара поочередно. Если бы ему удалось смять 1-го англо-американскую армию, угрожавшую ему с тыла, он развязал бы себе руки, чтобы разделаться с британской 8-й армией, становившейся все более уязвимой по мере удлинения ее линий снабжения.

Такой план сулил блестящие перспективы, но его выполнение было сильно затруднено, так как в большой степени это зависело от действий войск, которые не были подчинены Роммелю. Когда операция началась, армия Арнима действовала самостоятельно, и даже наиболее боеспособная 21-я танковая дивизия Роммеля, которая должна была наносить главный удар, была переподчинена Арниму после того, как ее направили в тыл для прикрытия путей отхода и снабжения армии Роммеля.

Непосредственным объектом для контрудара немцев был намечен 2-й американский корпус, в который входила также одна французская дивизия. Фронт этого корпуса растянулся почти на 150 км, но его главные силы сосредоточились на трех дорогах, идущих через горы к побережью, причем головные колонны находились в горных проходах Гафса, Фаид и Фондук (см. рис. 12). Эти проходы были настолько узкими, что оборонявшие их части чувствовали себя в безопасности.

В конце января 1943 г. 21-я немецкая танковая дивизия сделала внезапный бросок к проходу Фаид и разгромила французский гарнизон, прежде чем американские войска смогли оказать ему поддержку, обеспечив себе таким образом ворота для дальнейших вылазок. Этот удар заставил командование союзников предположить, что последуют другие, более мощные удары со стороны немцев, но они считали, что эти удары будут нанесены в других местах. Считая, что удар немцев по проходу Фаид был отвлекающим, они рассчитывали, что следующий удар немцы нанесут по Фондуку. Генерал Брэдли в своих воспоминаниях пишет: "Такое предположение союзников едва не привело к катастрофе".

14 февраля немцы нанесли очередной внезапный удар, совершив бросок от горного прохода Фаид. Наступлением руководил один из командиров Арнима, Циглер. Развернувшись, 21-я немецкая танковая дивизия сковала американские танки с фронта, свернула их левый фланг и, обойдя с правого фланга, нанесла удар с тыла. В этом бою было уничтожено более 100 американских танков. Роммель убеждал Циглера продолжать наступление и ночью, с тем чтобы развить успех, но Циглер потерял двое суток, пока добился разрешения от Арнима продолжать наступление. После этого он продвинулся еще на 40 км в направлении к Сбейтла, где находились американские войска. Даже и тогда он мог отбросить американцев назад, хотя бой был уже более напряженным и американцы подтягивались к горному проходу Кассерин. Тем временем Роммель перебросил танковый отряд с укрепленной линии Марет в район Гафсы для нанесения удара в южном направлении. Этот отряд к 17 февраля продвинулся на 80 км, захватив американские аэродромы в районе Телепте, расположенного значительно западнее Кассерина.

Александр, возглавивший командование обеими армиями союзников, в своем донесении сообщал: "Я нашел положение более критическим, чем ожидал, а посещение района Кассерина показало, что вследствие панического отступления американские, французские и британские войска страшно перемешались, согласованного плана обороны не было, управление войсками нарушилось". Далее Александр сообщал, что, если бы Роммель "смог прорваться сквозь наши оборонявшиеся незначительными силами позиции на Западном Дорсале, следующем горном хребте, он встретил бы мало естественных препятствий при наступлении в северном направлении... Это нарушило бы устойчивость нашего фронта в Тунисе и привело бы к общему отступлению, если не к катастрофе".

Роммель хотел использовать смятение и панику среди войск союзников, намереваясь перейти в общее наступление всеми наличными механизированными силами через Тебессу (в 65 км к западу от Западного Дорсалья), в направлении основных коммуникаций союзников с их алжирскими базами. Воздушная разведка донесла, что склады снабжения союзников в Тебессе охвачены пламенем. Однако Роммелю стало известно, что Арним не хотел отважиться на такой рискованный шаг, и поэтому он в отчаянии обратился за разрешением начать наступление к Муссолини. Время шло, и только рано утром 19 февраля из Рима была получена директива, разрешавшая Роммелю перейти в общее наступление, но не в северо-западном направлении на Тебессу, как предлагал Роммель, а в северном - на Талу. Роммель считал, что такое изменение направления наступления было вызвано ужасной и невероятной близорукостью Муссолини, так как в этом случае наступающие войска двигались бы слишком близко к противнику, что грозило опасностью столкновения с его сильными резервами.

Исход событий полностью подтвердил опасения Роммеля, ибо наступление велось в направлении, на котором Александер ожидал удара со стороны немцев и поэтому лучше подготовился для его отражения. Он приказал командующему армией сосредоточить все свои танковые силы для обороны Талы, причем с севера на этот участок фронта были быстро переброшены английские резервы. Таким образом, союзники, очевидно, снова оказались бы разбитыми, если бы Роммелю дали возможность наступать в намеченном им направлении.

Американцы также сосредоточили свои силы на подступах к Тале и оказали настолько упорное сопротивление у горного прохода Кассерин, что немцы не могли прорваться через него до вечера 20 февраля 1943 г. На следующий день немцы ворвались в Талу, но их вытеснили подошедшие английские резервы. Таким образом, 22 февраля, видя, что шансов на успех нет, Роммель прекратил наступление и начал постепенный отход. 23 февраля Роммель получил новый приказ из Рима о передаче всех сил оси в Африке под его командование, но было уже слишком поздно.

Анализ этого контрнаступления немцев дает большой материал для изучения не прямых действий. Оно, с одной стороны, ясно показывает, как потеря времени может лишить контрнаступление всех преимуществ, а с другой - подчеркивает важность проведения глубоких обходных маневров для обеспечения внезапности.

Другим наказанием за запоздавшее объединение армий оси под командованием Роммеля было то, что сообщение об этом он получил слишком поздно и уже не мог задержать наступление, начатое Арнимом на севере против позиций союзников и районе Туниса. Этот слишком прямой удар Арнима не только привел к неудаче, но и не дал возможности Роммелю перебросить дивизии с этого участка, чтобы использовать их в контрнаступлении, которое он намеревался осуществить против Монтгомери.

Вынужденная задержка Роммелем наступления привела к отрицательным для него последствиям. До 26 февраля Монтгомери имел в первом эшелоне своих войск, расположенных против укрепленной линии Марет, только одну дивизию. В течение некоторого времени он сам и его штаб лихорадочно работали над восстановлением равновесия в силах, до того как немцами будет нанесен удар. К 6 марта, когда Роммель нанес свой удар, Монтгомери увеличил силы уже в четыре раза и, кроме 400 танков, имел теперь на огневых позициях свыше 500 противотанковых пушек. Таким образом, за время вынужденного бездействия шансы Роммеля нанести удар превосходящими силами исчезли. К вечеру 6 марта наступление Роммеля было остановлено, причем немцы потеряли более 50 танков, что серьезно осложнило их действия на следующем этапе кампании. Но к этому времени они лишились также и Роммеля, уехавшего в Европу больным и разочарованным.

Наступление союзников началось 17 марта 1943 г. атакой 2-го американского корпуса под командованием генерала Паттона. Оно преследовало цель отрезать пути отхода немецкому африканскому корпусу в направлении Туниса и лишить немцев возможности получить пополнение и запасы. Наступление Паттона велось слишком осторожно и медленно, и поэтому немцы имели возможность задержать войска Паттона у горных

проходов, прикрывавших подступы к прибрежной полосе. Успех обороны воодушевил немцев на попытку нанести новый удар, но им не удалось прорвать американскую оборону. Потеря немцами около 40 танков не только ослабила силу их удара, но и поставила в затруднительное положение в дальнейшем, снизив способность немецких войск оказать сопротивление начавшемуся наступлению Монтгомери.

Окончательной победы союзники достигли скорее благодаря неправильным наступательным действиям немцев, чем эффективности собственных ударов. Изменить ход событий в свою пользу союзники смогли только тогда, когда немцы окончательно выдохлись. Немцы могли бы и дольше затягивать исход борьбы, если бы не израсходовали свои скудные резервы на бесперспективные ответные удары.

Наступление 8-й армии на линию Марет началось ночью 20 марта 1943 г. Главный удар наносился в лоб с целью прорвать оборону противника вблизи побережья и через создавшуюся брешь ввести танковые дивизии. В это же время новозеландский корпус совершил глубокий обходный маневр в направлении Эль-Хаммы в тыл противника с целью сковать расположенные в этом районе резервы немцев. Фронтальным ударом союзникам не удалось пробить достаточную брешь в обороне немцев. Поэтому после трехдневных боев Монтгомери изменил свой план. Он отошел несколько назад, направив 1-ю танковую дивизию вслед за новозеландской дивизией, наступавшей в тыл противника. Внезапная переброска "кавалерии" Монтгомери с правого фланга на левый воспроизвела в более крупном масштабе маневр Мальборо у Рамиле, являющийся замечательным историческим шедевром тактической гибкости. Монтгомери был вынужден направить свои танки вдоль долины, по краям которой немцы расположили противотанковые пушки. Это могло привести Монтгомери к катастрофе, если бы, на его счастье, не разразилась песчаная буря.

Но даже в этих условиях английские атаки были остановлены немцами перед оборонительными рубежами у Эль-Хаммы. Таким образом, хотя под угрозой окружения немцы были вынуждены оставить линию Марет, они сумели держать проход открытым и отвести свои войска без больших потерь.

Немцы снова задержались в 15 км восточнее Эль-Хаммы, на рубеже вдоль сухого русла Вади-Акарит, окаймляющем ущелье Габес, на позициях, весьма ограниченных по фронту и проходивших от побережья к высотам. Американцы, обойдя с юга Эль-Геттар, попытались захватить эти позиции раньше немцев и ударить им в тыл, пока они были скованы с фронта 8-й армией. Однако немцы остановили американские войска, прежде чем последние смогли выбраться с высот на равнинную местность. Затем, 6 апреля перед рассветом, 8-я армия начала наступление на Вади-Акарит. Это тактическое новшество привело к прорыву обороны немцев, но развить успех англичанам не удалось, так как с наступлением рассвета немцы оказали упорное сопротивление. Ввиду того что немцам пришлось втянуть в бой две из трех сильно потрепанных танковых дивизий, чтобы сдержать американское наступление, они остались без достаточных резервов для оказания дальнейшего сопротивления. Поэтому на следующую ночь немцы оторвались от преследовавших их союзных войск и стали быстро отходить вдоль побережья к Тунису.

8 апреля была сделана новая попытка отрезать путь отхода немцев путем прорыва 9-го корпуса через проход Фондук и выхода его к морю в тыл немцам. Так как союзная пехота не смогла обеспечить проходы для танков, последние на следующий день без поддержки пехоты, а поэтому с большими потерями провели смелую атаку через минное поле. Однако прорыв был совершен слишком поздно, и танки не смогли перехватить отступающие вдоль побережья немецкие войска. Через несколько дней обе немецкие армии соединились и организовали совместными усилиями оборону вдоль горного хребта, огибающего Тунис с юга. Казалось, что немцы окажут на этом рубеже длительное сопротивление. Они также могли воспользоваться передышкой, полученной в результате быстрого отхода, для эвакуации своих войск в Сицилию.

Отступление танковой армии "Африка" Роммеля от Эль-Аламейна до Туниса, на протяжении 3200 км, явилось в военной истории одним из выдающихся событий. После

Ксенофонта не было примера, подобного этому подвигу Роммеля. Особенный интерес представляют первый и последний этапы отступления немецких войск. От линии Марет до Туниса Роммель отступал вдоль длинного коридора, по краям которого находились союзные войска, вследствие чего ему угрожала постоянная опасность оказаться отрезанным от Туниса. Однако этой же зимой и другое отступление было сопряжено с не меньшей опасностью и проведено даже в более тяжелых условиях - отступление группы армий Клейста из глубины Кавказа через ростовский коридор на запад под постоянной угрозой фланговых ударов русских армий, которые наступали от Дона в южном направлении.

Эти два примера являются убедительным доказательством большой силы сопротивления, присущей современной обороне, когда она проводится искусно. Более того, они свидетельствуют об ограниченных возможностях удара в тыл, что снова напоминает об уроках прошлого, подтверждающих, что для успешного наступления необходимо нечто большее, чем только не прямые действия в географическом отношении. В каждом из этих примеров значительная часть сил наступающего с самого начала нависала над аррьергардами отходивших войск и все же не могла их окружить. Опасное направление, с которого следовало ожидать удара, всегда было довольно очевидным для обороняющейся стороны, чтобы она была в состоянии успешно использовать преимущества обороны и обеспечить достаточную безопасность своих войск. Необходимо проводить не прямые действия психологического порядка, с тем чтобы нарушить устойчивость противника и создать предпосылки для его окончательного разгрома.

Быстрота отхода от Вади-Акарит и успешное отражение немцами попыток союзников помешать этому давали германскому верховному командованию возможность эвакуировать свои войска в Сицилию, если бы оно этого захотело. Потребовалась бы по крайней мере двухнедельная передышка, в течение которой армии союзников смогли подготовить серьезное наступление против новых оборонительных позиций противника, тянувшихся в виде дуги от Анфидавилля, 75 км южнее Туниса (на побережье зал. Хаммамет), до мыса Серрат, западнее Бизерты. В то время стояли туманы, которые благоприятствовали скрытной посадке на суда и перевозке войск, так что большую часть немецких войск можно было эвакуировать из Туниса морем и по воздуху.

Однако германское верховное командование предпочло попытаться продлить кампанию в Африке, чем эвакуировать свои войска и организовать оборону на южном побережье Европы. Даже в Тунисе немцы пытались удержать слишком растянутый фронт (по периметру 160 км), стремясь сохранить в своих руках и Тунис и Бизерту. Разделив свои войска для защиты этих двух объектов, немцы предоставили союзникам идеальную возможность нанести удар по любому из них.

Перед началом нового наступления Александер перегруппировал свои силы. Он перебросил 2-й американский корпус с юга на северное побережье Африки против Бизерты (т. е. с правого крыла фронта на левое). Он также передвинул к северу 9-й корпус, расположив его в центре между 5-м корпусом и 19-м французским корпусом, который теперь был включен в состав 8-й армии и составлял правое крыло союзников.

20 апреля 1943 г. наступление началось ударом 8-й армии по левому флангу противника. Однако прибрежная полоска земли за Анфидавиллем была очень узкой по фронту, и поэтому уже 23 апреля наступление захлебнулось. 21 апреля 5-й корпус нанес удар слева, в направлении высот, идущих к Тунису. На следующий день 9-й корпус ударил справа из района Губеллата с задачей прорвать танками фронт противника. Однако прорваться танкам не удалось, хотя фронт был ослаблен и противник понес потери в танках. После этого на большей части фронта последовало двухнедельное затишье, но на севере американцы и корпус французских африканских войск продолжали постепенно продвигаться и подошли к Бизерте на расстояние до 30 км.

Александер снова перегруппировал свои войска. Оставив справа, в районе Губеллата (50 км юго-западнее Туниса), только части прикрытия, он перебросил основные силы 9-го корпуса на левый фланг, сосредоточив их за 5-м корпусом и усилив эту группировку еще

двумя отборными дивизиями (7-й танковой и 4-й пехотной индийской) из состава 8-й армии. Одновременно был осуществлен хорошо разработанный план дезинформации противника, преследовавший цель скрыть перегруппировку войск и создать у противника впечатление, что очередное наступление союзников начнется справа, на южном фланге. Эффект этой дезинформации усилился, так как на южном фланге продолжала оставаться наиболее боеспособная 8-я армия Монтгомери. Обман удался, и генерал фон Арним продолжал держать на южном фланге основные силы своей армии. Арним имел мало возможностей раскрыть обман или перегруппировать свои войска после начавшегося наступления союзников ввиду господства авиации противника. Союзники же использовали свое огромное превосходство в воздухе, чтобы окончательно подавить немецкую авиацию, не допустить перегруппировки войск противника и сорвать его снабжение.

Наступление 9-го корпуса под командованием генерала Хоррокса сосредоточенными силами на весьма узком участке фронта началось перед рассветом 6 мая. Наступлению предшествовала артиллерийская подготовка, и оно сопровождалось интенсивным артиллерийским огнем более чем из 600 орудий на участке фронта шириной около 3 км в долине Меджерда, ведущей к Тунису. С рассветом авиация нанесла мощный бомбовый удар по позициям противника. Оглушенные огнем немецкие войска были вскоре разгромлены пехотой 4-й индийской и 4-й английской дивизий. Слишком растянутая по фронту оборона немцев оказалась не только слабой, но и неглубокой. Затем в образовавшийся прорыв были введены танки 6-й и 7-й танковых дивизий союзников. Однако они потратили много времени на уничтожение различных небольших очагов сопротивления немцев и к ночи продвинулись всего лишь на несколько километров. До Туниса все еще оставалось 25 км.

Однако на следующее утро (7 мая) стало ясно, что немцы до такой степени были парализованы мощным наступлением союзников, и в особенности воздушной бомбардировкой, что не смогли предпринять каких-либо тактических контрмер. К полудню передовые части британских танковых дивизий ворвались в Тунис. Затем 6-я дивизия повернула на юг, а 7-я - на север с целью посеять панику в рядах немецких войск. Почти одновременно американцы и французы ворвались в Бизерту. Сопротивление немцев на северном участке фронта было сломлено.

На южном участке фронта немцы еще имели возможность отойти на полуостров к мысу Бон и организовать там длительное сопротивление. Но вскоре они лишились этой возможности и результате той быстроты, с которой 6-я танковая дивизия прорвалась им в тыл и отрезала пути отхода на полуостров. Последовал общий разгром, причем в плен было взято свыше четверти миллиона человек.

Таким образом, благодаря комбинированным ударам авиации с воздуха и танков с тыла планы немецкого командования оказались сорванными и сопротивление войск дезорганизованным. Главной причиной поражения было нарушение союзниками управления немцев своими войсками, в то время как нарушение союзниками коммуникаций усилило деморализующее влияние недостатка резервов и перебоев в снабжении на боеспособность немецких войск.

Другим фактором, обусловившим поражение немцев, была близость расположения их баз к фронту. Быстрый захват этих баз сказался как на моральном состоянии немецких войск, так и на их снабжении. Захватив базы, союзники создали панику среди личного состава этих баз, всегда более восприимчивого к деморализации, чем личный состав боевых частей, а волна паники, естественно, быстро распространилась и на другие районы, занимаемые немцами. Потеря баз еще больше подорвала моральный дух немцев, сознававших, что за их спиной море, где безраздельно господствовали морские и воздушные силы союзников.

Удивительно, насколько близко план операций Александера совпадал с классическим образцом плана наполеоновского сражения, а также с планом сражения на Марне в 1914 г., хотя это совпадение и было случайным. Особенность этой операции состояла в том, что, после того как противник был скован с фронта, против одного из его флангов проводился охватывающий маневр. Этот маневр сам по себе не был решающим, но он создавал

благоприятную возможность для нанесения решающего удара. Угроза охвата фланга немцев вынудила их растянуть свой фронт, и тем самым создались благоприятные условия для нанесения решающего удара союзниками по наиболее слабому участку обороны противника.

Хотя Александр вначале был стеснен в своих действиях, так как оба фланга противника прикрывались, но он добился победы, сочетая гибкость маневра с хитростью.

Как мы видели, Александр вначале отвлек внимание и силы немцев, произведя ряд демонстративных перегруппировок своих войск. Когда немцам удалось предотвратить попытку Александра прорвать фронт на одном направлении, он использовал свою неудачу, чтобы добиться решающего преимущества на другом направлении. Произведя демонстративную переброску своих войск якобы на левый фланг немцев, Александр на самом деле перебросил их правее (ближе к центру противника), где его предыдущие безуспешные действия создали у немцев уверенность, что они на этом направлении были достаточно сильны. Таким образом, благодаря неоднократно отвлечению внимания противника от выбранного им направления главного удара он добился максимального эффекта при окончательном сосредоточении своих сил, в то же время не теряя возможности нанести удар по любому объекту, если для этого будут созданы благоприятные условия.

Завершающие этапы африканской кампании рассмотрены в этой книге более подробно потому, что на этих этапах наглядно продемонстрировано то значение, которое имеют в стратегии такие вопросы, как материальное обеспечение войск и психологический фактор. Особенно наглядно продемонстрированы примеры обмана противника и разнообразные формы не прямых действий.

Глава XVIII.

Падение Гитлера

После катастрофы под Сталинградом и отступления с Кавказа у немцев не оставалось реальной надежды одержать над Россией решительную победу. Опыт 1941 и 1942 г. вскрыл недостатки осуществления наступательной стратегии ограниченными силами на неограниченном пространстве. В 1943 г. силы немцев уменьшились, в то время как силы русских возросли. Неблагоприятное соотношение сил привело к тому, что осуществление немцами наступательной стратегии стало делом безнадежным, а организация жесткой обороны вследствие недостаточной плотности войск также была весьма затруднительной. Если бы немцы в такой обстановке решили перейти к стратегической обороне, то потребовалось бы пожертвовать значительной частью захваченной ими территории, с тем чтобы применить подвижную оборону, заключающуюся в том, чтобы посредством ряда отступательных маневров ослабить силу удара наступающего противника. Такая же настоятельная необходимость уступки территории вызывалась и при переходе к наступательно-оборонительной стратегии, преследующей цель создать благоприятные условия для нанесения контрудара.

Даже в 1943 г. были достаточные основания рассчитывать на благоприятные результаты при переходе к подвижной форме обороны. Опыт показал, что в обороне немцы могли бы нанести наступающим русским войскам значительно большие потери, чем понесли бы они сами. Хотя русские командиры приобрели опыт в проведении маневров, причем обширные пространства создавали им для этого благоприятные возможности, ряд других обстоятельств заставлял их иногда предпринимать поспешные действия. Это объяснялось инстинктивным стремлением русских изгнать оккупантов из своей страны и естественным желанием русских командиров проявить свою решительность перед Сталиным. Поэтому для немцев не представляло особых затруднений заставить русских нанести повторные лобовые удары. Большинство немецких стратегов сходилась на том, что, применив хорошо разработанный план подвижной обороны, они могли бы истощить силы России и сломить ее волю продолжать войну. Можно было даже создать благоприятные условия для нанесения контрудара, который коренным образом изменил бы обстановку.

Но Гитлер был настроен слишком агрессивно, чтобы обратить должное внимание на эти советы. Он горячо верил, что наступление является лучшим средством обороны и что

жесткая оборона менее эффективна. Под влиянием этой навязчивой идеи он даже отверг предложение об увеличении производства истребительной авиации для обороны Германии в условиях возросших по масштабу воздушных бомбардировок промышленных объектов союзниками и не изменил этого решения до июня 1944 г. Точно так же, когда советники Гитлера указывали на ограниченность немецких резервов и вытекавшую отсюда опасность нахождения немецких войск на невыгодных рубежах, на которых немцы закончили свою зимнюю кампанию 1942/43 г к России, Гитлер отверг их предложения об отходе на рубеж р. Днепр, доказывая, что обстановка изменится к лучшему при наступлении летом 1943 г. Это был последний наступательный порыв Гитлера перед его разгромом.

Интересно отметить, что в марте 1943 г., когда Манштейн своим внезапным контрударом в направлении Харькова сорвал русское контрнаступление, продолжавшееся безостановочно после разгрома немцев под Сталинградом, он предложил Гитлеру повторить такой же контрудар на другом направлении, предварительно заманив русских в ловушку. Участок фронта вдоль р. Миус, между р. Северский Донец и Азовским морем (см. рис. 10) сильно выдавался вперед (в восточном направлении) из линии обороны немцев. Поэтому было весьма вероятно, что русское весеннее наступление будет нацелено именно на этот выступ. Учитывая это, Манштейн предложил, чтобы оборонявшиеся здесь немецкие войска были сведены до минимума и отошли под давлением русских назад, подставляя их под контрудар, который следовало нанести всеми возможными силами из района Киева в северный фланг русских с задачей смять фронт русских на юге и окружить их

Но для Гитлера этот план был слишком смелым, хотя он и не хотел потерять Донецкий бассейн с его развитой промышленностью и минеральными ресурсами. Поэтому был принят другой план. Этим планом преследовалась цель попытаться разбить русских до того, как они начнут ожидавшееся немцами весеннее наступление. Удар намечалось нанести под основание обширного выступа в районе Курска, вдававшегося в немецкий фронт между Белгородом и Орлом; 4-я танковая армия группы армий Манштейна "Юг" (бывшая "Дон") должна была составить правую обходящую группу, а 9-я армия группы армий Клюге "Центр" - левую. В случае одобрения плана Манштейн настаивал, чтобы наступление было начато в первых числах мая, сразу же, как только просохнет весенняя грязь, и до того, как русские перегруппируют свои силы. Однако командующий 9-й армией Модель доказывал, что наступление следует отложить до прибытия крупных танковых подкреплений. Гитлер согласился с доводами Моделя, отложив наступление сначала до июня, а затем до 5 июля. Эта операция явилась замечательным примером того, как фактор времени может вступить в противоречие с фактором силы. Исход операции явился поучительным в том отношении, что сосредоточение крупных сил, произведенное с запозданием, может оказать на результаты операции меньшее влияние, чем своевременно начатое наступление, при котором обеспечен элемент внезапности.

Время шло, и Гитлер стал сомневаться в успехе операции, но не мог заставить себя примириться с необходимостью начать стратегическое отступление и поэтому нерешительно уступил доводам Цейтлера, преемника Гальдера, ратовавшего за наступление и считавшего, что немцы должны проявить инициативу и начать наступление первыми, чтобы упредить русских.

На этот раз русское командование, глубоко оценив обстановку, воздержалось от наступления до тех пор, пока немцы не перешли в наступление. Этим русские заманили немцев в ловушку, которая так часто в прошлом увенчивалась успехом на поле боя. Обнаружив подготовку немцев к наступлению и разгадав их намерения, русские преградили наиболее опасные направления на Курской дуге, создав глубокие полосы минных полей и отведя основные силы назад. В результате немцы, начав наступление, не только не захватили русских "в мешок", но и сами оказались в тяжелом положении. Правая обходящая группировка немцев немного продвинулась вперед, преодолев первые две позиции русских и уничтожив большое количество танков, но левая обходящая группировка Моделя была остановлена в самом начале. Из-за неудавшегося наступления немцы оказались вне своих

оборонительных сооружений и подставили себя под мощный контрудар русских. Перешедшие в контрнаступление русские войска прорвали фронт немцев севернее Орла, что вызвало кризис всей системы обороны немцев. Манштейну было приказано приостановить наступление своих войск и перебросить несколько танковых дивизий на помощь Ключе. Но это привело к тому, что русские прорвали также ослабленный участок фронта самого Манштейна. Весь дальнейший ход операций о большой степени напоминал подвижную оборону Петена и его контрудар во второй битве на Марне, который привел к решающему изменению хода Первой Мировой войны.

Хотя немцы сумели приостановить развитие успеха русских, точно так же, как они смогли это сделать на Марне в 1918 г., но русские нарушили их планы, расширив масштаб своих операций. Характер и темпы операций русских все более напоминали операции союзников во время их контрнаступления на западе в 1918 г., а именно: нанесение чередующихся ударов на различных участках фронта; временное прекращение наступления на определенном направлении, когда темпы его замедлялись перед лицом возросшего сопротивления противника, и переход к наступлению на другом направлении; согласование по цели каждого проводившегося удара для облегчения нанесения последующего; проведение всех ударов в тесном взаимодействии между собой с увязкой их по времени и пространству. Действия русских вынуждали германское командование, как и в 1918 г., поспешно перебрасывать свои ограниченные резервы туда, где наносился удар, и в то же время суживали возможности своевременного перебрасывания резервов на угрожаемые участки фронта. В результате немцы лишились свободы действий, причем количество резервов у них катастрофически сокращалось. Такая стратегия русских привела к общему параличу германской военной машины.

Методы действий русских являются естественными для любой армии, обладающей общим превосходством в силах. Союзные армии действовали на западе в 1918 г. точно так же, как Красная Армия в 1943 г. Этот способ особенно пригоден на театре, где рокадные коммуникации недостаточно развиты и не могут обеспечить наступающему возможность быстрой переброски резервов с одного участка фронта на другой для развития успеха на определенном направлении. Поскольку этот метод предусматривает прорыв фронта каждый раз на новом направлении, потери войск при этом будут выше, чем при прорыве фронта и развитии успеха в глубину только на одном направлении. Кроме того, достигнутый при этом методе успех на каждом отдельном направлении будет менее решающим. Однако суммарный эффект ударов по всех участках фронта будет довольно значительным при том неперменном условии, что сторона, которая пользуется этим методом, имеет достаточно сил, чтобы выдержать напряжение в течение длительного времени.

Осенью 1943 г. русское наступление стало все больше походить на прилив вдоль огромного 1600-километрового "побережья". В сентябре русские войска вышли в нескольких местах к Днепру на рубеже между большим изгибом реки и Киевом.

Немцы эвакуировали свои войска с предмостного укрепления, которое они удерживали на Кубани, в западной части Кавказа, и попытались перебросить их через Крым на южный участок фронта, на рубеж между изгибом Днепра и Азовским морем. Однако русские прорвали фронт на этом участке до прибытия немецких подкреплений с Кавказа и, преследуя отходившие в беспорядке немецкие войска, вышли к низовьям Днепра, изолировав немцев, оставшихся в Крыму. В октябре русские сумели также переправиться через Днепр на участке севернее изгиба и глубоко вклинились в оборону немцев на этом направлении. Немцам удалось предотвратить прорыв, о котором преждевременно сообщили союзники в своих донесениях, но их оборона в целом была серьезно ослаблена.

Гитлер цеплялся за южную часть днепровского выступа, пытаясь сохранить в своих руках район Никополя, важный источник марганцевой руды для военной промышленности Германии; в данном случае экономическая необходимость вступила в противоречие со стратегией, толкая Гитлера на рискованное продолжение войны. Немцы дорого заплатили за стремление Гитлера удержать в своих руках русскую марганцевую руду. Ибо когда оборона

испытывает такое длительное напряжение, какое испытывали немцы, то всегда имеется опасность того, что даже наступление с ограниченной целью может привести к общему краху.

Всякий раз, когда немцы были вынуждены по приказу Гитлера оборонять определенный объект, это им обходилось очень дорого. Чем слабее обороняющаяся сторона, тем важнее для нее применять подвижную оборону. В противном случае более сильная сторона может использовать пространство в качестве своего рода союзника и добиться решающего преимущества проведением обходного маневра.

В начале октября 1943 г. русские захватили еще два плацдарма на противоположном берегу Днепра, севернее и южнее Киева. Первый плацдарм был постепенно расширен и превращен в хороший трамплин для наступления, которое началось через месяц. Опираясь на этот плацдарм, русские захватили Киев и развили быстрый успех в западном направлении. В течение какой-нибудь недели войска генерала Ватутина достигли железнодорожных узлов Житомир и Коростень в 130 км западнее Днепра.

Однако Манштейну удалось выправить опасное положение, Хотя он не имел резервов. Быстро отступив, он увлек за собой русских, благодаря чему создались благоприятные условия для нанесения контрудара во фланг. Для проведения этого контрудара Мантейфель, один из наиболее энергичных молодых немецких генералов, собрал остатки танковых частей, какие только он мог найти. Хотя удар был слабым, но эффект оказался довольно значительным. Этому способствовали чрезмерная растянутость коммуникаций русских войск и неожиданность самого удара. В результате Мантейфелю удалось выбить русских из обоих важных пунктов - Житомира и Коростеня.

После этого Манштейн, получив подкрепление с запада, попытался развить успех организацией более крупного контрнаступления. Но он не успел осуществить этот план, так как войска Ватутина быстро восстановили свои силы. Хотя фланговое давление Манштейна заставило русских отойти назад и оставить большую часть территории к западу от Днепра, контрнаступление Манштейна никогда не было столь опасным, как это казалось с первого взгляда, и в начале декабря 1943 г. оно застопорилось. Более того, израсходовав полученные подкрепления, Манштейн не мог организовать сопротивление дальнейшему наступлению русских, тем паче что Гитлер повторно отклонил его предложение о необходимости отойти на более значительное расстояние.

В канун Рождества Ватутин снова вырвался из своего ограниченного, но все еще довольно обширного киевского выступа. В течение недели он опять захватил Житомир и Коростень и 4 января пересек довоенную польскую границу. Войска Ватутина, наносившие удар с левого фланга, достигли рубежа р. Южный Буг близ Винницы, создав угрозу главной рокадной железной дороге из Одессы на Варшаву. Здесь Манштейн организовал новый контрудар, но Ватутин имел достаточно сил, чтобы его отразить. Более того, русские использовали упрямство Гитлера, приказавшего немецким войскам удерживать рубеж на Днестре под Киевом. Ватутин во взаимодействии с Коневым перерезал ударами с флангов корсунь-шевченковский выступ и окружил десять дивизий противника, хотя часть из них, несмотря на приказ Гитлера не отходить, сумела прорваться.

Этим ударом была создана брешь в немецком фронте и тем самым облегчено дальнейшее продвижение русских войск. Другие русские армии на Украине стали последовательно наносить согласованные удары и совершать обходные маневры. На северном фланге немцы были вынуждены оставить Луцк и Ровно, а на южном фланге - никопольский выступ вместе с его запасами марганцевой руды

4 марта 1944 г. началось новое общее наступление под руководством маршала Жукова, принявшего командование армиями вместо заболевшего Ватутина. Нанеся удар от Шепетовки, Жуков за первые сутки продвинулся на 50 км, а двумя днями позже оседлал железную дорогу Одесса-Варшава. Этим наступлением русские обошли с фланга оборонительный рубеж немцев на р. Южный Буг. Вблизи черноморского побережья Малиновский продвинулся вперед и достиг Николаева. Между этими двумя фронтами Конев

нанес удар от Умани, достиг 12 марта р. Южный Буг, 18 марта - р. Днестр, а на следующий день уже переправился через Днестр. Быстрота, с которой были форсированы эти широкие реки, еще не отмечалась в истории войн. Затем Жуков снова начал наступление из района Тарнополя (ныне Тернополь) в направлении Карпатских гор.

В ответ на эту угрозу немцы оккупировали Венгрию. Было очевидно, что этот шаг был предпринят ими с целью закрепить за собой горный рубеж Карпат. Они должны были удерживать этот рубеж не только для того, чтобы остановить вторжение русских в центральные европейские равнины, но и как базу для организации длительной обороны Балкан.

Карпатские горы, переходящие на юге в Трансильванские Альпы (Южные Карпаты), представляют собой весьма мощный естественный оборонительный рубеж. Небольшое число горных проходов облегчало оборону этого рубежа. Между побережьем Черного моря и отрогами горного хребта в районе Фокшани расположена полоса низменности шириной около 200 км, восточную половину ее занимают дельта Дуная и озера, так что "опасная зона" ограничена 100-километровым проходом между Галацем и Фокшани.

В начале апреля казалось, что немцы отойдут на этот тыловой рубеж. Войска Конева переправились через Прут и вступили на территорию Румынии, в то время как немцы были выбиты из Одессы. Крым также был захвачен двумя ударами по сходящимся направлениям, причем оставшиеся в Крыму части противника были разгромлены. Однако немцам удалось приостановить наступление русских за Прутом и задержать их продвижение в глубь Румынии, сохранив за собой на некоторое время румынские нефтяные источники. Через пять месяцев этот успех немцев обратился против них же самих, ибо он побудил Гитлера оставить свои силы на выдвинутой позиции, расположенной значительно восточнее Карпатских гор и на большом удалении от Прохода Галац-Фокшани.

Дальше к северу немцам также удалось контрударом остановить попытки Жукова прорваться через проходы в Карпатах юго-западнее Тарнополя, хотя контрудар вскоре был русскими отражен.

Еще дальше к северу, вблизи Балтики, русские начали наступление в середине января 1944 г., освободили от блокады Ленинград и продолжали развивать успех в западном направлении. Однако немцам удалось произвести организованный отход на более прямой и удобный рубеж обороны, проходящий от Нарвы через Псков в южном направлении. Этот рубеж по фронту занимал около 200 км, из которых 145 км приходилось на два больших озера (Чудское и Псковское). Между Псковом и Пинскими болотами фронт противника по-прежнему опирался на укрепленные города Витебск и Оршу. Русские подошли к ним в конце сентября 1943 г., но оборона противника выстояла как против лобовых ударов, так и против обходных маневров. Фронт продолжал оставаться стабильным еще в течение девяти месяцев, до июля 1944 г.

К концу апреля 1944 г. русский фронт временно стабилизировался. Красная Армия захватила большую территорию, особенно на юге, но немцам обычно удавалось ускользать из ловушек, создаваемых русскими, старавшимися окружить немецкие войска, которые избегали катастрофы, часто казавшейся неминуемой. Число захваченных в плен было невелико, учитывая размах русских наступательных операций, однако немецкие войска страдали от общего истощения, что грозило им в дальнейшем никакими последствиями. Несмотря на это, Гитлер все больше терял чувство реальности, отстранив Манштейна от командования и считая, что в сложившейся обстановке следовало больше придерживаться упорной обороны, а не заниматься проведением искусных маневров.

Напряжение Германии в течение девяти месяцев, которые прошли с момента англо-американского вторжения в Европу, все более нарастало. На западном театре военных действий вслед за захватом Сицилии последовала в начале сентября 1944 г. капитуляция Италии. Поражение главного партнера Германии привело к образованию разрыва в южной стене северо-африканской крепости", который хотя и был ограниченным ввиду полуостровного положения Италии, все же был достаточно большим, чтобы вызвать

серьезное отвлечение немецких сил для прикрытия образовавшейся брешы. Кроме того, Германия в результате поражения Италии была вынуждена усилить свои войска на Балканах.

Поражение Италии еще более ухудшило положение Германии, обнажив ее для более глубоких воздушных атак со стороны союзной бомбардировочной авиации, мощь которой быстро увеличивалась в связи с общим ростом американских вооруженных сил.

Воздушное наступление союзников с целью парализовать промышленность Германии можно отнести к непрямым действиям в плане большой стратегии, так как оно подрывало ее способность вести войну. Если бы удары стратегической авиации союзников лучше планировались и были нацелены на базы снабжения, а не на населенные районы, они могли привести к более быстрому подавлению немецкого сопротивления. Все же, несмотря на то, что большинство действий бомбардировочной авиации союзников проводилось против гражданских объектов, она сыграла свою роль, приводя к постепенному параличу военной мощи Германии. Более того, нарушение коммуникаций Германии явилось важным фактором ослабления способности германских армий оказать противодействие наступлению армий союзников.

Успех вторжения союзников в Сицилию в июле 1943 г. в значительной степени был обеспечен благодаря захвату в Тунисе большого количества пленных. Из строя была выведена большая часть тех сил, которые могли бы усилить оборону Сицилии. Поражение немцев в Тунисе сильно деморализовало итальянские войска в Сицилии и потрясло режим Муссолини до основания. Опасения немецкого командования, что Италия может потерпеть поражение или капитулировать и поэтому немецкие войска, посланные на юг, не смогут, оттуда своевременно выбраться, помешали немцам направить достаточное количество своих войск для усиления обороны Сицилии. Если бы не эти обстоятельства, союзники имели бы основания сожалеть, что они не организовали наступление на Сицилию раньше, когда усилия немцев были сосредоточены на укреплении своих позиций в Тунисе. Ибо даже при наличии столь благоприятных условий захват Сицилии был сопряжен с большими трудностями. В Сицилии немцы, хотя и слабые по численности, не были столь изолированы союзными морскими и военно-воздушными силами, как в Африке.

Однако союзники по-прежнему могли отвлекать внимание противника благодаря своей морской мощи и неограниченным стратегическим возможностям, которые были созданы для них самими немцами вследствие огромных масштабов немецких завоеваний в Южной Европе, от Пиренеев до Македонии. Основным стратегическим преимуществом союзников являлась возможность свободного выбора нанесения очередного удара. Сосредоточение войск союзников в северной части Французской Западной Африки создавало почти одинаковую угрозу как для Сицилии, так и для Сардинии (рис. 12). Если бы главный удар союзников был направлен против западной части Италии, он мог бы развиваться в любом из двух направлений: в направлении промышленного севера Италии или в направлении оккупированной немцами Южной Франции. Если бы главный удар союзников был направлен против Адриатического побережья, он мог бы развиваться как в направлении Северной Италии, так и в направлении западной части Балкан. Если бы удар союзников был намечен против Эгейского побережья, то он представлял бы опасность как для оккупированных немцами Греции и Югославии, так и для Болгарии и Румынии.

Дальнейшие события подтвердили, что стратегическое преимущество союзников, заключавшееся в свободном выборе направления очередного удара, вместе с дезинформацией противника произвело обескураживающее действие на немецкое командование, которое не знало, куда, кроме Сицилии, захотят пгоргнуться союзники: в Сардинию или в Грецию. Немецкое Командование даже считалось с возможной высадкой союзных нойск в Италии или в Южной Франции. Немцы были еще более обескуражены тем, что воздушная разведка доносила о появлении кораблей союзников во многих пунктах вдоль Средиземноморского побережья.

Успех высадки союзников 10 июля 1943 г. в Сицилии был обеспечен тем, что она была произведена во многих пунктах побережья на протяжении 110 км. Подобно высадке

союзных войск почти на таком же широком фронте на Галлипольском п-ве в 1915 г. (см. рис. 12), высадка в Сицилии поставила итало-немецкие войска в затруднительное положение относительно определения направления главного удара союзников, в связи с чем немцы запоздали с проведением контратак в наиболее критический для высадки период времени. Это облегчило наступление 8-й армии вдоль восточного побережья острова и помогло сломить сопротивление противника. Положение немцев и итальянцев еще более усугублялось тем, что диспозиция их войск была основана на ошибочном предположении, что основные силы союзников высадятся на западном побережье Сицилии. Командование сил оси исходило при этом из того факта, что западное побережье ближе расположено к базам союзников в Северной Африке и там имеется больше портов, чем на восточном побережье. Направив свой удар против юго-восточного побережья Сицилии, союзники придали ему характер стратегического непрямого действия. Войска Монтгомери за четыре дня продвинулись на 65 км к северу вдоль восточного побережья острова, пройдя беспрепятственно почти полпути до имеющего важное значение Мессинского пролива, прежде чем были остановлены немцами на окраинах Катании.

С таким же успехом была произведена высадка войск 7-й американской армии генерала Паттона, закрепившихся на плацдарме западнее войск Монтгомери. После высадки войска Паттона двинулись сначала на запад, а затем на север в направлении к Палермо. Этим маневром немцы были приведены в замешательство, которое усилилось вследствие того, что своим наступлением союзники создали одновременную угрозу двум объектам: Палермо и Мессине.

Сопротивление итальянских войск прекратилось в самом начале операции. В результате последовало падение режима Муссолини в Италии.

После выхода Италии из войны вся тяжесть обороны Сицилии легла на плечи германских войск, состоявших из двух разношерстных дивизий, укомплектованных ополченцами, одна треть которых только что была призвана. Эти войска были оставлены немецким командованием в Сицилии для отражения десанта союзников, в первом эшелоне которого было высажено свыше семи дивизий, причем общее количество высадившихся союзных войск превысило двенадцать дивизий. И все же две слабые немецкие дивизии, лишенные поддержки с воздуха, больше месяца сдерживали продвижение войск союзников в Сицилии. Затем под прикрытием огня зенитной артиллерии немецкие войска переправились через Мессинский пролив в Италию. Успешная эвакуация через Мессинский пролив объяснялась не только высокими боевыми качествами германских войск, но и возраставшей прямолинейностью наступления союзников, а также трудным рельефом местности.

После взятия Палермо и очищения от противника западной части Сицилии армия Паттона повернула на восток, чтобы одновременно с Монтгомери начать наступление на Мессину. Северо-восточная часть острова имеет форму треугольника, местность гористая. Здесь противник мог использовать для организации обороны не только благоприятные условия местности, но и преимущество, даваемое сокращением фронта по мере отхода к вершине треугольника. Таким образом, при отступлении немцев плотность их обороны возрастала, в то время как союзники испытывали все большие затруднения в использовании на сужающемся фронте своих превосходящих сил. Это было важным негативным уроком в вопросе о характере стратегических действий. Другие уроки были получены на следующем этапе.

Вторжение в Италию

Оккупировав Сицилию, союзники обеспечили себе плацдарм, который легко мог быть превращен в трамплин для наступления на Европейский континент. Обладание этим плацдармом дало союзникам возможность сделать более непосредственной угрозу Европе и усилить темпы сосредоточения своих войск. Теперь они могли выбирать из ряда возможных направлений. Наиболее напрашивающимся был прямой удар по носку Апеннинского сапога, кроме того, союзники имели возможность сделать прыжок в центральную часть Италии, в Сардинию или на каблук апеннинского сапога. В последнем варианте невозможно было

обеспечить прикрытие истребителями от воздушного нападения немцев; однако, как указывалось в то время, именно по этой причине создавалась возможность нанести удар там, где противник меньше всего ожидал. До сих пор все наступательные операции союзников проводились под прикрытием истребителей, и отход от этого правила оказался бы для противника неожиданным. Местность на каблуке апеннинского сапога была наиболее благоприятной для быстрого продвижения механизированных войск вдоль Адриатического побережья Италии. В случае высадки на каблуке Италии создавалась одновременная угроза как Балканам, так и центральной части Италии, что снова поставило бы германское верховное командование в затруднительное положение. В стратегическом отношении каблук апеннинского сапога мог стать ахиллесовой пятой Германии с катастрофическими для нее последствиями.

Однако союзное командование решило сосредоточить главные усилия на направлении, где можно было действовать под прикрытием истребителей, хотя в последний момент они все же импровизировали дополнительную высадку десанта на каблуке апеннинского сапога. Основные усилия союзников были направлены на высадку десанта на носок апеннинского сапога силами 8-й армии и затем на более крупную высадку в районе Салерно, южнее Неаполя, силами смешанной 5-й англо-американской армии, специально сформированной для этой цели. Командовал 5-й армией генерал Марк Кларк.

Осуществление планов союзников по вторжению в Италию было затруднено не только прямым характером действий, но и непреклонным требованием государственных деятелей союзников о безоговорочной капитуляции Италии. Большинство лидеров Италии стремилось к заключению мира, но они не желали идти на позор безоговорочной капитуляции и брать на себя ответственность без предоставления каких-либо гарантий. Только поражение итальянских войск в Сицилии и создание непосредственной угрозы для самой Италии заставили итальянских лидеров свергнуть Муссолини и начать переговоры о заключении мира, на что потребовалось известное время. Вызванный этим перерыв в военных действиях дал немцам более чем месячную передышку для подготовки чрезвычайных контрмер.

Переправа союзников через Мессинский пролив была начата 3 сентября, причем высадке десанта на носке апеннинского сапога предшествовала грандиозная, но оказавшаяся бесцельной бомбардировка с воздуха, так как единственная германская дивизия, находившаяся в этом районе, отошла на север за несколько дней до переправы союзных войск. Союзные войска встретили слабое сопротивление даже в глубине страны. Все же наступление шло медленно, поскольку войска двигались по труднопроходимой местности, соблюдая чрезмерную осторожность. Таким образом, высадившийся на "носке" десант оказал незначительную помощь основным силам союзников, высадившимся в Салерно. Высадка десанта в Салерно была произведена 9 сентября 1943 г., т. е. уже на другой день после капитуляции Италии. Однако в районе Салерно немецкие войска сохранили присутствие духа и нанесли контрудар по войскам союзников. Положение союзных войск было критическим в течение шести дней.

Существо дела было изложено в последующем объяснении генерала Марка Кларка: "Немцы, судя по сложившейся обстановке, могли предполагать, что союзники готовят высадку еще одного десанта. Они могли также думать, что высадка будет проводиться под прикрытием истребительной авиации. Учитывая, что истребители союзников базировались в Сицилии, и зная их радиус действия, немцы решили, что наиболее удаленной точкой, где могут высадиться войска союзников, является район Неаполя. Поэтому они сосредоточили в районе Салерно - Неаполь свои войска, и мы встретились со всеми их силами".

Слова, набранные курсивом, имеют особое значение. Они свидетельствуют об учете противником того, что планы союзников по высадке десанта будут составлены исходя из возможностей средств прикрытия. Результат операции показал, сколь ограниченные результаты дают действия на направлении, на котором противник скорее всего ожидает нанесения удара. Высадившись там, где их ожидал противник, союзники понесли большие потери в живой силе, потеряли много времени и оказались на грани поражения, которого

едва сумели избежать. Салерно лишний раз подтверждает тот урок истории, что самое опасное для армии - это сосредоточение усилий на участке, где противник ожидает удара и поэтому может своевременно подготовиться, чтобы отразить его. В 1943 г. командующий немецкими войсками в Италии фельдмаршал Кессельринг имел только семь дивизий для обороны южной и центральной части Апеннинского п-ва, не считая того, что он должен был также разоружить войска бывшего союзника.

В противоположность основной высадке союзных войск у Салерно, вспомогательная высадка их войск на каблуке апеннинского сапога была произведена без какого-либо сопротивления со стороны противника, и высадившиеся войска быстро овладели двумя важными итальянскими портами Таранто и Бриндизи. После высадки в распоряжении союзных войск оказались хорошие дороги для движения вверх по побережью в направлении важного узла железных дорог г. Фоджа и аэродромов, расположенных по соседству. В то время силы немцев во всем районе между Таранто и Фоджи состояли всего лишь из одной парашютной дивизии неполного состава.

Однако высадившиеся на "каблуке" войска союзников тоже состояли только из одной (1-й английской воздушно-десантной) дивизии, "спешенной" для решения поставленной задачи. Она была быстро переброшена из лагерей отдыха в Тунисе на тех немногих судах, которые удалось собрать в короткий срок, причем дивизия прибыла в Италию без танков и артиллерии, если не считать единственной гаубицы, и почти без автотранспорта. Короче говоря, ей недоставало всего того, в чем она особенно нуждалась, чтобы воспользоваться сложившейся благоприятной обстановкой.

Примерно через две недели в Бари, следующем за Бриндизи порту на восточном побережье Италии, были высажены дополнительные войска, включая одну бронетанковую бригаду. Эти войска продвинулись на север, не встречая сопротивления, и заняли Фоджу. Немецкие войска, находившиеся перед фронтом 5-й армии в горах, на подступах к Неаполю, отошли назад, как только союзные войска, наступавшие вдоль Адриатического побережья, продвинулись достаточно далеко вперед и создали угрозу их тылу. Союзники вошли в Неаполь 1 октября, т. е. через три недели после высадки десанта. Однако немцы, реагируя на опасность значительно быстрее, чем рассчитывали союзники, прочно закрепились в остальной части Италии (севернее рубежа Неаполь - Фоджа), рассеяли итальянские войска и свели на нет те преимущества, которые союзники имели в результате капитуляции Италии.

С этого времени союзные армии вынуждены были прокладывать себе дорогу вверх по полуострову все с большим трудом. Дело в том, что сначала немцы считали, что им не удастся надолго задержать продвижение союзников к Риму, и намеревались ожидать союзников на севере, но когда стало видно, насколько союзники стеснены в своих действиях узостью фронта и труднопроходимой местностью, в какой мере они утратили, используя все свои войска для этого ограниченного усилия, гибкость, обеспечиваемую десантными действиями, немцы осмелели и стали посылать подкрепления на юг в помощь Кессельрингу.

Наступление 5-й армии было приостановлено немцами на рубеже р. Вольтурно, в 30 км севернее Неаполя, и затем окончательно задержано на линии р. Гарильяно (30 км севернее р. Вольтурно), перед Кассино. Последовательными ударами в ноябре и декабре 1943 г. союзники не смогли преодолеть этот барьер. В это время наступление 8-й армии вдоль восточного побережья было сначала задержано на р. Сангро (120 км северо-западнее Фоджи), а затем блокировано вскоре после того, как союзники форсировали реку. К концу 1943 г., т. е. за четыре месяца после высадки, союзники продвинулись за Салерно всего лишь на 110 км. Большая часть этого пути была пройдена в сентябре, а в последующие месяцы наступление осуществлялось черепашими темпами. Вторжение свелось к постепенному прогрызанию и размалыванию обороны немцев.

В прошлом такая тактика иногда давала успех, но чаще всего приводила к разочарованию. Кампания союзников в Италии не являлась исключением из правила. Она снова показала, что прямое наступление на узком фронте обычно приводит к отрицательным результатам.

Даже большое превосходство в силах редко бывает достаточным, если нет пространства для маневра. Ширина Апеннинского п-ва едва достигает 160 км, причем большая часть этого пространства занята гребнями и отрогами гор. Поскольку германское верховное командование решило удвоить свою ставку на юге, оно соответственно усилило там оборону, и это неизбежно тормозило дальнейшее продвижение союзных войск вверх по Апеннинскому п-ву.

В начале 1944 г. союзники попытались совершить новый маневр со стороны моря, высадить десант в одном из пунктов протяженной береговой линии в тылу противника. 22 января группа, выделенная для действий на фланге противника, была высажена вблизи Анцио, в 40 км к югу от Рима. В момент высадки в этом районе находилось только два немецких батальона, и смелым броском вперед можно было захватить Альбанские горы, прикрывающие непосредственные подступы к Риму, или даже сам Рим. Однако союзники не исключали вероятность того, что немцы окажут немедленное противодействие высадке, и поэтому больше думали о закреплении на захваченном плацдарме, рассчитывая, что их главные силы на юге воспользуются предполагаемым ослаблением сопротивления противника на том фронте. Но немцы действовали не так, как ожидали союзники.

Когда стало ясно, что в районе Анцио противник не собирается оказать сопротивления, Александер захотел ускорить наступление внутрь страны, однако командир десанта помешал этому. Под его осторожным руководством более недели не предпринималась попытка начать серьезное наступление. Таким образом, Кессельринг получил время на переброску резервов в район Анцио, в то же время сдерживая главные силы союзников на участке фронта у Кассино. 3 февраля 1944 г., на тринадцатый день после высадки десанта, немцы предприняли сильное наступление на плацдарм в Анцио. Их наступление было остановлено, однако плацдарм союзников был сокращен до минимальных резервов. Он весьма напоминал большой "лагерь для интернированных", как немцы иронически называли плацдарм союзников в Салониках в Первую Мировую войну. Однако тот, кто помнит, во что вылилась эта шутка в 1918 г., когда прорыв союзников из Салоник положил начало разгрому Германии, мог найти утешение в пословице: "Хорошо смеется тот, кто смеется последним".

Наступление союзников в Италии было возобновлено в более крупном масштабе в мае 1944 г. На этот раз оно являлось также частью более широкого плана. Наступление в Италии было первым ударом, намеченным союзниками в своем "Великом плане" решительного наступления против Германии. Менее чем через месяц вслед за этим наступлением началось вторжение во Францию через Ла-Манш союзных армий, сосредоточенных в южной части Англии. Наступлению в Италии и высадке во Франции предшествовало - а когда они начались, их сопровождало - мощное воздушное наступление с целью нарушить линии снабжения противника.

На первом этапе операции генерала Александера в Италии предусматривалось новое наступление по обе стороны от Кассино. До этого действия союзников на этих направлениях были неудачными. Для обеспечения успеха операции 8-я армия генерала Лиса расширила свой фронт и перебросила главные силы с адриатического сектора к флангу 5-й армии генерала Кларка с целью нанести совместный удар по западному участку укрепленной линии Густава. Наступление началось 11 мая в 23 ч с задачей захватить горные проходы, которые контролировали подступы к укрепленному рубежу противника в узком входе в долину р. Лири (приток р. Гарильяно).

Наступление в целях захвата восточного горного прохода Монтекьяро имело малый успех, несмотря на тяжелые бои в течение нескольких дней, но на участке между Кассино и Средиземноморским побережьем союзникам удалось в нескольких местах вклиниться в линию Густава. Больше всего продвинулся французский колониальный корпус генерала Жюэна, специально подготовленный для действий в горах. Корпус наступал по трудной дороге через горы Аурунчи, и это наступление оказалось для противника неожиданным. Продвижение этого корпуса за трое суток на 10 км к высотам, господствующим над долиной р. Лири, создало угрозу, ослабившую сопротивление противника по линии Густава. Эта

угроза дала возможность британским частям 8-й армии продвинуться вверх по долине р. Лири и обойти Кассино, который пал 18 мая. Она облегчила также наступление американцев вдоль побережья.

23 мая войска союзников в Анцио включились в общее наступление, нанеся удар с занятого ими плацдарма. Большинство блокировавших плацдарм войск противника было к этому времени переброшено на юг. Союзники учли это обстоятельство. На третий день немецкая оборона не выдержала давления союзных войск. Немцы оказались без резервов и поэтому не могли помешать развитию успеха союзников в направлении Альбанских гор и коммуникаций главных сил противника на юге.

Одновременно с ударом союзников из района Анцио 8-я армия начала штурм последней позиции немцев в долине р. Лири. Канадский корпус прорвал эту позицию в первый же день наступления, и на следующий день стало ясно, что немцы отходят на всех направлениях. Их отход ускорился, когда появилась опасность со стороны Анцио. Через несколько дней союзники преградили немцам отход в прямом направлении на Рим по шоссе No 6, и немцам пришлось отходить на северо-восток по тяжелым горным дорогам, где их колонны были менее защищены от ударов с воздуха.

Хотя значительной части попавшей в опасное положение армии все же удалось вырваться этим путем из окружения, немцы уже не в состоянии были прикрыть Рим. Генерал Александер в максимально возможной мере усилил левое крыло своих войск, нацеленное против другой группировки немецких войск, оборонявших Альбанские горы. После недели упорных боев сопротивление немецких войск было сломлено. Как только этот стратегический барьер рухнул, войска союзников быстро наводнили низменность вокруг Рима и утром 5 июня захватили город. Наконец-то союзники достигли цели, которая была так близка еще девять месяцев тому назад, когда капитулировало итальянское правительство.

Вторжение во Францию

На следующий день после взятия Рима началась высадка союзных войск в Нормандии, явившаяся наиболее драматическим и решающим событием войны. Переброска через пролив англо-американских экспедиционных сил, базировавшихся в Англии, задерживалась из-за плохой погоды. Она началась, когда ветер был все еще настолько сильным, что переправа представлялась опасным делом, но в то же время это обеспечило ее внезапность. Таким образом, решение генерала Эйзенхауэра пойти на риск было не только оправданно успешным исходом операции, но и способствовало ее внезапности.

Войска союзников высадились утром 6 июня в бухте Сены на участке между Каном и Шербуром (рис. 13), причем ночью были выброшены сильные воздушные десанты на флангах этого участка.

Вторжению предшествовали весьма мощные авиационные налеты на коммуникации противника с целью не допустить переброски резервов в район высадки.

Хотя многие признаки указывали на этот район как на возможное место высадки, все-таки немцы были захвачены врасплох и не смогли своевременно перебросить резервы, которые находились к востоку от Сены. Это частично объяснялось искусной дезинформацией союзников, а отчасти предвзятым мнением немцев, которые считали, что союзники не только двинутся прямо через пролив, но и изберут для этого самый кратчайший путь. Продиктованное осторожностью желание союзников обеспечить максимально возможное воздушное прикрытие являлось помехой для них в ходе итальянской кампании, но теперь оно неожиданно оказалось им на руку, так как заставило немцев полагать, что союзники всегда будут придерживаться осторожного способа действий. Просчет немцев в этом отношении оказался для них роковым, ибо союзные военно-воздушные силы разрушили мосты через Сену.

Анализируя группировку англо-американских сил в Англии перед их вторжением во Францию, Гитлер, вопреки взглядам своего военного штаба, еще в марте начал подозревать, что союзники высадятся в Нормандии. Командовавший немецкими войсками на северном побережье Франции Роммель пришел к такому же заключению. Однако главнокомандующий

вооруженными силами Германии на Западе Рундштедт предполагал, что союзники высадятся в наиболее узкой части пролива, на участке между Дьеппом и Кале. Такое предположение Рундштедта объяснялось не только тем, что в прошлом союзники не производили десантных операций, не обеспечив их максимальным воздушным прикрытием, но и мероприятиями союзников по дезинформации немцев при подготовке высадки в Нормандии. А самое главное, Рундштедт считал, что высадка союзников на участке между Дьеппом и Кале теоретически являлась наиболее целесообразной, так как при этом союзники должны были преодолеть минимальное расстояние до своей цели. Такие рассуждения Рундштедта были закономерными для ортодоксального стратега. Примечательно, что он не считал союзное командование способным к внезапным действиям или даже склонным избегать наиболее сильно обороняемых подступов.

Разработанный союзниками план вторжения не только давал возможность обойти участки наиболее подготовленной обороны противника. Наметив для высадки десанта побережье Нормандии, союзное командование тем самым создавало угрозу сразу двум важным портам: Гавру и Шербуру. Поэтому у союзников была возможность держать немцев до последнего момента в неведении относительно того, какой из этих портов будет при высадке главным объектом союзников. Когда немцы сообразили, что таким объектом намечен Шербур, они могли подтянуть резервы в этот район только кружным путем, так как мосты через Сену были разрушены. переброска немецких войск затянулась из-за непрерывных налетов авиации союзников. Более того, когда немецкие подкрепления наконец достигли района боевых действий, они прибыли в наиболее удаленный от Шербура сектор, в район Кана. Английские войска, сосредоточившиеся в этом секторе, не только сами по себе представляли угрозу, но и прикрыли развертывавшиеся на п-ве Котантен американские войска. Эти действия и неопределенность в отношении направления главного удара союзников оказали серьезное влияние на успех вторжения в целом. Огромная армада пересекла пролив без помех, и побережье было захвачено легче, чем ожидалось. Исключение составлял участок восточное устья р. Вир, где высадилось американское левое крыло. Успех обеспечили отличное планирование операции и большое количество техники новых образцов на вооружении войск. Однако успех пришел не сразу, возможности союзников по достаточному углублению плацдарма оказались меньшими, чем предполагалось. Союзникам не удалось захватить ключевых позиций на направлениях к Кану и Шербуру. К счастью, широкий фронт наступления дал союзникам возможность добиться успеха на других направлениях. Внимание немцев, естественно, было сосредоточено на удержании этих ключевых пунктов на флангах высадившихся союзных войск, и это привело к ослаблению немецких позиций в промежутке между ними. Быстрое продвижение войск, высадившихся на промежуточном плацдарме близ Арроманша, привело к захвату англичанами Байе, и к концу недели плацдарм между реками Орн и Вир был увеличен союзниками почти до 65 км по фронту и до 20 км в глубину. На восточной стороне п-ва Котантен союзники захватили другой, хотя и меньший по размеру, плацдарм. 12 июня американцы захватили промежуточный ключевой пункт Карантан, и таким образом был создан сплошной плацдарм шириной до 100 км.

Генерал Монтгомери, командовавший под руководством Эйзенхауэра высадившимися силами, мог теперь гораздо шире развернуть наступательные действия союзных войск.

В течение второй недели плацдарм союзников в западной его части заметно расширился. Здесь 1-я американская армия развернула наступление через узкую часть п-ва Котантен, в то время как 2-я английская армия на восточном фланге продолжала отвлекать на себя основные силы немецких подкреплений, особенно танковые дивизии, ведя наступление в районе Кана. С точки зрения стратегии эта угроза прорыва английскими войсками обороны немцев в восточной части плацдарма была непрямым действием, помогающим осуществлению плана Монтгомери, который заключался в прорыве в западной части плацдарма.

В течение третьей недели, отрезав Шербур, американцы развернулись, двинулись вверх

по полуострову и ворвались в порт с тыла. Шербур был взят 27 июня, только после того, как порт был временно выведен из строя. Английские атаки в районе Кана были отражены искусными оборонительными действиями немцев на местности, благоприятной для ведения гибкой обороны. Однако удары англичан в этом районе мешали германскому командованию свободно использовать резервы.

Под прикрытием наступательных действий высадившихся войск накопление сил вторжения продолжалось исключительно быстрыми темпами. Этому способствовало также создание искусственных причалов, что уменьшало зависимость от погоды и обеспечивало внезапность, которая нарушала расчеты противника.

Наступление русских в Польше

Вслед за предварительным наступлением на финском фронте Красная Армия развернула свою летнюю кампанию 1944 г. Кампания началась 23 июня, т. е. на другой день после третьей годовщины вторжения Гитлера в Россию. Наступление началось в Белоруссии, к северу от Пинских болот (см. рис. 10). Этот участок фронта в 1943 г. оказался самым устойчивым, и немцы полагали, что на нем можно оставить меньше подкреплений, чем на более открытом участке фронта между Пинскими болотами и Карпатами, где ожидалось возобновление наступления Красной Армии весной. Таким образом, оборонявшиеся снова были захвачены врасплох.

Положение немцев усугублялось тем, что Гитлер отклонил доводы своих генералов в пользу отхода на рубеж реки Березины, в 145 км от линии фронта. Такой отход, будь он своевременным, нарушил бы наступательные планы русских.

Как только германская оборона была прорвана, русские стали продвигаться вперед поразительно быстро. Витебск пал под концентрическими ударами групп армий Баграмяна и Черняховского на четвертый день наступления. Образовалась брешь во фронте 3-й танковой армии немцев. Это открыло путь русским для наступления в южном направлении через шоссе Москва-Минск в тыл 4-й германской армии (Типпельскирха), которая несколько ослабила удар русских войск на своем фронте, отойдя немного на рубеж р. Днепр. В это время группа армий Рокоссовского нанесла удар по другой стороне большого германского выступа. Совершив прорыв линии фронта непосредственно севернее Пинских болот, войска Рокоссовского продолжали развивать наступление со средней скоростью 32 км в сутки, имея своей задачей оседлать коммуникации в тылу Минска, чтобы изолировать этот важный железнодорожный узел, который пал 3 июля.

Многочисленные не прямые удары русских привели к общему краху системы германской обороны, и количество захваченных в плен немцев было больше, чем при любом прежнем прорыве русских. Через несколько недель количество захваченных в плен немцев уменьшилось, хотя темп наступления русских сохранился прежним. Это обстоятельство является знаменательным. С одной стороны, оно свидетельствует об искусном отводе немцами своих войск, когда Гитлер в конце концов был вынужден начать общее отступление. С другой стороны, быстрота и масштабы отступления, а также большое число важных центров, оставленных немцами без боя, свидетельствовали о подрощенном мастерстве русских командиров по преодолению сопротивления путем применения не прямых действий.

Исследуя ход операций, можно заметить следующие особенности в стратегии русских. В каждой наступательной операции русских их удар вначале, казалось, был направлен то против одного, то против другого крупного центра. Затем русские войска неожиданно обходили оба объекта, прорывались через слабо обороняемый участок между ними и проникали так далеко в тыл противника, что принуждали его оставлять оба центра без борьбы. Заслуживает внимания также то, что русские в двух крупных наступательных операциях - против Варшавы и Инстербурга - впервые потерпели серьезную неудачу, так как и в обоих случаях наступление приняло форму не прямых действий.

Менее чем за две недели Красная Армия изгнала противника из Белоруссии. К середине июля 1944 г. она заняла более половины северо-восточной части Польши, подошла вплотную к Брест-Литовску (Бресту) и Белостоку, окружила Вильнюс, переправилась через

Неман, приблизившись к границам Восточной Пруссии. На этом направлении наступающие русские поиска оказались более чем на 320 км западнее германской группы армий Линдемманна, все еще находившейся в Прибалтике, между Нарвой и Псковом. Создалось опасное положение - спиной к фронту.

14 июля русские начали давно ожидавшееся наступление южнее Пинских болот, на фронте между Ковелем и Тарнополем, где немцы уже начали отход. За десять дней русские достигли Львова, а также Люблина, расположенного в 160 км к юго-востоку от Варшавы. Укрепленные города Перемышль, Брест и Белосток пали на той же неделе. На северном фланге русские наступали через Двинск (Даугавпилс) к балтийскому побережью на запад от Риги, угрожая таким образом окружением войск Линдемманна, который почему-то медлил с отходом. К концу июля русские достигли Рижского залива, а в центре прорвались к окраинам Варшавы.

Однако события показывали, что немцы начали приходить в себя и восстанавливали контроль над обстановкой после отхода на достаточно безопасное расстояние. Закрепившись на этом рубеже, немцы могли надеяться на передышку, так как коммуникации русских войск были чрезмерно растянуты. С другой стороны, начал действовать естественный закон стратегического перенапряжения. Скоро стало ясно, что немцы не лишились способности оказывать сопротивление и что русским потребуется время для восстановления коммуникаций на освобожденной территории, прежде чем они смогут возобновить дальнейшее наступление.

В начале августа немцы рядом контрударов расчистили путь для отступления на севере и отбросили русских назад от Варшавы, где немецкие войска оказались достаточно сильными, чтобы подавить польское восстание, которое началось при подходе русских к этому городу. К югу от Варшавы русским удалось захватить плацдармы на противоположном берегу Вислы, но затем они были остановлены. Конец августа прошел без существенных изменений в обстановке.

Временная пауза была нарушена изменением направления очередного удара русских - их новым наступлением на юг против Румынии. Почти одновременно с началом этого наступления Румыния заявила 23 августа о своем желании заключить мир. Этим был открыт путь для энергичного русского наступления через Яссы, вниз по коридору между реками Прут и Серет, к проходу между Галацем и Фокшани. Это также помогло Красной Армии окружить немецкие войска, оставшиеся в прибрежном выступе восточнее р. Прут. За спиной немцев русские продолжали наступление и овладели 27 августа Галацем и Фокшани, 30 августа - нефтяными источниками Плоешти и на следующий день вошли в Бухарест. За 12 дней наступления русские танки прошли 400 км.

После этого русские войска двинулись в северном, западном и южном направлениях. Они преодолели Трансильванские Альпы в направлении к Венгрии, достигли границы Югославии с целью отрезать немецкие дивизии, расположенные в Греции, и устремились на юг, через Дунай в Болгарию, которой Советское правительство объявило войну.

Тупик в Италии

Союзники рассчитывали, что вслед за падением Рима по следует быстрое прекращение германского сопротивления в Италии. Однако Кессельринг сумел вывести свои войска из чрезвычайно трудного положения, в котором они оказались, осуществил мастерский отход и организовал успешное противодействие наступлению союзников на север. Прошло семь недель, прежде чем армии союзников достигли окраин Пизы и Флоренции на р. Арно, в 260 км к северу от Рима (см. рис. 12). Прошло еще три недели, прежде чем Кессельринг оставил Флоренцию и отступил от р. Арно на свой основной рубеж обороны в горах - Готскую линию.

Учитывая неприступность этой преграды, генерал Александер провел следующий маневр. перебросив главные силы 8-й армии на Адриатическое побережье, он в конце августа начал наступление против восточного приморского участка Готской линии в районе Пезаро, прорвал фронт и двинулся в направлении Римини (33 км северо-западнее Пезаро).

Но Кессельрингу удалось отразить опасность и ликвидировать прорыв. Александр был вынужден перейти к методическому взламыванию немецкой обороны. Путем нанесения непрерывных ударов Александр постепенно проложил себе путь в восточную часть долины р. По. Эта равнина была почти целиком покрыта виноградниками, имела глинистую почву, которая после дождей делалась непроходимой и чрезвычайно затрудняла передвижение войск. На помощь измотанным германским войскам, ноходившимся на грани поражения, пришли осенние дожди. Последовала новая пауза, которая продолжалась до весны 1945 г.

Тем временем у Александра была взята часть войск для участия во вторжении на юге Франции в августе 1944 г. В действительности эта отвлекающая операция оказала лишь незначительное влияние на решающие действия в Северной Франции, исход которых в пользу союзников был решен еще за две недели до высадки на юге. В то же время Александр лишился превосходства в силах, которого, вероятно, хватило бы для выигрыша битвы в Италии. И все же, как часто бывало и раньше, это оказалось на руку союзникам. Ибо, вследствие того что Александр своим осенним наступлением не смог добиться решающего результата, немцы решили не отходить в предгорья Альп, и остаться на месте, хотя они были еще достаточно сильны для организации в Альпах упорной обороны, причем их отходу благоприятствовали условия погоды.

В начале 1945 г. четыре дивизии Кессельринга были переброшены из Италии для усиления обороны на западе, причем Гитлер приказал Кессельрингу продолжать обороняться на старых рубежах. В это время недостаток вооружения у немцев в Италии стал еще более очевидным. К весне 1945 г. они начали испытывать отчаянную нужду в самолетах, танках, транспорте и горючем, т. е. во всем том, что было необходимо для быстрого отступления, чтобы укрыться в Альпах. В апреле союзники начали наступление в Италии и, прорвавшись через оборонявшийся слабыми силами немецкий фронт, быстро вышли в тыл противника и преградили все пути отхода. Немецкие войска беспорядочно отступали и брели отдельными группами по дорогам.

Этот успех явился заслуженной наградой союзникам за их длительные усилия в Италии, он заставил их позабыть о про шлых многочисленных неудачах. Как прорыв стратегически "интернированной" армии союзников в Македонии явился предвест ником поражения немцев в Первую Мировую войну, так и пора жение немцев в Италии весной 1945 г. послужило прологом к разгрому их сил на основном театре военных действий. Однако на этот раз общий крах противника наступил главным образом благодаря действиям союзников на основном театре. На этом театре наиболее решающие сражения начались в августе 1944 г после прорыва союзниками немецкого фронта в Нормандии.

Прорыв обороны немцев в Нормандии

Июль был месяцем тяжелых боев в Нормандии, причем результаты их были незначительны, а потери велики. Немцы не могли позволить себе таких потерь, как союзники, у которых за линией фронта непрерывно накапливались новые резервы

3 июля 1-я американская армия, перегруппировавшись после взятия Шербура (см. рис. 13), начала наступление в целях прорыва в южном направлении к основанию полуострова. Однако наступавшие все еще не имели достаточного пространства для маневра, и их продвижение было медленным. 8 июля 2-я английская армия генерала Демпси прорвалась к Кану, но была остановлена на переправах через р. Орн. Последовавшие фланговые удары союзников были немцами также отражены. 18 июля союзники предприняли более крупное наступление известное под наименованием "Операция Гудвуд". Три бронетанковые дивизии союзников, построенные в три эшелона начали наступление с плацдарма к северо-востоку от Кана и, войдя в узкий 5-километровый проход, проделанный сильной воздушной бомбардировкой, обрушились на тыловые оборонительные рубежи немцев в районе Кана. Казалось, что прорыв обороны немцев уже обеспечен. Однако слишком замедленные темпы наступления союзников и их нерешительности при обходе оборонявшихся противником населенных пункте дали немцам возможность быстро преградить дорогу, перебросив на угрожаемые направления танки и противотанковые пушки. Возможность прорыва была

упущена, и новые удары английских и канадских войск не смогли выправить положение, но же этими действиями союзники приковали внимание противника и его лучшие войска к сектору Кана. Всего па этом направлении было сковано семь из девяти немецких танковых дивизий

На западном фланге нормандского плацдарма американские поиски под командованием генерала Брэдли продвинулись в течение первых трех педель июля на 8-13 км. Тем временем 3-я американская армия генерала Паттона была переброшена из Англии в Нормандию для участия в более крупном наступлении.

Это наступление союзников под наименованием "Операция Кобра" было начато 25 июля. В нем вначале участвовали шесть дивизий, которым была выделена полоса по фронту 6,5 км. Наступлению предшествовала воздушная бомбардировка, более мощная, чем в "Операции Гудвуд". Местность была так сильно изрыта снарядами, что это помогло малочисленным и оглушенным бомбардировкой оборонявшимся немецким войскам остановить американское наступление. За первые два дня американские войска продвинулись всего на 8 км, но затем они расширили прорыв, и темп их наступления в направлении юго-западной части полуострова увеличился. Решающий прорыв немецкой обороны был совершен 31 июля. Успех прорыва был обеспечен внезапной переброской с восточного участка р. Орн в центральный сектор фронта южнее Байе 2-й английской армии, которая за сутки до прорыва нанесла удар по немецкой обороне из района Комон. Воспользовавшись тем, что немцы усилили это ставшее для них угрожающим направление войсками, переброшенными из района Кана, американцы совершили прорыв у Авранша, вблизи западного побережья п-ва Котантен.

Войдя в прорыв, танки Паттона, сначала устремившись в южном направлении, а затем в западном, быстро овладели большей частью п-ва Бретань. Затем они повернули на восток, промчались по территории севернее р. Луары и двинулись в направлении к Ле-Ману и Шартру. Ограниченный плацдарм на п-ве Котантен протяженностью 110 км был в течение короткого времени расширен до 650 км. На таком огромном пространстве немцы не могли наличными силами оказать какое-либо серьезное противодействие наступлению союзников, которые систематически обходили узлы дорог, где немцы пытались организовать сопротивление

Единственной опасностью для этого расширившегося потока было то, что немцы могли нанести контрудар с целью перерезать узкий коридор у Авранша, через который производилось снабжение наступавших союзных войск. По указанию Гитлера немцы попытались нанести такой контрудар в ночь на 6 августа, перебросив в этот район четыре танковые дивизии. Направлении удара, выбранное Гитлером по карте в штабе, расположенном на восточном фронте, было слишком прямым. Немецкие войска столкнулись с войсками прикрытия американцев. По этому поводу Брэдли заметил: "Если бы противник нанес своими танковыми дивизиями удар на направлении, отстоящем на несколько километров южнее, он мог бы прорваться к Авраншу в первый же день". Как только наступление немцев было остановлено, они сразу подверглись ударам со стороны авиации союзников. Неудачный исход наступления оказался роковым для немцев. Они вынуждены были перебрасывать свои войска на запад, в то время как американские бронетанковые соединения стремительно при двигались у них в тылу на восток. Американское левое крыло повернуло на север к Аржантану, чтобы совместно с 1-й канадской армией генерала Крерара, наступавшей от Кана в южном направлении на Фалез, окружить две немецкие армии. Хотя полное окружение немецких войск союзникам осуществить не удалось, все же они захватили в плен 50 тыс. человек, на поле боя немцами было оставлено 10 тыс. трупов, а вырвавшиеся из окружения немецкие дивизии были сильно потрепаны. Еще больше пострадала боевая техника немцев, в частности танки, в результате систематических воздушных бомбардировок, которым союзники подвергали немецкие войска на все более суживавшемся пространстве. В связи с потерями, понесенными в фалезском мешке, немцы остались без войск, танков и транспортных средств, которые были необходимы им для отражения

продолжавшегося быстрого наступления союзников к р. Сене и дальше в восточном направлении.

Каждый раз, когда немцам удавалось ускользнуть из одно и западни, они попадали в другую, еще более крупных масштабов. Союзники систематически обходили. удаленный от моря фланг немецких войск, в то время как тылам немцев угрожала опасность удара со стороны танков Паттона, действовавшего на правом крыле союзников. Систематически обходя при своем движении опорные пункты противника, армия Паттона осуществляла непрерывный стратегический обход главных сил немецкой армии³⁰.

Успех прорыва немецкой обороны на западе был обеспечен обширностью пространства и стремительностью действий союзников. Там, где не удавалось добиться успеха штурмом, широко применялся маневр. Как только было обеспечено неограниченное пространство для маневра, подвижность механизированных войск дала союзникам возможность использовать громадное превосходство своих сил.

Стремительность широкого обходного маневра союзников, быстро приведшая к общему крушению германской обороны во Франции, исключала необходимость высадки 15 августа 1944 г. в Южной Франции американской (и французской) 7-й армии генерала Пэтча. Вторжение союзников с юга явилось "прогулкой", ибо немцы вынуждены были оголить в связи с высадкой союзных войск в Нормандии побережье Ривьеры (Лазурный берег), оставив там только четыре второсортные дивизии. При последующем наступлении вглубь Франции, вдоль долины р. Гоны, высадившихся на юге войск союзников перед союзным командованием возникали проблемы, связанные скорее со снабжением, чем с ведением боевых действий. Марсель был занят 33 августа, наступавшие через горы войска в тот же день подошли к Греноблю.

19 августа французские силы движения Сопротивления подняли восстание в Париже, и, хотя положение французов в течение нескольких дней оставалось критическим, перевес оказался на их стороне благодаря вступлению в город 25 августа бронетанковых частей союзников. Тем временем армия Паттона мчалась северо-восточнее Парижа к р. Марне.

Следующим важным событием было наступление 2-й английской армии, которая переправилась через Сену восточнее Руана с целью окружить остатки 7-й германской армии, все еще сдерживавшей наступление 1-й канадской армии западнее Руана. Значительной части немецких войск удалось своевременно переправиться через Сену, но там немцы обнаружили, что английские бронетанковые колонны совершают еще более глубокий обходный маневр с целью отрезать им дальнейший путь отступления. Головные колонны войск Демпси достигли Амьена рано утром 31 августа, пройдя от Сены расстояние в 110 км за двое с половиной суток. Переправившись через Сомму, они быстро продвинулись через Аррас и Лилль к бельгийской границе, выйдя в тыл германской 15-й армии, на побережье пролива Па-де-Кале. Восточное 1-я американская армия Ходжа также сделала бросок вперед и вышла к бельгийской границе в районе Ирсона.

Дальше к востоку армия Паттона совершила еще более грандиозный бросок через Шампань, минуя Верден, к р. Мозель и вышла на рубеж Мец-Тионвиль, вблизи границы Германии. Однако дальнейшее продвижение Паттона замедлилось в связи с трудностями снабжения горючим, и в конце концов его головные бронетанковые соединения вынуждены были остановиться, хотя стратегические перспективы росли с каждым днем, ибо союзники находились в 130 км от Рейна. Когда было доставлено горючее и Паттон возобновил наступление, сопротивление немцев уже усилилось. Наступление Паттона оказало решающее влияние в битве за Францию, однако трудности со снабжением горючим не дали ему возможности одним ударом выиграть так же битву и за Германию.

Подтвердился стратегический закон, что перенапряжение сил неминуемо приводит к остановке. На этом участке фронта остановка оказалась длительной, так как Паттон был втянут в прямое наступление на Мец, а затем в ближний бой за этот знаменитый город-крепость, лишившись возможности использовать обходный маневр.

В первые дни сентября 1944 г. темпы наступления на левом крыле увеличились, и сюда

были направлены основные усилия союзников для достижения скорой победы. 3 сентября английские бронетанковые колонны вошли в Брюссель, 4-го - в Антверпен и затем вторглись в Голландию. Этим крупным маневром Монтгомери отрезал пути отхода немецким войскам, оставшимся в Нормандии и на побережье пролива Па-де-Кале, т. е. основной немецкой группировке на западе; 1-я американская армия заняла Намюр и переправилась через р. Маас в райош Динан и Живе.

В этот критический момент командование немецкими войсками на западе было возложено на генерала Моделя, завоевавшего на русском фронте репутацию человека, способного "наскрести резервы из ничего". Теперь он совершил это чудо в более крупном масштабе. По обычным расчетам казалось, что немцы, которых более полумиллиона человек попало в плен при наступлении союзников во Франции, не имели возможности изыскать резервы, чтобы удержать собственную границу, создать более или менее достаточную плотность войск для организации эффективной обороны 800-километрового фронта между Швейцарией и Северным морем. Однако немцы каким-то удивительным образом смогли восстановить силы, что дало им возможность продлить войну еще на восемь месяцев.

В этом немцам значительную помощь оказали затруднения союзников в снабжении, в результате чего первоначальный мощный натиск союзников постепенно превратился в серию слабых ударов, для отражения которых было достаточно поспешно организованной обороны. Впоследствии эти затруднения мешали союзникам накапливать силы для подготовки нового мощного наступления.

Частично затруднения в снабжении объяснялись слишком глубоким продвижением союзников, а отчасти были вызваны действиями немцев, которые оставляли в тылу союзников войска для удержания французских портов в своих руках. По этой причине союзники не могли использовать такие порты, как Дюнкерк, Кале, Булонь и Гавр, а также крупные порты в Бретани. Такие действия немцев явились серьезным тормозом для наступления союзников. Хотя союзники захватили в хорошем состоянии крупный порт Антверпен, воспользоваться им было нельзя, так как немцы держали под контролем устье р. Шельды.

До прорыва фронта в Нормандии расстояние от баз союзников до линии фронта составляло всего лишь 30 км. Теперь запасы для войск надо было перевозить на расстояние почти 480 км. Вся тяжесть перевозок ложилась почти исключительно на автотранспорт, так как французские железные дороги были разрушены воздушными бомбардировками. Бомбардировка, оказавшаяся столь полезной для того, чтобы парализовать действия немцев, направленные против вторжения, доставила много хлопот союзникам, когда потребовалось материальное обеспечение стремительно наступавших союзных войск.

В середине сентября была предпринята смелая попытка ослабить возраставшее сопротивление немцев выброской трех воздушно-десантных дивизий за правым флангом немецкой армии в Голландии, чтобы подготовить путь для нового наступления 2-й английской армии к Рейну в нижнем его течении и через него. Воздушно-десантные войска были выброшены последовательными эшелонами в тылу германского фронта, в районе с периметром около 100 км. Десантники приступили к захвату опорных пунктов, необходимых для обеспечения форсирования четырех водных преград: канала Вильгельмины в районе Эйнд-ховена, р. Маас у Граве, р. Ваал и р. Лек (две последние являются рукавами Рейна) соответственно в районе Неймегена и Арнема. Три из четырех опорных пунктов были захвачены, и войска переправились через водные преграды. Задержка с захватом третьего пункта не дала возможности захватить четвертый, так как немцы предприняли быстрые контрмеры.

Эта неудача привела к задержке наступления наземных войск и к потере 1-й воздушно-десантной дивизии в районе Арнема. Однако возможность обойти с фланга рубеж обороны немцев на Рейне была таким стратегическим призом, который оправдывал риск и исключительную смелость выброски воздушного десанта в глубоком тылу противника; 1-я воздушно-десантная дивизия продержалась на своем изолированном плацдарме у Арнема

десять дней, в то время как союзники рассчитывали что она продержится максимум два дня. Однако шансы на успех были снижены тем, что высадка воздушного десанта в четырех пунктах, последовательно расположенных на одной линии слишком явно свидетельствовала о намечавшемся направлении наступления 2-й английской армии.

Разгадав замысел английского командования, противник сосредоточил свои наличные резервы для удержания последнего объекта и разгрома находившихся там английских воздушно-десантных войск до подхода к ним передовых частей 2-й армии. Характер местности в Голландии, возможность двигаться только по определенным направлениям также помогали немцам препятствовать продвижению английских войск. В то же время англичане не пытались путем более широких действий скрыть свои намерения и отвлечь внимание противника.

Битва за Рейн

После провала рискованной операции в районе Арнема перспективы на скорую победу исчезли. Союзники снова были вынуждены накапливать ресурсы на границах Германии для крупного, но осторожного наступления. Накопление сил требовало времени, но союзное командование само увеличило свои трудности, сосредоточив сначала усилия на попытке прорвать фронт в районе Ахена (Аахен), вместо того чтобы освободить от противника устье р. Шельды и обеспечить новый путь для снабжения своих войск. Американское наступление на Ахен приобрело слишком прямой характер и поэтому и имело успеха.

На остальной части западного фронта действия союзников в сентябре и октябре 1944 г. ограничивались мелкими стычками. Тем временем немцы продолжали усиливать свою оборону. На фронт прибывали резервы, которые немцы смогли наскрести в других местах, и свежие формирования, не считая тех войск, которым удалось пробиться из Франции. Накопление сил и средств немцами происходило в более быстром темпе, чем союзниками, несмотря на то что Германия намного уступала им по наличию материальных ресурсов. Устье Шельды было освобождено от противника только в начале ноября 1944 г.

В середине ноября на западном фронте было начато генеральное наступление. В нем приняли участие все шесть армий союзников. При больших потерях результаты оказались чрезвычайно малыми. Попытки союзников продолжать наступление привели лишь к истощению их сил.

У командования американских и английских войск были различные взгляды на ведение этой наступательной операции. Англичане предлагали нанести сосредоточенный удар, тогда как американцы хотели прорвать германскую оборону на очень широком фронте. Победила американская точка зрения. Когда наступление окончилось неудачей, англичане, естественно, стали критиковать американцев за рассредоточение усилий на широком фронте. Однако при более внимательном анализе операции видно, что основным ее недостатком было не рассредоточение усилий, а очевидность намерений. Хотя наступление велось на широком фронте силами нескольких армий, в полосе каждой армии оно было сконцентрировано на направлении, которое не было для противника неожиданным. Удары, как правило, были направлены против естественных подступов к Германии. Более того, главные удары наносились на равнинной местности, которая в зимнее время часто затоплялась.

В середине декабря немцы внезапно начали контрнаступление. Они сумели задержать наступление союзников, не расходуя своих подвижных резервов. Поэтому, когда стало ясно, что американцы не в состоянии прорвать фронт немецкой обороны, возникла опасность нанесения немцами мощного контрудара. Эта опасность стала еще более реальной, когда немцы отвели с фронта во время октябрьского затишья большинство танковых дивизий для вооружения их новыми танками. Однако союзники надеялись на скорую победу и поэтому не допускали мысли о возможности контрудара со стороны немцев, которые от этого только выиграли.

Наилучший момент для крупного контрнаступления или контрудара с ограниченной целью бывает тогда, когда наступающий ввел в сражение все свои силы, но не добился

успеха. В то же время продолжительное напряжение войск вызовет их естественную усталость, а резервы, которыми располагает командование на случай отражения контрудара, незначительны, особенно если этот контрудар будет наноситься с маловероятного направления.

Германское командование выгадало также и от того, что рассматривало вопрос о пригодности местности с совершенно другой точки зрения, чем союзники. Оно выбрало местом для проведения своего контрнаступления холмистые и покрытые лесами Арденны. Так как Арденны обычно считались труднодоступным районом, крупное наступление там, вероятно, было бы неожиданным для ортодоксальных стратегов. В то же время лесные массивы Арденн обеспечивали скрытое сосредоточение войск, а возвышенная местность благодаря наличию более твердого грунта создавала благоприятные возможности для маневра танков. В связи с этим немцы могли надеяться на успех.

Главной опасностью для немцев была возможность быстрого вмешательства военно-воздушных сил союзников. Модель говорил по этому поводу следующее: "Нашим врагом No 1 являются военно-воздушные силы противника. Пользуясь абсолютным превосходством, авиация союзников будет пытаться уничтожить наши танки и артиллерию атаками истребителей-бомбардировщиков и бомбежкой по площадям, а также сделать невозможным передвижение в тылу наших войск". Поэтому немцы начали свое наступление тогда, когда, по метеорологическим сводкам ожидалась плохая погода, и в первые три дня контрнаступления немцев туман и дождь прижали авиацию союзников к земле. Таким образом, даже плохая погода была использована немцами в своих целях.

Своим контрнаступлением немцы пытались добиться максимально возможных результатов. Они сделали большую ставку, имея очень ограниченные ресурсы. Немцы знали, что затеяли рискованную игру и что они выбросили свой последний козырь. Ударная группировка немецких войск состояла из 5-й и 6-й танковых армий, которым были переданы все танки, какие только удалось собрать.

Недостатком Арденн с точки зрения наступательных действий было то, что возвышенность пересекалась глубокими долинами и проходящие через них дороги представляли собой дефиле. Здесь легко было преградить путь танкам. Германское командование могло бы предупредить эту опасность, выбросив парашютные войска для захвата дефиле, имеющих стратегическое значение. Но после захвата Крита в мае 1941 г. численность этого специального рода войск сократилась, а его техника устарела. Поэтому в ходе арденнской операции было сброшено всего несколько небольших парашютных групп.

Своим контрнаступлением немцы преследовали далеко идущие цели, а именно: обходным путем прорваться к Антверпену, отрезать английскую группу армий от американских войск и баз и, изолировав, разгромить ее; 5-я танковая армия под командованием Мантейфеля должна была прорвать американский фронт в Арденнах, ударить сначала в западном направлении, затем повернуть на север к Антверпену через Маас (в районе Намюра). По мере продвижения она должна была обеспечить свой левый фланг, выставив заслон против возможного удара со стороны американских армий с юга; 6-я танковая армия под командованием Сеппа Дитриха (бывший командир танковой дивизии СС) должна была наступать на северо-запад через Льеж к Антверпену, создав стратегический заслон в тылу английских и расположенных севернее американских войск.

Контрнаступление немцев в первые дни благодаря внезапности развивалось быстро, создавая тревогу и смятение в рядах союзников. Наиболее глубокий прорыв был совершен 5-й танковой армией Мантейфеля. Но время и благоприятные возможности были потеряны из-за недостатка горючего вследствие действий авиации союзников по тылам немцев. Поэтому наступление немцев выдохлось на подступах к р. Маас, хотя в некоторых местах немецкие войска подошли к реке зловеще близко. Неудачу немцев во многом предопределили то упорство, с которым окруженные американские части удерживали некоторые наиболее важные дефиле в Арденнах, а также быстрота, с которой Монтгомери, взявший в свои руки руководство войсками на северном участке фронта, перебросил оттуда резервы на юг, чтобы

помешать противнику переправиться через Маас.

На следующем этапе операции, когда союзники сосредоточили силы и попытались срезать большой клин, образовавшийся в линии фронта, немцы провели искусный отход, избежав окружения. Само по себе контрнаступление было выгодным делом, поскольку оно хотя и не достигло своих целей, но все же сорвало приготовления союзников и нанесло им значительный урон ценой сравнительно небольших потерь. Только на последнем этапе операции, когда Гитлер стал препятствовать отходу немецких войск, потери немцев возросли.

Однако, учитывая обстановку в целом, это контрнаступление немцев оказалось для них губительным. В ходе операции они израсходовали больше сил, чем могли позволить себе в их тяжелом положении. Эти потери лишили немцев возможности оказывать длительное сопротивление в случае возобновления союзниками наступления. Контрнаступление открыло немцам глаза на их неспособность изменить военную обстановку в свою пользу и развеяло последние надежды на победу. Короче говоря, контрнаступление немцев было признанием военного банкротства Германии. После провала контрнаступления стало невозможно скрыть от германской армии и гражданского населения, что Германия исчерпала свои ресурсы и что дальнейшие жертвы немецкого народа являются бессмысленными.

Последний этап

С августа и до конца 1944 г. главный русский фронт был стабильным, его линия проходила посередине Польши, а русские армии восстанавливали коммуникации на территории, по которой они наступали летом, продолжая наращивать силы для дальнейшего наступления. Попытки русских прорваться в Восточную Пруссию осенью 1944 г. окончились безрезультатно.

Тем временем русские армии, составлявшие левое крыло и наступавшие из Румынии и Болгарии, совершали глубокий обходный маневр, постепенно продвигаясь через Венгрию и Югославию. Это было наступление, преследовавшее далеко идущие цели в плане как большой, так и военной стратегии. Оно замедлялось трудностью установления контроля в странах, через которые наступала Красная Армия, слабо развитыми коммуникациями на этом театре военных действий. Однако по мере проведения русскими этого обходного маневра осуществлялось, естественно, и стратегическое концентрическое наступление против общего объекта. В то же время необходимость переброски большого количества войск для оказания противодействия при движении русских через "боковую дверь" Германии значительно сказалась на устойчивости немецкой обороны на основных - восточном и западном - фронтах.

В середине января 1945 г. армии Конева начали большое наступление в южной части Польши с плацдарма на берегу Вислы в районе Сандомира (см. рис. 10). После прорыва обороны противника и создания угрозы центральной группе немецких войск с фланга армии Жукова устремились вперед с плацдармов, расположенных ближе к Варшаве. В течение первой недели наступавшие войска русских продвинулись вперед в зимних условиях почти настолько же, насколько и летом за то же время.

Местность позади фронта, в западной части Польши, была открытой и неудобной для обороны, в чем немцы убедились во время своего наступления в 1939 г. Природные же условия были благоприятными для наступающего, особенно когда он обладал превосходством в силах для проведения маневра на обширных пространствах Польши. Теперь немцам, которые сами оборонялись, не хватало сил и подвижности, чтобы отражать удары русских.

В течение второй недели темп наступления русских продолжал сохраняться, в то время как количество пленных возросло. Это свидетельствовало о том, что германское командование запоздало с проведением организованного отхода. Поспешная эвакуация гражданских лиц из крупных населенных пунктов в Германию была признаком того, что быстрота и мощь русского наступления еще раз опрокинули расчеты германского командования и заставили немецкие войска оставить промежуточные позиции, на которых

они рассчитывали задержаться.

Наступая на обширном фронте между Краковом и Лодзью (см. рис. 10), армии Конева прорвались через западную польскую границу в Силезию. Краков и Лодзь пали 19 января, причем Лодзь была захвачена войсками Жукова, совершившими походный маневр. 23 января Конев достиг Одера выше Бреслау (Вроцлав) на 65-километровом фронте (см. рис. 6) и захватил несколько переправ через эту водную преграду. Во время быстрого наступления Конев захватил важные промышленные районы в Верхней Силезии, ослабив тем самым военное производство Германии. Однако немцы прочно закрепились за Одером, и им удалось ограничить размер плацдармов, захваченных русскими на противоположном берегу реки.

На правом крыле русских войск армии Рокоссовского бросились вперед от р. Нарев (см. рис. 10), северо-восточнее Варшавы, и нанесли удар по Восточной Пруссии. Прорвав границу в ее западной части, они устремились через знаменитое поле сражения у Танненберга - место крупной русской катастрофы в 1914 г. - и 26 января вышли к балтийскому побережью восточнее Данцига. Большая часть немецких войск в Восточной Пруссии была отрезана и затем окружена в районе Кенигсберга.

Тем временем в центре Жуков вел наступление в северо-западном направлении к Торуню и Познани - двум важным центрам коммуникаций. Обойдя оба города, он стремительно двинулся к германской границе, оставив эти объекты в тылу своих войск изолированными, наподобие островков, выступающих из воды во время прилива. Русские пересекли границу Германии 29 января, после чего Жуков устремился к Одеру, который протекает здесь значительно западнее, чем в Силезии. Поскольку его целью явно был Берлин, который находится в каких-нибудь 80 км за Одером, Жуков, естественно, встретил более упорное сопротивление противника. Хотя танки Жукова 31 января достигли Одера в районе Кюстрина, прошло еще некоторое время, прежде чем он смог выйти к реке на широком фронте, и затем настойчивые попытки форсировать реку были отражены немцами.

Войска Конева пытались оказать давление на фланг немцев, наступая в северо-западном направлении вдоль западного берега Одера, но в свою очередь были остановлены на р. Нейсе, которую немцы использовали в качестве оборонительной, отсечной позиции.

Закон перенапряжения усилий (в результате слишком большой растянутости линий коммуникаций) снова вступил в действие, и русские были задержаны на востоке до тех пор, пока исход борьбы не был окончательно решен на западе.

Когда русские сражались за Одер, армии Эйзенхауэра в начале февраля провели новое большое наступление с задачей окружить и уничтожить германские армии западнее Рейна, не дав им возможности переправиться через реку. Наступление было начато 1-й канадской (и английской) армией на левом крыле, устремившейся вверх вдоль западного берега Рейна с целью ударить во фланг немецких войск, занимавших оборону против американских 9-й и 1-й армий западнее Кёльна (см. рис. 13). Но в связи с арденнским ударом немцев наступление американских войск задержалось настолько, что в результате наступившей оттепели дороги стали труднопроходимыми. Это помогло немецкой обороне. Немцы укрепили свое положение, взорвав дамбы на р. Рур и задержав тем самым американское наступление через эту водную преграду на две недели. Но и после переправы немцы оказывали упорное сопротивление. В результате американцы вошли в Кёльн только 5 марта. Немцы получили возможность эвакуировать свои потрепанные войска и большую часть техники через Рейн.

Однако немцам пришлось использовать значительную часть своих сил, чтобы сдержать левое крыло союзников. Ослабление вследствие этого левого крыла немцев создало благоприятные возможности для 1-й и 3-й американских армий. Войска на правом фланге 1-й американской армии прорвались к Рейну у Бонна, и одна из частей этой армии внезапно захватила неповрежденным мост через Рейн в районе Ремагена (20 км юго-восточнее Бонна). Эйзенхауэр не сразу использовал эту неожиданно представившуюся возможность, так как для этого потребовалось бы перебросить резервы и внести значительные коррективы в план следующего, и решающего, этапа операции. Но угроза немцам со стороны Ремагена

заставила их приковать свои скудные резервы к этому направлению.

Большое преимущество союзники получили тогда, когда 3-я армия прорвала оборону немцев в районе горного массива Эйфель (продолжение Арденн на немецкой территории). 4-я бронетанковая дивизия (снова в первом эшелоне армии Паттона, как и при действиях в Нормандии) стремительно прорвалась к Рейну у Кобленца. Затем Паттон повернул свои войска на юг через низовья Мозеля, в Пфальцграфство, после чего быстро двинулся вверх по западному берегу Рейна, в тыл немецким войскам, оборонявшимся против 7-й армии Пэтча. Этим маневром немцы были отрезаны от Рейна. Паттон захватил большое количество пленных и обеспечил себе беспрепятственную переправу через Рейн, когда он снова повернул на восток.

Войска Паттона переправились через Рейн ночью 22 марта на участке между Майнцем и Вормсом и устремились в глубь Северной Баварии. Это привело к развалу всего немецкого фронта и не дало немцам возможности отступить в свою прославленную горную твердыню на юге, что немецкое командование неоднократно прогнозировало.

Планировавшееся форсирование Рейна в его нижнем течении у голландской границы было осуществлено ночью 23 марта группой армий Монтгомери. Эта мощная водная преграда была форсирована в четырех пунктах, а утром в тыл противника Лыли сброшены две воздушно-десантные дивизии для ослабления давления на захваченные плацдармы. Соппротивление немцев начало ослабевать по всему фронту, что и продолжалось вплоть до общего крушения немецкой обороны.

Но даже и после этого конец был отсрочен более чем на месяц. Это произошло не из-за серьезного отпора со стороны разбитой немецкой армии, хотя они и оказывали значительное сопротивление в нескольких пунктах на крайних - северном и южном - участках фронта, а из-за трудностей снабжения армий союзников. Но мере их продвижения за Рейн и необходимости считаться со сложными политическими факторами, а также вследствие помех, чинимых воздушными бомбардировками союзников, в результате которых все дороги во Франции и Германии были завалены горами обломков.

Исход войны был окончательно решен после форсирования союзными войсками Рейна. Но еще задолго до этого было ясно, что развал перенапряженной германской армии был неминуем, неизвестно было только, когда именно это произойдет.

Ее фронт, огромный сначала, сокращался по мере того, как подавался назад, к центру, под давлением со всех сторон, но в еще большей степени это сокращение обуславливалось чрезмерными потерями, понесенными немцами вследствие негибкости оборонительной стратегии Гитлера. Абсолютное отсутствие гибкости в действиях Гитлера в обороне было полной противоположностью дальновидной гибкости его прежних наступательных методов, которых он придерживался, пока одерживаемые победы не вскружили ему голову.

На фоне тех потерь, которые понесли германские вооруженные силы, и того ущерба, который был причинен их материальным ресурсам, кажется просто чудом, что Германия так долго сопротивлялась, ведя войну на столь многочисленных фронтах. Отчасти это объясняется необычайной выносливостью немцев, отчасти - категоричностью требования союзников о "безоговорочной капитуляции", что нельзя расценить иначе, как слишком не прямое действие в области большой стратегии. Но прежде всего длительное сопротивление Германии свидетельствовало об огромной мощи, присущей современной обороне. Согласно обычным военным расчетам, германские вооруженные силы не должны были устоять перед таким мощным натиском даже в течение одной недели. Однако они выдерживали его многие месяцы. Когда немцы оборонялись на фронте, ширина и глубина которого соответствовали их силам, они часто успешно отражали удары, несмотря на шестикратное, а иногда и двенадцатикратное превосходство противника. Немецкие войска были разбиты не противником, а пространством.

Если бы противники Германии своевременно знали об этом и подготовились к отражению агрессии, используя в максимальной степени преимущества, присущие обороне, мир был бы избавлен от колоссальных разрушений и жертв.

Много лет тому назад знаменитый боксер Джеймс Мейс, исходя из своего опыта боев на ринге, рекомендовал следующее правило: "Пусть противник бросится на вас - и он будет битым". Позднее Кид Маккой выразил то же самое так: "Заставьте противника броситься на вас первым и, сдерживая его одной рукой, другой рукой наносите удар".

Справедливость правила Джеймса Мейса была подтверждена на полях сражений в Африке, России и Западной Европе. По мере приобретения военного опыта все искусные командиры старались извлечь пользу из преимуществ, которыми обладает оборона, даже в тех случаях, когда сами наступали.

Это было также основным выводом из опыта Второй Мировой войны в целом. Германия во многом сама способствовала своему поражению. Если бы Германия действовала иначе, противникам было бы гораздо труднее разгромить ее. Слишком прямой подход Германии к проблеме завоевания победы явился непрямым решением. Крушение планов Германии и ее расширение, вместе взятые, во многом помогли союзникам сократить сроки войны. Однако если бы союзные страны, вместо того чтобы готовиться воевать по-старому, постарались понять основные принципы войны, то продолжительность войны и принесенные ею разрушения были бы значительно меньше.

Часть четвертая.

Основы военной стратегии и большой стратегии

Глава XIX.

Теория стратегии

Сделав из анализа истории наши заключения, по-видимому, полезно построить на свежей основе новое здание стратегической мысли. Выясним сначала, что такое стратегия. Клаузевиц в своем капитальном труде "О войне" определяет ее как "использование боя для целей войны". Следовательно, пишет он, "она должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны".

Один недостаток такого определения стратегии заключается в том, что оно захватывает сферу политики, или высшего руководства войной, которые неизбежно являются делом правительства, а не военных, используемых правительством для руководства военными действиями. Другой недостаток этого определения в том, что оно сужает понятие "стратегии" до одного лишь использования сражений, получается, что сражение является единственным средством для достижения стратегической цели. Поэтому менее искушенные ученики Клаузевица могли легко спутать средства с целью и прийти к заключению, что в войне все должно быть подчинено одному - решительному сражению.

Связь с политикой

Выявление различия между стратегией и политикой не имело бы большого значения, если бы и та и другая были сосредоточены в руках [365-366] одного и того же лица, как, например, в прошлом в руках Фридриха и Наполеона. Но такие самодержавные правители-полководцы встречаются редко в наши дни, временно исчезли они и в XIX в., и последствия этого оказались весьма вредными: военные могли абсурдно утверждать, что политика должна быть подчинена их планам ведения военных действий, а государственный деятель, особенно в демократических странах, - переступить границы сферы своей деятельности и вмешиваться в функции своих военных работников, в фактическое использование ими средств, находящихся в их распоряжении.

Мольтке дал более ясное и правильное определение понятия стратегии. Он рассматривает ее как "практическое применение средств, переданных в распоряжение полководца для достижения поставленной цели".

Это определение устанавливает ответственность командующего перед правительством, которому он служит. Командующий отвечает за наиболее умелое использование в интересах высшей военной политики выделенных в его распоряжение сил на театре военных действий. Если командующий считает, что ему выделено недостаточно сил для выполнения поставленной задачи, то он имеет право указать на это, и если с его мнением не считаются, то он может отказаться от командования или уйти в отставку, но попытка командующего

диктовать правительству, какое количество войск должно быть выделено в его распоряжение, будет свидетельствовать о превышении им своих прав.

С другой стороны, правительство, определяющее военную политику и обязанное приспособить ее к условиям, часто меняющимся в ходе войны, вправе вмешаться в стратегическое руководство кампанией, не только заменяя командующего, которому оно больше не доверяет, но и внося коррективы в поставленную задачу в соответствии с интересами военной политики. Хотя правительство не вмешивается в функции командующего по управлению войсками, оно должно ясно указать ему на поставленную перед ним задачу. Таким образом, перед стратегией не обязательно ставится только одна цель добиться военного разгрома противника. Когда правительство считает, что противник имеет общее военное превосходство или превосходство на определенном театре военных действий, оно может поставить перед собой стратегические задачи более ограниченного масштаба.

Может быть, оно сочтет целесообразным подождать до тех пор, пока равновесие сил не изменится в результате помощи союзников или переброски сил с другого театра военных действий. Может быть, правительство захочет ограничить военные действия на суше и добиваться решения вопроса посредством экономического давления на противника или действиями военно-морских сил. Правительство может прийти к заключению, что разгром противника является для него непосильной задачей или не оправдывает затраченных усилий и что интересы военной политики могут быть более надежно обеспечены захватом территории, которую правительство может сохранить под своим контролем или же использовать в качестве козыря при ведении мирных переговоров.

Такая политика больше подкрепляется историческим опытом, чем полагают военные круги. Она в меньшей степени является проявлением слабости, как считают некоторые апологеты насилия. Такая политика, проходящая красной нитью в истории Британской империи, неоднократно спасала союзников Англии, да и сама Англия всегда только выигрывала от нее. Имеются все основания спросить: не заслуживает ли эта "консервативная" военная политика того, чтобы ей было отведено подобающее место в военной теории?

Более обычной мотивацией применения стратегии с ограниченными целями является выжидание изменения в соотношении сил, изменения, которого часто добиваются путем истощения сил противника в результате нанесения ему мелких уколов вместо рискованных мощных ударов. Конечно, истощение сил противника должно быть значительно большим, чем истощение своих сил. Цель может быть достигнута: нанесением ударов по базам снабжения противника; местными ударами по отдельным группировкам противника с задачей уничтожить их или нанести им большие потери; втягиванием противника в наступление в невыгодных для него условиях; проведением мероприятий, которые заставят противника рассредоточить силы на слишком широком фронте; истощением моральной и физической энергии противника.

Такое определение вносит ясность в вопрос о самостоятельности командующего при проведении стратегии в пределах своего театра военных действий. Так, например, если правительство решило преследовать ограниченную цель, или, иначе говоря, придерживаться "фабианской" большой стратегии, то командующий, который даже в пределах своей сферы стратегической деятельности будет стремиться сокрушить военную мощь противника, может причинить больше ущерба, чем принести пользы, военной политике своего правительства. Обычно военная политика, преследующая ограниченную цель, предписывает и применение стратегии с ограниченной целью; решительная цель должна ставиться только с одобрения правительства, так как только оно одно может решить вопрос о том, "стоит ли игра свеч".

Теперь мы можем дать более краткое определение стратегии как "искусства распределения и применения военных средств для осуществления целей политики". Стратегия имеет дело не просто с передвижением войск, к чему часто сводят ее роль, а с результатами этого передвижения. Когда применение военных сил выливается в сражение,

то диспозиция этих сил и управление таким прямым действием относятся уже к области тактики. Оба эти понятия, хотя ими и удобно пользоваться, нельзя строго разграничивать, так как они не только влияют друг на друга, но и находятся в неразрывной связи.

Высшая, или большая, стратегия

Как тактика является применением стратегии на более низком уровне, так и стратегия является применением военной политики большой стратегии на более низком уровне. Хотя практически большая стратегия и совпадает с военной политикой, которой руководствуются при ведении войны, в отличие от более фундаментальной, т. е. большой (государственной) политики, определяющей цель военной политики, термин "большая стратегия" выражает "политику в действии". Роль большой, или высшей, стратегии заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны - цели, которая определяется большой, или государственной, политикой. Большая стратегия должна выявить и мобилизовать экономические и людские ресурсы страны или группы стран, чтобы обеспечить действия вооруженных сил. То же самое относится и к моральным возможностям, ибо воспитание у народа высоких моральных качеств часто является настолько же важным, как и обладание материальными средствами борьбы. Большая стратегия должна также регулировать распределение сил и средств между сухопутными, морскими и военно-воздушными силами, а также между вооруженными силами в целом и промышленностью. Военная мощь является только одним из средств большой стратегии, которая в целях ослабления воли противника к сопротивлению должна принимать во внимание и использовать всю силу и мощь финансового, дипломатического, коммерческого и, не последнего по важности, идеологического давления. Хорошим аргументом являются и меч, и броня. Подобным же образом смелые действия в войне могут оказаться наиболее эффективным средством ослабления воли противника к сопротивлению и поднятия морального духа своих войск.

Если военная стратегия ограничивается рассмотрением вопросов, связанных с войной, то большая стратегия занимается вопросами, связанными не только с войной, но и с последующим миром. Большая стратегия должна не только сочетать различные средства войны, но и обеспечить такое их использование, чтобы избежать ущерба для будущего мира - его безопасности и процветания. Недовольство обеих враждующих сторон послевоенным устройством, характерное для большинства войн, наводит на мысль о том, что в отличие от стратегии сущность большой стратегии большей частью является *terra incognita* и нуждается в дальнейшем изучении и развитии.

Военная стратегия в ее чистом виде

Уяснив вышеуказанное, мы можем теперь более точно определить понятие стратегии как "искусство полководца".

Успех стратегии зависит главным образом от правильного учета и согласования цели со средствами. Цель должна соотноситься с общим количеством имеющихся средств, а средства, используемые для достижения каждого промежуточного объекта на пути к конечной цели, должны соответствовать ее важности независимо от того, что при этом преследуется, захват ли самого объекта или достижение другого успеха. Излишек средств может быть так же вреден, как и их недостаток.

Правильное согласование цели со средствами должно обеспечить целесообразную экономию сил в самом глубоком смысле этого часто искажаемого военного термина. Но вследствие особого характера и неопределенности войны - неопределенности, которая еще более усиливается из-за отсутствия научного подхода к вопросам войны, - даже при весьма умелом военном руководстве трудно добиться правильного согласования цели со средствами; соответствующие попытки в этом направлении будут только приближать к решению этой задачи.

Такая относительность является неизбежной, ибо, как бы хорошо мы ни знали военную науку, все будет зависеть от искусства ее применения на практике, которое не только может привести к лучшему согласованию цели со средствами, но и при более эффективном

использовании средств может решать даже более широкие задачи.

Все это усложняет учет факторов, потому что ни один человек не может точно определить возможности человеческого разума или оценить силу воли человека.

Элементы и условия

В стратегии расчеты проще и ближе к истине, чем в тактике. Основное, что не поддается учету в войне, - это человеческая воля, проявляющаяся в сопротивлении, которое, в свою очередь, входит в область тактики. Стратегия не занимается преодолением сопротивления, не считая препятствий природного характера. Ее цель состоит в том, чтобы уменьшить возможность сопротивления; она старается добиться этого, используя такие элементы, как движение и внезапность.

Движение относится к материальной области и зависит от учета условий времени, местности и транспортных возможностей. (Под транспортными возможностями имеются в виду сами средства, с помощью которых войска могут передвигаться и обеспечиваться, и то, в какой степени можно воспользоваться этими средствами.)

Внезапность относится к области психологии и зависит от более трудного, чем в материальной области, учета разнообразных условий, изменяющихся в каждом отдельном случае, которые могут оказать влияние на волю противника.

Хотя стратегия может стремиться в большей мере использовать движение, чем внезапность, или наоборот, однако оба эти элемента влияют друг на друга. Движение создает внезапность, а внезапность дает стимул движению. Движение, происходящее в более быстром темпе, чем обычно, или меняющее свое направление, неизбежно влечет за собой некоторую внезапность, даже если при передвижении не соблюдаются меры маскировки. В то же время внезапность способствует более беспрепятственному передвижению, лишая противника возможности предпринять контрманевр или другие контрмеры.

Что касается взаимосвязи стратегии и тактики, то хотя на практике между ними нет четкой границы и поэтому трудно точно определить, где, например, кончаются стратегические переброски войск и начинается тактическое передвижение, однако как понятия они различаются между собой. Тактика охватывает область сражения (боя). Стратегия не только останавливается на границе, но для своего осуществления нуждается в том, чтобы боевые действия были сведены по возможности до минимума.

Цель стратегии

Это положение может оспариваться теми, кто считает уничтожение вооруженных сил противника единственно правильной целью войны, кто полагает, что единственной целью стратегии является сражение (бой), кто упорно придерживается тезиса Клаузевица, что "кровь всегда является его оплатой". Однако даже если уступить такой точке зрения, то все равно справедливость высказанного положения останется незыблемой. В самом деле, даже если основной целью войны является решительное сражение (бой), то цель стратегии заключается в том, чтобы осуществить это сражение (бой) при наиболее благоприятных условиях. Но чем более благоприятными будут условия, тем соответственно меньше придется вести боевых действий.

Поэтому стратегия будет наиболее совершенной, если она обеспечит достижение цели без серьезных боевых действий. История, как мы видели, дает примеры того, как стратегия в благоприятных условиях действительно обеспечивала такой результат. Можно указать на сражение Цезаря при Илерде, сражение Кромвеля при Престоне, сражение Наполеона при Ульме, окружение армии Мак-Магона войсками Мольтке под Седаном в 1870 г. и окружение войсками Алленби турок на холмах Самарии (центральная часть Израиля) в 1918 г. Наиболее ярким из последних примеров является имевшая катастрофические последствия операция немцев в 1940 г., когда они после внезапного прорыва танков Гудериана в центральной части западного фронта у Седана отрезали и окружили левое крыло союзников в Бельгии, обеспечив таким образом общий крах союзных армий на континенте.

Хотя эти примеры показывают, что уничтожение вооруженных сил противника было достигнуто их разоружением после капитуляции, такое "уничтожение" может оказаться

ненужным для достижения цели войны. В том случае, когда государство добивается не завоеваний, а только обеспечения своей безопасности, цель будет достигнута, если будет устранена угроза, т. е. если противник будет вынужден отказаться от своего намерения.

Поражение, которое потерпел Велизарий вблизи г. Сур, удовлетворив стремление своих войск добиться "решительной победы" (после того как персы уже отказались от попытки вторгнуться в Сирию), было ярким примером ненужного усилия и риска. Наоборот, последующие действия Велизария, когда он отразил новое, более опасное вторжение персов и освободил от них Сирию, пожалуй, являются в истории самым замечательным примером достижения решающего успеха, т. е. осуществления цели государства при помощи чистой стратегии. В этом случае психологическое воздействие было настолько эффективным, что противник отказался от своих намерений без какого-либо физического давления на него.

Хотя такие бескровные победы являются редким исключением, их значение от этого скорее увеличивается, чем уменьшается. Ценность их заключается в том, что они свидетельствуют о потенциальных возможностях в стратегии и большой стратегии. Несмотря на опыт войн многих столетий, мы едва только приступили к использованию возможностей психологической войны.

Глубоко изучая опыт войн, Клаузевиц пришел к выводу, что "в основе всех военных действий лежит разум". Тем не менее воюющие страны, всегда находящиеся во власти своих страстей, никогда не обращали внимания на смысл этого изречения Клаузевица. Вместо того чтобы раскинуть умом, они предпочитали биться головой о ближайшую стену.

Обычно правительство, отвечающее за определение целей большой стратегии в войне, решает вопрос, как должна действовать стратегия добиваться ли военного решения или как-то иначе. Как военные средства являются только одним из орудий для достижения цели большой стратегии (один из инструментов в руках хирурга), так и сражение (бой) представляется только одним из средств для достижения цели стратегии. Если условия благоприятны, то военные средства обычно дают самый быстрый эффект, если же условия неблагоприятны, то использовать такие средства нецелесообразно.

Предположим, что стратегу предоставлено право добиваться военного решения. Тогда его задача - достигнуть своей цели при наиболее благоприятных условиях, чтобы результаты были наилучшими. Следовательно, его действительная цель заключается не столько в том, чтобы искать сражения (боя), сколько в том, чтобы добиться создания выгодной стратегической обстановки. Если эта обстановка сама по себе не приведет к решению, то во всяком случае она должна обеспечить достижение его путем сражения. Иными словами, целью стратегии является нарушение устойчивости противника, результатом этого может оказаться распад армии противника либо будет обеспечен ее разгром в сражении. Для того чтобы армия противника распалась, могут потребоваться некоторые боевые действия, но они не будут носить характера сражения.

Действия стратегии

Как осуществляется стратегическое нарушение устойчивости противника? В физическом или материальном отношении оно является результатом действий, которые приводят: а) к нарушению диспозиции противника и, вынуждая его неожиданно изменить фронт, к нарушению организации и группировки его войск; б) к расчленению сил; в) к созданию опасности для системы снабжения; г) к созданию угрозы коммуникациям, по которым противник мог бы в случае необходимости отступить и снова закрепиться на промежуточных рубежах или в стратегическом тылу.

Нарушение устойчивости противника может быть достигнуто за счет одного из вышеперечисленных факторов, но чаще всего оно является следствием нескольких факторов. Трудно, конечно, эти факторы дифференцировать, потому что действия против тыла противника имеют своим следствием развитие всех вышеуказанных факторов. Однако их относительное значение меняется и зависит, как свидетельствует опыт истории, от размера армий и сложности их организации. Для армий, которые "живут за счет местных ресурсов" и обеспечивают себя продовольствием путем грабежа или реквизиций, коммуникации играют

очень малую роль. Даже на более высокой ступени развития военной организации чем меньше группировка войск, тем в меньшей степени ее снабжение зависит от коммуникаций. Чем крупнее армия и сложнее ее организация, тем более действенной оказывается угроза ее коммуникациям.

Если войска не находятся в большой зависимости от коммуникаций, возможности стратегии ограничены и большое значение имеет тактический исход сражения. Тем не менее даже в такой обстановке способные стратеги часто еще до сражения добивались решающего преимущества, создавая угрозу путям отхода и снабжения противника и устойчивости его группировки.

Для того чтобы достигнуть нужного эффекта, такая угроза должна быть ближе по времени и пространству к армии противника, чем угроза его коммуникациям. Поэтому в ранних войнах очень трудно установить различие между стратегическим и тактическим маневрами.

В психологическом отношении нарушение устойчивости противника является результатом влияния вышеперечисленных факторов на командование противника. Это влияние будет сильнее, если противник неожиданно поймет невыгодность своего положения и решит, что не сможет оказать противодействия. Нарушение психологической устойчивости противника является главным образом результатом возникновения у него мысли, что он попал в ловушку.

Именно поэтому физическое воздействие на тыл противника чаще всего вызывает психологический эффект. Армия, как и человек, не может предохранить себя от удара в спину, не повернувшись кругом, с тем чтобы использовать свое оружие в новом направлении. Процесс перегруппировки сил в новом направлении временно ослабляет боеспособность армии, точно так же, как и человек остается беззащитным, пока не повернется лицом к врагу, но продолжительность небоеспособности армий длится, конечно, значительно дольше. Поэтому любая армия весьма чувствительна к угрозе с тыла.

Напротив, прямое наступление увеличивает устойчивость противника как в физическом, так и в психологическом отношении, что приводит к увеличению силы его сопротивления. При фронтальном давлении противник откатывается назад к резервам, базам снабжения и подкреплениям, тем самым восстанавливая свои силы. В лучшем случае таким фронтальным ударом достигается напряжение сил противника, а не его разгром.

Таким образом, обход противника с фланга и выход в тыл преследуют цель не только избежать сопротивления, но и решить исход операции в свою пользу. Иначе говоря, такой маневр представляет собой действие по линии наименьшего сопротивления. Эквивалентом в психологической области являются действия в наименее ожидаемом направлении. Это две стороны одной медали, и понять это - значит расширить наше понимание стратегии. Ведь если мы просто будем действовать по линии, явно являющейся линией наименьшего сопротивления, то и противник, естественно, обратит внимание на эту линию, и она перестанет быть линией наименьшего сопротивления.

При исследовании физических факторов мы никогда не должны упускать из виду и факторы психологические. Только при совместном изучении этих факторов стратегия действительно примет характер стратегии не прямых действий, рассчитанных на нарушение устойчивости противника.

Простое не прямое движение к противнику с последующим выходом в его тыл еще не является стратегическим не прямым действием. Стратегическое искусство не так просто. Вначале движение может быть не прямым по отношению к фронту противника, но, разгадав замысел - выход в его тыл, - противник может перегруппировать свои войска, и тогда движение снова станет прямым по отношению к новой линии фронта.

Имея в виду, что противник может приготовиться к отпору ни новом направлении, необходимо основной обходный маневр дополнить маневрами на второстепенных направлениях, рассчитанными на отвлечение внимания противника. Целью такого отвлечения внимания является лишение противника свободы действий, причем оно должно

вызвать как физический, так и психологический эффект. В физическом отношении действия по отвлечению внимания должны привести к рассредоточению сил противника или к использованию их на второстепенных направлениях, с тем чтобы эти силы не могли оказать эффективного противодействия нанесению удара на решающем направлении. В психологическом отношении этот же эффект достигается игрой на нервах командования противника и его дезинформацией. Вот что гласит стратегический девиз Джэксона: "Озадачивай, вводи в заблуждение и захватывай врасплох". Озадачить противника и ввести его в заблуждение значит отвлечь его внимание, а внезапность действий служит важным фактором нарушения устойчивости противника. Посредством отвлечения внимания командования достигается распыление войск. Потеря противником свободы действий является результатом потери им свободы замысла.

Более глубокое понимание того, как психологическое начало проникает в область физического и оказывает решающее влияние, имеет непрямую ценность. Оно дает нам возможность избежать ошибочной и поверхностной попытки анализировать и разрабатывать теорию стратегии при помощи математических формул. Подходить к стратегии количественно, т. е. все сводить только к сосредоточению превосходящих сил в намеченном месте, так же неверно, как и расценивать ее геометрически, т. е. толковать лишь о линиях и углах.

Далекой от истины является тенденция, прослеживаемая и в военных учебниках, - понимать войну главным образом как сосредоточение превосходящих сил, ибо на практике такая тенденция обычно заводит в тупик. В своем знаменитом определении экономии сил Фош так сформулировал эту мысль: "Искусство использования всех ресурсов в определенное время и в определенном месте - искусство использования там всех войск, а чтобы сделать это возможным, необходимо налаживание между ними постоянной связи вместо расчленения их и постановка перед ними частных постоянных и неизменных задач. По достижении результата должно быть проявлено искусство такой перегруппировки войск, которая обеспечила бы их быстрое сосредоточение и согласованные действия против нового объекта".

Точнее и яснее было бы сказать, что группировка войск всегда должна быть такой, чтобы ее отдельные части могли оказать друг другу взаимную поддержку и были в состоянии в возможно короткое время сосредоточиться в определенном месте. В то же время должно быть выделено минимально необходимое количество войск для действий в другом месте, чтобы обеспечить успех сосредоточения.

Сосредоточение всех сил в одном месте вообще является неосуществимым идеалом и даже чревато опасностью. Более того, на практике в необходимый минимум может быть включено значительно больше сил, чем в возможный максимум. И было бы даже правильным сказать, что чем больше по величине силы, которые эффективно используются для отвлечения внимания противника, тем больше шансов на успех у сосредоточенных в одном месте остальных войск. В противном случае удар сосредоточенными силами по хорошо защищенному объекту может не увенчаться успехом.

Превосходство сил, созданное в намеченном решающем месте, не приведет к успеху, если противник сможет своевременно усилить свои войска на этом направлении. Это превосходство и силах редко обеспечит успех, если противник не будет не только слабее по численности, но и подавлен морально. Наполеон потерпел некоторые из его самых сильных поражений потому, что пренебрегал этим условием победы.

Основы стратегии

Самая глубокая истина, в которой не разобрались полностью Фош и другие последователи Клаузевица, состоит в том, что в войне каждая проблема и каждый принцип имеют, подобно медали, две стороны. Отсюда появляется необходимость в хорошо рассчитанном компромиссном решении, чтобы примирить обе стороны. Это неизбежное следствие того, что война ведется между двумя враждующими сторонами, каждая из которых, нанося удар, должна одновременно принять меры к обороне. Значит, чтобы нанести

эффективный удар, надо напасть на противника ирасплох. Эффективно сосредоточить силы можно только при условии, что войска противника рассредоточены. Обычно, чтобы достигнуть этого, необходимо также рассредоточить и свои войска. Таким образом, хотя это звучит парадоксально, действительное сосредоточение сил является результатом их рассредоточения.

Следующим требованием двусторонней войны является то, что для обеспечения захвата одного какого-либо объекта необходимо создать одновременную угрозу нескольким объектам. И этом заключается важное отличие современной доктрины от доктрины XIX в. Фоша и его последователей, намечавших для удара только один объект. Ибо если противник точно знает направление вашего удара, то тем самым он имеет наилучшие шансы принять меры предосторожности и ослабить ваш удар. С другой стороны, если вы создадите одновременную угрозу нескольким объектам, то тем самым рассеете внимание противника и заставите его рассредоточить силы. Кроме того, такой метод отвлечения внимания противника является наиболее экономичным, так как он позволяет вам сосредоточить большую часть своих сил на направлении главного удара, примиряя, таким образом, в максимально возможной мере требование сосредоточения сил с необходимостью их рассредоточения.

Отсутствие вариантов действий противоречит самой сущности войны. Оно грешит против умнейшего положения, выдвинутого Бурсе в XVIII в., что "план любой кампании должен иметь несколько вариантов и должен быть настолько хорошо продуман, чтобы один из этих вариантов обязательно увенчался успехом". Этому положению придерживался военный наследник Бурсе - молодой Наполеон Бонапарт, всегда старавшийся, как он сам говорил, *faire son theme en deux facons*³¹. Через 70 лет Шермн на основе опыта пришел к такому же выводу и сформулировал свое знаменитое правило: "Всегда ставь противника перед дилеммой". Во всех случаях, когда имеется противник, следует предусматривать несколько вариантов действий. Приспособляемость является законом; как во время войны, так и в жизни выживают наиболее приспособившиеся. Война является не чем иным, как концентрированной формой борьбы людей против их окружения.

Для того чтобы план был реальным, необходимо учитывать противодействие, которое может оказать противник. Для более эффективного преодоления этого противодействия нужно предусмотреть возможность изменения плана сообразно сложившимся условиям. Чтобы сделать план гибким, сохраняя в то же время инициативу в своих руках, лучше всего действовать в направлении, на котором может быть создана угроза сразу нескольким объектам. Этим вы поставите противника перед дилеммой, что поможет вам захватить по крайней мере один наименее охраняемый объект, а может быть, за одним и другой.

Когда расположение противника в большой степени определяется характером местности, в тактике может оказаться труднее наметить такие объекты, которые поставят противника перед дилеммой, чем в стратегии, когда противник вынужден прикрывать важные промышленные центры и железнодорожные узлы. Но и в тактике вы можете достичь такого же преимущества, если будете выбирать линию своих действий в зависимости от сопротивления противника, используя любое слабое место. План, подобно дереву, должен иметь ветви, если мы хотим, чтобы он дал плоды. План без вариантов подобен голому стволу.

Перерезывание коммуникаций

При планировании любого удара по коммуникациям противника, безразлично - обходом фланга или стремительным прорывом фронта, возникает вопрос, куда выгоднее нанести удар - по ближайшему или глубокому тылу противника?

Изучая этот вопрос в то время, когда впервые были созданы экспериментальные механизированные войска и рассматривались способы их стратегического использования, я пытался исходить из анализа кавалерийских рейдов в прошлом, а особенно в последних войнах, происходивших, когда уже появились железные дороги. Хотя кавалерийские рейды имели меньшие потенциальные возможности, чем сулил, как мне думалось, глубокий

стратегический прорыв механизированных войск, однако эта разница лишь подчеркивала, а не умаляла значение того, о чем свидетельствовали рейды. Введя необходимые поправки, можно сделать следующие выводы:

Чем ближе к войскам противника будут нарушены его коммуникации, тем быстрее скажется эффект; с другой стороны, чем ближе к базе противника будут перерезаны коммуникации, тем эффект будет значительнее. В любом случае эффект будет больше и скажется быстрее, если будут нарушены коммуникации войск, находящихся в движении или выполняющих задачу, чем войск, расположенных на месте.

При определении направления удара подвижных войск большое значение имеют стратегическая обстановка и положение со снабжением войск противника. Необходимо учитывать количество действующих линий снабжения, возможность использования противником других линий снабжения, количество запасов, которые могут быть сосредоточены в передовых складах непосредственно за линией фронта. После того как все эти факторы будут изучены, они должны быть снова рассмотрены с точки зрения степени доступности возможных объектов: расстояния, наличия естественных препятствий и возможного сопротивления со стороны противника. Как правило, чем больше расстояние, которое должно быть преодолено при рейде, тем больше будет на пути естественных препятствий, но тем меньше станет сопротивление со стороны противника.

Таким образом, если естественные препятствия не являются слишком трудными и у противника нет необычной независимости от базы снабжения, то можно ожидать, что успех и эффект будут тем больше, чем дальше в тыл будут перерезаны коммуникации противника.

Другое соображение заключается в том, что если удар по ближайшему тылу противника может больше отразиться на моральном состоянии его войск, то удар по глубокому тылу оказывает более сильное воздействие на моральное состояние командования противника.

Кавалерийские рейды в прошлом часто не имели должного эффекта вследствие того, что не оставляли после себя разрушения. Поэтому важность таких рейдов против коммуникаций противника недооценивалась. Необходимо также иметь в виду, что снабжение может быть нарушено не только разрушениями на пути подвоза, но и перехватом или угрозой перехвата обозов и автотранспорта с запасами. Потенциальные возможности такого нарушения коммуникаций противника увеличились в связи с появлением механизированных войск вследствие их высокой подвижности и повышенной проходимости.

Эти выводы были подтверждены опытом Второй Мировой войны и особенно тем парализующим эффектом как в физическом, так и в психологическом отношении, который был достигнут, когда танки Гудериана, стремительно двигаясь впереди главных сил немцев, перерезали коммуникации армий союзников в глубоком тылу - на р. Сомме, в районе Амьена и Абвиля.

Метод наступления

До конца XVIII в. передвижения войск как стратегические (подход к полю боя), так и тактические (движение на поле боя) производились, как правило, всей массой. Наполеон, следуя идеям Бурсе и применив новую дивизионную систему, ввел расчлененное стратегическое движение; армия двигалась отдельными самостоятельными частями. Но тактическое движение все еще совершалось сосредоточенно.

К концу XIX в. в связи с развитием огнестрельного оружия тактическое движение стало проводиться рассредоточенно с целью уменьшить потери от огня. Но стратегическое движение снова стало сосредоточенным, что частично было вызвано развитием железных дорог и увеличением численности армий, а также неправильным пониманием метода Наполеона.

Чтобы возродить искусство и эффект стратегии, нужно было вернуться к рассредоточенному стратегическому движению. Новые средства борьбы - авиация и танки - способствовали этому возврату. Опасность воздушного нападения, необходимость дезориентации противника и полного использования подвижности механизированных войск

свидетельствуют о том, что продвигающиеся войска нужно не только распределять на максимально широком фронте (не нарушая единства действий), но и максимально рассредоточивать (не нарушая целостности частей). Это особенно важно в условиях применения атомного оружия. Развитие радиосвязи дало возможность рассредоточивать войска и в то же время обеспечить бесперебойное управление ими. Вместо простой идеи массированного удара сосредоточенными силами мы должны в зависимости от обстановки выбирать один из следующих трех вариантов:

- 1) наступление рассредоточенными силами на один объект;
- 2) наступление рассредоточенными силами последовательно на несколько объектов.
- 3) наступление рассредоточенными силами одновременно на несколько объектов.

В новых условиях ведения войны совокупный эффект частных успехов на нескольких направлениях или даже только угрозы нескольким объектам может оказаться более значительным, чем эффект от полного успеха в одном каком-либо месте

Эффективность действий армий зависит от развития новых методов, цель которых состоит: 1) в просачивании войск через линию фронта и установлении контроля над территорией, а не в захвате оборонительных рубежей; 2) в практически возможной парализации действий противника, а не в теоретически мыслимом разгроме его сил. Текучесть может обеспечить успех там, где концентрация сил лишь создает опасную жесткость.

Глава XX.

Сущность стратегии и тактики

В настоящей главе сделана попытка дать в сжатой форме, опираясь на историю войн, несколько основных положений, вытекающих из опыта, которые кажутся настолько универсальными и бесспорными, что их можно назвать аксиомами.

Эти положения служат практически руководством к действию, а не абстрактными принципами. Когда Наполеон формулировал свои правила, он понимал, что полезным является только практическое. Но в настоящее время наблюдается тенденция выявить принципы, которые можно было бы выразить одним словом, но которые потребовали бы для своего объяснения нескольких тысяч слов. Но даже и тогда эти "принципы" являются настолько абстрактными, что разные люди понимают их по-разному, и при любой значимости трактовка их зависит от того, как оценивает войну тот или иной человек. Чем дольше продолжаются поиски таких всеисильных абстракций, тем больше они оказываются миражом, недостижимым и ничего не дающим, разве только гимнастику для ума.

Не только один принцип, но и все принципы войны можно выразить одним словом - "сосредоточение". Но правильнее будет сказать несколько шире сосредоточение силы против слабости. Для того чтобы этим принципом можно было пользоваться, необходимо разъяснить, что сосредоточение силы против слабости зависит от рассредоточения сил противника, в свою очередь зависящего от распределения ваших собственных сил, имеющего вид и частичный эффект рассредоточения. Ваше рассредоточение, его рассредоточение, ваше сосредоточение - такова должна быть последовательность действий, причем каждое последующее действие является результатом предыдущего. Подлинное сосредоточение сил - это результат предварительного их рассредоточения.

Итак, мы имеем основной принцип, правильное понимание которого может помешать совершению главной (и наиболее распространенной) ошибки, а именно: дать вашему противнику возможность свободы действий и время для сосредоточения своих сил против вашего сосредоточения. Но сформулировать принцип еще не значит оказать практическую помощь в его реализации.

Приведенные в этой книге аксиомы (сформулированные нами в качестве принципов) хоть и нельзя облечь в одно слово, но можно выразить тем минимальным количеством слов, которым удобно пользоваться. Пока есть всего восемь принципов, из которых шесть являются позитивными и два негативными. Они применимы как в тактике, так и в стратегии, если нет специальных оговорок.

Позитивные принципы

1. Выбирайте цель по своим средствам. При определении цели следует руководствоваться здравым смыслом и трезвым расчетом. Бессмысленно "откусывать больше, чем можете проглотить". Первым признаком военной мудрости является умение отличить возможное от невозможного. Учитесь смотреть в лицо фактам, не теряя веры в свои силы. Вера очень понадобится (та вера, которая помогает достигнуть, казалось бы, невозможного), когда начнутся боевые действия. Уверенность подобна электрическому току в батарее. Не допускайте истощения ее в напрасной трате сил. Помните, что ваша уверенность будет бесполезной, если элементы вашей батареи - люди, от которых вы зависите, - будут морально подавлены.

2. Никогда не забывайте о цели, когда вы приводите свой план в соответствие с изменившейся обстановкой. Имейте в виду, что вашей цели вы можете достигнуть различными путями, но следите за тем, чтобы захват каждого промежуточного объекта приближал вас к намеченной цели. При выборе объектов оцените возможность их захвата и то, в какой степени это скажется на достижении основной цели. Плохо отклониться в сторону, но еще хуже оказаться в безвыходном положении.

3. Выбирайте для своих действий такое направление, откуда противник меньше всего ожидает удара. Поставьте себя на место противника и решите за него, какое направление он будет считать для себя менее опасным и поэтому не примет соответствующих предупредительных мер.

4. Действуйте по линии наименьшего сопротивления, придерживайтесь такого направления до тех пор, пока сможете без лишних потерь продвигаться к намеченному объекту, захват которого приблизит вас к вашей цели (В тактике этот принцип распространяется на использование резервов, а в стратегии - на развитие любого тактического успеха.)

5. Выбирайте направление, на котором может быть создана одновременная угроза нескольким объектам. Тем самым вы поставите противника перед дилеммой и, воспользовавшись этим, сможете захватить по крайней мере хотя бы один менее защищенный объект, а может быть, и другие объекты.

Наличие одновременной угрозы нескольким объектам создает благоприятные предпосылки для захвата одного из них. Если же вы наметите только один объект, в этом случае противник не окажется беспомощно слабым, и вы наверняка потерпите фиаско, поскольку противник будет знать направление вашего удара. Нет более распространенной ошибки, чем смешение понятий "выбор одного направления действий", что обычно является правильным, и "выбор одного объекта" для нанесения удара, что обычно не увенчивается успехом. (Этот принцип применим главным образом в стратегии, но его следует применять где только возможно и в тактике. В сущности он является основой тактики просачивания войск.)

6. Обеспечьте гибкость вашего плана и диспозиции войск с учетом возможных изменений в обстановке. В плане вы должны предусмотреть и разработать дальнейшие мероприятия на случай успеха, неудачи или частичного успеха, что чаще всего бывает во время войны. Диспозиция ваших войск (или их группировка) должна быть такой, чтобы она давала возможность в короткий срок развить наметившийся успех или произвести перегруппировку применительно к новой обстановке.

Негативные принципы

7. Не наносите удар всеми силами, пока противник на чеку, т.е. когда он занимает выгодные позиции для отражения удара или уклонения от него. История учит, что если противник не слишком слаб, невозможно нанести ему эффективный удар, пока не парализована сила его сопротивления или способность уклоняться от удара. Поэтому ни один командир не должен наносить удар противнику, закрепившемуся на позиции, до тех пор пока не убедится в том, что противник парализован. Паралич противника достигается его дезорганизацией и ее моральным эквивалентом - деморализацией

8. Не возобновляйте наступления на том же направлении (или в той же группировке) после того, как оно потерпело неудачу. Простое усиление войск не является достаточным основанием для возобновления наступления, поскольку противник также сможет в период затишья усилить свои войска. Кроме того, вполне вероятно, что успешное отражение противником вашего предыдущего наступления укрепит его и в моральном отношении

В дополнение к этим принципам для обеспечения успеха должны быть решены две основные задачи: нарушить устойчивость противника и развить успех. Первая задача выполняется до нанесения удара, вторая - после нанесения удара. Сам удар по сравнению с этими двумя задачами является довольно несложным актом. Вы не сможете нанести противнику эффективный удар, если сначала не создадите для этого благоприятные условия. Вы не сможете довести этот удар до решающего результата, если не используете вторую благоприятную возможность, которая появится прежде, чем противник сможет прийти к себе.

Важность этих двух задач никогда в достаточной степени не учитывалась, вследствие чего большинство войн не приводило к решающему результату. При подготовке войск основное внимание обращается на детальную отработку элементов наступательного боя. Такое сосредоточение усилий на отработке тактических приемов затеняет значение психологического элемента. Войска приучаются действовать по шаблону, вместо того чтобы применять внезапные действия. Командиры настолько боятся допустить какую-нибудь ошибку в своих действиях, нарушить уставные положения, что забывают о необходимости заставить противника сделать неправильный шаг. Вследствие этого их планы успеха не имели. Ведь именно серьезные ошибки, допускаемые в ходе войны, очень часто оказывают решающее влияние.

Иногда командир, избегнув очевидного, находит в неожиданном ключ к решению задачи, если счастье ему не изменило. Счастье нельзя отделить от войны, так как сама война составляет часть жизни. Неожиданные действия не могут гарантировать успех. Однако они гарантируют лучшие шансы на успех.

Глава XXI.

Государственная цель и цель военных действий

Говоря о цели войны, необходимо хорошо представить себе различие между политической и военной целями. Эти цели различны, но тесно связаны между собой, ибо страны ведут войну не ради самой войны, а ради достижения политической цели. Военная цель является только средством достижения политической цели. Следовательно, военная цель должна определяться политической целью, причем следует соблюдать основное условие - не ставить неосуществимые военные цели.

Таким образом, изучение этой проблемы должно начинаться с политики и ею заканчиваться.

Термин "объект", хотя и распространенный, не является удобным для пользования. В нем заложен физический и географический смысл, и, следовательно, он может внести путаницу. Было бы лучше пользоваться терминами "цель", когда речь идет о цели политики, и "военная цель", говоря об использовании вооруженных сил в интересах политики.

Цель войны - добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны. Следовательно, ведя войну, важно постоянно помнить, какой мир вам нужен. Это относится в одинаковой степени как к агрессивным странам, домогающимся расширения своей территории, так и к миролюбивым, которые борются за самосохранение, хотя взгляды агрессивных и [386-387] миролюбивых стран на то, что такое "лучшее состояние мира", весьма различны.

История показывает, что достижение военной победы само по себе не равносильно достижению цели политики. Но так как вопросами войны занимаются в основном военные, естественно, проявляется тенденция забывать об основной цели государства и отождествлять ее с военной целью. Вследствие этого всякий раз, когда начиналась война, политика слишком часто определялась военной целью. Последняя считалась конечной целью, а не

просто средством достижения политической цели.

Хуже того, вследствие непонимания правильного соотношения между политической и военной целями, между политикой и стратегией, военная цель извращалась и слишком упрощалась.

Для правильного понимания этой сложной проблемы необходимо выяснить, как развивалась военная мысль в этом вопросе за последние два столетия и какие были концепции.

В течение более ста лет полагали, что настоящей целью войны является "уничтожение главных сил противника на поле боя". Это было всеми признано, записано во всех военных уставах, изучалось во всех штабных школах и считалось основным каноном военной доктрины. Если какой-либо государственный деятель позволял себе усомниться в том, соответствует ли такая цель при всех обстоятельствах цели государства, то на него смотрели как на человека, нарушающего Священное писание. Это видно из изучения официальных документов и мемуаров военных руководителей воевавших стран, в частности в Первую Мировую войну, а также и после нее.

Такое абсолютное правило удивило бы знаменитых полководцев и военных теоретиков, живших до XIX в. Они считали практически необходимым и разумным ставить цель в зависимости от наличных сил и проводимой политики.

Влияние Клаузевица

Положение о том, что истинной целью войны является уничтожение главных сил противника на поле боя, стало догмой главным образом в результате влияния Клаузевица (а после смерти - его книги) на прусских полководцев и, в частности, на Мольтке; победы Пруссии в 1866 и 1870 г. способствовали тому, что это положение было принято всеми армиями мира, которые копировали многие характерные черты прусской системы. Поэтому очень важно рассмотреть теории Клаузевица.

Как очень часто бывает в истории, последователи Клаузевица довели его учение до такой крайности, которой сам Клаузевиц и не предполагал.

Общей судьбой пророков и мыслителей во всех областях науки является неправильное истолкование их учения. Преданные своему учителю, но не разобравшиеся в вопросе о целях войны, ученики Клаузевица причинили больше вреда его первоначальной концепции, чем даже предубежденные и недальновидные его противники. Однако нужно признать, что сам Клаузевиц больше, чем кто-либо другой, вызвал неправильное истолкование своей теории. Будучи учеником Канта, он овладел философской формой изложения, не являясь философом в полном смысле этого слова. Его теория войны изложена слишком абстрактно и путано, и поэтому обычный военный, привыкший мыслить конкретно, сбивался с толку, следуя за ходом его аргументации, которая часто возвращалась назад с направления, по которому, казалось, вела. Находясь под впечатлением довольно путаных формулировок Клаузевица, он хватался за яркие, броские фразы, постигая только их поверхностный смысл и упуская из виду более глубокое содержание мыслей Клаузевица.

Величайший вклад Клаузевица в теорию войны состоял в подчеркивании значения психологических факторов. Выражая протест против модной в то время геометрической школы стратегии, он показал, что человеческий дух безгранично важнее, чем линии и углы оперативных построений. С глубоким пониманием он анализировал влияние на военные действия опасения и усталости, значение смелости и решительности.

Однако именно ошибки Клаузевица оказали значительное влияние на последующий ход истории.

Клаузевиц слишком переоценивал сухопутные силы, что не давало ему возможности правильно оценить значение морской мощи. Он проявил близорукость, ибо на самом пороге механизированного периода войны заявил о своей уверенности в том, что превосходство в численности приобретает с каждым днем все более решающее значение. Такая заповедь усилила инстинктивный консерватизм военных, их сопротивление использованию новой формы превосходства, которая становилась все более возможной в связи с изобретением

машин. Она также дала мощный толчок к повсеместному введению воинской повинности как самого простого средства обеспечения максимально возможной численности войск. Поскольку психологические факторы игнорировались, это означало, что армии стали больше подвержены панике и внезапному развалу. Раньше, хотя и не всегда, все же стремились формировать войска из хорошо вымуштрованных солдат.

Клаузевиц не внес каких-либо новых и ярких прогрессивных идей в тактику и стратегию. Он не творил, не двигал мысль вперед, а только систематизировал проблемы. Его учение не оказало такого революционного влияния на ведение войны, как теория дивизионной системы, созданная в XVIII в., или теория использования подвижных бронетанковых войск в XX в.

Но то чрезмерное внимание, которое Клаузевиц уделял изучению некоторых отсталых форм войны при попытке обобщить опыт наполеоновских войн, помогло тому, что можно назвать "революцией наоборот" - назад к племенной войне.

Военная цель по Клаузевицу

При определении военной цели Клаузевиц увлекся формальной логикой. Он писал, что "цель военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника" и что "это определение является необходимым для теоретического понимания войны".

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем та жертва, которую мы от него требуем при этом; конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ставить противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, - это полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его и поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его".

Влияние Канта можно проследить в дуализме Клаузевица. Клаузевиц верил в совершенный (военный) мир идеалов, признавая в то же время временный мир, в котором эти идеалы могли быть достижимы не полностью. Он указывал на различие между военным идеалом и тем, что он назвал "изменениями под влиянием действительности". Клаузевиц, например, писал, что, "витая в области отвлеченных понятий, рассудок никогда не находит пределов и доходит до последних крайностей... Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности". Если абстрагироваться, то цель войны, т.е. полное разоружение врага, далеко не всегда удается и не является необходимым условием для мира.

Склонность Клаузевица к крайностям видна и в его рассуждениях о бое как о средстве, с помощью которого можно достигнуть цели войны. Он начинает с удивительного утверждения, что единственным средством окончить войну является борьба: "Средство только одно - бой". Пространной аргументацией он доказывает, что при любой форме военной деятельности "бой является начальным пунктом, от которого исходят все явления войны"; тщательно доказав то, во что большинство готово поверить без доказательств, Клаузевиц заявляет, что "цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений".

Кроме того, Клаузевиц считал, что "затрата собственных вооруженных сил *ceteris paribus*³² тем значительнее, чем больше ориентированы наши намерения на уничтожение неприятельских, сил. Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее

величайшими невыгодами".

Здесь Клаузевиц сам пророчески предсказал, что должно было случиться с теми, кто придерживался его принципов в Первой и Второй Мировых войнах. Ибо для потомства сохранилась идеальная, а не практическая сторона его учения о бое. Он помог внести путаницу, заявляя, - что все другие средства применяются только для того, чтобы избежать риска боя. Он внушил своим ученикам неверное представление о действительности, делая упор на абстрактном идеале.

Мало кто мог проследить за его сложными логическими построениями или не дать сбить себя с толку жонглированием философскими терминами. Но каждому запомнились такие звучные фразы Клаузевица, как:

"Война обладает только одним средством - боем";

"Кровавое разрешение кризиса, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил - первородный сын Войны";

"Лишь крупные бои общего характера дают крупные результаты";

"Мы и слышать не хотим о тех полководцах, которые будто бы побеждали без пролития человеческой крови".

Многочратным повторением таких фраз Клаузевиц затуманил суть своей и без того не ясной философии, превратив ее в простой припев прусской марсельезы, которая воспламеняет кровь и отравляет мозг. Философия Клаузевица стала доктриной, годной для подготовки капралов, а не генералов. Его учение, согласно которому бой есть единственная настоящая форма военной деятельности, лишает стратегию ее лавров и снижает военное искусство до техники массовой резни. Более того, философия Клаузевица побуждает генералов стремиться к бою при первой возможности, вместо того чтобы попытаться сначала создать благоприятные условия для него.

Клаузевиц способствовал последующему упадку военного искусства и такими часто цитируемыми словами:

"Некоторые филантропы могли бы, пожалуй, вообразить, что обезоружить и сокрушить противника можно искусственным образом, без особого кровопролития и что к этому именно и должно было бы стремиться военное искусство... Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять".

Очевидно, когда Клаузевиц говорил это, он не задумался над тем, что все мастера военного искусства, включая самого Наполеона, считали истинной целью военного искусства как раз то, что Клаузевиц открыто осуждал.

Изречением Клаузевица и впредь будут прикрываться бесчисленные путаники, чтобы найти извинение своим прямым действиям, приводящим к бесполезным жертвам, и даже оправдать их.

Вредное влияние теории Клаузевица было усилено вследствие той настойчивости, с которой он постоянно подчеркивал решающее значение численного превосходства. Однако в то же время он с большой проницательностью указывал, что "внезапность лежит более или менее в основе всех предприятий, ибо без нее численное превосходство на решительном пункте, собственно, является невыносимым". Но его последователи под впечатлением более частого подчеркивания Клаузевицем значения численности стали рассматривать в качестве основного средства для достижения победы одну только массу войск.

Клаузевиц о цели войны

Еще более вредное воздействие на развитие военного искусства оказало теоретическое изложение и превозношение Клаузевицем идеи "абсолютной" войны. Путь к успеху, по его мнению, лежит через неограниченное применение силы. Доктрина, которая начинается с определения войны только как "продолжения политики государства другими средствами", привела к противоречию, сделав политику рабом стратегии, и притом плохой стратегии.

Эта тенденция стимулировалась прежде всего изречением Клаузевица, что "введение... в философию войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд". Война является актом насилия, доведенного до крайней степени.

Это заявление послужило основой для нелепейшей современной тотальной войны. Выдвинутый Клаузевицем принцип применения силы без всякого ограничения и без учета того, во что это обойдется, годен только для толпы, доведенной ненавистью до бешенства. Это отрицание искусства управления государством и разумной стратегии, которая старается служить целям политики.

Если война является продолжением политики, как об этом заявил Клаузевиц, то она должна вестись с расчетом на обеспечение послевоенных интересов. Государство, которое тратит свои силы до истощения, делает несостоятельной собственную политику.

Клаузевиц сам смягчил свой принцип "неограниченного применения силы" признанием того факта, что политическая цель как первоначальный повод к войне должна быть мерой как при определении цели, которая ставится перед вооруженными силами, так и при определении усилий, которые нужно приложить.

Еще более многозначительной является его мысль, что стремление к логической крайности привело бы к тому, что средства потеряли бы всякую связь с конечной целью и в большинстве случаев при приложении максимальных усилий достижение цели стало бы невозможным под давлением внутренних противодействующих сил.

Классический труд Клаузевица "О войне" был результатом двенадцатилетних напряженных размышлений. Если бы автор мог посвятить еще больше времени размышлениям о войне, он, возможно, пришел бы к более логичным и четким выводам. По мере изучения вопроса его мысли становились иными, более глубокими. К сожалению, смерть от холеры в 1830 г. не дала ему возможности закончить свою работу. Труд Клаузевица был опубликован женой только после его смерти. Рукописи были найдены в нескольких опечатанных пакетах с многозначительным пророческим пояснением:

"Если преждевременная смерть прервет эту мою работу, то все, что здесь написано, справедливо может быть названо бесформенной массой идей; подвергшись превратным толкованиям, они могут послужить материалом для злословия многих незрелых критиков".

Если бы не преждевременная смерть от холеры, то труды Клаузевица не причинили бы столько вреда. Ибо имеются важные указания на то, что в результате постепенной эволюции своего мышления Клаузевиц подошел к отказу от первоначальной концепции "абсолютной войны" и к пересмотру всей своей теории на более здоровой основе.

В результате была создана благоприятная почва для возникновения значительно больших, чем предчувствовал сам Клаузевиц, искажений его учения. Всеобщее признание теории неограниченной войны причинило большой вред цивилизации. Учение Клаузевица, воспринятое без достаточного его осознания, окапало значительное влияние на причины и характер Первой Мировой войны. Будет вполне логично сказать, что оно же привело и ко Второй Мировой войне.

Развитие военной теории после Первой Мировой войны

Ход и результаты Первой Мировой войны дали достаточный повод для того, чтобы усомниться в справедливости теории Клаузевица, по крайней мере в интерпретации его преемников. На суше было проведено бесчисленное множество боев и сражений, которые не дали решающих результатов. Но ответственные руководители не торопились согласовать свою цель со сложившимися условиями или разработать новые средства, дающие больше возможностей для достижения цели. Вместо того чтобы заняться возникшими перед ними новыми проблемами, они все свои надежды возлагали на теорию Клаузевица, доведя применение ее до крайних пределов, чрезмерно истощив свои силы в погоне за идеалом достижением полной победы с помощью боя и сражения, - который так и не был достигнут.

То, что одна из воюющих сторон была окончательно разгромлена, объяснялось главным образом нехваткой продовольствия вследствие морской блокады, а не потерями живой силы в сражениях. Однако следует отметить, что кровь, пролитая в бесплодных немецких наступлениях 1918 г. и упадок духа в связи с явными неудачами немецкого командования ускорили поражение Германии. Если противостоящие государства благодаря этому добились подобия победы, то их усилия при достижении этого как в моральном, так и

в физическом отношении оказались настолько перенапряженными, что они, эти кажущиеся победители, не смогли закрепить свои позиции после войны.

Стало очевидным, что с теорией или, по крайней мере, с ее применением на практике было не совсем благополучно в отношении как тактики, так и стратегии и политики. Ужасные потери, понесенные при тщетном стремлении достигнуть "идеальной" цели, и послевоенное истощение номинальных победителей показали, что необходим тщательный пересмотр всей проблемы политической и военной цели.

Кроме этих негативных факторов, были также и некоторые позитивные соображения, побуждавшие к пересмотру военной теории. Одним из них является та решающая роль, которую военно-морские силы оказали, не проводя решающих сражений на море, на поражение центральных держав, производя на них экономическое давление. Возникает вопрос, не была ли основная ошибка Англии в том, что, отойдя от своей традиционной стратегии, она переключила большую часть своих усилий, которые обошлись ей страшно дорого, на длительную попытку добиться решающей победы на суше?

Имеются еще два других соображения. В связи с развитием военно-воздушных сил появилась возможность наносить удары по экономическим и политическим центрам противника без предварительного уничтожения его главных сил на поле боя. Военно-воздушные силы могут достигнуть прямой цели непрямым путем, избегая сопротивления, вместо того чтобы сначала преодолеть его.

Вместе с тем развитие бензинового мотора и гусеничного движителя открыло перспективу создания высокоподвижных механизированных сухопутных войск. Механизация войск, в свою очередь, увеличила шансы разгрома главных сил противника без необходимости ведения крупных сражений. Разгром противника стал возможным благодаря нарушению механизированными войсками линий снабжения и управления противника, а также прорывам танков в глубокий тыл противника. Механизированные сухопутные войска нового типа, так же как и военно-воздушные силы, хотя и в меньшей степени, могут наносить прямые удары в сердце и по нервной системе вражеской страны.

Если военно-воздушные силы могут успешно наносить прямые удары с помощью особой формы не прямых действий - перелетая через линию фронта, то танки могут совершать их путем не прямых действий на земле, обойдя "препятствие" - армию противника. Обратясь к аналогии, можно сказать, что военно-воздушные силы представляют собой нечто вроде коня на шахматной доске, а действия бронетанковых войск подобны ходам королевы. Эта аналогия, конечно, не передает их относительного значения, так как военно-воздушные силы сочетают способность коня ходить через головы других фигур со способностью королевы ходить во всех направлениях. С другой стороны, механизированные сухопутные войска, хотя они и не могут ходить подобно коню, способны удерживать территорию, которую они захватили.

Развитие воздушных сил и механизированных войск неизбежно окажет глубокое влияние на военную цель и выбор объектов в будущей войне.

Они увеличили возможность военных действий против гражданских объектов, экономических и моральных, причем эффект этих действий повысился. Возросла также дальность боевых действий против военных объектов, которая сделала возможной победу над противостоящей армией путем парализации ее некоторых жизненно важных органов, вместо физического ее разгрома в тяжелом сражении. Сведение на нет сопротивления путем парализации способности сопротивляться обеспечивает гораздо большую экономию сил, чем фактическое преодоление сопротивления, которое всегда является более длительным процессом и обходится победителю дороже. Военно-воздушные силы создали новые возможности для такого паралича вооруженного сопротивления, не считая способности военно-воздушных сил обходить препятствия и наносить удары по гражданским объектам во вражеской стране.

Суммарный эффект такой возросшей подвижности как на аемле, так и в воздухе привел к увеличению мощи вооруженных сил и повышению значения стратегии по сравнению с

тактикой. В будущих войнах высшие командиры в отличие от их предшественников будут стремиться достигать решающих результатов скорее всего движением, а не сражениями.

Хотя значение успеха решающего сражения не исчезает и шансы к этому с появлением новых подвижных средств возрастают, все же само сражение не будет иметь старой, традиционной формы. Оно станет более похожим на естественное завершение стратегического маневра. Поэтому называть такую завершающую операцию "сражением" совершенно неправильно.

К сожалению, те, кто возглавлял армии после Первой Мировой войны, не торопились признать необходимость нового определения цели войны в свете изменившихся условий и средств войны.

К сожалению, и те, кто возглавлял военно-воздушные силы, также чересчур беспокоились о том, чтобы отстоять свою независимость, и, таким образом, слишком узко сосредоточивали свое внимание на использовании возможностей ударов по гражданским объектам, невзирая на то, что эти удары дают ограниченные и даже отрицательные результаты. Полные естественного энтузиазма в отношении нового вида вооруженных сил, представителями которых являлись, они были чрезмерно уверены, что военно-воздушные силы своими ударами смогут вызвать быстрый подрыв морального духа населения противной стороны или осуществить экономическую блокаду интенсивнее и быстрее, чем военно-морские силы.

Опыт Второй Мировой войны

Когда началась война, небольшие по количеству новые сухопутные войска механизированного типа, которые были созданы, полностью оправдали возложенные на них надежды, показав, что могут дать решающий эффект при использовании их для нанесения ударов на большую глубину по стратегическим объектам.

Соппротивление Польши прекратилось через несколько недель главным образом в результате действий только шести немецких танковых дивизий. Только десять танковых дивизий немцев, еще до того как вступила в действие основная масса пехоты немецкой армии, в сущности решили исход так называемой "Битвы за Францию", в результате чего стало почти неизбежным падение всех западных государств. Завоевание Запада было закончено всего лишь в течение одного месяца, причем оно удивительно дешево обошлось победителю. "Кровопролитие" было весьма незначительное, а на решающем этапе и вообще пустяковое по стандартам Клаузевица.

Хотя эта молниеносная победа и была достигнута в результате действий против военных объектов, однако главную роль сыграли маневры, имевшие скорее стратегический, чем тактический характер.

Более того, эффект от нарушения коммуникаций противника и его системы управления при продвижении на большую глубину с трудом можно отделить от сопутствующего ему эффекта - падения морального духа населения и нарушения устоев гражданской жизни.

Словом, это можно считать доказательством, хотя бы частичным, новой эффективности действий против гражданских объектов.

То же самое можно сказать и в отношении еще более быстрого завоевания Балкан в апреле 1941 г., которое еще раз продемонстрировало парализующее действие новых средств войны и их стратегического применения. Сражения при завоевании Балкан не играли значительной роли, и успех был достигнут чем угодно, но только не уничтожением войск противника.

Когда дело дошло до вторжения в Россию, была сделана попытка применить другой метод. Многие из немецких генералов, особенно начальник Генерального штаба Гальдер, выражали недовольство тенденцией Гитлера наносить удар скорее по экономическим, чем по военным объектам. Однако анализ оперативных приказов и собственные заявления генералов не подтверждают это обвинение. Хотя Гитлер и был склонен думать, что удар по экономическим объектам оказался бы более эффективным, однако ясно то, что в критический период кампании 1941 г. он согласился с мнением Генерального штаба о

необходимости решительных сражений. Такие действия не дали решающих результатов, хотя немцы одержали несколько больших побед, причем русским были нанесены огромные потери.

Остается открытым вопрос: дало бы более решающие результаты сосредоточение усилий против экономических объектов? Некоторые немецкие генералы считают, что шансы разгрома Советской России были потеряны в результате того, что немцы пытались выиграть сражения "классическим" путем, вместо того чтобы как можно быстрее прорваться к политическим и экономическим центрам страны, какими являются Москва и Ленинград, что и предлагал сделать Гудериан, выдающийся представитель новой школы механизированной маневренной войны. В этом основном вопросе Гитлер встал на сторону ортодоксальной школы.

При проведении немцами молниеносных наступательных операций их военно-воздушные силы действовали совместно с механизированными войсками, парализуя и морально подавляя войска противника и его народ. Эффект действий авиации был огромен, и можно с уверенностью сказать, что он во всяком случае был не меньше эффекта действий танковых войск. При любой оценке условий, которые сделали возможным появление нового вида молниеносной войны - блицкрига, эти два средства войны нельзя противопоставлять друг другу.

Еще больший результат был достигнут английскими и американскими военно-воздушными силами, обеспечившими успехи союзных армий и военно-морских сил на последних этапах войны. Именно благодаря действиям военно-воздушных сил союзников стала возможной высадка союзных войск на континенте Европы, а затем их уверенное наступление, завершившееся победой. Своими действиями против военных объектов, особенно коммуникаций, союзная авиация оказала решающее влияние на способность немецких войск организовать отпор наступлению союзников.

Однако штабы военно-воздушных сил союзников никогда не проявляли особого стремления к проведению воздушных операций совместно с наземными войсками. Напротив, они предпочитали самостоятельные операции против "гражданских" объектов, т. е. наносить удары по промышленным центрам противника.

Целью этих ударов являлось оказание непосредственного экономического и морального воздействия на противоборствующую страну в надежде, что это приведет к более решаемому и быстрому результату, чем совместные действия против вооруженных сил противника.

Хотя авиационные штабы союзников и называли эти операции "стратегическими бомбардировками", однако этот термин по существу был неправильным, так как такая цель и такие действия относятся к области большой стратегии. Такие бомбардировки было бы более правильно называть "бомбардировками в целях большой стратегии" или, если этот термин кажется слишком громоздким, "промышленными бомбардировками". Такое название охватывает как моральный, так и экономический эффект.

Действительный эффект таких бомбардировок с точки зрения вклада в победу оценить очень трудно, несмотря на весьма подробные исследования. Оценка значения этих бомбардировок как их сторонниками, так и противниками по тем или иным причинам весьма противоречива. Кроме этого, правильной оценке мешало и делало ее почти невозможной наличие большого количества *imponderabilia*³³, которых при воздушных бомбардировках даже больше, чем при любых других видах военных действий.

Пожалуй, будет правильным сказать - даже при сравнительно положительной оценке действий стратегической авиации по промышленным объектам, - что все же они были менее решающими, чем действия авиации против стратегических объектов в военной сфере. Во всяком случае, решающий характер их результатов был гораздо менее очевиден. При детальном изучении этапов войны становится также ясным, что результаты действий стратегической авиации против промышленных центров всегда оказывались значительно ниже тех, на которые рассчитывало командование стратегических ВВС.

Еще виднее исключительно вредное влияние бомбардировок промышленных центров на послевоенную обстановку. Кроме колоссальных разрушений, которые трудно восстановить, бомбардировки оставляют внешне менее заметные, но сохраняющиеся в течение более продолжительного времени социальные и моральные последствия. Такого рода действия авиации неизбежно создают серьезную угрозу сравнительно непрочным основам цивилизованной жизни. Эта общая опасность в настоящее время значительно возросла в связи с появлением атомной бомбы.

Здесь мы подошли к основному различию между стратегией и большой стратегией. Если стратегия имеет дело только с проблемой обеспечения военной победы, то большая стратегия должна смотреть вперед, так как перед ней стоит задача - обеспечить мир после войны. Так рассуждать - значит не поставить телегу впереди лошади, а просто внести ясность, где место лошади, а где - телеги.

Действия авиации против объекта, который по существу является "гражданским", относятся к области большой стратегии. Поэтому их и надо рассматривать под таким углом зрения. По своему характеру гражданские объекты не должны подвергаться бомбардировке. Поэтому было бы нецелесообразным использовать эти объекты в качестве военных целей даже в том случае, если бы решающее значение их подавления было более убедительно доказано (или, по крайней мере, более ясно продемонстрировано) .

Дальнейший пересмотр военной теории

При попытке пересмотреть ту или иную теорию и приспособить ее к новым условиям необходимо изучить ее источники, если имеется желание внести коррективы в выводы. Насколько известно автору этой книги, он первым после войны 1914-1918 гг. пересмотрел широко распространенные взгляды на цели войны, унаследованные от Клаузевица. После того как автор критически разобрал взгляды Клаузевица в ряде статей, опубликованных в военных журналах, он более подробно осветил этот вопрос в своей книге "Paris, or the Future of War", вышедшей в 1925 г.

Эта небольшая по объему книга начинается с критики тех действий, с помощью которых воюющие страны пытались достичь в Первую Мировую войну своей ортодоксальной цели - "уничтожения главных сил противника на поле боя". В ней отмечается, что эти действия привели к взаимному истощению воюющих стран, причем решающих результатов достигнуто не было. Далее речь идет о преимуществах "моральных целей", показано: 1) как танковые войска могут наносить решительные удары по "ахиллесовой пяте" армии противника по его узлам связи и крупным штабам, которые составляют нервную систему противника; 2) как военно-воздушные силы, кроме взаимодействия с сухопутными войсками в этих стратегических действиях, могут самостоятельно наносить решающие удары по нервной системе государства - по его "крупным гражданским центрам" промышленности.

Генеральный штаб дал указание, чтобы книга "Paris, or the Future of War" использовалась в качестве учебного пособия для офицеров первых экспериментальных механизированных войск, которые были сформированы двумя годами позже (в 1927 г.). Штаб военно-воздушных сил, естественно, использовал эту книгу еще полнее, так как тогда отсутствовали учебники по стратегии военно-воздушных сил, а развивавшиеся взгляды командования ВВС по этому вопросу совпадали с выраженными в книге. Начальник штаба военно-воздушных сил направил экземпляры этой книги нижестоящим начальникам авиационных штабов.

Мысли, которые я излагаю сейчас, после длительных размышлений, представляют собой пересмотр того, что было написано мною четверть века назад, признание ошибок, допущенных в то время. Это показывает, как, пытаясь исправлять излишний крен в одну сторону, легко впасть в другую крайность. Т. Э. Лоуренс в письме, которое он адресовал мне в 1928 г., писал:

"Система взглядов Клаузевица слишком уж логична. Она сбивает с толку его последователей, по крайней мере тех из них, которые предпочитают драться оружием, а не

ногами... В настоящее время вы пытаетесь (при очень малой помощи со стороны тех, кто обязан думать о своей профессии) устранить крен сразу же после оргии последней войны. Когда вам это удастся (примерно в 1945 г.), ваши послушные последователи перейдут границы, установленные вами, и пойдут назад под влиянием нового стратега. Мы движемся то вперед, то назад".

В 1925 г. я сам зашел слишком далеко, доказывая преимущества нанесения воздушных ударов по гражданским объектам. Однако вскоре я несколько исправил свою ошибку, подчеркнув, что важно эту задачу выполнить таким путем, чтобы "постоянный ущерб был по возможности наименьшим, так как сегодняшний противник завтра будет нашим покупателем, а послезавтра - нашим союзником" Тогда я был убежден, что "решительное воздушное нападение причинит меньше разрушений, чем длительная война, и меньше истощит силы противной стороны, которые ей понадобятся в будущем для восстановления разрушенного".

При дальнейшем изучении этого вопроса я пришел к выводу, что воздушное нападение на промышленные центры не может дать немедленный решающий результат. Такое нападение, вероятнее всего, приведет к появлению новой формы продолжительной войны на истощение, которая, возможно, принесет меньше жертв, но будет более разрушительной, чем война 1914-1918 гг. Однако штаб военно-воздушных сил был гораздо менее склонен соглашаться с пересмотренным выводом, чем с прежним. Он продолжал лелеять надежду на достижение быстрого решения. Когда опыт войны заставил их отказаться от этого, они бросились в другую крайность: стали рассчитывать на промышленное истощение противника. Военно-воздушные силы начали проводить бомбардировку промышленных центров с таким же рвением, с каким в Первую Мировую войну Генеральный штаб проводил операции на истощение людских ресурсов.

Тем не менее осознание того, что бомбардировка гражданских объектов приводит к отрицательным результатам, не означает восстановления старого понятия о "сражении" как о главной цели. Отрицательные стороны формулы Клаузевица в достаточной степени выявились в ходе Первой Мировой войны. В противоположность этому Вторая Мировая война показала преимущества и новые потенциальные возможности не прямых, или стратегических, действий против военных объектов, достаточно подтвердив то, что предсказывалось в этом отношении. Даже в далеком прошлом некоторые великие полководцы эффективно проводили такие не прямые действия, несмотря на ограниченность средств войны в то время. Но в настоящее время с появлением новых средств войны эти действия приобрели еще большее значение, невзирая на увеличившуюся силу тактического сопротивления. Новая, более высокая подвижность войск привела к увеличению гибкости при выборе направления удара и создания угрозы, что дало возможность "обезоруживать" тактическое сопротивление противника.

Пришло время снова пересмотреть взгляды на такие понятия, как объект или военная цель, в свете последнего опыта и современных условий. Весьма желательно, чтобы это было сделано совместными усилиями армии, флота и авиации, которые должны выработать согласованное решение, ибо в настоящее время имеется опасное расхождение взглядов на военную доктрину.

Основные положения пересмотренной теории удовлетворяют современным условиям, и автор надеется, что в процессе обсуждения этого вопроса представление о теории стало более полным. Основная мысль заключается в том, чтобы ввести термин "стратегическая операция" вместо термина "сражение", который является старым понятием, потерявшим в настоящее время свое значение. Сражения могут иметь место и в будущем, но они не должны рассматриваться как самоцель. Повторим ранее сделанный вывод, который полностью подтвердился во время Второй Мировой войны: "Истинная цель войны состоит не столько в том, чтобы навязать противнику сражение, сколько в том, чтобы создать такую выгодную стратегическую обстановку, которая если сама по себе и окажется недостаточной, чтобы привести к победе, то посредством сражения обеспечит победу наверняка".

Глава XXII.

Большая стратегия

В данной книге речь идет о военной стратегии, а не о большой стратегии, или, иначе говоря, не о военной политике. Для того чтобы полностью осветить эту более широкую тему, потребовалось бы написать не только значительно большую по объему, но и отдельную книгу, так как, хотя большая стратегия и должна руководить военной стратегией, ее принципы часто противоречат принципам, которые характерны для военной стратегии. Однако именно по этой причине и желательно сказать здесь несколько слов о тех более глубоких выводах, которые вытекают из изучения большой стратегии.

Цель войны - добиться лучшего состояния мира, хотя бы только с вашей точки зрения. Поэтому при ведении войны важно постоянно помнить о тех целях, которых вы желаете достигнуть после войны. Эту истину, лежащую в основе определения Клаузевицем войны как "продолжения политики другими средствами", т.е. продолжения этой политики в течение всей войны и даже в мирное время, никогда нельзя забывать. Государство, которое растрчивает свои силы до полного истощения, делает несостоятельной свою собственную политику и ухудшает перспективы на будущее.

Если вы сосредоточите свои усилия исключительно на том, чтобы добиться победы, не думая о последствиях войны, то можете настолько истощить себя, что окажетесь не в состоянии извлечь для себя выгоду из последующего мира. В то же время послевоенное устройство мира почти наверняка будет неустойчивым, и в нем будут содержаться зародыши новой войны. Это положение в достаточной степени подтверждается опытом.

Риск значительно увеличивается в коалиционной войне. Слишком полная победа в такой войне неизбежно усложнит проблему установления справедливого и разумного мира. Где аппетиты победителей не ограничиваются противостоящей силой, там нет препятствий для возникновения противоречий во взглядах и интересах бывших союзников. Разногласия становятся настолько острыми, что дружба, которая была необходима во время общей опасности, превращается во вражду после устранения этой опасности, так что союзники в одной войне легко становятся врагами в другой.

В результате возникает следующий и более широкий вопрос. Трения, которые обычно появляются между союзниками, особенно когда нет уравнивающей силы, были одним из факторов, приводивших на протяжении всей истории к многочисленным попыткам найти решение этого вопроса в насильственном включении слабой страны в состав более сильной. Но история учит нас, что на практике такое включение означает безраздельное господство одного государства над другими. Хотя и отмечается естественная тенденция к объединению малых групп в одну более крупную, однако при насильственном ускорении этого процесса обычным результатом является крушение планов создания такого обширного политического союза.

Более того, хотя это может показаться идеалистам и прискорбным, опыт истории дает мало оснований для веры в то, что реальный прогресс и свобода лучше всего обеспечиваются при объединении стран. В самом деле, если объединением стран удавалось добиться единства идей, такое единство обычно приводило к стандартизации мышления, мешающей развитию новых идей. Если же объединение создавалось искусственным или насильственным путем, то такое, с позволения сказать, "объединение" вследствие разногласий между его членами неминуемо приходило к распаду.

Жизнь развивается в противоречиях, которые содействуют реальному прогрессу до тех пор, пока существует взаимная терпимость, основанная на признании того, что худшее может наступить скорее в результате попытки подавить противоречия, чем примириться с ними. По этой причине такой мир, который способствует прогрессу, лучше всего может быть обеспечен взаимным сдерживанием, возможным при равновесии сил. Это в одинаковой степени относится как к области внутренней политики, так и к области международных отношений.

Что касается внутренней политики, то английская двухпартийная система достаточно

долго просуществовала, чтобы показать свое практическое превосходство, несмотря на ее теоретические недостатки, над любыми другими известными системами государственного управления. В области международных отношений "равновесие сил" давало положительные результаты до тех пор, пока оно сохранялось. Но частое нарушение равновесия сил в Европе, приводившее к войне, породило в дальнейшем все усиливавшееся стремление найти более правильное решение вопроса об устойчивом мире путем слияния или федерации разных стран. Федерация является более обещающим методом, так как в этом случае предусматривается животворный принцип сотрудничества; слияние же стран поощряет монополизацию власти в руках одной политической группы. А любая монополия власти всегда, как показала история, ведет к положению, подтверждающему знаменитое изречение лорда Актона: "Любая власть продажна, абсолютная власть продажна вдвойне". От этой опасности не застрахована даже федерация, поэтому нужно проявить величайшую заботу, чтобы обеспечить взаимное сдерживание и равновесие сил, необходимые для сохранения органического единства.

Другой вывод, который напрашивается в результате изучения большой стратегии на историческом фоне, заключается в том, что практически необходимо приспособление общей теории стратегии к характеру общей политики государства. Так как имеется существенное различие между целями, которые преследуют агрессивные и неагрессивные государства, должно быть и соответствующее различие в методах, которыми они пользуются при проведении своей политики.

В свете этого различия становится очевидно, что теория стратегии в ее чистом виде, как она в общих чертах изложена в главе XIX, больше подходит государствам, которые преследуют завоевательные цели. В эту теорию необходимо внести изменения, чтобы ею могли пользоваться народы, которые удовлетворены своими государственными границами и беспокоятся главным образом о безопасности и сохранении своего образа жизни. Агрессивному государству, которому свойственна неудовлетворенность существующим положением, нужна победа для достижения его цели, и поэтому оно должно идти на больший риск в своих действиях. Неагрессивное государство может достичь своей цели простым принуждением агрессора отказаться от попытки захвата, убедив его, что "игра не стоит свеч". Победа такой страны фактически достигается расстройством планов агрессивной страны на достижение победы. Пытаясь достигнуть большего, неагрессивная страна может причинить себе значительный ущерб, истощив себя до такой степени, что окажется неспособной устоять против других врагов или преодолеть внутренний кризис в результате перенапряжения своих усилий. Большинство государств погибло скорее от самоистощения в войне, чем в результате действий противника.

Взвесив все эти факты, можно прийти к выводу, что проблема неагрессивной страны состоит в том, чтобы отыскать такую форму стратегии, которая годилась бы для осуществления свойственной этой стране более ограниченной цели наиболее экономным способом, с тем чтобы застраховать себя от возможных неприятностей и в настоящее время, и в будущем. На первый взгляд может показаться, что оборона является наиболее экономным методом ведения войны. Но это означает, что пришлось бы придерживаться позиционной обороны, которая, как свидетельствует опыт истории, служит чрезвычайно ненадежным средством. Экономия сил и успех лучше всего обеспечиваются сочетанием оборонительных и наступательных действий, основанных на высокой подвижности, дающей возможность наносить быстрые мощные контрудары.

Примером может служить Восточная Римская империя. Там такая активная оборонительная стратегия была тщательно продумана и положена в основу военной политики, чем во многом объясняется факт непревзойденного по длительности периода существования этой империи. Другой пример - Англия, применявшая скорее интуитивно, чем сознательно стратегию, опиравшуюся на морскую мощь, в войнах с XVI по XIX в. включительно. Об эффективности этой стратегии свидетельствует то, что силы Англии в войнах этого периода росли вместе с ее общим ростом, в то время как соперники Англии

поочередно терпели поражения в результате самоистощения в войнах, что объяснялось чрезмерным желанием этих стран добиться быстрой победы.

Множество разрушительных войн, в которых противники взаимно истощали свои силы, и больше всего Тридцатилетняя война, заставили государственных деятелей XVIII в. понять, что для достижения цели в войне необходимо держать в узде честолюбие и страсти. Понимание этого породило тенденцию к ограничению военных действий, т. е. стремление избежать излишних потерь, которые могли бы отрицательно сказаться на послевоенных перспективах. С другой стороны, оно побуждало воюющие стороны более охотно идти на мирные переговоры, если перспективы победы казались им сомнительными. Честолюбие и страсти государственных деятелей воюющих стран часто уводили их настолько далеко в сторону от их цели, что после заключения мира эти страны оказывались слабее, чем были до войны. Однако государственные деятели научились не доводить свои страны до полного истощения. Оказалось, что наиболее удовлетворительное мирное урегулирование, даже для более сильной стороны, достигается в результате мирных переговоров, а не решительных военных действий.

Это постепенное осознание рамок, присущих войнам, продолжалось вплоть до Великой французской революции. Революция поставила у власти людей, которые были новичками в искусстве управлять государством. Директория и ее преемник Наполеон, ведя войну за войной, в течение 20 лет гонялись за призраком длительного мира. Однако эта погоня не привела их к цели, а только усилила истощение Франции и обусловила в конечном счете ее полный разгром.

Банкротство Наполеоновской империи напомнило о печальном опыте прошлого. Однако процесс осознания этого опыта был ослаблен закатной дымкой наполеоновской славы. Урок был забыт, и ошибка снова повторилась в войне 1914-1918 гг. у Но даже после горького опыта Первой Мировой войны государственные деятели периода Второй Мировой войны не стали умнее.

Хотя война и противоречит здравому смыслу, так как является средством решения вопросов силой, когда переговоры не приводят к положительному результату, однако ведение войны должно контролироваться разумом, если хотят, чтобы цель войны была достигнута. Это объясняется тем, что:

1) хотя сражение представляет собой физический акт, управление им осуществляется умом человека; чем совершеннее ваша стратегия, тем легче и меньшей ценой вы добьетесь победы;

2) чем больше сил вы затратите напрасно, тем выше риск того, что война обернется против вас; если даже вам удастся победить, вы будете иметь меньше сил, чтобы отстоять собственные интересы после войны;

3) чем более жестокие методы вы применяете, тем сильнее ожесточите своих противников, что, естественно, приведет к усилению сопротивления, которое вы пытаетесь преодолеть; таким образом, чем равнее силы, тем разумнее избегать крайних мер, которые приводят к сплочению войск противника и его парода вокруг своих лидеров;

4) чем настойчивее вы навязываете ваши условия мира путем завоеваний, тем большие затруднения создадите на своем пути;

5) если вы достигнете вашей военной цели, то чем больших уступок вы будете требовать от побежденной страны, тем скорее возбудите у нее стремление попытаться силой изменить сложившееся положение вещей.

Сила - это порочный круг, или, вернее, спираль, если применение силы не контролируется здравым расчетом. Таким образом, война, которая начинается с отрицания разума, снова восстанавливает разумное начало на всех этапах борьбы.

Боевой дух необходим для того, чтобы добиться успеха на поле боя. Однако солдат, продолжающий сохранять хладнокровие в бою, обладает преимуществом над солдатом, ослепленным яростью, который в силу этого должен находиться всегда под неослабным контролем. Государственный деятель, который дает волю своим чувствам, тем самым теряет

контроль над собой. Такой государственный деятель не может руководить страной и нести ответственность за ее судьбу.

Победа в ее истинном значении подразумевает, что послевоенное устройство мира и материальное положение народа должны быть лучше, чем были до войны. Такая победа возможна только в том случае, если будет достигнут быстрый результат или если длительные усилия будут экономно расходоваться в соответствии с ресурсами страны. Цель должна соответствовать средствам. Потеряв благоприятную перспективу добиться такой победы, благоразумный государственный деятель не упустит удобного момента для заключения мира. Мир, заключенный благодаря тому, что создалось безвыходное положение для обеих сторон, и основанный на обоюдном признании каждой стороной силы противника, по крайней мере предпочтительнее мира, заключенного в результате общего истощения, и часто создает более прочные основы для длительного мира после войны.

Благоразумнее идти на риск войны ради сохранения мира, чем подвергать себя опасности истощения в войне ради достижения победы - вывод, который противоречит привычке, но подкрепляется опытом. Настойчивость в войне будет оправдана только при хороших шансах на хороший конец, т. е. при перспективах на установление такого мира, который компенсирует человеческие страдания, перенесенные в борьбе. Глубокое изучение опыта прошлого показывает, что государства часто могут подойти ближе к своей цели, если воспользуются затишьем в борьбе для урегулирования спорных вопросов путем переговоров, а не будут стремиться продолжать войну до "победы".

История показывает также, что во многих случаях можно было заключить выгодный мир, если бы государственные деятели воюющих стран проявили большее понимание психологии человека, зондируя почву для заключения мира. Часто государственные деятели оказываются в таком же положении, которое создается во время обычной домашней ссоры. Каждая из спорящих сторон боится показаться уступчивой, а когда одна из них наконец проявляет склонность к примирению, выражая это обычно слишком принужденным языком, другая сторона не идет ей навстречу отчасти из ложного чувства гордости или упрямства, а отчасти из-за того, что считает такой жест проявлением слабости другой стороны. На самом деле уступчивость другой стороны, скорее всего, является свидетельством ее обращения к здравому смыслу. Таким образом упускается удобный момент для примирения и ссора продолжается, принося вред обеим сторонам. Редко продолжительная ссора приносит пользу там, где обе стороны вынуждены жить под одной крышей. Еще в большей степени, чем при домашней ссоре, это положение остается в силе в современной войне, поскольку промышленное развитие стран связало их судьбы. Поэтому-то государственные деятели несут ответственность за то, чтобы в погоне за "миражом победы" никогда не терять из виду перспективу послевоенного устройства мира.

Когда обе стороны равны по силам и ни одна не может рассчитывать на успех, благоразумие проявит тот государственный деятель, который использует психологическую сторону стратегии. Элементарный принцип стратегии заключается в том, что если противник занимает сильную позицию, преодоление которой потребует больших жертв, то вы должны оставить ему свободным путь для отступления, так как это вернейший способ ослабить его сопротивление. Это требование в одинаковой степени относится и к политике, особенно в войне. Чтобы добиться успеха, вы должны снабдить вашего противника лестницей, с помощью которой он мог бы спуститься вниз.

Может возникнуть такой вопрос: применимы ли эти выводы, сделанные на основе изучения истории войн между так называемыми цивилизованными государствами, к условиям, свойственным возрожденным в наше время чисто грабительским войнам, которые велись варварами против Римской империи, или смешанным религиозным и грабительским войнам, которые велись фанатическими последователями Магомета? И таких войн любой заключенный мир является весьма ненадежным. Опыт истории весьма убедительно свидетельствует, что государства доверяли друг другу постольку и до тех пор, пока это соответствовало их интересам. Но чем меньше государство считается с моральными

обязательствами, тем больше оно склонно уважать физическую силу и тем сильнее остерегается бросать ей вызов из опасения, что он не останется безнаказанным. Точно так же и с людьми. Скорее мирный человек будет защищаться от более сильного драчуна, набросившегося на него, чем хулиган или жулик отважится напасть на человека, не уступающего ему по силе

Наивно полагать, что от агрессивных действий человека или государства можно откупиться, или, говоря современным языком, умиротворить агрессора, так как поблажка только разжигает его аппетит. Но агрессоров можно обуздать. Сама вера в силу делает агрессивные страны более чувствительными к устрашающему воздействию более крупной противостоящей силы. Этим достигается достаточное сдерживание агрессии, за исключением случаев возможного столкновения с чистым фанатизмом. Фанатизм нельзя смешивать с агрессивностью.

Если с захватчиками трудно договориться о настоящем мире, то побудить их согласиться на перемирие легче. Истощение при этом будет гораздо меньше, чем при попытке их сокрушить, когда они, как склонны все люди, будут проявлять мужество отчаяния.

История дает достаточно доказательств того, что цивилизованные государства терпят поражение не столько вследствие нашествия врагов, сколько от внутреннего разложения и истощения в результате войны. Состояние неопределенности весьма мучительно, оно часто приводило как страны, так и отдельных лиц к самоубийству. Однако неопределенность все же лучше, чем истощение в результате погони за призраком победы. Кроме того, перемирие позволяет восстановить и развить силы, тогда как необходимость проявления бдительности заставляет страну находиться все время в напряженном состоянии. Однако мирные страны могут поставить себя под ненужную угрозу, потому что, поднявшись на войну, в большей мере склонны доводить ее до крайностей, чем агрессивные страны. Последние, ведя войну с захватнической целью, обычно легче отказываются от нее, как только убедятся, что противник оказался слишком сильным. Довести схватку до конца старается только боец, поневоле побуждаемый чувствами, а не трезвым расчетом. Поэтому он часто не достигает своей цели, даже если и не потерпит прямого поражения. Ведь дух варварства может быть ослаблен только во время перемирия; война же укрепляет его, подливая масло в огонь.

Примечания

1 Маневры с выходом в тыл противнику (франц.).

2 Статистические данные об упоминающихся Б. Г. Лиддел-Гартон сражениях и операциях (хронология, сражающиеся стороны, соотношение сил, исход, потери сторон) приведены в Приложении 1. Там же читатель найдет развернутые комментарии, иногда критические, к авторскому тексту.

3 Фридрих Великий (1712-1786), король Пруссии.

4 В молодости Филипп провел три года в Фивах в качестве заложника, когда слава Эпаминонды была в зените, и опыт, приобретенный Филиппом в течение этого времени, может быть легче всего прослежен в последующей тактике македонской армии.

5 В самом начале вторжения в Азию Александр романтически воспроизвел гомеровское предание о походе против Трои. В те времена, когда его армия ожидала переправы через Дарданеллы, сам Александр с отборным отрядом высадился под Илионом, в том самом месте, где, по преданию, во время Троянской войны греческие корабли причалили к берегу, а затем направился к месту расположения мифического города, совершил жертвоприношения в храме Афины, инсценировал бой и произнес речь над предполагаемым погребальным курганом Ахиллеса, считавшегося его предком. После выполнения всех этих символических обрядов он вернулся в свою армию, для того чтобы начать войну.

6 С этим утверждением автора трудно согласиться. Прежде чем "поднять кельтов" Цизальпийской Галлии, нужно было совершить длительный марш по территориям, населенным враждебными племенами. Потери карфагенян на этом этапе были очень значительны, и галльское пополнение (с учетом его не слишком высокого боевого качества)

едва ли компенсировало их. Однако, создав промежуточную базу в Северной Италии, Ганнибал в некоторой степени обесценил стратегический эффект господства римлян в Сицилии.

Разумеется, Б. Лиддел-Гарт прав, утверждая, что римское превосходство на море не могло помешать Ганнибалу высадить армию на Апеннинском полуострове. Однако до тех пор, пока Сицилия находилась в руках римлян, эта армия неизбежно оказывалась стратегически изолированной и ее действия не могли иметь серьезной перспективы. Собственно, господство римлян на море в том и проявлялось, что Карфаген не мог оспаривать у Рима Сицилию, которая стратегически "затеняла" Италию и сковывала все возможные прямые действия пунийцев на полуострове. (См. также Приложение 1.)

7 Конечно, все боевые искусства чем-то похожи, и с этой точки зрения можно сравнить классическую симметричную операцию на окружение, осуществленную Ганнибалом, с Саламинским боем, оперативная схема которого нам в общем-то неизвестна, и с японской народной борьбой...

8 Вероятно, все-таки Веллингтон создал свою оборонительную линию по типу укреплений Сципиона.

9 Данная сентенция выражает точку зрения общепринятую, но не очевидную.

10 Имеются в виду герои повести Роберта Луиса Стивенсона "Странная история доктора Джскила и мистера Хайда".

11 современное название Гресси. - Ред.

12 Иоанн Безземельный (1167-1216).

13 современное название Ажанкур. - Ред.

14 Стратегия и тактика монголов подробнее рассматривается в вышедшей ранее книге автора "Деяния великих полководцев", которая в 1927 г была одобрена в качестве учебника для механизированных войск.

15 Великого монарха (франц.).

16 До тех пор пока Мальборо окончательно не покинул долину Рсиа, он всегда имел возможность быстро вернуться назад во Фландрию по реке, погрузив войска в лодки, которые были для этой цели собраны. Это являлось дополнительной причиной, отвлекавшей внимание французского командования.

17 Непреодолимыми (лат.)

18 Спасайся, кто может (франц.).

19 Последний завершающий удар (франц.).

20 Причиной больших потерь были прежде всего слишком глубокие колонные построения - дивизионные, а иногда и корпусные каре.

21 События мировых войн прокомментированы в Приложении 1 (статья "Мировая война и кризис европейского военного искусства").

22 Работы Грапмсона являются примитивизацией хорошо разработанной военно-психологической доктрины Ф. Фоша.

23 Наступать во что бы то ни стало (франц.).

24 Совершившийся факт (франц.).

25 Те, кто позже выступал против самой мысли о возвращении Германии некоторых захваченных у нее колоний, беспокоясь о том, что эти колонии могут стать источником опасности, забыли принять во внимание косвенную ценность для Англии таких районов, где она в случае войны может быстро достичь успеха, чтобы ослабить угнетающее действие успехов противника на европейском театре и помочь восстановить престиж, который эти успехи могли бы подорвать. Психологическое значение таких контрмер никогда не следует упускать из виду, особенно морской державе.

Более того, наличие у континентального государства легкоуязвимых заморских территорий обязывает его сдерживать свои агрессивные стремления. Это можно продемонстрировать на примере Италии, которая долго колебалась, вступать ли ей в войну, начавшуюся в 1939 г., колебалась до тех пор, пока победа ее союзника стала казаться вполне

определенной. Создание баз на чужих территориях является сдерживающим фактором для обуздания аппетита агрессора, хотя и не может полностью гарантировать от агрессии.

26 Центральная Европа (нем.)

27 Это не соответствует фактам. На арденнском направлении в полосе шириной 150 км германское командование сосредоточило превосходящие силы - в первом эшелоне два танковых корпуса и три общевойсковые армии (4-я, 12-я и 16-я) (всего 44 дивизии) и во втором эшелоне 2-я армия. - Прим. ред.

28 Это зависело от формы разгрома. "Освобождение" Западной Европы при помощи стратегических бомбардировщиков, конечно, не могло привести к миру "лучшему, нежели довоенный". Гитлер применил Искусство. Союзники смогли ответить лишь мощью.

29 В танковую армию "Африка" входили все немецкие и итальянские танковые войска, действовавшие в Африке, в том числе и африканский корпус Роммеля.

30 Командир 4-й бронетанковой дивизии армии Паттона генерал Вуд стремительно наступавший в первом эшелоне через Сену (севернее Парижа), донося о боевых действиях своей дивизии после прорыва обороны немцев в районе Авранша, отметил: "Успехи союзников показывают, как много можно добиться, придерживаясь следующих основных принципов: 1) решительности действий; 2) не прямых действий".

31 Разрабатывать операции в двух вариантах.

32 При прочих равных условиях (лат.).

33 Факторов, не поддающихся учету (лат)